

Д.А. Сафонов

**За страницами
учебника по истории
Оренбуржья**

Оренбург
2011

Оглавление:

1. Кто и как изучал оренбургскую историю.....	4
2. Учебники по истории нашего края.....	20
3. Понятие Оренбургского края и его границ.....	31
4. «Отечества отцы»: оренбургские губернаторы.....	39
5. Оренбуржье и башкиры.....	50
6. Оренбуржье и казахи: взаимоотношения на протяжении веков.....	71
7. Татарская составляющая оренбургской истории.....	82
8. «Славный мятежник».....	87
9. Три дня в сентябре: Пушкин и Оренбуржье.....	107
10. Тайны Оренбургского тайного общества.....	132
11. Караван-Сарай: символ и памятник архитектуры.....	143
12. Народники.....	159
13. Первая революция и наш край.....	168
14. В Оренбурге установлена Советская власть!.....	174
15. «Мятеж» и «диктатура» атамана Дутова.....	184
16. Гражданская война: создание мифа.....	195
17. Переименования в Оренбуржье.....	216
18. События, изменившие оренбургскую историю. Варианты.....	235

«Понять – значит упростить».

Д. Строгов. «Дорога дорог»

К читателю

Преподавание истории родного края – вещь сегодня чрезвычайно нужная и чрезвычайно трудная. Почему нужная – полагаем, комментарии не требуются; а вот трудная – поскольку для реализации этой задачи нужно соответствующее информационное обеспечение. И не только собственно учебник, но и дополнительный материал – ведь учитель должен знать значительно больше, нежели написано в самом лучшем учебнике. А вот как раз с обеспечением у нас далеко не все благополучно. Но не будем спешить с поиском виновных. Все не так просто. Не будем забывать, что местный материал должен войти составляющей в общефедеральный курс истории; а это значит, что противоречий между ними быть не должно. Кроме того, при общем сокращении часов на преподавание истории шансов на расширение курса истории местного края нет никаких – дай Бог сохранить то, что есть. Отсюда выходит, что перед нами встает серьезная задача при минимуме учебного времени дать максимум новой информации. Как этого можно добиться? Пересказать попроще, подходчивее? Но события, о которых идет речь, многоплановы, много нюансов, тонкостей, требующих уточнений, разъяснений. Возможно, что именно по причине стремления к краткости и получилось в итоге, что тексты существовавших учебников по истории родного края порой оказывались похожими – поскольку исходные факты были, естественно, одни и те же. Излагать поинтереснее, поподробнее? Так, кажется, гораздо перспективнее и результативнее. Но это только кажется: каждый, кто когда-либо вел урок, знает по себе, что если попытаешься заняться разъяснениями или уточнениями, дополнительными пояснениями и приведением самых интересных примеров, то тебе катастрофически не хватит учебного времени.

В оренбургской истории, как впрочем, и в любой иной, масса сложностей, «белых пятен», спорных моментов, дискуссионных аспектов. Мы поставили целью рассказать подробнее по отдельным сюжетам, чтобы показать определенную запутанность некоторых из них, всю сложность упрощенного объяснения.

Мы ориентируемся на тех, кому предстоит учить – чтобы учитель получил пищу для размышлений и собственных рассуждений, и не был заложником готовых упрощенных выводов. Но также и на тех, кому интересна оренбургская история – и необязательно школьного возраста.

Конечно же, сюжеты в данной книге не исчерпывают всех проблем – это только начало. В конце приложением мы даем достаточно нетрадиционный вариант изложения нескольких эпизодов оренбургской истории в духе альтернативной истории – ранее эти статьи публиковались в одном из бизнес-журналов области.

Глава 1. Кто и как изучал оренбургскую историю

Исторические исследования вещь не вневременная. Карамзин со своей «Историей» в начале XIX века был как бы эталоном, но уже в середине века – он считался архаичным и потому устаревшим. И это нормально и объяснимо: изменяются уровни обобщения, требования к логике изложения, даже языку. Поэтому любую работу на историческую тему следует оценивать в контексте своего времени, с учетом исторических реалий, конкретных условий. Исторические исследования, как нам представляется, в самой общей форме могут быть трех уровней, как бы трех условных поколений: 1. Накопление данных – прежде всего реставрация хода исторических событий, исторического процесса. Складывание концепции. 2. Дополнение / уточнение / исправление имеющихся данных. Корректировка концепции. 3. Аналитический уровень. При этом ни один уровень не может быть достигнут без наличия предшествующего.

На протяжении XVIII – XIX веков Оренбуржье было глухой провинцией, без академических центров, а значит – без академической школы исследований. И только перед самой революцией заговорили о высшем учебном заведении. А. Словохотов разразился брошюрой на тему о праве Оренбурга на вуз¹ – но показательно, что суть его рассуждений свелась к тому, что Оренбург «имеет право» на простой технический вуз, но никак не академический.

В общем-то временное пребывание в крае отдельных ученых-специалистов – таких, как например, востоковеды Григорьев, Вельяминов-Зернов – погоды не делало и на общую картину с исторической наукой в Оренбуржье почти не влияло. Отсутствие подлинно серьезных ученых имело следствием явное преувеличение значимости тех, что были в наличии – придание незаслуженной славы тому или иному автору или той или иной работе. Впрочем, в этом была даже определенная логика: с одной стороны – иных «лучших» все равно не было, а с другой – и то, что делалось, для Оренбурга было достижением.

Первым историком края совершенно заслуженно считается Петр Иванович Рычков (1.10.1712 – 15.10.1777). В 1734 году он был приглашен И.К. Кириловым в качестве бухгалтера в Оренбургскую экспедицию. Во время экспедиции Рычков начал увлекаться научными занятиями. Как бухгалтер он оказался крайне некомпетентен; достаточно скоро был от дел бухгалтерии отстранен и практически занимался канцелярией. Понимание значимости происходящих событий, участником и очевидцем которых был Рычков, знакомство с историей, этнографией, географией этого неизученного региона страны определили круг его научных интересов. Всего он прожил в Оренбургском крае более 40 лет. Первой его научной работой было описание деятельности Оренбургской экспедиции и связанных с нею событий, завершленное в августе 1744 г. – в настоящее время известна как «История Оренбургская». В 1750 г. он завершил другое сочинение исторического характера – «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются, собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания». В.Н.Татищев, ознакомившись с этой работой в 1749 г., включил часть материалов из нее в первую книгу своей «Истории российской». Сам Рычков широко использовал «Краткое известие о татарах» при написании «Топографии Оренбургской». В 50-х гг. у него возникла мысль написать большую работу по истории российской коммерции, причем под коммерцией он понимал не только торговлю, но фактически все отрасли народного хозяйства. В итоге ему удалось написать лишь своеобразные наброски, озаглавленные «Переписка между двумя приятелями о коммерции» (опубликована в 1755 в академическом журнале Г.Ф.Миллера «Ежемесячные

---

¹ Словохотов А.А. Исторические права Оренбурга как центра целого края на высшее учебное заведение. Труды ОУАК. Вып. XXXIV. 1917.

сочинения...»). В ней давался краткий очерк коммерции на Руси с древних времен до середины XVIII в.

За «Топографию Оренбургскую» академик Г.Ф.Миллер предлагал избрать Рычкова в действительные члены Академии наук. М.В.Ломоносов, полагавший, что академиком можно стать, имея основательную научную подготовку, и в частности, знание латинского языка, - предложил учредить для провинциальных самоучек, к которым относил Рычкова, звание академического корреспондента. 29.1.1756 г. Рычков официально стал членом-корреспондентом Академии наук.

Весной 1760 г. Рычков оставил службу в губернской канцелярии и уехал из Оренбурга на жительство в свое имение Спасское. Здесь он всецело отдался исследовательской работе и заботам о хозяйстве – построил медеплавильный и винокурный заводы, завел большую пасеку, стремился улучшить хлебопашество. Много сил и средств требовало содержание большой, многодетной семьи (от первого брака было одиннадцать детей, от второго – девять).

В 1766 г. он совершил поездку в столицу и при содействии академика Миллера был представлен 12 марта императрице Екатерине II. Исследователь преподнес ей только что опубликованный труд «Опыт Казанской истории древних и средних веков».

Кроме этого произведения в 60-е годы Рычков написал десятки статей по экономике и географии Оренбургского края, которые помещал в «Трудах» Вольного экономического общества, членом которого стал в год его возникновения (1765). С 1766 по 1773 гг. он опубликовал свыше 30 статей, некоторые из которых были награждены медалями общества. Из них выделяется обстоятельное «Описание илецкой соли» (1772), содержащее исторический и географический очерк промысла, «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии» (1766), «О содержании пчел» (1768). В 1771 г. Рычков описал историю калмыков и их ухода за предел российского государства; в 1774-м были подготовлены исторические очерки – «экстракты» - о башкирском и казахском народах. В 70-х годах XVIII в. Рычков занялся историей крестьянских войн. Находясь в осажденном пугачевцами Оренбурге, он в октябре 1773 года подготовил работу «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани». Осада Оренбурга, очевидцем которой был Рычков, побудила его заняться описанием событий Пугачевщины – итогом было создание «Летописи», более известной как «Осада Оренбурга». Последним трудом стал двухтомный «Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии», созданный в 1776–1777 гг. и ставший итогом многолетней исследовательской работы.

Основные исторические труды по оренбургской истории - «История Оренбургская», «Топография Оренбургская», «Описание осады Оренбурга» - в целом описательны, с элементами мемуарного характера. Созданы они были в духе современных требований к сочинениям подобного рода. Труды Рычкова есть типичные работы 1-го поколения. Безусловная заслуга Рычкова заключается прежде всего в том, что в достаточно нестабильных условиях основания Оренбурга и первоначального освоения края он был единственным, кто бережно собрал и тем самым сохранил интереснейшую информацию. Он подверг первичной обработке огромный объем сведений, который был ему доступен, и в итоге создал обзоры, сыгравшие роль стартовых для всех последующих исследований.

Работы других авторов, появившиеся «после» Рычкова, тоже были прежде всего собраниями данных и носили прикладное значение: изучение казахской степи, Средней Азии (например, А. Левшин).

Традиционно, как определенная веха, выделяется книга В. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении», изданная в Уфе в 1859 г. Она была представлена на конкурс, проводимый ученым комитетом Министерства государственных имуществ, под девизом «И дым отечества нам сладок и приятен!» и удостоена золотой медали. Иными

словами – работа была заказной. Ее задачей было показать успешное существование государственных крестьян края. Черемшанский пользовался материалами статкомитета, членом которого он был. Перепроверять данные он, преподаватель истории Уфимской духовной семинарии, не имел возможностей – таковых не было даже у гражданского губернатора! Тем не менее, цифровые данные книги Черемшанского и сегодня используются историками без каких-либо критических замечаний и сомнений. В заслугу автору следует поставить то, что он не дал пропасть большому количеству сведений, поступивших в комитет с мест, но оставшихся неиспользованными, поскольку они выходили за рамки требований губернаторских отчетов. Но насколько все эти собранные неизвестно как и кем данные точны, проверить, разумеется, не представляется возможным.

Конец XIX – начало XX вв. – время сосредоточения исторических исследований в рамках научных обществ. В 1868 г. был открыт Оренбургский Отдел Императорского Российского Географического общества, нацеленный на изучение края и получение практической пользы от исследований. В сборниках Отдела помещались этнографические заметки о казахах, башкирах, казаках, чувашах, черемисах. Из работ, которые можно отнести к историческим, можно отметить сочинения А.Е. Алекторова «Очерки внутренней киргизской орды»², И. Крафта «Принятие киргизами русского подданства»³, А.И. Добросмыслова «Тургайская область».⁴ Даже из названий видно, что основное внимание уделялось изучению Казахстана и Средней Азии.

В декабре 1887 г. была создана Оренбургская ученая архивная комиссия. Задача ее были сугубо прикладная – разбор архива ликвидированного генерал-губернаторства. Типично по-русски финансирование было более чем скромным, а потому ставка делалась на энтузиазм и добровольное содействие местных любителей истории. Таковые, в основном преподаватели разных учебных заведений и чиновники, разбирали бумажные завалы, попутно знакомясь с содержанием разных документов. В общем неудивительно, что постепенно они стали знакомить со своими находками – сначала друг друга, зачитывая рефераты на собраниях ОУАК, затем более широкие слои оренбуржцев – через публикации рефератов в местной прессе. И, наконец, были созданы «Труды» ОУАК, которых, до 1917 года включительно, вышло 35 выпусков. Мы далеки от восторгов, которыми почему-то принято сопровождать рассказ о трудах членов комиссии. Значительная их часть – повествовательный рассказ о том или ином интересующем автора сюжете, базирующийся на архивном деле, иногда даже не называемом. В некотором смысле это можно было бы назвать публикациями, если бы авторы их владели хотя бы некоторыми навыками и соблюдали элементарные правила цитирования и оформления ссылок. К такого рода «исследованиям» следует отнести, например, все работы И. Шукшинцева: «Из неизданных произведений Державина»; Первая частная женская школа в Оренбурге» (Вып.V), «Сведения и предания о курганах Оренбургской губернии» (Вып.VI), «К истории Пугачевского бунта (неизданные материалы)» (Вып. IX), «Первые врачи из башкир в Оренбургском крае», «Волнения в Башкирии в 1835 году» (Вып. XI) и др. Достаточно посмотреть на их названия, чтобы понять, что подобное многообразие сюжетов вызвано прежде всего найденными делами, а не научными интересами автора.

В 1913-1917 гг. столь же активно публиковался Н. Модестов. Его работы были на уровень выше. Они были посвящены пребыванию в Оренбурге известных деятелей – Ф. Зана, В. Даля, К. Зеленко⁵, а также Табынской иконе Божьей матери.⁶ Метод работы во

² Известия ОО ИРГО. Выпуски 2,3.

³ Известия ОО ИРГО. Выпуск 12.

⁴ Известия ОО ИРГО. Выпуски 15,16,17.

⁵ Владимир Иванович Даль в Оренбурге (Вып. XXVII); Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге (Вып. XXVIII); Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге (Вып. XXXV).

⁶ Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией матери. Крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии (Вып. XXXI).

всех случаях был один - собирание всех данных, которые были доступны и компилирование из них связного рассказа. По отдельным найденным им в архиве делам создавались «исторические очерки», составившие самостоятельный выпуск «Трудов»⁷. Очередные очерки публиковались и в последующих выпусках.⁸

Появлялись статьи т.н. «казачьей тематики» Ф.М. Старикова⁹ и С.Н.Севастьянова¹⁰. Отдельные сюжеты церковной истории разрабатывались Н.М. Чернавским: «Спасо-Преображенский храм в Оренбурге»; «К 150-летию Спасо-Преображенского храма» (Вып. IX), «Неудавшаяся попытка к учреждению женской общины в с. Михайловском Оренбургского уезда» (Вып. XI) и др. Определенным итогом трудов следует считать книгу «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем» (Вып. VII, X).

Членами ОУАК велись археологические изыскания, итоги которых отражались на страницах «Трудов»: это статьи А. Аниховского¹¹, А. Попова¹², И. Кастанье¹³. Кроме того последним были написаны достаточно большие работы, составившие самостоятельные выпуски: «Древности киргизской степи и Оренбургского края» (Вып. XXII) и «Надгробные сооружения киргизских степей» (Вып. XXVI).

Также самостоятельными выпусками были изданы книги А.И. Добросмыслова «Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г.»¹⁴, Л.А. Словохотова «Народный суд обычного права киргиз Малой Орды»¹⁵, врача А.В. Попова «Холера 1829-33 годов в Оренбургском крае».¹⁶

Из всех выпусков «тематическим» можно назвать только один – вып. XII «К 200-летию юбилею русской прессы» (1903). Основной блок был написан П.Н. Столпянским («Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае» и др.). Прочие авторы (за исключением Чернавского, написавшего о церковной печати) ранее к подобным темам не обращались и потому их статьи – описание содержания того или иного местного издания.

В итоге усилиями членов ОУАК был создан основной массив публикаций, ставший основой на многие десятилетия.

Деятельность научных обществ была определяющей, но не исключавшей самостоятельную творческую, прежде всего поисковую работу. Назовем основные крупные труды этого периода и их авторов.

В 1889-1897 гг. проживавший в Казани учитель В. Витевский опубликовал по частям (в пяти выпусках) книгу «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его

---

⁷ Из недавней оренбургской старины: исторические очерки (Вып. XXXII).

⁸ «Шевченко, как бытописатель и историк Оренбургского края» (Вып. XXXIII); «К вопросу о надписи на доме Кутиной в память Т.Г. Шевченко» (Вып. XXXIV); «Основание г.Оренбурга и первоначальное благоустройство его (по донесению ст. сов. Ивана Кирилловича Кирилова в св.Синод)»; «Последние дни жизни императора Александра I-го и его кончина в Таганроге (по письму камердинера Петра Папкова к московскому коменданту Н.Н. Вережкину)»; «Царский подарок новорожденному»; «Как он стал эмигрантом» (Вып. XXXV).

⁹ Сведения о предметах старины в поселках III военного отдела Оренбургского казачьего войска (Вып. IV)

¹⁰ История Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (Вып. V), «Биографическая заметка о графе П.П.Сухтелену, Оренбургском военном губернаторе» (Вып. IX), «К вопросу об образовании Оренбургского казачьего войска» (Вып. XXX).

¹¹ «Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской губернии»; «Раскопка древних курганов-могильников в Актюбинском уезде» (Вып. XIV); Раскопка кургана в пос.Красногорском (Вып. XVI).

¹² «Несколько слов по археологии Тургайской и Уральской области», «Исследование последних курганов в Бердинской горе», «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи» (Вып. XVI).

¹³ «Отчет о раскопках курганов в имении г. Биберштейна» (Вып. XVI), «Отчет о раскопках кургана в Актюбинском уезде летом 1909 г.» (Вып. XXIII), «Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г.» (Вып. XXIX) и др.

¹⁴ Вып. VIII.

¹⁵ Вып. XV.

¹⁶ Вып. XXI.

составе до 1758 г.». Она производит сложное впечатление. Впечатляют объем – почти тысяча страниц, и упорное стремление автора довести работу до конца. Вызывает некоторое неприятие корявое название работы, что еще более усиливается после ознакомления с текстом, поскольку название и содержание расходятся между собой. Уже после выхода первого выпуска рецензент «Журнала министерства народного просвещения» указал, что более точным было бы название «Оренбургский край до 1758 г. и его организатор...». Замечание Витевский признал справедливым, но менять ничего не стал. В своей работе он явно подражал С. Соловьеву. Столь же эмоционально, как и предшественник¹⁷, он именовал Неплюева – «Петром Великим Оренбургского края», Рычкова – «Колумбом Оренбургского края». В пользу этого говорят и приемы использования источников и попытки стилизоваться под манеру изложения. Я назвал Неплюева Петром, - рассуждал автор, - а поскольку Соловьев писал, что чтобы правильно судить о Петре, необходимо знать предшествующую Петру эпоху, то и мы начинаем издалека.¹⁸ Настолько издалека, что о Неплюеве в Оренбуржье (иначе говоря, непосредственно по теме) речь заходила только в третьем выпуске. Свою работу Витевский, по его же выражению, «составил», переписывая большими кусками текст «Истории» Соловьева и некоторых иных. На упрек рецензента он наивно отвечал, что не видит в этом ничего дурного: и Соловьев обширно цитировал архивные дела, да и не бесполезно использовать его сочинение - оно «не такое дешовое и доступное».

Определяющий тезис: Россия осуществляла свою миссию на востоке – присоединение казахов есть неизбежность¹⁹ и даже «долг» (!) России.²⁰ Концептуально автор так и не овладел материалом – постоянно говоря об Оренбургском крае, он тем не менее, явно не представлял себе, что собственно этот край в себя включал.

Под пером любителя истории на страницах книги был создан сусальный облик «ученика и любимца Преобразователя» (Петра)²¹. Схема изложения более чем проста – до Неплюева все было плохо, с его приездом становилось все лучше и лучше. Все заслуги, все успехи приписывались только одному человеку. Даже неприглядные деяния его автор снисходительно прощал, стараясь объяснить: да, Неплюев прибегал к подкупу и обману, но «заботясь о благе отечества».²²

Совершенно антиисторично Витевский делал заявления, что будь Неплюев жив, то он «не допустил бы» ни бегства калмыков в Китай, ни «резни яицких казаков», ни участия их в Пугачевщине. Автор был убежден, что тот даже «изловил бы кровожадного ворона, Пугачева».

В советский период под пером местных краеведов утвердилась крайне высокая – и на наш взгляд, незаслуженно высокая – оценка данного труда. Ю.С. Зобов оценивал его

---

¹⁷ Напомним: Соловьев называл И.Кирилова «оренбургским основателем, открывшим Новую Россию».

¹⁸ «Биография Неплюева должна была сделаться как-бы фоном или большой рамой огромной картины истории Оренбургского края со времени его приобретения Россией до 1758 года, когда перестал управлять им Неплюев» (Витевский В.В. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. С.ХІІІ.)

¹⁹ «Россия рано или поздно должна была подчинить себе этот кочующий народ [казахов]» [Там же. С.135].

²⁰ «Вследствие исторических комбинаций и географических условий, Россия должна была принять на себя решение трудной мировой задачи по отношению к тюрко-татарским племенам: сначала ей пришлось быть оплотом европейской цивилизации от мусульманского фанатизма и восточного варварства, а потом она же явилась насадительницей европейской культуры среди этих варваров и провозвестницей Евангельского учения»... [Там же. С.118.] .

²¹ «По нашему убеждению, основанному на долговременном изучении его жизни и деятельности, был великий государственный муж, самоотверженно служивший благу отечества, строгий и неуклонный блюститель действовавших при нем законов и порядка, полезный и счастливый администратор-инициатор, искусный инженер, ловкий и находчивый дипломат, добрый и попечительный отец и начальник, гуманнейший человек, верный сын Св. Церкви и русских Царей и Цариц, смиренно и глубоковерующий православный христианин, сохранивший в своей благородной душе искру Божию до последнего вздоха» [Там же. С.943].

²² Там же. С.492.

как «фундаментальный», как «венец исторической литературы края».²³ Даже если допустить, что это – «венец», возникает некоторое несоответствие. Все прочие большие работы появились хронологически позже данной; если она – лучшая; то в таком случае придется констатировать регресс краеведческой исторической мысли.

Вопросами истории и этнографии казахов занимался А. Добросмыслов. Он опубликовал ряд статей по истории и теории народного образования среди нерусских народов.²⁴ Однако наиболее крупной его работой стала «Тургайская область». Книга была не закончена, опубликована была только первая часть, историческая – фактически «Тургайская область» есть история русско-казахских отношений на юго-востоке в XVIII - начале XIX вв. У Добросмылова есть ряд весьма любопытных (мы бы даже сказали – смелых) замечаний и суждений. Особо следует подчеркнуть его мнение, что российские власти, начав продвижение в казахские степи, фактически ничего не знали о них. И такая картина сохранялась достаточно долго: «мы слишком мало заботились об изучении киргизских степей и их обитателей и накануне уничтожения ханской власти в Малой орде и части Средней [1824] подведомственных оренбургскому ведомству, наши знания этих орд вряд ли были большие, чем при Кирилове, Тевкелеве и Неплюеве...»²⁵ Заслуживает внимания отмеченный автором переломный момент - только начиная с Сухтелена и потом Перовского утверждается взгляд на казахов, как на кочевников. До этого – пытались приучить к оседлой жизни и упрочению русской гражданственности.²⁶

Первым опытом церковной истории явилась книга Н. Чернавского (1901-1902). Это была едва ли не единственная работа, имевшая историографические заметки. Впрочем, все ограничилось поправками по датам и отдельным фактам. Автор был достаточно претенциозен, утверждая, что «три четверти сообщаемых данных является в печати впервые, в чисто самостоятельной обработке автора»²⁷ В работе подробно освещалось административное деление Оренбургского края, учреждение Оренбургско-Уфимской епархии. Приводился рассказ об органах епархиальной власти. Все это не есть результат изысканий автора – в выпуске 2-м, отвечая на упрек в «книжном знании вопросов административного деления и заселения», он сам признал, что «за недостатком времени в архивы не лазил».²⁸

Концепция книги весьма проста: все начальники епархии постоянно проводили единый курс на укрепление таковой. Ко второму выпуску автор ошутимо выдохся: весь выпуск – просто общая хроника важнейших событий и мероприятий во время пребывания на руководящем посту того или иного епископа.

В 1911 г. И.П. Кречетович опубликовал книгу «Крестьянская реформа в Оренбургском крае».²⁹ Основное внимание им было уделено борьбе прогрессивных сторонников реформы с консерваторами. Вину за крестьянские выступления этого периода в крае он возлагал на помещиков и местную администрацию, не желавших понять стремлений крестьян. А.Корнилов тогда же отмечал в рецензии, что книга Кречетовича «не может считаться законченным историческим исследованием в настоящем смысле этого понятия, но оно является ... весьма ценным собранием материалов».³⁰

---

²³ Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург, 1991. С.66.

²⁴ Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1744 – 1898 (Вып. I, II, III. Оренбург, 1900); Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. (Казань, 1900).

²⁵ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. // Известия Оренбургского Отдела императорского русского Географического Общества. Вып.15. Оренбург, 1900. С. 268.

²⁶ Там же. С.298-299.

²⁷ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург. Вып.1. 1900. С. 19.

²⁸ Там же. С.5.

²⁹ Кречетович И.П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). Т.1. Подготовка реформы. М.: Изд. имп. об-ва Истории и Древностей российских при Моск. Ун-те, 1911.

³⁰ Корнилов А.А. Отзыв о сочинении И.П. Кречетовича «Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным. Т.1. Подготовка реформы) М. 1911 г.» // Оттиск из «Сборник отчетов о премиях и наградах за 1912 г.». П-гд: Тип. Имп. АН. 1916. С.2.

Еще в конце XIX в. родилась идея дать общую картину оренбургской истории – хоть как-то связать разрозненные эпизоды. К этому времени в «центральных» исследованиях (работах, выходявших в столицах) упоминалось только об основании Оренбурга и, конечно же, пугачевщине. В 1880 г. губернатор Крыжановский поручил написать историю Оренбургского края Р. Игнатьеву. Когда последний стал редактором неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей», то обратился к читателям с призывом доставлять сведения по истории – и сам написал ряд статей.

Если внимательно познакомиться с наиболее крупными трудами местной историографии, то можно выстроить их генеалогию. Итак:

- В. Витевский (1889-1897) страницами цитирует Рычкова и Соловьева, используя также сочинения Мейера, Игнатьева, А. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» (1832).³¹
- А. Добросмыслов (1900) использует Рычкова, Соловьева, Витевского, Левшина и И. Крафта «Сборник узаконений о киргизах степных областей» (1898).
- Н. Чернавский (1901-1902): Рычкова и Витевского; а также Ф. Старикова («Историко-статистический очерк ОКВ» (1891) И. Крафта.
- Н. Модестов (1917): Оценку Кириллова дает по Рычкову и Добросмыслову. Изложение событий по Чернавскому, Алекторову, Витевскому. Используются также книга П. Столпянского «Из прошлого Оренбургского края» и «Башкирский бунт» Добросмылова. И вот тогда автор пишет: «далее мы пойдем своим особым путем, основываясь главным образом на донесении самого Кириллова в Сенат». ³² Иными словами, к компиляции прибавлен новый кусочек – из документа.

В этих работах нет своих, «авторских» концепций³³ – есть событийная канва. Все сводится к тому, чтобы дополнить, добавить уже имеющееся. В этом плане показательное суждение Н. Ардашева: «Задача местного исследователя не в том, чтобы открывать новые и новые факты, что лишь изредка может выпасть на его долю, а в том главным образом, чтобы раскрыть содержание фактов, давно известных...но как известных? Бывает, скупо, скудно, элементарно! Между тем, за сотни и сотни лет назад дошли до нас прямые свидетели этих фактов, - старинные архивные дела, полные подробностей былого. Эти-то мертвые архивные дела должны в руках изыскателя старины заговорить живым языком: на месте голого имени вылиться выпуклый портрет, простая хронологическая дата обратиться в интересный эпизод, и под краткой записью события нарисоваться яркая картина».³⁴

Так что совершенно неудивительно, что все эти работы имели общее, единое, концептуальное видение оренбургской истории. В основе всего лежали «признанные авторитеты»: Рычков и Соловьев. При этом «базовые» тексты активно использовались; лишь несколько изменялся стиль. Концептуальных споров, естественно, не было. Помимо книг предшественников авторы привлекали и материалы архивов: А. Добросмыслов – «материалы, собранные ветеринарными врачами и мною», сведения из отчетов военного губернатора и архива тургайского областного правления; Н. Чернавский - архив Духовной консистории. Но узнать, какие это были дела, перепроверить приводимые данные, уточнить их – не представляется возможным, поскольку ссылок авторы не делали.³⁵ Самым впечатляющим в этом отношении является работа В. Витевского,

³¹ Показательны рассуждения автора: рассказ о Карасакале он дает подробнее, чем у Соловьева с дополнением из статьи Игнатьева, «составленной на основании сырых материалов, извлеченных из местных архивов» [Витевский В. Ук. соч. С.164.].

³² Труды ОУАК. Т. XXXV. С. 61.

³³ Как уже отмечалось выше, оригинальность суждений наблюдается только у Добросмылова.

³⁴ Ардашев Н.Н. К 100-летию юбилею Оренбургской губернии // Труды ОУАК. Вып. II. 1897. С.1.

³⁵ В конце концов, это они утверждали, что использовали архивы – сегодня проверить, насколько эффективно это делалось, нельзя.

ограничившегося простым указанием количества использованных архивных страниц (!) - 3436 листов.

Практически все местные авторы, писавшие на исторические темы, работали непрофессионально. Краеведы-любители имели свое, особое отношение к документам. Впрочем, это не было местной чертой; схожее рассуждение мы встречаем у Пушкина, в «Истории Пугачева» - точнее, в его ответах на замечания г-на Броневского: «Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят» – а между тем «показания мои извлечены из официальных, неоспоримых (sic!) документов». Полная вера в официальные документы: архивные материалы, переписку, не говоря уж о законодательных актах – свойственна практически всем оренбургским авторам той поры. Если в нормативном акте из Полного собрания законов сказано о создании чего-либо – то так оно, разумеется, и было, и, безусловно, было создано.³⁶ Особо доверял полному собранию законов А.Добросмыслов. Его рассказ об области во второй половине XIX в. практически полностью построен на кратком пересказе правительственных распоряжений на этот счет при том или ином губернаторе. Критики источников практически не производилось. Своей основной заслугой авторы полагали нахождение той или иной информации.

Еще одна общая характерная черта - перенасыщение текста избыточной информацией. Создается впечатление, что в общий текст включалось все, что было под рукой. Так, А. Добросмыслов повторял уже приводимые предшественниками традиционные биографии губернаторов и иных лиц администрации. Повествуя о недовольстве хана Шигазы, он упоминал, что плен у казахов был тяжел и отвлекался на занимающий несколько страниц рассказ о плене некоего священника Рязанова. Дважды (!) в разных местах приводился подробный пересказ статьи Н. Середы о бунте Кенисары. Правовые документы приводились вообще полностью и без комментария: Положение 1844 г. заняло 16 стр. текста, Положение 1868 г. – 31 стр. Весьма перенасыщен текст разного рода отступлениями у Витевского. Показательно, что замечания относительно этого делались рецензентами уже в ходе публикаций очередных выпусков книги. Автор увлекался повествованием об ужасах крепостного права (даже излагал историю Салтычихи), о происхождении Оренбургского и Яицкого казачьих войск, подробно рассказывал о перевороте 1741 г. и судьбах свергнутых правителей. Из книги можно узнать об истории Уфимской провинции от времен присоединения башкир, об экономическом состоянии уфимского дворянства в XVI-XVII вв., нагайбаках и их происхождении, калмыках и христианстве у них и проч.

Как следствие подобного подхода - текст переставал соответствовать исходному названию. Практически для всех авторов свойственно заявлять темы значительно шире, нежели получалось выполнить. Книга Добросмыслова, конечно же, не о Тургайской области – глава «Образование Тургайской области» начинается со страницы 422 (из общего количества в 524 стр.). Дальше заявленных намерений сведения об образовании и т.п. дать во 2-м томе, дело не пошло. Не смог реализовать обещанное и Чернавский, обещавший в последующих выпусках (не увидевших свет) «рассмотреть состояние духовенства, состав паствы, историю миссии, раскола, духовных заведений, школ» - собственно то, что и составило бы историю епархии. И.П. Кречетович так и не рассказал о собственно крестьянской реформе – единственный том повествует лишь о подготовке таковой.

Следует наконец признать, что никто из оренбургских авторов той поры (исключая Витевского) не создал завершеного труда. Планы у всех были, что называется

---

³⁶ Вот именно так в краеведческой литературе утвердилось упоминание о якобы открытой в XVIII веке школы для детей ссыльных, которую так и не удосужились реально создать – кроме всего прочего, еще и потому, что, приняв решение, никто не озаботился решить вопрос финансирования. А без денег, понятное дело, все остановилось, не начавшись.

«наполеоновские», а возможности ограничены.³⁷ Работы писались частями («выпусками») и сразу же публиковались – иначе говоря печать шла параллельно с написанием. Показательно, что первоначально некоторые из этих работ публиковались в газетах – кусочками их номера в номер. Так публиковал свои наработки А. Добросмыслов - в «Тургайских областных ведомостях», «Оренбургском крае», «Тургайской газете». Сходным образом намеревался поступить Витевский. Отсюда и выходило, что изложение представляло собой поток информации, в котором соблюдался единственно хронологический принцип.³⁸ Изобилие отступлений и ненужных для основной темы подробностей, на наш взгляд, было продиктовано стремлением максимально увеличить объем работы. Пальму первенства в этом держит, несомненно, Витевский – в книге в 962 страницы приложение составляет 198 стр. Среди публикуемых там документов он даже поместил свои собственные телеграммы-поздравления с 200-летием со дня рождения Неплюева объемом в одну строку.

Показательно также и то, что в ту пору монографии не писались, а «составлялись». Витевский вместо предисловия к 3-му выпуску подчеркивал, что это не биография, но монография, им «составленная» – «собрав фокусом нашей работы Оренбургский край». Сходно А. Добросмыслов объявлял целью своей книги – «составить о Тургайской области возможно полную справочную книгу, в которой можно было бы найти удовлетворительные сведения о населении, скотоводстве, торговле и пр.» Пожалуй, исключением был Н. Чернавский, сам назвавший свою книгу «исследованием».

Подведем некоторые итоги «дореволюционному периоду». За это время местными авторами разрабатывался небольшой круг тем, с базированием прежде всего на трудах общероссийского уровня. Эти темы: основание Оренбурга, башкирские восстания, русско-казахские отношения, край при Неплюеве и реформа 1861 г. По научной ценности работы были далеко не одинаковы. Некоторые из них, не имея самостоятельной ценности как исследования, тем не менее, интересны сегодня из-за используемых там материалов, которые почти недоступны или вообще недоступны нынешним историкам, а потому сами играют роль источников.

За весь период можно отметить только двух авторов, подходивших к проблемам творчески и потому могущих называться настоящими исследователями - это П. Рычков и Д. Соколов³⁹. Если первый может в равной степени считаться не только историком, но и географом, и этнографом, то второй – еще и геологом, и литературоведом. Дмитрий Николаевич Соколов (1867 - 1919) был из потомственных дворян нашей губернии. Окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1894 году вернулся в Оренбург, некоторое время занимался хозяйством. Увлёкся краеведением, с 1896 г. - член ОУАК. В 1897 году поступил на службу в казенную палату. 1898-1906 - земский начальник 3-х участков Оренбургского уезда. К этому времени относится особенное увлечение геологией, в 1901 г. вышла первая опубликованная работа этого плана: «К геологии окрестностей Илецкой Защиты». Итогом многолетних исследований стала книга «Оренбургская губерния. Географический очерк» (М., 1916). В ней, в частности, был дан серьезный очерк заселения Оренбургского края. Библиография трудов Соколова составляет 65 названий: 46 по геологии, несколько о Пушкине и его пребывании в Оренбургском крае, по этнографии башкир, нумизматике, энтомологии, математике.

---

³⁷ Чернавский во втором выпуске прямо писал, что допускает «большие отступления» – «боясь, что не успею реализовать программу» [Чернавский Н. Ук. соч. Вып.2. С.8/24].

³⁸ Показательно, что Витевский, признав справедливым замечания рецензентов о неудачности названия книги, в последующих выпусках ничего менять не стал – он просто не мог этого сделать.

³⁹ «Опыт разбора одной Башкирской рукописи» (Вып. IV); «Башкирское войско в походе русских против Наполеона (Вып. III); «О башкирских тамгах» (Вып. XIII); «Разбор монетного клада», «Следы древней могилы в Уральском уезде (Вып. XXXIII).

Революция стала не только символическим рубежом в оренбургской историографии, но и достаточно ощутимым, реальным. Произошел разрыв не только историографической традиции. Когда завершилось кровавое противостояние гражданской войны, то оказалось, что почти никого из прежних исследователей в крае не осталось. Следы большинства просто затерялись; известно о судьбах немногих: Д. Соколов в 1919 г. умер от сыпного тифа на прииске Айдырля в 12 верстах от станицы Кваркенской Орского уезда, занимаясь изучением запасов полезных ископаемых по заказу Оренбургского казачьего войска, И. Кречетович эмигрировал в Манчжурию.⁴⁰

В 20-х гг. предпринимались определенные шаги по возрождению научных исследований в крае. В 1920 г. возникло «Общество изучения Киргизского края», позднее «Оренбургский отдел Государственного географического общества», затем, уже в 1929 г., – «Общество изучения Оренбургского округа». Но даже уровня дореволюционной исторической науки достичь так и не удалось. «Общество изучения Киргизского края», действовавшее в период, когда Оренбург был столицей Кирреспублики, занималось более всего казахами и Казахстаном. В дальнейшем исследования прикладного социально-экономического и экономико-географического плана стали ощутимо доминировать над чисто историческими. Отдельные публикации весьма слабы и сводились к «марксистскому переосмыслению» известных фактов.

В этот период мы имеем только одну яркую фигуру – это А.Ф. Рязанов (1879-1929). Казачий офицер, он участвовал во всех войнах начала века, в гражданскую, естественно, был на стороне «казачьей власти» А. Дутова. В октябре 1919 года он перешел на сторону Советской власти. В 1920 году сдал экзамен на звание штатного преподавателя вузов Красной Армии и стал трудиться на Оренбургских кавалерийских курсах. С 1924 года работал в архиве. С этого времени начинается его интенсивная научно-исследовательская работа по истории Оренбургского края и Казахстана.

Он обогатил оренбургскую историографию новыми сюжетами – прежде всего темами истории казахов и их национально-освободительной борьбы.⁴¹ Наиболее подробно свое видение темы он дал в книге «Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа».⁴² Новым для своего времени было его обращение к пугачевщине как самостоятельному сюжету – новыми были не только акценты и оценки, но и аспекты – участие в восстании казахов. Рязанов привлекал ранее неиспользованные архивные материалы.⁴³ Он же попытался дать очерк истории Оренбургского края.⁴⁴ Рязанов сводил всю историю края к борьбе «аборигенов края» с «вновь пришедшими народами».⁴⁵ На его позиции ощутимо сказывалось влияние идей М.Н.Покровского о роли торгового капитала – через Оренбург проникавшего на среднеазиатские рынки. Всего на основе материалов Оренбургского архива за сравнительно небольшой срок – менее 4 лет – историк создал около 20 достаточно крупных работ по этой и другой проблематике. Более десятка работ

---

⁴⁰ Во всяком случае, в отношении Кречетовича такое утверждение бытовало. Хотя уместно отметить, что в 1936-м году из крымского архива в оренбургский были переданы семь ящиков архивных материалов по истории края – документы времен генерал-губернаторства и личный архив В. Барановского, бывшего губернатором края в 1853-1861 гг., отобранных, по сообщению газеты, у бывшего крымского архиерея Кречетовича в Симферополе. [Оренбургская коммуна. 1936. 14 апреля.]

⁴¹ Батыр Срым Датов (исторический очерк). // Советская Киргизия. 1924. №10. С.94-112; Восстание Исатая Тайманова в 1836-1838 гг.: очерк по истории национального движения в Казахстане. Кзыл-Орда, 1927.

⁴² «Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838): очерки по истории национального движения Казахстана. В 2-х ч. Кзыл-Орда, 1926. 296 с.

⁴³ Рязанов А.Ф. Пугачевское восстание 1773-1775 гг. и хан малой орды Нурали. // Советская Киргизия. 1924. №8-9. С.151-155; Пугачевское восстание в 1773-1775 гг. // Советская Киргизия. 1925. №1. С.62-77; Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой Малой орде и в Поволжье. // Труды Общества изучения Казахстана. 1925. Т. VI. С.195-241.

⁴⁴ Исторический Оренбург. // Вестник просвещенца. 1928. №4. С.41-52; Оренбургский край: ист. очерк. Оренбург, 1928. 140 с.

⁴⁵ Те же идеи см.: На стыке борьбы за степь: очерк колонизации Новолинейного района в 1835-1845 гг. Оренбург, 1928. 46 с.

остались неопубликованными. Уволенный в 1927 г. из архива как «неблагонадежный», находясь на учете в ОГПУ, Рязанов переехал в Кзыл-Орду, затем в Алма-Ату, где устроился сотрудником республиканского краеведческого музея. Тяжело заболев, вернулся в Оренбург, где и умер. Если бы не это – цепкие руки ГПУ, пусть через несколько лет, его настигли бы обязательно.

В конце 20-х гг. наблюдается осязаемый спад научной деятельности. И без того слабенький ручеек публикаций практически прекращается. Повторим известную фразу Николая I – «некем взять»; т.е. работать было действительно некому.

После основательной временной паузы в 1939 г. вышла книга «Из прошлого оренбургского края» Вл. Пистоленко. Данная книга была совершенно написана в стиле деятелей ОАУК: автор ее тоже «составил», и составил на основе существующих работ – разумеется, с постановкой нужных акцентов. В основу книги легли: Рычков, «Оренбургский край и прежнем его составе» Витевского (в тексте – «Виттевского»), «Археология» Кастанье, «Пугачев и пугачевцы» Дубровина, труды ОУАК, Полное собрание законов, и фонды архива - оренбургского генерал-губернатора, Оренбургской комиссии, экспедиции пограничных дел, Севастьянова. Круг «источников» определил и содержание. Достаточно подробно излагался начальный этап истории и пугачевщина. Далее шли «эпизоды из времен крепостного права» – с массой подробностей и даже прямой речью (выскажем предположение, что именно здесь и задействовались архивные дела). Дальнейшая история излагалась крайне скомкано: первой половине XIX века, реформе 1861 г., революции 1905 г. отводилось по одной фразе (!). Сам автор задачу книги формулировал так: «В простой и сжатой форме дать читателю необходимые знания о наиболее важных событиях из прошлого Оренбургского края».⁴⁶ Основной концептуальный тезис – это всегда был колонизируемый край. Заключение в соответствии с духом времени говорило о буржуазных националистах - башкирах и казахах и современном расцвете «большевицкой крепости в степи».⁴⁷

Рязанов исчез из исторической памяти (и с библиотечных полок) видимо по причине «неудобного» происхождения. Но вскоре исчезла и книга Пистоленко. Мы не встречаем ссылок на нее *ни у кого* из местных авторов вплоть до перестройки.

Собственно, на этом завершается история исторических исследований в Оренбуржье в довоенный период. Мы не затронули подробно издания воспоминаний о гражданской войне⁴⁸, фольклоре⁴⁹, поскольку эти сюжеты несколько выходят за рамки данного сюжета.

Пауза в исторических исследованиях в Оренбуржье осязаемо затянулась. Это мы объясняем не только войной и ее трудностями, отсутствием кадров, но и общей картиной, сложившейся в отношении исторических исследований в стране. История – дело политическое. А потому исследованиями (и публикациями итогов таковых) занимались тогда в ограниченном количестве научных центров; иначе говоря – академических институтах столиц и исторических факультетах университетов. В регионах же, где университетов не было, историей занимались только на кафедрах истории историко-филологических факультетов педагогических институтов и кафедрах истории КПСС. При этом неизбежно доминировали именно последние. Именно такая картина наблюдалась в Оренбуржье. Вплоть до «перестройки» «история КПСС» (специальность – 07.00.01) определялась как самостоятельное направление исторической науки. В принципе – как проблема – история одной политической партии (КПСС) – вполне имела право на существование. Но на всем протяжении «советского периода» нашей истории она

⁴⁶ Пистоленко В. Из прошлого оренбургского края. Чкалов: обл. изд-во, 1939 С.2.

⁴⁷ Там же. С.145.

⁴⁸ Напр.: Гражданская война в Оренбургском крае: По воспоминаниям участников гражд. войны и док. Чкалов: обл. изд-во, 1939.

⁴⁹ Напр.: Фольклор Чкаловской области. / Сост. А.В.Бардин. Чкалов: Чкалов. изд-во, 1940.

представляла из себя нечто большее. С момента издания знаменитого «Краткого курса» истории ВКП (б) в исторической науке нашей страны утвердилась единая безвариантная концепция истории КПСС, которая стала одновременно основой и для истории СССР, иначе говоря, «светской» истории (специальность – 07.00.02). Концепция истории КПСС ощутимо менялась в соответствии с меняющимся политическим, партийным курсом. Отсюда задачи «истории КПСС» как направления заключались более в «правильном» освещении соответствующих тем и сюжетов, нежели в глубоком аналитическом изучении прошлого во всем его многообразии. Методы историков КПСС отличались избирательным подходом к источникам, ориентиром прежде всего на цитаты классиков марксизма и партийные документы. Специфическими были стиль изложения, система доказательств, подбор фактов. Все эти приемы в значительной степени переносились и на иные исторические исследования.

Есть еще несколько показательных моментов. Так, применительно к провинции следует учитывать то, что не было никаких стимулов к научному творчеству. Задачи педвузов такового - творчества – не требовали. Отсюда большинство вузовских преподавателей, стремившихся защитить кандидатские диссертации, ограничивались минимумом публикаций, нужных для защиты; естественно, напрямую связанных с темой диссертационного исследования. По достижении искомой степени, писательская и публикаторская активность резко спадала, после чего новоиспеченный кандидат исторических наук чаще всего ограничивался тезисами ежегодных итоговых вузовских конференций. В принципе определенный процент преподавателей и до сегодняшнего дня поступает аналогичным образом. И лишь немногие занимались и занимаются историческим творчеством по собственным побуждениям – с глубоким интересом и увлечением.

Сам по себе поиск (только поиск) малопродуктивен; эффект от него проявляется только публикацией. Относительная малочисленность публикаций оренбургских исследователей середины – второй половины XX в. (т.н. «советского периода») не должна обманывать. Следует помнить, что издательские возможности в тот период для преподавателей педвузов были крайне ограничены. А потому каждая из таких публикаций, увидевшая свет, есть итог сложной и достаточно трудной работы.

Еще один момент, заслуживающий внимания – концепции истории региона не существовало. При этом она и не могла сложиться. Концепция отечественной истории («истории СССР») была одна и потому для региональной истории оставался лишь один путь, одна перспектива – иллюстрирование местным материалом отдельных тезисов базовой концепции. Например, кризис помещичьего хозяйства накануне отмены крепостного права иллюстрировался данными о состоянии помещичьих хозяйств в Оренбургской губернии; тезис о революционных ситуациях в XIX веке безусловно подтверждался местными работами и проч. Существовавшие отдельные сюжеты и моменты оренбургской истории никак не создавали целостной картины. Уместнее было бы сказать, что местные публикации углубляли знания по отдельным сюжетам общероссийской истории, так или иначе связанным с Оренбургом. Но и только.

Первой ласточкой после длительного перерыва стало издание «Ученых записок» Чкаловского (как тогда назывался Оренбург) государственного педагогического института. Именно на кафедре истории Чкаловского госпединститута, которой руководил П.Е. Матвиевский, в послевоенный период велись исторические исследования. Павел Евменович Матвиевский (1904-1987) начинал работу на Украине, в 1937 году был арестован по обвинению в участии в националистической организации. Дело было пересмотрено только в 1940 г. После освобождения он оказался в Чкалове, где в педагогическом институте проработал более 40 лет. Он безусловно принадлежал к творческому и творящему меньшинству. Не все его работы выдержали испытание временем – нельзя не учитывать, когда они создавались – самый расцвет культа личности. Но в целом П.Е.Матвиевский и его творчество стали яркой и рубежной страницей в

историографии оренбургской истории. Информацию он искал всегда и везде – и в безусловную ему заслугу стоит поставить ощутимое расширение источниковой базы. Он обогатил местную историю новыми сюжетами. С 1946 года разрабатывал тему содружества русского и казахского народов - переход казахов под власть России.⁵⁰ С учетом реалий времени, его работы иллюстрировали положение классиков, что «Россия играет действительно прогрессивную роль для народов Востока». Но при этом привлекались новые и интересные архивные материалы. В то же время исследователь брал совершенно новые сюжеты⁵¹: историю края в период Отечественной войны 1812 г.⁵², взаимоотношения со Средней Азией⁵³, любопытнейшую историю т.н. «оренбургских «декабристов»». ⁵⁴ Всего им опубликовано более 90 работ, из них более 50 посвящено истории Оренбургского края.

Кроме П.Матвиевского, в пединституте в тот период работали В.А.Аксенов, создавший социально-экономический очерк основного месторождения соли в крае – Соль-Илецка⁵⁵; В.Ананьев, написавший первую историю Военно-революционного комитета в Оренбурге⁵⁶, а также разрабатывавший вопросы участия в революции 1917 г. иностранцев – т.н. «интернационалистов». ⁵⁷ Все упомянутые работы – есть историографический факт. Но все же следует признать, что информационная отдача их была весьма малой. «Ученые записки» практически оставались известными лишь в пределах города Оренбурга, а то и вуза. Что дает основание сделать такое заключение? Малотиражность выпусков, отсутствие таковых в крупных библиотеках и, наконец, ограниченное количество ссылок на отдельные статьи в этих выпусках в исторической литературе.

Вплоть до середины 60-х годов реальным центром исторических исследований в глазах оренбуржцев был не пединститут, но областной краеведческий музей. Повторимся - важен не только (и не столько) факт издания, но возможности воздействия таковой публикации. Именно музей в тот период отвечал на многочисленные запросы властей, школ, отдельных граждан по вопросам местной истории. Задачи построения экспозиции по всему историческому периоду стимулировали исторический поиск. И, наконец, в пользу нашего суждения убедительно свидетельствует появление первого в оренбургской историографии советского периода работы обобщающего характера. Речь идет о книге «Орденосное Оренбуржье» (1968). В ней давались очерки по географии, экономике края и, естественно, присутствовал исторический блок. Несколько очерков в целом представляли собой первую попытку дать целостную картину местной истории – от

---

⁵⁰ Абулхаир – поборник единения казахского народа с русским. // Ученые записки Чкаловского пед. ин-та. Вып.1. 1948. С.66-111; Дневник Джона Кестля как источник по истории и этнографии казахов. // История СССР. 1958. №4. С.133-145; Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. 1712-1777. М.: Наука, 1991. 272 с.

⁵¹ Позволим себе не согласиться с Ю. Зобовым, полагавшим, что в творчестве Матвиевского прослеживаются только «два основных направления его научных интересов и исследований»: история российской промышленности, рабочего, крестьянского и общественного движения в эпоху восходящего капитализма и 2) исторические корни и предпосылки содружества и дружбы народов СССР [Зобов Ю.С. Ук. соч. С.59].

⁵² Россия и среднеазиатские народы в годы войн с Наполеоном. // Ученые записки Чкалов. ГПИ. Вып. 8. 1956. С.99-139; Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: ист. очерки. // Ученые записки Оренбург. ГПИ, 1962. Вып.17. 184 с.

⁵³ Сношения оренбургских татар с Индией. // Труды общества истории, археологии и этнографии при Казанском ун-те. Казань, 1963. Вып.1 (36); Александр Гумбольдт и Иван Виткевич (К истории русского востоковедения и дипломатии 30-х гг. XIX в. // Мат-лы и тезисы докладов XIV итоговой науч. конф. Оренбургского ГПИ. Оренбург, 1965. С.5-7; Г.Ф. Генс и его оренбургские записки о русско-индийских связях в XVIII – первой трети XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966. С.49-69; О роли Оренбурга в русско-индийской торговле. // История СССР. 1969. №3. С.98-111.

⁵⁴ К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкалов.ГПИ. Вып.6. 1952. С.215-257.

⁵⁵ Соль-Илецкая: ист.-экон. очерк. / Уч. записки Оренбург. гос. пед. ин-та. Вып.31. Оренбург, 1969. 172 с.

⁵⁶ Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург, 1959. 52 с.

⁵⁷ В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966. 128 с.

основания до сегодняшнего дня. Конечно, налицо были ощутимые пробелы; ряд сюжетов был опущен – и все же, определенная картина в итоге вырисовывалась. Авторы раздела были в основном работниками именно музея – С.А.Попов и А.Я.Борисов. Мы считаем показательным, что пединститут не был привлечен к изданию. Список литературы в конце книги, «рекомендованной» к чтению в качестве «дополнительной» (иными словами, приведенные в списке работы в теории должны были расширить кругозор заинтересовавшегося читателя) также весьма показателен. Полагаем уместным привести его полностью⁵⁸ – поскольку он, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует общую историографическую картину на тот момент. Будем откровенными – она была достаточно убога.

Ощутимый вклад в этот период был сделан научным сотрудником областного краеведческого музея, в 1948-1986 гг. курировавшим т.н. «дооктябрьский период» истории – С.А.Поповым (1905-1986). Сергей Александрович с 1931 года был директором областного музея Коми АССР. В 1933-м арестован в ходе борьбы против национализма, обвинен в участии в контрреволюционной националистической организации «Комикотыр», репрессирован, выслан на 3 года в Алма-Ату. После войны, в 1946-м, демобилизовавшись, он переехал в Оренбург, окончил педагогический институт. В музее он работал с 1948 года. Он активно участвовал в археологических раскопках, проводимых в крае с 1956 г. экспедициями Института археологии АН СССР. Итогом было появление книги «Тайны Пятимаров: очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края».⁵⁹ Очень много сил было положено на изучение сложнейшего процесса заселения края – этой проблемой С.Попов занимался почти 40 лет. Приходится констатировать, что большая часть его наработок осталась неопубликованной; свет увидела лишь небольшая часть исследования.⁶⁰ Много наработанного материала увидело свет в местной периодике. Еще одним направлением исследований были этнографические разработки.⁶¹ Он был одним из авторов школьного учебника «История родного края». На родину он вернулся незадолго до смерти.

Кроме Попова, большой вклад в развитие истории в крае внес директор музея А.Борисов. Сам он не имел даже исторического образования, и его наработки весьма уязвимы с научной точки зрения; но их невозможно проигнорировать. Именно Борисов начал разработку сюжета гражданской войны в крае.

---

⁵⁸ Сальников К.В. В глубине веков: очерки о жизни первобытного населения Урала. - Свердловск, 1949; Из истории Южного Урала и Зауралья. – Челябинск, 1966. (в комментарии: «сборник статей. Имеются материалы об Оренбургской области»); Ляхов В.А. Россия во второй половине XVIII века. Восстание крестьян под руководством Емельяна Пугачева. М., 1959. (Высшая партийная школа при ЦК КПСС); Зорин Н.И. К истории заселения русскими Оренбургского края // Ученые записки ЧГПИ; Грамаков Л. Меновая внешняя торговля в Оренбургском крае (в XVIII- XIX веках). // Степные огни. - № 4. – Оренбург, 1941; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. - Оренбург, 1962; Матвиевский П.Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае. // Ученые записки ЧГПИ; Прянишников И.Е. Оренбургский край в «Колоколе». // Прянишников И. Е. Записки словесника. - Оренбург, 1963; Селивановская Л.А. К вопросу о развитии торгового земледелия в Оренбургской губернии в пореформенный период (70-90-е годы XIX в.) // Ученые записки ЧГПИ.; Селивановская Л.А. Социальная дифференциация Оренбургского казачества в конце XIX - начале XX в. // Ученые записки ОГПИ; Раимов Р.М. Революция 1905-1907 гг. в Среднем Поволжье и Зауралье. // Революция 1905-1907 гг. в национальных районах России. - М., 1955.

⁵⁹ Попов С.А. Тайны Пятимаров: очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края. Челябинск: ЮУКИ, 1971; 2-е изд. 1982

⁶⁰ Из истории поселения украинцев в Чкаловской области. // Великая дружба. Чкалов: Чкалов. кн. изд-во, 1954. С.60-84; Топонимические названия Оренбургской области. Оренбург, 1960 (совместно с Н.Лойфманом).

⁶¹ Национальный состав населения Оренбургской области и задачи этнографического изучения быта крестьянства. // Тезисы докладов на первой Оренбургской историко-археологической конференции по вопросу «Состояние и задачи историко-археологического изучения Оренбургской области». Оренбург: Оренбург. краевед. музей, 1961. С.26-28.

Примерно с 1967 г. налаживается сотрудничество музея и кафедр истории пединститута. В этот период, как уже упоминалось, работали В.Аксенов и В.Ананьев. Определенным итогом сотрудничества стало издание учебника по истории местного края. Таковой интересен прежде всего определенной завершенностью изложения региональной истории. Появляются первые ученые со степенями – П.Е.Матвиевский был первым кандидатом исторических наук, ставший профессором, В.Ананьев – первый доктор исторических наук. Постепенно кафедра истории ОГПИ становится действительно ведущей в крае, и заслуга в этом в значительной степени принадлежит Л.И. Фугорянскому, которого также следует отнести к узкому кругу историков-исследователей. Уже своей кандидатской диссертацией он открыл новую тему - историю оренбургского комсомола. В дальнейшем он обратился к проблеме оренбургского казачества, разрабатывая ее на протяжении десятилетий. Л. Фугорянским были инициированы такие интересные проекты, как издание нового учебника по истории местного края, издание книги по истории города «Оренбург». При его непосредственном участии на протяжении нескольких десятилетий в стенах ОГПИ организовывались исторические конференции различного уровня.

Работ, которые можно было бы считать обобщающими по истории родного края, было создано очень немного, да и считаться таковыми они могли с большой натяжкой. Во-первых, это уже названная выше книга «Орденосное Оренбуржье», приобретающая славу обобщающего труда по причине отсутствия альтернатив. Затем обязательные (потому что они стали создаваться в каждом регионе) очерки истории областной партийной организации⁶², и немного позже – областной организации ВЛКСМ.⁶³ О концепции данных трудов говорить не приходится; она более чем понятна. Сама логика ограничивала хронологические рамки – в лучшем случае повествование начиналось с начала XX века. Возникали первые учебные пособия по оренбургской истории – но о них мы поговорим особо, в следующей главе. В определенном смысле в работе могли привлекаться и привлекались аналогичные труды сопредельных регионов: Башкирии, Куйбышевской и Челябинской областей, Казахстана – учитывая наши с ними «совместные» страницы истории (детальнее о рубежах Оренбургского края см. главу 3)..

Работы этого периода по сути своей были не равноценны; как, впрочем, и в любую другую эпоху. Преобладание историко-партийного начала определяло многое: и появившееся в доперестроечный период доктора исторических наук были, как правило, по специальности 07.00.01; и основная тематика работ определялась соответственно – преимущественно ограничиваясь XX веком.⁶⁴ Влияли и иные объективные причины; например, узость публикаторской базы. В принципе работы местных авторов были лишены концептуальной новизны – но это никак не может быть поставлено кому-либо в упрек. Следование курсу центра во всем, в том числе и общему единому концептуальному видению истории СССР просто исключало появление в печати чьих-либо работ иного плана.

В то же время количество историков, т.е. тех, кто занимался историей, что называется, профессионально, в крае было невелико. Это едва ли не в первую очередь ограничивалось спросом – количеством мест на соответствующих кафедрах. Весьма сложно было обучаться в аспирантуре; как правило – в Москве. Даже на историческом

---

⁶² Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск: ЮУКИ, 1973. 594 с.

⁶³ Все тебе родина. Очерки истории Оренбургской областной организации ВЛКСМ. 1919-1977. Челябинск: ЮУКИ, 1977. 225 с.

⁶⁴ И не только веком, но и определенными событиями, периодами, людьми. Приведем показательный пример характерной лексики: «Понятно, что пояснительный текст к картам должен быть предельно краток. Но следующая же фраза: «Атаман Дутов с группой офицеров бежал в Верхнеуральск», вполне могла отсутствовать. Какое нам дело, куда бежал и с каким количеством своих прихвостней Дутов. Важнее знать, что сам Ленин помогал Оренбургу». [Постникова А. Атлас Оренбуржья. // Блокнот агитатора. 1969. №15. авг. С.39.]

факультете ОГПИ, практически центре исторических исследований области, еще в начале 1980-х годов работал ряд преподавателей без ученой степени.

Как следствие всего этого, начинает усиливаться краеведение, имевшее и сильные, и слабые стороны. Огромным плюсом было то, что возросло число людей, интересующихся прежде всего местной историей. Эти энтузиасты находили и сохраняли сведения, документы и материальные памятники. В принципе для первого уровня исследований это было нормально. Определенным минусом было то, что людям казалось, что история, это не такая наука, как, скажем, геометрия или медицина, требующие профессиональной подготовки – историей может заниматься любой желающий. О концептуальном видении местной истории никто из краеведов даже не задумывался. В итоге, они основывали свои, порой любопытные наработки, на уже существующем в литературе фактурном материале; безусловно базируясь на выводах и суждениях историков – известных им авторов книг и статей. В итоге общий массив публикаций ощутимо рос, создавая ложную картину всеобщего единения с высказанными ранее отдельными авторами позициями. Вопрос о частоте обращения к тому или иному автору для провинции имеет некоторые дополнительные моменты. Используемый на западе «индекс цитируемости» не есть нужный нам показатель – возможно частое цитирование не по причине важности содержащихся там положений, а, напротив, по низкому уровню. Частота обращения обуславливается не только научными достоинствами той или иной работы, но и субъективными факторами. Например, тиражом, доступностью того или иного издания в библиотеках. Скажем, все та же книга «Орденосное Оренбуржье» - она была и, наверное, есть, в каждой библиотеке области – потому что в свое время ее тираж был достаточен, и распространена она была централизованно. А публикации, скажем, 1990-х годов были малотиражны и остались малоизвестными. Мы считаем, что если историография есть история исторической науки – концепций, теорий и проч.; то историография региональная есть прежде всего история распространения исторического знания. Влияние той или иной работы, ее реальное воздействие на ход исторических исследований прежде всего должны быть в центре внимания исследователя. Лишь незначительное число работ оренбургских авторов известно в регионе и сегодня; еще меньше – по стране. Речь идет, разумеется, не о знании работ вообще, но их использовании, наличии на них ссылок.

Новый качественный этап развития региональной историографии связан с перестройкой и последующими годами. Давать этому периоду свою оценку мы не возьмемся. Период еще продолжается; он еще не завешен, чтобы делать итоговые суждения – более чем субъективные. В эти годы резко возросло число кандидатов и докторов исторических наук; значительно улучшились возможности для публикаций; педуниверситет перестал быть исключительным центром исторических исследований – но, испытывая патриотическую преданность своему вузу, скажем, что он продолжает лидировать. В целом же картина меняется к лучшему – появляются новые имена, новые работы.

Глава 2. Учебники по истории нашего края

В особую группу работ краеведческого плана мы считаем полезным выделить учебную литературу по истории Оренбуржья. Некоторые историографы относят такие работы к т.н. сводным работам по местной истории – во всяком случае, когда речь идет о трудах дореволюционной поры. Так, Ю.С. Зобов ставил книжку А. Алекторова второй после работ Рычкова.⁶⁵ По нашему убеждению, учебники и научные работы суть разные вещи; учебники ощутимо отличаются от любой иной краеведческой литературы по нескольким позициям:

Они дидактичны – т.е. обязательно с «воспитательным» моментом;

Они компилятивны – ибо их задача не столько сообщить новое, сколько обобщить имеющиеся наработки;

Они излагают исторические события как единое целое; исторический период – как единый процесс.

Они имеют четко определенную аудиторию – учащихся: потому в изложении все должно быть логично и взаимосвязано, объяснено и безвариантно для усвоения.

Первым учебником обоснованно считается «История Оренбургской губернии» Александра Ефимовича Алекторова (1882).⁶⁶ Происхождение данного учебника достаточно странно – трудно понять и объяснить обращение автора к проблеме. Да, позднее А. Алекторов писал краеведческие статьи, был членом Оренбургской и Астраханской ученых архивных комиссий, сотрудничал в местных газетах – но все это было потом. Поначалу он ничем себя как историк не зарекомендовал. Судите сами: учился в Пензенской духовной семинарии, затем, сдав экзамен в Оренбургском учительском институте, получил звание учителя городского училища. На протяжении первых двух лет он не раз менял место службы: сначала (с 19 января 1882 г.) учитель русского языка в Оренбургском уездном училище, с марта 1883 г. учитель-инспектор Орского четырехклассного училища, с августа – учитель городского двухклассного училища при Оренбургском учительском институте. Для Ю. Зобова все было очевидно: «Оказавшись в Оренбургском крае, молодой учитель с увлеченностью и энергией занялся его изучением. Результат не замедлил сказаться. Уже в 1882 г. он написал работу по истории края, которую так и назвал «История Оренбургской губернии». Она печаталась в газете «Оренбургский листок» и в этом же году была издана отдельной книгой. На следующий, 1883, год книга вышла вторым изданием».⁶⁷ Вот так – просто, в считанные месяцы, взял и написал по сути первую полную историю края. Благожелательно настроенный к Алекторову биограф даже не замечал некоторого очевидного несоответствия: «Подобную работу [сводную историю края], намеревался осуществить Р.Г. Игнатъев, но молодой педагог опередил патриарха оренбургского краеведения».⁶⁸ Получается, что «патриарх» долго готовился, как бы подходил к теме – при том, что у него уже было **несколько сот** работ, а тут только появился двадцатилетний мальчишка (Алекторов родился в 1861 г.) и в считанные месяцы написал. В чем же причина? Возможны варианты: потрясающе талантлив, крайне самоуверен или же – его задача отличалась от задач Игнатъева. Мы склоняемся к последнему суждению: Алекторов не стремился к открытиям; он ставил перед собой конкретную задачу – создать учебник, даже учебники. Несколько позднее, в 1884-1885 гг. в газете «Оренбургский листок» выходили его материалы на географическую тему, в 1885 г. слившиеся в другой учебник – «Географический очерк Оренбургской губернии». И лишь потом, со второй половины 80-х, он увлекся исследовательской проблемой – казахами; и здесь выступал уже как исследователь – собирал постепенно материалы, шел от статей к книгам и т.д.

⁶⁵ Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX начало XX в. Оренбург, 1991. С.97.

⁶⁶ Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1883.

⁶⁷ Зобов Ю.С. Ук. соч. С. 97.

⁶⁸ Там же.

Учебник по истории был очень небольшим – 108 страниц книжечки малого (карманного) формата. Биограф Алекторов писал: «Охватывая огромный период - чуть ли не с Геродота до 70-х годов XIX в., она [книга] написана неровно: многие периоды истории и события описываются сжато, бегло, но некоторые - более подробно и обстоятельно».⁶⁹ Причина была очевидна – писался учебник на основе опубликованных материалов и статей; их наличие и отсутствие соответственно определяли объем частей повествования: статьи в «Вестнике Европы», «Русской старине» Юдина, Середы и т.д. А. Алекторов первым сделал (или попытался сделать) из разрозненных сюжетов, так или иначе известных современникам, нечто единое – факты, события были впервые расставлены в хронологической последовательности, связаны между собой и там, где пробелы были очевидны, он пытался в мере своих сил и знаний их заполнить, дав свое толкование и объяснение моментам, которые полагал необходимыми. Те сюжеты, по которым работ не существовало – не были и затронуты. Это объясняет, почему в книге нет об истории казачьего войска или торговле с Востоком, но есть о восстании государственных крестьян Челябинского уезда в 1843 г. (потому что существовала статья Н. Середы 1868 года). На текст ощутимо влияла также и исходная задача – книга была предназначена для детей. Потому и были соответствующий язык, стиль изложения. «Неподходящие» для учеников сюжеты опускались, допускалась некоторая фантазия. Возьмем, например, эмоциональный портрет Пугачева: «имея достоинство хорошего полководца, был находчив, и говорил столь красноречиво, что увлекал слушающих»; «сам он составлял унылые песни и доньне распеваемые в Оренбургской губернии», крепкого телосложения, недурен собой, любитель жизни разгульной, пиров, попоек и кутежей.⁷⁰

Было бы странно ожидать от популяризатора чего-то революционного в оценках и вообще видении происходившего (не говоря уж о том, что особого времени на изучение местной истории у него почти не было). Существовавшие тогда официальные оценки и взгляды были всеобщими; оттого и Алекторов их придерживался: величие Петра, блеск «птенцов гнезда Петровых», правомерность и неизбежность продвижения России на юго-восток: Петру «хотелось среди Башкирии устроить крепости и ввести в них достаточное количество войска, усмирить непоседных башкир, присоединить к России киргиз и через это открыть торговый путь в Среднюю Азию»⁷¹, Кирилов, Татищев, Неплюев «своими трудами и благоразумною заботливостью вполне заслужили вечную память у местных жителей».⁷² Только один пример авторского изложения. Он трогательно удивлялся, почему восстали башкиры - «замыслили мешать основанию Оренбурга»: «странно», восклицал он, ведь они сами просили построить им Уфу, а теперь бунтуют «при заложении всякого города».⁷³ Вину за «бунт» он возлагал на Тевкелева: «Предполагают (и предположение верное), что башкирам были присланы указы идти «на...службу»». Не зная, куда ехать, они «как всегда! Прибыли в Уфу, а здесь Тевкелев убил нескольких – вот они и «забунтовали»».⁷⁴ В работе есть много ошибок и неточностей, что не помешало книге Алекторова попасть в основание пирамиды местных краеведческих работ учебного характера.

После революции интереса к местной истории не было; как на определенном этапе не было и истории, как школьного предмета. Единственная книга предвоенной «советской» поры – В. Пистоленко «Из прошлого оренбургского края» (1939) . Ее к учебной литературе относить нет оснований – по сути, это попытка «по-марксистски» (отмечу, не самая удачная) пересказать то, что было изложено дореволюционными авторами. Сам автор задачу книги формулировал так: «В простой и сжатой форме дать

---

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Алекторов А. История... С. 57.

⁷¹ Там же. С. 16.

⁷² Там же. С. 16-17.

⁷³ Там же. С. 21.

⁷⁴ Там же.

читателю необходимые знания о наиболее важных событиях из прошлого Оренбургского края».⁷⁵ Схема книги косвенно показывает состояние изученности местной истории: достаточно подробно излагался начальный этап истории и пугачевщина; далее шли «эпизоды из времен крепостного права». Дальнейшая история излагалась крайне скомкано: первой половине XIX века, реформе 1861 г., революции 1905 г. отводилось по одной фразе. Основной концептуальный тезис – Оренбуржье всегда было колонизируемым краем. Расцвет же его напрямую связан с революцией; Оренбург есть «большевицкая крепость в степи».⁷⁶

Впервые именно об учебнике для школ заговорили в начале 60-х годов XX в. В дошедшей до нас выписке из протокола №3 заседания кафедр марксизма-ленинизма и истории Оренбургского государственного педагогического института от 29 октября 1964 г. говорится, что идея учебника принадлежала П.Е. Матвиевскому, предложившего «составить» «в помощь учителям и учащимся средней школы пособие по истории местного края». Кафедры постановили считать это дело «делом неотложным и срочным, отвечающим образовательным и воспитательным задачам школы». Книгу объемом в 15 печатных листов планировалось создать к 1 марта 1965 г. К работе были привлечены кроме названных кафедр кафедры педагогики, литературы, руководящие работники Института усовершенствования учителей, областного архивного управления, госархива, партийного архива и краеведческого музея. В изданном по институту приказе №736 от 16 ноября 1964 г. инициатива была одобрена: «Через историческое краеведение вовлекается в коммунистическое строительство и сама школа».

Определяющих принципов, на которых должен был строиться учебник, было несколько. Прежде всего требовалось показать поступательный процесс движения к социализму: «составители стремились отобрать из ее [т.е. оренбургской] многовековой истории важнейшие события и факты, чтобы показать читателю конкретно поступательный ход исторического развития нашего края». Еще одна показательная цитата: «Пустынная и дикая в течение веков оренбургская земля за 50-летие Советской власти поистине неузнаваемо преобразилась».

Новый учебник должен был «дополнять» учебник по истории СССР, почему материал в нем размещался в соответствии с программой школы: обязательные разделы – экономика, рабочее и крестьянское движение, культура. Отсюда понятно, что расхождений с общесоюзным учебником не могло быть в принципе; что главы полностью соответствовали положенной схеме: «феодально-крепостной период», «период разложения крепостничества и складывания капиталистических отношений», «период капитализма» и т.д. Соответственны были выводы, заключения и оценки – как, например, что с образованием губернии «русский царизм утверждает здесь тяжелый военно-феодальный и национальный режим». «Советскому» периоду отводилось большее место – 192 страницы на пятьдесят лет, в то время как на всю «предысторию» – только 123 страницы. Даже не возьмемся определить это недостатком, поскольку иного быть просто не могло. Не очень понятно, почему в решении кафедр звучало о «составлении» книги – поскольку подобная лексика свойственна была дореволюционным краеведам. Чтобы что-то составить, надо было это иметь. Готовых наработок по многим аспектам вообще не существовало, потому главы были распределены в соответствии с проблематикой, которой занимался тот или иной автор: начальный этап – С.А. Попов, XVIII- начало XIX вв. – П.Е. Матвиевский, революционное движение начала XX в. – А. Чернышева, революцию и гражданскую войну – Е.И. Дударь, Л.И. Футорянский, Н.И. Сайгин, Великую Отечественную – В.И. Швыдченко и т.д. Послевоенный период был отдан группе историков партии.

Конечно, в книге были недостатки. Но гораздо важнее указать достоинства, причем даже по сравнению с последующими вариантами. Прежде всего в первый и, к сожалению,

⁷⁵ Пистоленко В. Из прошлого оренбургского края. Чкалов, 1939. С.2.

⁷⁶ Там же. С.145.

в последний раз к работе над учебной книгой были привлечены педагоги. В прибавление к основному тексту давались краткая библиография, краткая историческая хронология, историческая карта области с маршрутами по историко-революционным и памятным местам, краткое описание важнейших историко-революционных памятников и мест области. Кроме того, планировалась «справка» «Что таят в себе государственные архивы и музеи области». Тогда же началась работа над хрестоматией по истории Оренбургской губернии, которая должна была охватывать период от первобытно-общинного строя до семилетки. В проекте было заявлено участие 31 чел.: преподаватели пединститута, индустриального института, архивов, педучилища, ОНО и др.⁷⁷

Но вернемся к учебнику: авторам удалось обойти скользкий вопрос о начальном этапе оренбургской истории – в последующих изданиях мы сталкиваемся с неудачными формулировками тем, вроде «Оренбургский край в древности» или «Наш край в средние века»; хотя понятно, что никакого «оренбургского края» тогда в принципе быть не могло. Автор соответствующего раздела С. Попов использовал удачную формулу «Южноуральские и оренбургские степи до образования Оренбургского края». Текст учебника не равноценен, что понятно при большом количестве авторов (до полутора десятка), но отдельные главы были написаны достаточно живо и должны были хорошо восприниматься детской аудиторией. Должны – если бы учебник вышел в свет. Почему этот, говоря современным языком, проект не был окончательно реализован, у нас точных сведений нет.

Взамен (?) в 1968 г. появилась книга «Орденосное Оренбуржье», своеобразный обобщенный рассказ в отдельных очерках о географии, экономике и истории края. Несколько очерков исторического блока в целом представляли собой первую попытку дать целостную картину местной истории в соответствии с общесоюзными канонами – от основания до сегодняшнего дня. Налицо были ощутимые пробелы; ряд сюжетов был опущен – и все же, определенная картина в итоге вырисовывалась. Авторами блока были работники музея – С.А.Попов и А.Я.Борисов. По причине безальтернативности книга стала надолго базовой – как для учащихся, так и для учителей, и вообще для всех, кто хотел бы получить целостную картину истории края.

А учебник, создаваемый в пединституте, смог увидеть свет только в 1976 году.⁷⁸ Авторский коллектив уменьшился до восьми человек, почти все они начинали работу еще в 60-х гг.⁷⁹ Пособие было создано в соответствии с программами средней школы и как дополнение к основному учебнику по истории СССР. Видение учебника давалось в обращении к учащимся: «В книге рассказано о том, каким было Оренбуржье в далеком прошлом, как тяжело жили трудящиеся массы под властью помещиков и капиталистов, как рабочие и крестьяне вели борьбу за свое освобождение от эксплуатации. Вы прочтете и о том, как после Великого Октября рабочие и крестьяне Оренбургской губернии под руководством и с помощью Владимира Ильича Ленина установили в крае Советскую власть, вместе со всем советским народом построили социалистическое общество, активно участвовали в разгроме фашистских захватчиков, а в послевоенный период боролись за восстановление и дальнейший подъем народного хозяйства страны. На страницах книги рассказано об участии трудящихся Оренбуржья в создании материально-технической базы коммунизма, дальнейшем укреплении экономики и обороны нашей Родины, развитии советской культуры». «Советская» история без сомнения была определяющей – ей отводились шесть из 13-ти глав, и даже призыв изучать историю

---

⁷⁷ ГАОО. Ф.683. Оп. 1. Д. 691. Л.9.

⁷⁸ История родного края. Учебное пособие для 7-10-х классов сред. школ Оренбургской обл. Челябинск, ЮУКИ, 1976. Редакционная коллегия: П.Е. Матвиевский, Н.И. Сайгин (научный редактор), Н.П. Семькин, Л.И. Футорянский. Составителем книги был кандидат педагогических наук Н.П. Семькин.

⁷⁹ Авторы: С.А. Попов (главы I, II, III, IV), П.Е. Матвиевский (глава V), Ю.С. Зобов (глава VI), П.К. Десятерик (глава VII), Н.И. Сайгин (§ 1 и 2 главы VIII; IX, XIII), Л.И. Футорянский (§3 главы VIII; IX, X), В.И. Швыдченко (глава XI), А.С. Куличкин (глава XII).

своего села, города, района уточнялся: «Собирайте старые документы и фотографии, записывайте воспоминания ветеранов революции, гражданской и Великой Отечественной войн, довоенных пятилеток, Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда». Воспитательный и образовательный момент был определяющим.

Пособие было переиздано в 1988 г.⁸⁰ Вместо тринадцати глав-тем стало двенадцать – были слиты в одну главы «Край в период средневековья» и в 1-ой половине XIX в. Произошли изменения в авторском коллективе – перемены коснулись прежде всего авторов без степеней и не работающих в институте.⁸¹ Соответствующие разделы были переписаны – но без перемен концептуального плана. Векания перестройки все же несколько повлияли на содержание и больше внимания было уделено дореволюционному периоду: «Книга расскажет вам о том, как в Оренбуржье проходила Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева, об участии населения края в борьбе с нашествием наполеоновских войск на Россию в 1812 г. и отзвуках в нашем крае восстания декабристов». Но «революционная» составляющая – красной нитью проходящая по всем периодам борьба с угнетателями и возрастание этого угнетения – продолжала существовать: «Вы узнаете, как в борьбе с угнетателями, в противовес политике царизма по разжиганию вражды и ненависти, росло и крепло единство всех наций и народностей. Вы получите представление о социально-экономическом облике края, поймете, почему и как вслед за революционно-демократическим наступил пролетарский этап развития революционного движения в Оренбуржье, как появились первые социал-демократические группы, марксистские кружки, о том, как буря революции 1905-1907 гг. захватила и наш край. «История родного края» расскажет вам о борьбе земляков-рабочих, трудового крестьянства за власть Советов под руководством большевиков, об их мужестве и героизме в борьбе с контрреволюцией, о помощи В.И. Ленина в подавлении дутовского мятежа и награждении трудящихся города Оренбурга за вклад, внесенный ими в дело спасения революции Почетным революционным знаменем ВЦИК»...

В 1996 году увидело свет учебное пособие «История Оренбуржья».⁸² Новацией было заявлено то, что события и факты в данной книге освещались «в связи с деятельностью многих известных в истории края личностей»: были сделаны вставки в виде глав - биографических очерков. Появились новые сюжеты, параллельно остались старые, идеологизированные. Появившиеся в тексте отдельные критические замечания в адрес сталинского режима не могли скрыть основной линии изложения советской истории края – движения от успеха к успеху под руководством партии. Самый серьезный изъян книги заключался в том, что она была лишь доработанным и улучшенным, но только переизданием. А между тем, время изменилось; открылись новые аспекты региональной истории, стали появляться иные варианты видения прошлого, начались дискуссии в научной среде, история из академической науки стала явным оружием, и не всегда честным. Эта книга не отвечала и не могла дать ответ на современные «вызовы времени». Пособие вызвало резкую критику у соседей – в частности, в Башкирии, прежде всего за игнорирование факта возникновения Оренбуржья на башкирских землях. Пособие вызывало нарекания со стороны учителей, справедливо указывавших на методические

---

⁸⁰ История родного края. Учебное пособие для учащихся VIII – X кл. сред. школ [Оренб. обл.] Челябинск, ЮУКИ, 1988. Составитель - П.И. Сучков Научный редактор - Л.И. Футорянский. Авторский коллектив: Н.Л. Моргунова (глава I), С.А. Попов (глава II), Ю.С. Зобов (главы III, V § 1, 2, 3, 5), П.Е. Матвиевский (глава IV), Ю.П. Злобин (глава V § 3,4, глава VI), Н.И. Сайгин (глава VII), Л.И. Футорянский (предисловие, главы VIII, IX, X, XI §2), В.Т. Лукьянов (глава XI § 1, 3, глава XII).

⁸¹ При этом текст порой оставался прежним: так, автором главы III «Наш край в составе Российской империи первой половины XVIII в.» в учебнике 1976 года был назван С.А. Попов, а тот же текст (лишь с небольшими заменами слов) в книге 1988 г. был дан за подписью Ю. Зобова.

⁸² История Оренбуржья. Учебное пособие. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1996. 351 с. Составитель и научный редактор Л.И. Футорянский. Им же написана большая часть статей; прочие авторы: Ю.С. Зобов, Ю.П. Злобин, Д.А. Сафонов, М.М. Бадретдинова, В.А. Лабузов, Р.К. Кузахметов, В.А. Коваленко, Р.Р. Хисамутдинова.

просчеты и недостатки. Но за неимением альтернативы, им приходилось работать с данной книгой.

Подводя некоторый итог рассмотрения учебников «советской» поры – а сюда вполне можно отнести и последний 1996 года - отметим их схожие черты и проблемы.

Важно указать - концепции истории региона не существовало. Впрочем, она и не могла сложиться. Концепция отечественной истории («истории СССР») была одна и потому для региональной истории оставался лишь один путь, одна перспектива – иллюстрирование местным материалом отдельных тезисов базовой концепции. Например, кризис помещичьего хозяйства накануне отмены крепостного права подкреплялся данными о состоянии помещичьих хозяйств в Оренбургской губернии; тезис о революционных ситуациях в XIX веке безусловно подтверждался местными примерами революционной активности и проч. Существовавшие отдельные сюжеты и моменты оренбургской истории никак не создавали целостной концептуальной картины происходившего – по сути это был мозаичный рассказ, перечисление событий в определенной последовательности. В то же время, даже такой вариант изложения в итоге создавал своеобразную концепцию, ибо вольно или невольно, но определенная логика изложения неизбежно присутствовала. Самый серьезный момент – из-за которого у нас более всего трения с башкирскими соседями – это заявление, что Оренбуржье возникло на пустующих землях юго-востока и никаких иных народов тут «не стояло». Второй, с ним связанный: определение территории «нашего края». Ранее принятый подход: «наш край в период Золотой Орды» и т.п. в принципе антинаучен, поскольку никакого Оренбуржья вплоть до XVIII века не существовало; как не было на нынешней территории предков абсолютного большинства сегодняшних оренбуржцев. И третий: история Оренбуржья – есть прежде всего история **освоения** пустынного края **русскими**. С учетом частых перемен административных границ края, повествование было в основном ограничено районами Оренбурга и Орска.

Ощутимым минусом пособий, все более усиливавшимся от издания к изданию, было сворачивание участия в проекте педагогов и методистов. В книге 1976 года по нескольким вопросам давалось только после глав, к документам никаких вопросов не было вообще. Задания были рассчитаны более на жителей областного центра – посетить музей, совершить экскурсии. В следующем издании 1988 г. педагогическая составляющая еще более сузилась – исчезли документы. Не было нужной работы с терминами. За все годы не было ни одной попытки создания методического пособия для учителей. Не существовало и «взрослой» истории края – учителю просто не по чему было готовиться к уроку. При схожести изданий 1976 и 1988 гг. стал меняться текст пособия - он стал более насыщенным с фактической стороны, поскольку авторы дополняли каждый свой раздел данными, полученными ими в результате научного поиска. Так, в издании 1988 г. были ощутимо расширены рассказы о положении в крае после Крестьянской войны, об участии оренбуржцев в войне 1812 года, о народничестве; в издании 1996 года - о роли ссылки в истории края, о научных обществах, многопартийности в начале XX в. и др. Новые сюжеты были добавлены не столько потому, что это было так важно для понимания предмета, но было интересно и ново для того или иного автора. Но при этом сохранялись и старые сюжеты в тех формулировках и в тех выражениях, которые давно устарели. Например, в пособиях 1976 и 1988 гг. П. Матвиевский писал о двадцати «восстаниях» в крае в период 1817-1825 г. Данные были им взяты из собственной статьи – но 1952 года.⁸³ Разумеется, в ту пору так было принято писать; но спустя четверть века в понятиях «восстание» и «волнение» давно были проведены четкие разграничения.

Пособие все более «уходило» от того, каким должно быть настоящее учебное издание, превращаясь в книгу для чтения. Издание 1996 года было логическим завершением этого процесса. Оно адресовалось «учителям и учащимся средних учебных

---

⁸³ К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкалов. ГПИ. Вып.6. 1952. С.215-257.

заведений и студентам». В итоге получилось нечто, тщетно пытающееся объединить под одной обложкой несколько несоединяемых изданий: учебник, книгу для учителя и книгу по истории родного края для всех интересующихся. Как учебник для школ, пособие было слабо с методической точки зрения (не было нумерации параграфов и вопросов; вызывали вопросы размеры параграфов⁸⁴) и не состыковано с общегосударственным учебником. Как пособие для учителей, оно не давало педагогам дополнительной информации, по сути, ставя учащихся и учащихся в одинаковые условия относительно информационных возможностей. Для интересующихся историей рассказ был по-учебному назидателен и краток. Обходились сложные, спорные вопросы, не давались варианты суждений. Переизбыток цифровых показателей делал текст местами просто скучным.

Опыт издания пособий по истории Оренбуржья убедительно свидетельствовал, что большой коллектив авторов для учебника просто вреден. Это лишает учебник авторского видения не событий оренбургской истории, а самой оренбургской истории, ее концепции, логики.

Нельзя не упомянуть и еще об одной не самой принципиальной, но немаловажной детали. Речь идет о языке книг и о терминологии, используемой в пособиях. В любой иной публикации это было бы не так принципиально; каждый автор имеет право на свое толкование терминов, понятий и т.п. Но не в школьном учебнике. Отсюда важно указать стилистические и терминологические неточности. Перечислять все – не смысла; отметим парочку в качестве примера. Так, используется понятие «казахские ханства» - понятие исторически неграмотное, поскольку ханств у казахов не было, как не было государственности в европейских критериях XVIII века. Племена объединялись в жузы, которые также не были государствами, но государственными образованиями. Очень популярен оборот – «жуз принял подданство России». Жуз не принимал подданства, да и подданства России не существовало. В монархических государствах присягал вассальный правитель монарху, и в случае кончины одной из сторон, присяга повторялась. Упреждая возможные обвинения в «буквоедстве» и придираках, заметим, что в отношении детей подобная неаккуратность просто не приемлема; ведь никому не придет в голову на уроке математики говорить, что «дважды два – где-то четыре или чуть больше трех».

Пожалуй, единственным удачным изданием следует признать увидевшую в 2004 году книгу Н.Л. Моргуновой «Археология Оренбуржья».⁸⁵ Начать с того, что только эта работа обладает всем тем, что полагается иметь учебному пособию для детской аудитории: хорошую бумагу, четкий шрифт, цветные иллюстрации, причем в достаточном количестве, дополнительную информацию «на полях», вопросы «для размышления», список литературы – причем не из «дежурных» имен, а действительно дополняющий, именной указатель, очень уместный «указатель археологических понятий» и, наконец, указатель исследованных памятников археологии в Оренбургской области..

Автору удалось уйти от раздражающего глаз специалиста оборота «Оренбургский край в древности»: рассказ ведется не о народах, проживавших на территории «нашего» края, но о народах, чьи следы были обнаружены археологами на территории Оренбуржья.

В определенном смысле данная книга продолжала курс предшествующих – дать больше информации по предмету. Но в отличие от них, автор прямо заявляла, что это – книга для широкого круга читателей, но она может использоваться и как учебное пособие в средней и высшей школе. Такое заявление снимало возможные претензии по стилю изложения, объемам параграфов и прочим замечаниям методического характера.

В 2006 году в издательстве ОГПУ вышло наше учебное пособие «История Оренбургского края», определенное нами как экспериментальное – в том смысле, что в нем был ряд новаций по сравнению с предшествующими книгами, но не все из них были должным образом просчитаны с методической точки зрения. Тексты отдельных параграфов были слишком велики, чтобы их освоить на одном уроке. Именно поэтому

⁸⁴ Так, «Начало заселения» имеет объем 14 страниц, а «русско-японская война» - полторы страницы.

⁸⁵ Моргунова Н.Л. Археология Оренбуржья. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2004. 112 с.

отдельные главы и параграфы мы рекомендовали для самостоятельного изучения – иными словами, они выступали как дополнительный материал, необходимый не столько для заучивания, сколько для лучшего понимания происходившего. Некоторые сюжеты были включены не по причине их принципиальной важности для понимания концепции курса, но потому, что таковые всегда вызывали интерес у учащихся. Большое количество точных цифровых данных в учебнике мы приводили намеренно – для того, чтобы учитель мог организовать на уроке работу с ними: сопоставление, анализ и т.п. Не имея возможности четко определить, для какого конкретного возраста (конкретного класса) создано данное пособие – по причине неясности относительно того, в каком именно классе должен изучаться региональный компонент – мы полагали уместным использование материалов пособия при изучении соответствующих тем общероссийской истории.

Пособие учитывало как положительный, так и отрицательный опыт создания учебников по оренбургской истории, а также замечания, высказанные по его концепции и отдельным сюжетам учителями и методистами Оренбурга, Тюльгана, Бугуруслана. Текст был апробирован в качестве спецкурса на заочном отделении исторического факультета ОГПУ. По некоторым темам давались уроки в гимназиях. В видении отдельных тем мы расходились с существующей традиционной схемой. Материалы учебника составили основу для цикла краеведческих передач «Мое родное Оренбуржье», созданных ГТРК «Оренбург» в 2007-м году.

Отметим ряд принципиально новых, на наш взгляд, моментов. Наше пособие не было простым информационным дополнением к соответствующему федеральному учебнику, оно выступало как самостоятельная работа. Это не было также переписыванием старых учебных пособий с механическим дополнением новых фактов и данных, или же только пересмотром концепции прежних – т.е. с отказом от т.н. марксистской концепции. В основе лежит авторская концепция истории края, рассматривающая эту историю как единый процесс, где все звенья (в тексте – главы) взаимосвязаны и находятся во взаимовлиянии. Мы отказались от терминов, «навязывающих» ученику ту или иное восприятие: например, фраза «Оренбург был **освобожден** от дутовцев» сразу расставляет нужные акценты.

По нашему убеждению, была необходима смена приоритетов – если ранее, например, кровавые события пугачевщины или гражданской войны описывались весьма подробно, причем с очевидным выбором в пользу одной из сторон, то теперь акцент переносился на мирные, созидательные начала.

Мы отказались от однобокого рассмотрения истории Оренбуржья, имевшего место ранее, когда наши учебники подвергались критике из соседних республик за «русскоцентризм». Наряду с историей административного строительства губернии мы рассматриваем и историю «мусульманских» народов, их культурные достижения, причем как часть истории края. Именно история края легла в основу работы, вот почему мы полагали правильным начинать повествование с начала освоения региона Россией.

Современная позиция регионоведения – рассмотрение региона как единого целого, а его населения как общности. Полностью соглашаясь с этим, считаем необходимым указать на локальную проблему – запад современной области (Бузулук и Бугуруслан) почти на сто лет выходил за пределы административного образования «Оренбуржье» и, соответственно, как бы «выпадал» из общего повествования. Мы сочли необходимым добавлять материал по этим уездам, хотя они и находились на тот момент в Самарской губернии.

Как показывает практика, учащимся по области интересна не только история Оренбурга, но и своей «малой родины». Поэтому мы полагали важным упоминания о других населенных пунктах края.

Последним по времени издания является пособие в двух частях «История Оренбургская» - 2008 год.⁸⁶ Следует признать, что придумывать оригинальное название учебника становится все сложнее и сложнее. Первое впечатление: авторы не владеют реальной картиной – они заявляют, что «со времени выхода в свет последнего учебника по истории Оренбургского края, предназначенного для учащихся средних школ, прошло уже 18 лет».⁸⁷ Получается, что последний учебник был в 1990 году, хотя «История Оренбуржья» вышла в 1996-м, а наша «История Оренбургского края» - в 2006-м. Можно предположить, что авторы не знакомы с нашей работой, или по каким-то субъективным причинам не желают о ней говорить – это ладно; но трое из четырех авторов данного пособия были авторами в 1996-м. Впрочем, и с нашей работой, оказывается, авторы пособия знакомы - и еще как! Мы встречаем свои тексты, воспроизводимые абзацами, разве что иногда с заменой одного-двух слов - об оренбургских декабристах, о хивинском походе, литературе и искусстве первой половины XIX в., о музыкальной культуре, литературе второй половины века, о политической деятельности на выборах в Думу... Впрочем, мы не единственный не указанный в выходных данных «соавтор» - встречаются абзацы из прежних учебников и книг, принадлежащих перу Ю.С. Зобова (об оренбургских декабристах, о политической ссылке, переселенцах пореформенного периода, театре в Оренбурге во второй половине XIX в. и др.) и С.А. Попова (о Пугачеве из публикации 1956 года).⁸⁸

История края, судя по пособию, делится на два периода: «с древнейших времен» до 1920 года и, соответственно, после 1920-го до конца XX века. Аргументации, почему делается именно так – нет. Каждая часть имеет собственное вступление с заявлением программного характера. Во введении к части первой заявлено намерение авторов «изложить историю края на современном научном уровне», «учесть все последние достижения исторической науки в этой области». «Учитывания» (если под таковым не имелось в виду сплошное цитирование) мы особо не наблюдаем. Напротив, изложение по многим позициям таково, что создается стойкое впечатление, что за последние лет двадцать никто ничего нового по истории не писал (или – не читал?): тут и великие заслуги Кирилова, и сплошь выдающиеся губернаторы, и «народное» «пугачевское» восстание.... Только одна иллюстрация. В первые пореформенные годы по приказам губернаторов, пишет автор в 2008-м году, - «в 1861-1863 годах в районы «беспорядков» 13 раз высылались воинские команды для подавления волнений».⁸⁹ Вообще, эту фразу мы встречаем в соответствующей главе, написанной покойным Ю.С. Зобовым в пособиях 1976, 1988, 1996-го гг.⁹⁰ Но есть **но** – Ю. Зобов писал о двух годах (1861-1862), а не о трех. Кроме того, с 1990 года существует наша книга по крестьянскому движению XIX века, где приводится точная хроника крестьянского движения – так что любой желающий в состоянии сам убедиться, что приведенные данные занижены. Там же, кстати, давались подсчеты о том, что в 50% случаев команды не «подавляли» волнений, но служили задаче демонстрации силы. Кстати, эта книга приведена в конце пособия 2008 г. в «списке дополнительной литературы».

Достаточно обязывающее звучит и другое заявление, что «основная цель пособия – дать системное представление об истории края». Что такое – системное – не разъяснено;

---

⁸⁶ История Оренбургская. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ. В 2-х ч. Часть 1: С древнейших времен до 1920 года. / Злобин Ю.П., Поляков А.Н. Оренбург: Оренбург. лит. агентство «ОРЛИТ-А» 2008. 224 с.; История Оренбургская. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ. В 2-х ч. Часть 2: Попытка построения социализма. Переход к рыночной экономике. 1920-е годы – конец XX века. / В.А. Лабузов, Л.И. Футорянский. Оренбург: Оренбург. лит. агентство «ОРЛИТ-А» 2008. 195 с.

⁸⁷ История Оренбургская. Ч.1. С.6.

⁸⁸ По местам событий Крестьянской войны 1773-1775 гг. // По родному краю. Чкалов: Чкалов. кн. изд-во, 1956.

⁸⁹ Там же. Ч.1. С.168.

⁹⁰ Соответственно: С.55; С.49; С.110.

если же идти от текста, то налицо старая схема – «с древнейших времен» и старые оценки. «Русскоцентристская» схема изложения по-прежнему преобладает. Трудно согласиться с тезисом, что сегодня «территория страны вернулась к границам XVII века... Все это произошло, в немалой степени, благодаря забвению настоящей истории русского народа, и, как следствие, неправильного воспитания (?)».⁹¹ История русских и строительства русской государственности на юго-востоке оказываются в центре внимания. Повышенное внимание к казакам – «История сохранила имена некоторых казачьих удальцов, первыми (!) ступивших на яйцкую землю и отстоявших ее за Русью»⁹² - удивительно сочетается с безразличием к представителям других народов. Например, чтобы сосчитать конкретно упомянутых в пособии исторических деятелей - татар, хватит одной руки. В рассказе о пугачевщине казачьи атаманы поименованы по имени-отчеству, прочих же командиров «было 30 башкир и 20 татар». Неудивительно, что авторы даже используют оборот «туземная родовая знать».⁹³

Свои особенности имеет введение к части 2-ой. Признав историю Оренбуржья в XX веке «крайне противоречивой и сложной», авторы почему-то утверждают, что «до недавнего времени история Отечества преподносилась односторонне, в одной плоскости, лишь черно-белыми красками»,⁹⁴ не уточняя, когда именно было это «недавнее время». По их мнению, в повествовании должны присутствовать и полутона – как пояснялось, «новый подход не означает отрицания тех положительных моментов и явлений, которые были присущи советскому обществу». Отсюда заявлялась цель «показать имевшие место процессы в их совокупности, без прикрас и особой драматизации».⁹⁵

В итоге повествование выглядит достаточно странно – основной текст параграфа излагается в мажоре (за исключением, разве что рассказа о репрессиях 30-х гг.), а выводы неожиданно в миноре: «Таким образом, период 1930-х годов в Оренбуржье отличался крайней противоречивостью»; «Таким образом, культурная жизнь области развивалась достаточно противоречиво»; «Таким образом, процесс демократизации политической системы, проходившей на протяжении 50-х годов, не затронул основ власти партийной бюрократии»; «Таким образом, развитие культуры и образования во второй половине 40-х – первой половине 60-х годов, нельзя оценить однозначно»; «Таким образом, к концу 1990-х годов сельское хозяйство области находилось в глубоком кризисе»; «Таким образом, развитие науки, культуры, образования Оренбуржья в 90-х годах XX столетия нельзя оценить однозначно».⁹⁶

Есть серьезные замечания методического характера. В частности, объем параграфов неодинаков: некоторые чрезвычайно длинны (9-16 страниц), иные же, напротив, очень коротки (2,5 - 3,5 страницы). Отдельные тексты перенасыщены фактическим материалом, совершенно излишним для учащихся. Например: «печенеги делились на восемь племен: иртим, цур, гила, талмат и другие».⁹⁷ Или: «К 1744 году в губернии разместились четыре ландмилицейских полка: Шешминский, Сергиевский, Алексеевский и Билярский, а также четыре гарнизонных: Пензенский, Уфимский пехотный, Уфимский драгунский и Оренбургский драгунский».⁹⁸

⁹¹ Там же. Ч.1. С.6. Посудите сами – как можно говорить о XVII веке, когда Оренбург создан в XVIII-м?

⁹² Там же. Ч.1. С.35.

⁹³ Там же. Ч.1. С.49.

⁹⁴ История Оренбургская. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных школ. В 2-х ч. Часть 2: Попытка построения социализма. Переход к рыночной экономике. 1920-е годы – конец XX века. / В.А. Лабузов, Л.И. Футорянский. Оренбург: Оренбург. лит. агентство «ОРЛИТ-А» 2008. С.5.

⁹⁵ Там же. Ч.2. С.6.

⁹⁶ Там же. Ч.2. С.63, 71, 100, 138-139, 182, 189.

⁹⁷ Там же. С.27. Логического объяснения, затем ученикам нужно знание названий печенежских племен, и что учителям следует отвечать на вопрос – каковы названия четырех прочих – и др. - нет.

⁹⁸ Там же. Ч.1. С.57.

Есть неточности, в принципе простительные для научной работы, но важные в учебной литературе. Так, неоднократно говорится о присяге башкир «русской короне»⁹⁹, башкиры якобы накануне Оренбургской экспедиции обладали «автономией».¹⁰⁰ Наблюдаются расхождения в приводимой информации: Так, на стр.15 второй части написано: «Еще **24 августа** 1920 года Декретом ВЦИК и СНК за подписью В.И. Ленина и М.И. Калинина была образована Киргизская АССР». Переворачиваем несколько страниц: «**26 августа** этого же года декретом ВЦИК и СНК была образована Киргизская АССР».¹⁰¹ Также дважды в разных местах сообщается, что Оренбург стал столицей КССР. На наш взгляд, практика – реальное преподавание по данному пособию – достаточно быстро высветила бы имеющиеся недостатки.

И, наконец, существует еще одна учебная книга – «История Оренбуржья» Д.А. Сафонова и О.В. Гаврилова. Гриф «учебника для учащихся 7-11 классов общеобразовательной школы» был ей присвоен решением координационно-экспертного совета Министерства образования Оренбургской области 14 мая 2007 г. Право на издание было передано издательству МГУ (г. Москва). Учебник подготовлен с учетом всех требований, предъявляемых к детской учебной литературе, он обрел прекрасное методическое обеспечение, цветные иллюстрации, практически к каждой теме созданы оригинальные авторские карты, не имеющие аналогов. К нему создана учебная программа, готовятся методические рекомендации для учителей. Свообразным подспорьем учителю может служить и данная книга.

---

⁹⁹ Там же. Ч.1. С.40,41.

¹⁰⁰ Там же. Ч.1. С.43.

¹⁰¹ Там же. Ч.2. С.40.

Глава 3. Понятие Оренбургского края и его границ

Если судить по нашим учебным пособиям, то вопрос о том, что является предметом изучения, внятно нигде и никогда не был определен. Так, пособие 1976 г. уже во введении говорило об Оренбуржье, Оренбургской губернии и Оренбургской области как чем-то едином. Пособие 1988 года декларировало историю Оренбургской области «от древнейших времен до наших дней». В 1996 году говорилось обтекаемо об «Оренбуржье». В издании 2008 г. давалось пояснение: «Понятия – «Оренбургский край», «Оренбургская губерния», «Оренбуржье», «Оренбургский регион» - используются в пособии как синонимы... Древнейший период истории края освещается в границах современной Оренбургской области, со времени основания Оренбурга и возникновения губернии – в пределах тех административных образований, в которых Оренбург был центром или находился в их составе». Если немного поразмышлять, то изъян такого подхода станет очевиден: для XVIII века объектом изучения должны стать казахские степи до Арала, для XIX-го: + территории современного Башкортостана, для XX-го: + вся Киргизия и Среднее Поволжье, поскольку в определенные годы Оренбург «находился в их составе». Вопрос об изменениях границ, порой значительных, оренбургского региона на протяжении нескольких веков, авторы учебников явно старались обходить. В книгах 1976 и 1988 годов специально упоминалось только о границах губернии в XVIII в., а весь последующий рассказ строился прежде всего вокруг Оренбурга. Очень коротко упоминалось, что недолго город был столицей КССР, и что какое-то время он был Чкаловом. Схема сохранилась и в книге 1988 года: рассказ о границах XVIII века, а потом все время упоминания о «губернии». Это могло создать искаженные представления у детей – поскольку, например, упоминания о событиях в период революции 1905-1907 гг. в Бугуруслане и Бузулуке, наряду с событиями в Орске и Оренбурге неизбежно подводили читающего к мысли об их единстве в границах одного административного образования, чего на деле не было. По XX веку все то же – коротко о КССР и Чкалове, только прибавилось, что имя городу было возвращено якобы «по просьбе трудящихся». В 1996-м обнаружили положительные подвижки: появилась карта губернии в первой половине XIX века, особый параграф «Оренбург – столица Казахстана». Хотя карта не комментировалась, и о разделе губернии в 1865 году не было ни слова, так что можно было полагать, что такой губерния и была вплоть до революции. А «казахстанская» страница оренбургской истории преподносилась исключительно комплиментарно, как акт помощи «русского» народа казахскому в деле строительства последним своей государственности.¹⁰² О пребывании в Средневолжской области, и переименовании областного центра упоминалось крайне скупно, одной-двумя фразами, причем авторы порой сбивались, по-прежнему говоря об «Оренбургской области». В 2008-м исчезает детализация состава губернии в XVIII веке, но, что положительно, появляется рассказ о составе губернии в первой половине XIX века, о дуализме власти гражданского и военного губернаторов, об Оренбургском генерал-губернаторстве. По XX-му веку относительно внятно изложено о пребывании Оренбургской губернии в составе КССР, хотя по логике повествования выходило, что губерния в начале XX в. и губерния, вышедшая из КССР в 1925 г., суть одно и

¹⁰² Интересно, что в пособии 2008 г. данный тезис уже оспаривается – при том, что автор 1996 и 2008 года один и тот же.

то же. Но вот последующие административные изменения даются крайне путано: в первом же параграфе по 30-м годам на одной странице одновременно упоминается об Оренбуржье, Чкаловской области, Оренбургской области, Оренбургском округе.¹⁰³ Пояснений о переименованиях, административных переменах – вроде вхождения Оренбургской губернии в Средневолжскую область – не давалось. Неудивительно, что чаще всего использовалось абстрактное понятие «Оренбуржье». Конечно, это снимало все неясности; но авторы пытались сопоставлять статистические показатели без учета административных изменений.

Как показывает наш опыт работы в школе, вопрос о границах нашего края на разных этапах истории всегда вызывал и вызывает интерес у учащихся. Не следует думать, что если в нашем регионе нет жесткой конфронтации по территориальным претензиям, то нет и такой проблемы. Она существует, и определенные силы ее подогревают, просто применительно к нашему юго-востоку споры *пока* носят «академический» характер, ведутся на страницах книг и учебников – об «исконных», «захваченных», «оккупированных» землях, «исторических» правах того или иного народа на тот или иной конкретный участок. Но если не давать своевременного отпора, то проблема уйдет со страниц.

Если исходить из сегодняшней ситуации, то ответ на вопрос, что такое оренбургский регион, более чем очевиден – это территория Оренбургской области. Очевидные нестыковки и несуразницы начинаются тогда, когда мы попытаемся проследить преемственность в административном устройстве «Оренбуржья» на протяжении трех веков – при том, что на каждом историческом этапе фактически существовало **свое** Оренбуржье....

Конечно же, термин «Оренбургский край» предполагает соответствующее наличие центра, и, естественно, в г. Оренбурге. Однако, так считаем только мы. По мнению историков сопредельных регионов край следует именовать иначе: историки Башкирии (как времен БАСССР, так и нынешней РБ) рассматривали и рассматривают Оренбуржье как часть Башкирии, точнее, ее южную часть; историки Казахстана – соответственно, как северную, но Казахстана. В работах самарских исследователей речь идет о Заволжье. Используемое оренбургскими авторами определение «Южный Урал» идет как синоним «Оренбургского края», а для челябинских «Южный Урал» это современная Челябинская область.

В итоге если сегодня историю какого-либо края и пишут, то стараются ориентироваться на современные границы; даже при заявляемых намерениях отразить историю всего субъекта. События в тех районах, которые находятся сегодня за пределами субъекта федерации, почти не рассматриваются (например, о событиях в Челябинском уезде Оренбургской губернии XIX века подробно пишут в челябинской «истории родного края»). В то же время события в тех районах, которые теперь в составе области, но в прошлом были за ее пределами, упоминаются эпизодически; при этом сами авторы явно ощущают ущербность подхода – рассмотрение истории края с едва ли не механическим прибавлением истории кусочков сопредельных территорий не дает целостной картины. В итоге рождается также ущербное повествование с очевидным «оренбургоцентризмом» - все сводится к истории небольшого «неизменного» кусочка территории от Оренбурга до Орска.

Если не учитывать административных изменений, то можно попасть в ловушку «лукавой статистики»: сопоставляя несопоставимые статданные и показатели только на том основании, что в обоих случаях речь идет об «Оренбургской губернии». Один пример:

---

¹⁰³ История Оренбургская. Ч.2. С. 43.

в 1850 году из состава губернии были выделены Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды с причислением их к губернии Самарской. Отсюда в первой половине века в губернии было 12 уездов, а во второй – 9. Сопоставление данных, даже по одной губернии в различные периоды ее истории, может быть эффективным **только** при равенстве исходных. Изменение территории (увеличение или уменьшение ее) «взрывает» итоговые среднестатистические показатели, делает их несопоставимыми – при кажущейся сопоставимости.

Посмотрим, что представляла собой «оренбургская» территория с точки зрения административной на протяжении трех столетий. Начало ее следует отсчитывать от 1744 года, когда была создана собственно губерния. Впрочем, создана она была достаточно условно, прежде всего в политическом смысле.

Указом 15 марта 1744 г. огромные пространства Южного Урала обрели, наконец, административную завершенность – образовывалась Оренбургская губерния. Во многих изданиях, в том числе и учебных, воспроизводится карта губернии 1744 года. Она производит впечатление своими размерами: Исетская, Уфимская провинции, крепости по Яику и Сакмарю, Ставропольская крепость на западе и до Арала на юге. Более чем очевидно, что границы на картах были проведены на основе перечня территорий, включенных в губернию согласно указу 1744 г. Однако, составители карты явно не вдавались в подробности взаимоотношений с казахами. Тонкость состоит в том, что у вновь созданной губернии не было четко проведенных границ, особенно на юге. Да их и не могло быть. Составители карты знали о том, что Младший жуз оказался в зависимости от России и, видимо, на этом основании указали его территорию в составе Оренбургской губернии. В том-то и дело, что жузы не имели четко определенных границ даже между собой. Кроме того, присяга хана Абулхаира вовсе не означала включения жуза в состав России – только установление вассальных отношений. На территориях, подконтрольных казахам Малого жуза, не было (и не могло быть) никаких признаков российского присутствия – администрации, поселений и т.п. Собственно и губернии, в традиционном понимании таковой, еще не было. Речь шла о некоторой переориентации управленческих структур юго-востока на новый административный центр – Оренбург. В дальнейшем по указу Сената от 16.4.1744 г. в ведение Оренбургской губернии вошла Ставропольская крепость, населенная крещеными калмыками. Указом Сената от 31.8.1773 г. из Казанской губернии была передана Самара.

Территории современного северного Казахстана не входили в состав губернии, как, впрочем, и в состав империи – и долго еще, до 30-х годов XIX в., юго-восточная граница империи проходила по реке Яик/Урал. Указ 15.3.1744 года передавал «киргизский народ и пограничные дела» в **ведение** Оренбургского губернатора: «оренбургской комиссии делам быть в той же губернии, а особливую комиссию не именоваться, ему же губернатору ведать и киргизский народ и тамошние пограничные дела так, как поныне в оренбургской комиссии находятся».¹⁰⁴

В декабре 1781 г. Оренбургская губерния была упразднена и влита в Уфимское наместничество как область. После ликвидации наместничества в декабре 1796 года губерния была восстановлена. Высочайшим повелением 23.3.1797 г. все губернские учреждения были переведены из Уфы в Оренбург. Все это были попытки оптимизировать систему управления огромным и слабонаселенным регионом с крайне слабыми коммуникациями. В самом начале XIX века в губернии работала комиссия сенаторов Спиридова и Лопухина, которые в рапорте Сенату в августе 1800 г. констатировали, что Оренбург не в состоянии выполнять функции губернского центра.

Указом 5.3.1802 г. центр губернии был перенесен в г.Уфу, где оставался до 1865 года: возник дуализм управления. В Уфе находился гражданский губернатор, там же находилось большинство административных учреждений. В Оренбурге находился

¹⁰⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. С. 51.

военный губернатор, пользовавшийся правами генерал-губернатора и ведавший военными и пограничными делами. Поскольку губерния была приграничной, то неудивительно, что военный губернатор играл более важную роль.

В это же время менялись южные рубежи - с 8.5.1816 г. к губернии (и, соответственно, к империи) была присоединена изъятая у казахов территория на левом берегу р. Урал около 600000 дес. (треугольник между рр. Уралом, Илеком, Куралой и Бердянкой). Причина – стремление сделать безопасным пользование илецкими соляными копами. Указом 12.12.1840 года этот участок окончательно был включен в состав земель ОКВ. Второе отчуждение земель у Малого жуза было сделано в 1835 году, когда граница была перенесена еще южнее, почти по прямой между крепостями Орской и Троицкой. Этот района стал называться «ново-линейным», и имел площадь до 10100 кв. верст.

В административном отношении губерния делилась на 12 уездов. Разобщенность управления на два центра приводила на практике к дублированию распоряжений, многочисленным курьезам и недоразумениям и препятствовала оперативному решению насущных проблем. Ранее все попытки разрешить проблему сводились к переносу центра из Уфы в Оренбург и обратно. Эффективно управлять такой огромной территорией было весьма сложно, почему и решено было губернию поделить. В декабре 1850 г. была образована Самарская губерния, куда из Оренбургской были переданы западные уезды - Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский. В Самаре также появился гражданский губернатор. Обе губернии составили генерал-губернаторство, особую административную единицу, создаваемую на окраинах империи в оборонительных целях. Его начальник назывался оренбургским и самарским генерал-губернатором и Самарская губерния продолжала подчиняться в военном отношении Оренбургу. В феврале 1865 года Самарская губерния была изъята из ведения начальника Оренбургского края: она стала губернией внутренней; а Оренбургская по-прежнему оставалась особой, окраинной, пограничной. Теперь генерал-губернаторство называлось Оренбургским, а генерал-губернатору были подчинены Оренбургский корпус, Оренбургское, Уральское казачьи и Башкиро-мещерякское войска, он являлся командующим образованного Оренбургского военного округа.

Но и такая губерния была весьма велика – ее площадь составляла почти 300 тыс. кв. км., с населением, приближающимся к двум миллионам человек. Примерно с 1858 г. оренбургские власти вновь стали поднимать вопрос о дальнейшем разделе губернии для удобства управления ею. Наконец, в мае 1865 г. это произошло; губерния была разделена по Уральскому хребту: местности востока и юга остались в Оренбургской губернии с центром в г. Оренбурге, западные уезды вошли в Уфимскую с центром в г. Уфе. В последнем случае внутренних территориальных изменений между уездами не было – губерния была разделена едва не механически. В именном указе Александра II названа основная причина разделения, заключавшаяся в устранении «затруднений в управлении нынешнюю Оренбургской губернией и в видах лучшего устройства местной администрации». Как видим, на протяжении достаточно долгого времени основным аргументом в пользу преобразований назывались нужды совершенствования управления – чрезмерность расстояний и слабость коммуникаций.

После 1865 года Оренбургскую губернию составляли Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский и вновь образованный Орский уезды - в том же 1865 году станица Орская (бывш. Орская крепость) была переименована в уездный город Орск. В 1856 г. крепость Илецкая Защита стала городом Илецком, а с 1865 г. – безуездным городом. На основании указа от 21.10.1868 г. из «Области оренбургских киргизов» и земель Уральского казачьего войска на территории современного северного Казахстана были образованы две области: Уральская и Тургайская. Главные органы управления Тургайской областью - областное правление, управление командующего войсками, а также военный губернатор - находились в Оренбурге. Две губернии и две области и составляли Оренбургское генерал-губернаторство до его ликвидации в 1881 г.

В начале XX в. Оренбургская губерния имела площадь 165 700 кв. верст, население 2 260 тыс. чел. В пределах губернии существовало Оренбургское казачье войско, занимавшее 81504 кв. верст (примерно 3/7 территории края). В церковно-административном отношении войско входило в Оренбургскую епархию, в гражданском – подчинялось общей полиции и суду. Во всех прочих вопросах войско имело своеобразную автономию, подчиняясь только наказному атаману. В итоге войско было обособленной от остальной губернии территорией.

Серьезные территориальные изменения начались после революции 1917 года. Связаны они были с коммунистической властью, во-первых, и политическими мотивами, во-вторых. В марте 1919 года около 70 волостей с севера губернии были переданы во вновь создаваемую автономную Башкирскую республику. Постановлением Президиума ВЦИК от 3.9.1919 г. северо-восточные Троицкий и Челябинский уезды были выделены во вновь созданную Челябинскую губ. (основной довод – все те же нужды управления). В октябре Верхнеуральский уезд перешел к Уфимской губ. Инициатива «расширить» губернию за счет присоединения районов Кустанайской и Актюбинской губерний с преобладающим русским населением была отвергнута ВЦИКом. На основании постановления II губернского съезда Советов от 25.3.1920 г. уездное деление Оренбургской губернии было упразднено, создано 8 районов: Исаево-Дедовский, Илецкий, Краснохолмский, Оренбургский, Орский, Петровский, Покровский и Шарлыкский.

Все прежние экономические связи оказались разорванными. Еще в мае 1920 г. председатель губисполкома Н.Каширин публично признал показатели экономического развития губернии неутешительными. Фактически губерния в таком составе была не жизнеспособна. Сначала ее попытались укрупнить, соединив в июле с бывшей Тургайской областью (Оренбургско-Тургайская губерния). В пользу данного решения приводились следующие аргументы: Оренбургская губерния, после выделения Челябинской губернии, и присоединения части ее территории к Башреспублике, оказалась в настоящих ее границах в положении полной невозможности существования как самостоятельной административной единицы. Потому «учитывая сильную экономическую зависимость ее промышленности от Киргизского края и Башкирии; признавая громадное культурное и промышленное значение Оренбурга для Киргизии; а также то, что Оренбург является единственным пролетарским центром для Средней Киргизии» совещание ответственных оренбургских организаций по соглашению с Военно-революционным комитетом по управлению Киргизским краем постановило признать необходимым слить Оренбургскую губернию с Киргизской республикой. Просто напомним, что казахов тогда называли киргизами; т.е. речь шла о Казахстане. При этом было решено слить территории «немедленно», не дожидаясь соответствующего решения ВЦИК. Согласно дополнению от 22.9.1920 г. к декрету ВЦИК от 26.8.1920 г. Оренбургско-Тургайская губерния была включена в состав Киргизской Социалистической Советской Республики. А затем, в декабре, она вновь была разъединена на две самостоятельные губернии.

Так, Оренбуржье оказалось в составе другого государства – пусть и автономного. Другое дело, что никто тогда всерьез не принимал государственность Кирреспублики. Достаточно обратить внимание на то, что Первый Учредительный всекиргизский Съезд рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов состоялся в Оренбурге только 4 октября 1920 г. – через два месяца, после того, как республику фактически уже создали. Столицей КССР стал Оренбург. Официально было заявлено, что Оренбург «служил и будет служить как место, где производится товарообмен сырья Киргизии на фабриках России, не говоря уже о том, какое громадное политическое и культурное значение имеет пролетарский Оренбург в полупатриархальном быту Киргизии». На основе оренбургских губернских структур, их кадровой и материальной базе шло создание наркоматов новой республики. Губерния и так не относилась к числу

индустриально развитых, но в составе Кирреспублики на ее долю приходилось 37,4% общего числа промышленных предприятий.

Случившееся Башреспублику не устраивало. Еще в марте 1920 г. Башреспублика предлагала сначала разделить губернское имущество – инвентарь, машины и т.п. Тогда же Оренбургский губисполком выступал за скорейшее проведение твердых границ, «т.к. на этой почве возможны весной кровавые столкновения между русским пограничным населением и башкирским».¹⁰⁵ Была создана междуведомственная комиссия по установлению границ Башреспублики и Оренбургско-Тургайской губернии.¹⁰⁶ В декабре БашЦИК и Башобком партии приняли в одностороннем порядке постановление, включающее Оренбург в состав Башреспублики в качестве столицы. Против выступила Кирреспублика – протокол коллегии НКВД КССР 12.11.1921 г. указывал: «Оренбург как пролетарский центр должен оказывать свое пролетарское влияние на территории КССР».¹⁰⁷ Любопытна была мотивация башкир: в Оренбурге, да и в губернии почти нет казахов, город оторван от степи, и потому учитывать особенности степи сложно. Контрдоводы из Кирреспублики были, как не странно, схожими: Оренбург ощутимо удален от северных кантонов Башкирии и потому «учитывать особенности»... Суть проблемы хорошо выразил выступивший на Коллегии от лица Президиума Оренбургского губисполкома Кравцев - он предложил «предварительно данный вопрос обсудить в партийном порядке, т.к. этот вопрос является главным образом политическим». В итоге вопрос был передан партийным органам. Несколько позже – 12.12.1921 – отдел управления оренбургского губисполкома заявил, что Оренбург «служил и будет служить как место, где производится товарообмен сырья Киргизии на фабриках России, не говоря уже о том, какое громадное политическое и культурное значение имеет пролетарский Оренбург в полупатриархальном быту Киргизии».¹⁰⁸ Тогда же было объявлено, что изначально граница с БССР создавалась по «волеизъявлению» - т.е. туда отходили те территории, население которых заявляло о том желании: башкиры «с национальной точки зрения», а русские – «собственники в большинстве своем кулаки» (имелись в виду крестьяне, высказывавшиеся за уход в БССР в надежде, что там не будет продрозверстки и что советский аппарат Башкирии будет слабее).¹⁰⁹ В конце января 1922 г. пленум Оренбургского губисполкома констатировал, что граница в свое время была проведена в марте 1919 г. по соглашению Российского Рабоче-Крестьянского правительства (т.е. без участия Оренбурга) с Башкирским правительством «в объективных требованиях политического момента гражданской войны» - говоря иначе, вынужденно. Теперь же исполком призывал пересмотреть границы в пользу Оренбурга – из политических и экономических соображений. Согласование границ происходило в течении 1920-1922 гг. – в основном отдельные южные волости БССР передавались новообразованной автономной КССР. Официально КССР и Башреспублика окончательно урегулировали территориальные споры в 1924 г., когда Башкирия отказалась от претензий на Оренбург.

Достаточно скоро ситуацию в регионе изменил процесс национально-территориального размежевания в Средней Азии. К Кирреспублике были присоединены южные области. Потому на повестку дня встал вопрос о перенесении ее столицы куда-нибудь в центральную часть республики, что и было сделано – в 1924 г. столицей КССР стал город Кызыл-Орда (бывший Перовск). Одновременно начался перевод всех органов КССР на государственный язык – казахский. В итоге Оренбуржью грозила перспектива стать национальной окраиной в мононациональной республике. В изменившихся условиях Оренбургский губисполком поставил вопрос о возвращении губернии обратно в РСФСР.

¹⁰⁵ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.139. Л.4.

¹⁰⁶ В нее входили уполномоченные от Башнаркомзема юристконсульт Оренбургского Башпредставительства Артишев и «т. Рахимов».

¹⁰⁷ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.139. Л.15.

¹⁰⁸ Там же. Л.17.

¹⁰⁹ Среди прочих минусов отмечалась потеря поставщиков лесных материалов.

КирЦИК поддержал инициативу. Любопытно, что если в 1920-м всячески доказывалась важность и ценность Оренбурга для Кирреспублики, то теперь с точностью до наоборот доказывалась его ненужность: «Оренбург...как город с исключительно русским населением, не имеющий никакой связи с трудовой киргизской массой, не считался до сих признанным центром»¹¹⁰; «Оренбург совершенно перестал удовлетворять назначению центра. Находясь в нем киргизское правительство было лишено возможности близко руководить советской работой среди широких масс трудового киргизского народа и непосредственно вести основные районы Киргизии по пути хозяйственного и культурного возрождения»¹¹¹; «дальнейшее пребывание центра КССР в Оренбурге, с его европейским населением (как в самом городе, так и в губернии), с его оторванностью от основных масс от коренного населения республики – стало совершенно невозможным» (Предсовнаркома КССР Т.Нурмаков).¹¹²

6 июня 1925 г. Президиум ВЦИК постановил «немедленно включить смету по Оренбургской губернии в бюджет РСФСР, подчинить со дня опубликования постановления все органы губернии непосредственно РСФСР и закончить выделение губернии в двухнедельный срок». Однако процесс выхода оказался достаточно сложным. Споры велись по двум основным вопросам: раздел материальных ценностей и проведение границы. За эти годы власти республики перевели в разряд краевых ряд учреждений и предприятий Оренбурга и теперь ставился вопрос об их переезде наряду с прочими учреждениями Кирреспублики. Эвакуация началась в мае, и завершилась 15 июля, когда последним Оренбург покинул КирЦИК. В нарушение всех решений, активно вывозились все материальные ценности – вплоть до столов и электрических лампочек. Неожиданно сложным оказался вновь возникший вопрос о границах. Началась активная закулисная борьба. Новый вариант административного устройства, предложенный оренбуржцами, создавал казачью губернию (из Оренбургского и Орского уездов, Уральска и части Троицкого уезда). Однако центр наотрез отказался даже рассматривать подобный вариант – настолько сильно оставалось недоверие к казачеству. Окончательное решение было напрямую завязано с экономической целесообразностью – все зависело от решения Госплана. Госплан спроектировал новые границы, исключив из Оренбургской губернии Сорочинский, Токчуранский, Каноникольский, Софиевский и часть Акбулакского районов. Представители БССР и КССР предложили губернию вообще ликвидировать и провести естественную границу по р.Урал, Орский уезд разделить между Уральской областью и обеими автономиями, а Оренбургский и Каширинский уезды¹¹³ объединить в округ и передать Самарской губернии.

Окончательно границы были установлены в августе комиссией ВЦИКа. В ноябре 1926 г. Президиум ВЦИК распорядился в течении первой половины марта 1927 г. передать Оренбургу Ташшинскую и Илекскую (с г. Илеком) волости Илецкого уезда Уральской губернии КССР, как ранее входившие в состав Оренбургской губернии. В мае и октябре граница была исправлена – ликвидированы взаимные вклинивания. Оренбургскими властями поднимались вопросы о возвращении исторических частей губернии: на тот момент южной части Зилаирского кантона БССР, северной части Актюбинского и Челкарского уездов Актюбинской губ. КССР, части Кустанайского округа, Сорочинского района Самарской губ. Итоговых решений принято не было.

На основании постановления Президиума ВЦИК от 30.5.1927 г. было упразднено уездное и волостное и утверждено районное деление Оренбургской губернии из 16

¹¹⁰ «Национально-территориальное размежевание Средней Азии и присоединение к Кирреспублике киргизских областей Туркестана (тезисы для докладчика)». АПО Киробкома РКП(б). [Советская степь. 1924. 14 окт.]

¹¹¹ Советская степь. 1925. 11 февраля.

¹¹² Советская степь. 1925. 15 февраля.

¹¹³ На основании постановления Президиума Оренбургского губисполкома от 7.6.1922 г. были ликвидированы районы и восстановлены Оренбургский и Орский уезды

районов. В рамках этого процесса к губернии были присоединены часть территории Уральской губернии (Илекский уезд) и небольшая часть Башреспублики. Еще в марте местная газета «Смычка» сообщала об обсуждаемых вариантах будущего Оренбуржья: 1) Создание единой Волжской губернии с центром в Саратове, куда и вошла бы основная часть Оренбургской – с главным городом Оренбургом, а Орский уезд отходил бы к Уральской области. 2) Присоединение губернии к Самарской. 3) Пожелание Башреспублики влить Оренбургскую в ее состав. 4) Вероятно, по примеру башкир, Кирреспублика предложила создать Западно-Казакскую область с центром в Оренбурге. 5) Создание особой южно-уральской области с центром в Оренбурге с присоединением земель Башреспублики.¹¹⁴ Но уже в мае (14-го) вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР: губерния преобразовывалась в Оренбургский округ в составе Средне-Волжской области. В начале 30-х годов границы бывшей губернии (Чкаловской обл.) с БССР были несколько выпрямлены: на юге в пользу Чкаловской обл., на севере – в пользу БССР.

В состав Российской Федерации вернулась фактически не прежняя губерния, а «нежизненные экономические остатки Оренбургского и Орского уездов» (из решения пленума Оренбургского губкома 27.1.1922 г): остались 2 анклава с перешейком в 8 верст, площадью 49360 кв. верст с населением 591257 чел. Это составляло 27,1% довоенной территории, и 26,6% населения. Обрабатывающая промышленность составляла 1% от довоенной, лесная – 18%. То же было в сельском хозяйстве – посевы сократились на 57,6%, скот - 50%.

Средне-Волжская область (СВО) (с 1929 года – Средневожский край) включала территории, тяготевшие к р.Волге - губернии Пензенская, Ульяновская, Оренбургская, Самарская. Кроме Оренбургского на интересующей нас территории были созданы Бугурусланский и Бузулукский округа (всего округов было 9). В 1929 г. область стала называться Средне-Волжским краем. Округа делились на районы. Если посмотреть на карту, то СВО представляла собой широкую полосу, простиравшуюся от Пензы до Орска, разделенную почти пополам Волгой. СВО делилась Волгой на две части – Приволжье и Заволжье. К Приволжью относились Мордовская область, Пензенский, Кузнецкий, Сызранский, Ульяновский округа, к Заволжью – Самарский, Бугурусланский и Оренбургский округ. Из-за недостатка средств и времени границы округов и районов не были проработаны до конца; недостатки исправлялись по ходу дела. Округа строились в зависимости от производственной направленности, национальных интересов, экономического тяготения. В Заволжье преобладал производственный принцип. 21.1.1929 г. был издан декрет об изменении внутреннего строения области. В феврале 1929 г. Бузулукский округ был упразднен; его Сорочинский район вошел в Оренбургский округ, остальные районы - в Самарский округ. Число районов было уменьшено до 112: в августе 1930 г. в Оренбургском округе были ликвидированы Домбаровский, Ивановский, Краснохолмский и Троицкий районы. В октябре 1929 г. был образован чувашский национальный район, выделенный из состава Бугурусланского района. Оренбургский округ был далекой восточной окраиной СВО. Здесь была самая низкая плотность населения: на 1 кв. км. приходилось 10,9 человек (для сравнения: в Бугурусланском – 29,7, в Пензенском – 44,6, а в Самарском – 190 чел.). В пределах округа проживало около 12% сельского населения края. Примерно столько же – в Бугурусланском.

В августе 1930 г. округа были упразднены и с этого времени районы непосредственно входили в состав края. 7.12.1934 г. была образована Оренбургская область в составе 52 районов. Средневожский край просуществовал до 27 января 1935 г., и после ряда территориальных изменений был переименован в Куйбышевский край.

В дальнейшем районы области ликвидировались, переименовывались, создавались снова, села приобретали статус рабочих поселков – но все происходило в пределах

---

¹¹⁴ Смычка. 1928. 18 марта.

области, определенных в 1934 году. А после 1983 г. административно-территориальных изменений внутри области уже не происходило.

Глава 4. «Отечества отцы»: оренбургские губернаторы

На протяжении «советских» десятилетий царей в исторической литературе оценивали соответственно – угнетатели и кровопийцы (плюс алкоголики, развратники и т.п. – но это уже в книгах, не предназначенных детям). Исключением был разве что Петр I, выламывающийся из общего ряда «мореплаватель и плотник», да так резко выламывающийся, что даже народные восстания, бывшие во все прочие эпохи делом более чем положительным, в петровскую пору одобрялись с серьезными оговорками – мешали, дескать, царю-реформатору. Неудивительно, что и «слугам царского режима», губернаторам, доставалось по полной программе. Хотя и здесь бывали исключения. В наших учебниках по истории местного края в разные годы были названы: 1976 год: Кирилов, Неплюев, Эссен, Перовский; 1986 год: Неплюев, Рейнсдорп, Волконский; 1996 год: Неплюев, Рейнсдорп, Волконский, Эссен, Перовский. Названные лица упоминались каждый в соответствующем контексте: Рейнсдорп и Эссен – как противостоящие революционным настроениям и действиям (первый – Пугачеву¹¹⁵, второй – «оренбургским декабристам»¹¹⁶); соответственно - неодобрительно. Волконский – как отец декабриста Волконского и потому, несмотря на его странности - нейтрально¹¹⁷. Кирилов, Неплюев и Перовский оценивались как однозначно положительно.

Остановимся на последних поподробнее. Начнем с Кирилова – «отца-основателя» Оренбурга, выдающегося ученого и государственного мужа, «птенца гнезда Петрова»: «выходец из народных низов и крупный ученый» (учебник 1976 г.).

Увы, многое из того, что о нем написано, не соответствует реальности - даже портрета его не существует, а то изображение, которое тиражируется, есть выдумка. Немало туманных мест в его биографии. Еще в далеком 1964 году историк М. Новлянская писала, что вполне достоверных и документально подтвержденных сведений о жизни Кирилова до 1712 г. нет. Существуют некоторые документы о некоем Иване Кирилове, учившемся в навигацкой школе, но, как отмечала она, нет оснований предполагать, что сведения эти относятся именно к интересующему нас Кирилову, а не его многочисленным однофамильцам. Например, ни сам Кирилов, ни его сын, ни современники ничего не говорили о полученном Кириловым образовании.¹¹⁸ С тех пор никто из писавших о биографии Кирилова не доказал обратного. С достаточным основанием можно сказать одно: и сегодня мы не имеем ни одного однозначно установленного факта начального периода его жизни – до Экспедиции. Нет ясности в дате рождения: принято в литературе,

---

¹¹⁵ При этом Рейнсдорп с легкой руки Пушкина (генерал Р. в «Капитанской дочке») воспринимался окарикатурено – при том, что в реальности Рейнсдорп не был похож на себя «литературного» ни внешне, ни по деяниям, ни по интеллекту.

¹¹⁶ Эссен - важный элемент в повествовании об оренбургском заговоре «декабристов», и потому без него обойтись было невозможно.

¹¹⁷ Г.С. Волконский был хорошим военным – видимо, не зря, он получил от А.В.Суворова прозвище «неутомимый Волконский». В 1791 г. в одном из сражений он был тяжело ранен холодным оружием в голову, после чего у него начались проблемы «с головой». И все равно, в 1803 г. он стал оренбургским военным губернатором (до 1817 г.). Все свидетели той поры характеризовали его как человека, мягко говоря, странного, объясняя многие его поступки контузией. Нескольких фактов со знаком «+» для общей картины было достаточно: отзыв Суворова, сын-декабрист, и, раз он занимал пост в 1812 году – организатор оренбуржцев на дело защиты Родины.

¹¹⁸ Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов. Географ XVIII века. М.-Л.: Наука, 1964. С.7.

что он 1689 года рождения. Но есть и иной вариант: 1695 год (И. Трутнев, А. Чибилев).¹¹⁹ Неясно и происхождение – разве что условно приемлемо, что «из народа»: А.Добросмыслов (1900; со ссылкой на В.Витевского (1897)) - «из мещан»¹²⁰; В.Вернадский (1912) - «по-видимому, он вышел из народа»¹²¹; Н.Аполлова (1960) - «из посадских людей»¹²²; Л.Иофа (1949, 1957), Д.Лебедев (1962) - «в семье подьячего»¹²³. Спорно и образование: если В.Вернадский высказывался достаточно корректно, с долей сомнения - «есть указания, что он был воспитанником Навигацкой школы в Москве»; то в дальнейшем сомнение перешло в уверенность: Н.Аполлова - «кончил цифирную школу»; Д.Лебедев - принят в школу «математических и навигацких, тот есть мореходных хитростно искусств учения»; Л.Иофа - навигационную школу. Неясно и начало службы: А.Добросмыслов писал, что он «начал службу в сыском приказе; отсюда переведен в Сенат копиистом»¹²⁴; Д.Лебедев, сообщавший подробные детали биографии, указывал, что о службе 1713-1716 гг. данных «не установлено»¹²⁵; Л.Иофа (1957), напротив, уточнял, что в 1712 г. он был назначен в Москву, в Поместный приказ, а с 1718 г. его перевели в Сенат копиистом, и в итоге стал вторым обер-секретарем Сената. Как видите – с биографией далеко не все ясно.

Остаются еще два принципиальных момента: крупный ученый и крупный государственный муж. Рассмотрим и их.

Начнем с ученого. С конца 1940-х годов утверждается мнение о нем, как выдающемся географе и картографе. Стоит обратить внимание, что произошло признание его таковым именно в ту эпоху, когда времена требовали обязательного обнаружения русских ученых во всех отраслях знаний.¹²⁶ Нельзя не заметить, что все писавшие о Кирилове, сообщая о «значительном вкладе» последнего в науку, ограничивались общими заявлениями.¹²⁷ И это не случайно. Репутация Кирилова-ученого основывается прежде всего на том, что он, как известно, собирал данные по картографии, задавшись целью самостоятельно создать атлас Российской империи на 360 листах. Идея эта, похоже, у него родилась в пику другому ученому – Делилю (между прочим, Л.Делиль де ля Кройер в 1731-1741 гг. был российским академиком!). В 1726 году Петр выделил ежегодную определенную сумму на составление географического атласа Российской империи. Говоря современным языком, «курировали» проект двое – Делиль и Кирилов; один от Академии, другой – от управленцев. Атлас в итоге вышел в 1745 году. Сотрудничества у них явно не сложилось, более того, Кирилов в 1734 г. за свой счет «вдруг» выпустил небольшой атлас Русской империи (одна генеральная и 14 специальных карт). На гравировку его

¹¹⁹ Трутнев И.А. И.К.Кирилов – выдающийся географ XVIII века (к 300-летию со дня рождения) // География в школе. 1990. №3. С.21-23; Чибилев А.А. В глубь степей. Очерки об естествоиспытателях Оренбургского края. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 14.

¹²⁰ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. // Известия Оренбургского Отдела императорского русского Географического Общества. Вып.15. Оренбург, 1900. С.13.

¹²¹ ¹²¹Мы использовали электронную версию работы В.И.Вернадского: В.И.Вернадский. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. // Труды по истории науки в России. Москва: Наука, 1988. Все ссылки даны на главу 4.3.

¹²² Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX вв. М., 1960. С.96.

¹²³ Иофа Л. Современники... С.4; Отечественные экономико-географы... С.74; Люди русской науки. С.317.

¹²⁴ Добросмыслов А. Ук. соч. С.13.

¹²⁵ Люди русской науки. С. 317.

¹²⁶ Л.Иофа (1949) писал: «заслуги...Кирилова перед отечественной географией долго не могли быть оценены в должной мере». И произошло это только «в последнее десятилетие». [Иофа Л. Современники... С.3.]

¹²⁷ Ф.Мильков (1953): «Бесспорно, И.К.Кирилов – одна из наиболее ярких фигур среди географов первой половины XVIII в.» [Ук. соч. С.8.] Д. Лебедев (1962): Прорыл себе дорогу «исключительно благодаря своим блестящим способностям, выдающейся энергии, огромной работоспособности и преданности делу культурного и хозяйственного развития России»; один из крупнейших картографов, географов и статистиков-экономистов первой половины века. [Люди русской науки. С.318.] Весьма комплиментарно о Кирилове отзывалась М.Новлянская, называвшая его выдающимся деятелем просвещения, который заботился о просвещении народа.

ушло 8 лет.¹²⁸ В.Вернадский заключал, что атлас этот, «встреченный учеными довольно сурово, несомненно во многом неудачный, но в это время все-таки бывший лучшим и вполне добросовестным». Иными словами, лучший – потому что другого не было. Это действительно был первый атлас. В дальнейшем Кирилов старался его дополнить и отдельные листы большого атласа были выгравированы только в 1737 г. Однако и они не были приняты современниками. В 1739 г. В.Татищев писал в Академию: «Печатные с оных [карт геодезистов] статским советником Кириловым ландкарты... так худы, что во употребление не годятся, о чем и профессор Фаргесон в своем рассуждении согласно с профессором Делилем истину объявили».¹²⁹ И хотя отдельные авторы видели в этом «зажимание» русского ученого иноземцами, причина более проста: «Кирилов не знал достаточно тех математических основ съемки, которые кажутся нам теперь с точки зрения математики элементарными, а тогда были трудными задачами высшей математики» (В.Вернадский). Интересно отметить, что весьма расположенный к Кирилову Д.Лебедев, полагавший, что задумка атласа «свидетельствует о необычной ясности и широте взглядов автора, о его горячем патриотизме и стремлении поднять развитие русской картографии на более высокую ступень»¹³⁰, видел проявление этого патриотизма в том, что начальный меридиан был выбран не от Гринвича, а от западных границ. Но, кстати, и он отмечал недостатки: карта втянута против действительности на 7-8 градусов.¹³¹ Л. Иофа (1957) писал о «многих недостатках и технического характера, и по существу».¹³²

Еще одним доводом в пользу научной весомости Кирилова было написание им в 1727 г. географо-статистического описания России «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начало привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, Отец отечества, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая». Однако, ощутимым научным вкладом данное описание полагать преждевременно – работа осталась неизвестной современникам, и была опубликована спустя 104 года.

Многие авторы любят цитировать слова П.Рычкова о Кирилове: он «сциенции схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии, не жалея при том никакого своего труда и иждивения».¹³³ Отсюда однозначно делался вывод о талантливом самоучке. Иные авторы ограничивались констатацией его больших знаний – как, например, В.И.Вернадский: «Широко образованный человек, один из немногих в русском обществе тщательно и жадно следивший за всеми изданиями и работами

---

¹²⁸ Название атласа звучит весьма претенциозно: «Атлас Всероссийской Империи, в котором все ея царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возмогли российские геодезисты, описать оныя и в Ландкарты положить по длине и ширине точно изъявляются, и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, большие дороги и прочая со всяким прилежанием исследованные, российскими и латинским именами подписаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случай оные собрать и грядором напечатать допустить. Длины начало свое приемлют от первого меридиана, через остров Дагдан и Эзель проведенного, кончаются же в земле Камчатке, так что Империя Российская боле 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит». Ряд авторов восхищается грандиозностью замысла, но никто не хочет сделать простые расчеты: если на 14 карт ушло 8 лет, то сколько надо на 360? Замысел, может быть и грандиозный, но реализуемый ли? Уже из этого амбициозного названия атласа видна непомерная гордыня его создателя. И никто не задается казалось бы очевидным вопросом: как он сделал эти карты? Откуда была взята информация? Не присвоил ли он чужие наработки, за созданием которых он и был приставлен наблюдать?

¹²⁹ Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1888. С. 99.

¹³⁰ Люди русской науки... С.320.

¹³¹ Там же. С.321. Автор биографической статьи о Татищеве в том же сборнике - А.Иванов – прямо пишет о «неисправностях» в картах, составленных под руководством Кирилова, почему и пришлось поручать потом дело Татищеву. [Там же. С.313.]

¹³² Отечественные экономико-географы... С.77.

¹³³ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 г.) Оренбург, 1896. С.29. Иногда цитата для усиления эффекта сокращалась: «Рычков писал, что он был «великий рачитель и любитель наук», особенно математики, механики, истории, «экономии» и металлургии». [См.: Н.Аполлова. Ук. соч. С.97.]

Академии наук». А ведь можно повернуть это заявление и иначе – не изучил никакой науки в целом (и это при том, что Петр открыл немало учебных заведений!), нахватался самых разных «верхов», но всегда старался произвести впечатление большого ученого. И в такой облик хорошо, кстати, вписываются черты его характера, вообще свойственные людям подобного склада, вроде чрезмерного апломба относительно своей научной значимости, постоянные широковещательные заявления о собственной научной деятельности, да и конфликт с академиком Делилем сюда тоже вписывается...

Действительно, в оренбургскую экспедицию были включены ученые, Академии наук было предписано снабдить экспедицию верстовыми колясками, астрономическими часами, инструментами, новейшими книгами по астрономии, физике, химии, медицине, «натуральной истории», горному делу, ботанике. Взяты были книги для будущей школы в Оренбурге: на немецком, французском и латыни. Но какова была отдача от всего этого? И вот тут восхваляющие ученого авторы умолкают, поскольку писать не о чем.

Знаменитый проект, представленный им в начале 1734 г. императрице, относительно принятия или непринятия хана Абулхаира в подданство, давший в итоге начало «оренбургской» странице истории, помимо прочего создал о Кирилове мнение, как о специалисте по юго-востоку. Мнение ложное; достаточно перечитать проект (а он неоднократно опубликован), чтобы понять, что Кирилов в реальности почти ничего не знал о казахских степях и Средней Азии. Единственное, что его извиняет, это то, что об этом регионе вообще никто ничего не знал. И не извиняет – что он с невероятным апломбом настаивал о своем особом знании.

Вот мы и подошли к последнему элементу его облика – государственный муж, основатель Оренбурга... Стоит внимательно перечитать известный проект, чтобы увидеть, что Кирилов рассуждал, как типичный европейский колонизатор той поры – в своих далеко идущих планах он отводил восточным народам значительную роль, рассуждая при этом достаточно цинично: «За чтож и России терять, когда такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставать и хотя бы они пропали и намерения никакого не исполнили, то нужды нет...»¹³⁴ Подобно прочим европейцам, Кирилов более всего внимания уделял тем потенциальным выгодам, которые дадут завоеванные колонии: «Теперь многим покажетца невероятно, подобно сысканию Америки, чему никто из владетелей не верили, а когда гишпанцы счастье сыскали и лутшими частями Америки не одним годом завладели, то после всем жаль стало».¹³⁵

Именно ожидаемые материальные выгоды были тем аргументом, которые в итоге и склонили власть предрежащих к поддержанию идею экспедиции. Кирилов попал в собственную ловушку – и дороги назад для него не было. А между тем, первые же недели экспедиции убедительно показали, что в реальности все далеко не так, как виделось Кирилову: и расстояния не те, и народы не столь покорны российской власти, а ожидаемого золота вообще нет. И для нашего авантюриста оставался единственный выход – создавать иллюзию успеха, обманывать всех, выдавать желаемое за действительное. До места, намеченного для основания города Оренбурга, экспедиция добралась с огромным трудом, началось башкирское восстание – поскольку Кирилов вел себя более чем агрессивно в отношении местного населения. Ему достаточно скоро стало ясно, что ничего из обещанного императрице, осуществить не удастся. Начавшееся сопротивление башкир оказалось для Кирилова подарком судьбы – именно их возмущение стало для него главной причиной всех неудач, именно башкирским «бунтом» он объяснял свое бездействие. Кабинетный ученый, «горячий патриот» и «ценитель просвещения» «вдруг» превращается в свирепого «ястреба»: «и их жен, и детей, и пожитки их, и лошадей, и скот брать, и дома вовсе разорить, и которые пуще заводчики, тех по указам на страх другим казнить, а непущих и детей мужеска полу, годных в ссылку, в Остзею послать, а жен и

---

¹³⁴ Там же. С.30.

¹³⁵ Там же. С.46-47.

детей, девок развесть во внутренние города и раздать». Снова и снова Кирилов повторял: разорить, казнить, сослать - «чтобы корень их был вовсе вырван».¹³⁶

Когда Кирилов осознал, что амбициозным планам его осуществиться не дано, он фактически опустил руки: исправить содеянное не представлялось возможным, точно так же, как вернуться назад, в столицу. Оставалось одно - отсиживаться в стороне, в Самаре, по сути самоустранившись, и время от времени сообщать в Петербург дежурное заявление, что все-де идет благополучно; по возможности оттягивая момент, когда там узнают реальное положение дел и его неизбежно вызовут для дачи объяснений. Смерть от чехотки, настигшая Кирилова, была для него в какой-то степени спасением.

Оценивая итоги деятельности Ивана Кирилова, признаем: город Оренбург был заложен непродуманно и в итоге построен не был; военное присутствие России оказалось блефом; отсутствуют обещанная оживленная торговля и богатства Индии и Афганистана. Зато есть ожесточенное восстание башкир, значительные расходы и огромные людские потери, есть разочарование казахов. Авантюра завершалась так, как и должна была завершиться – провалом. И вину за это, безусловно, следует возлагать на «птенца» Кирилова.

Вообще званием «птенца гнезда Петрова» историки распорядились с удивительной легкостью – красивое выражение поэта стало историческим определением, если хотите – знаком качества того или иного деятеля той поры. В оренбургской истории «птенцов» хватало на целую стаю. Так, историк Н.Аполлова таковыми называла всех трех оренбургских деятелей начального этапа - И. Кирилова, В.Татищева и П. Рычкова (последнему, кстати, на момент смерти Петра было всего 13 лет!).¹³⁷ П. Матвиевский (1949) добавлял еще Тевкелева и Неплюева.¹³⁸ Позднее он называл Кирилова не менее обязывающе «воспитанником Петра».¹³⁹ Ф. Мильков говорил о «сподвижниках», имея в виду в принципе то же – «не случайно организатором...оказался И.К.Кирилов..., долгое время бывший близким сотрудником Петра Ю».¹⁴⁰ Американский историк А.Донелли называет Петра «великим учителем» Кирилова.¹⁴¹ Таким образом, вместо «птенцов» появляются «ученики»: «проект был задуман учениками Петра и им бы был одобрен...»¹⁴²

«Одним из лучших учеников последователей Петра» называл И. Неплюева наш учебник 1996 года. К сожалению, ни один писавший, что Неплюев – последователь, не ответил на простейший вопрос – а собственно, в чем заключается это самое «следование за»? Что из содеянного Неплюевым можно отнести к реализации начинаний Петра? Думается, в лучшем случае, мы услышим: царь давно-де хотел продвижения на юго-восток; здесь же место давно заезженной цитаты: «Хотя де оная киргиз-касайская [орда] степной и лехкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть».¹⁴³ Даже удивительно, сколь часто и неверно преподносится эта фраза самыми разными авторами, причем как едва ли не самая заветная мысль Петра. При такой подаче, все кажется логичным: царь хотел, да не успел; а его «птенец» довел дело до конца: аплодисменты, занавес! Даже жаль разочаровывать, но все же – кто знает происхождение этих царских слов? Можете полистать книги, и увидите, что авторы в массе своей это не

¹³⁶ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год. Т.2. / Сост. А.И.Добросмыслов. Оренбург, 1900. С. 80-86.

¹³⁷ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII -начале XIX вв. М., 1960. С.139.

¹³⁸ Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В.П. Чкалова. Серия истории и педагогики. Вып. 1. Чкалов, 1948. С.80.

¹³⁹ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. М., Наука, 1991. С.25-26.

¹⁴⁰ Мильков Ф.Н. П.И.Рычков. Жизнь и географические труды. М.: гос. изд-во географ. лит-ры, 1953. С.7.

¹⁴¹ Донелли А. Ук. соч. С.158.

¹⁴² Там же. С.116.

¹⁴³ Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн.13. Смесь. С.15. Читатель, сколько раз тебе приходилось встречать эти «КЛЮЧ И ВРАТА?»

уточняют.¹⁴⁴ Слова эти приводились в посмертной публикации воспоминаний Тевкелева. Там же упоминается еще одна деталь – слова эти Петр якобы произнес в 1722 г., будучи в Астрахани, однажды (!) пристально посмотрев в сторону казахских степей. Почему «якобы»? А иного документированного подтверждения словам нет – что мешало Тевкелеву, что называется *post-factum*, подкрепить авантюру основания Оренбурга и все, что было потом содеяно, ссылкой на непререкаемый авторитет? Но даже если и принять их за правду, то нет весомых оснований считать однажды сказанное за программное заявление. Но даже если поверить, что царь **так** сказал, и всегда этого желал, то уместен вопрос – а почему именно Неплюев?

До появления в Оренбурге Неплюев не имел **никакого** отношения к имеющимся здесь проблемам – а значит, не представлял **никакой** пользы. Судите сами: он был моряком (в 1730 г. присвоен чин шоубенахта галерного флота, что соответствует контр-адмиралу!), знающим иностранные (европейские!) языки, дипломатом и резидентом русской разведки, работающим на «турецком» направлении. Предлагаем читающему это ответить, что из перечисленного ему могло пригодиться на новом месте службы на юго-востоке: где нет моря, неизвестные ему языковые группы, нет дипломатии в европейском понимании – а если что и есть, то степь и кочевые племена башкир и казахов. Ответ: ничего. И это верный ответ, ибо при его назначении командиром Оренбургской комиссии и Киргиз-Кайсацких орд, деловые качества Неплюева, опыт и знания, никого не интересовали. Уже современники полагали назначение «замаскированной ссылкой». Если коротко, то ситуация была такой. В апреле 1740 г. Неплюев был отозван в Петербург и введен по специальному распоряжению графа Остермана в особую комиссию «для исследования вин и преступлений кабинет-министра А.П.Волынского». Там он был назначен следователем, вел допросы. Приговор Волынскому был predetermined, а Неплюев привлекался лишь для придания внешней видимости законности. Волынский, как известно, был патриотом, пытавшимся помешать усилению «немецкой» партии у трона. После дворцового переворота 25.11.1741 г. и отстранения Остермана, начались преследования его людей. Неплюев был арестован и препровожден в Петербург, лишен поместий и орденов. В начале 1742 года он прощен, ордена возвращены – в отличие от поместий и прежней службы, но новая власть ему более не доверяла. Назначение в Оренбургскую комиссию было компромиссом – вроде как и на службу вернули, но от важных дел убрали подальше. Полное впечатление, что расчет был такой: провалит – и ладно, уйдет в отставку. Но Неплюев продемонстрировал свои организаторские способности.

По Неплюеву в принципе есть только один серьезный источник – его собственные записки. Казалось бы, что тут можно придумать... оказалось, можно. Приведем пример: наш учебник утверждал: Неплюев «был переводчиком у иностранных послов и министров, прибывавших в Россию, знакомившихся с ее флотом. Именно к этому времени относится высокая оценка Петром поручика Неплюева: «В этом малом путь будет» [1996, С.26.]. На самом деле, в чем легко убедиться, обратившись к первоисточнику, слова эти были сказаны Петром после экзамена, который держал вместе с прочими молодой Иван Неплюев после возвращения с учебы из-за границы. А вот переводчиком он стал позже.

Отрицать деловые качества Неплюева: настойчивость, стремление выполнить задание любой ценой, при этом жесткость, доходящая до жестокости – нет смысла. Век был суровый, и люди были под стать. Да, Неплюев создал губернию на юго-восточных окраинах, вот только о цене вопроса восхваляющие его авторы стараются не упоминать – и понятно, почему.

Но думается, мы не ошибемся, если скажем, что самым восхваляемым оренбургским губернатором был Василий Алексеевич Перовский (1795-1857). В восторгах в отношении его достаточно неожиданно слились и дореволюционные, и советские, и современные

---

¹⁴⁴ Правдиво сказали только авторы биографии Рычкова - П. Матвиевский и А. Ефремов.

авторы. Наверное, самым восторженным отзывом о Перовском можно считать книгу «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский» (1999), где восхищение буквально зашкаливает: это и «незаурядная, богато одаренная личность», и «личность с удивительно ярко выраженными человеческими достоинствами»¹⁴⁵ и много чего иного. Данная книга, на наш взгляд, как образчик панегирической литературы, лучшая, но далеко не единственная такого рода. Есть еще сонм писаний литераторов-пушкинистов, записывающих Перовского к Александру Сергеевичу в друзья, ну а у последнего абы кто другом быть, понятное дело, не мог.

В отношении Перовского есть несколько устоявшихся легенд: 1) Он был прогрессивным деятелем, не зря же среди его друзей были и Пушкин, и декабристы.¹⁴⁶

2) Он был чрезвычайно инициативен¹⁴⁷, высоко ценился как администратор¹⁴⁸, и губернатором он стал исключительно в стремлении реализовать свою кипучую энергию.¹⁴⁹ Более того – в дальнейшем он так полюбил восток и Оренбург, что попросился вторично на службу в этот город.¹⁵⁰

Подобные суждения появлялись прежде всего потому, что об исторических деятелях брались судить люди, не владеющие навыками собственно исторического исследования – в массе своей краеведы, и пушкинисты. Разница краеведа и исследователя, на наш взгляд, заключается в том, что краеведы обычно абсолютизируют обнаруженный источник, берут его как едва ли не истину в последней инстанции. Самое большее, на что они оказываются способны, это на собирание, порой весьма скрупулезное, фактов и их суммарное изложение. Но при этом практически отсутствует критика источников, анализ таковых. Краеведа увлекает реставрация прошлого – четкое изложение «как это было»; исследователя – изучение прошлого – если продолжить параллель: «почему это было и что из-за этого стало».

При всем уважении к краеведам, приходится констатировать, что они не представляли себе в полной мере эпоху, в которой жил и действовал тот или иной исторический персонаж, или оценивали таковую с позиций сегодняшнего дня. Возьмем для примера только одно, великолепное в своей исторической наивности, суждение: «Данные исследователей говорят о том, что среди знакомых Пушкина не было ни одного не служащего, не имеющего чина дворянина».¹⁵¹ Для подобного умозаключения совершенно не нужны «данные исследователей», поскольку вывод более чем очевиден: разумеется, служившие были дворянами – стоит вспомнить «Табель о рангах», да и условия питерского света были таковы, что дворянин Пушкин общался исключительно с людьми своего круга.

Воспевающие Перовского с удивительной готовностью проходят мимо фактов, подающих его не в лучшем свете. Отметим некоторые моменты его биографии, на наш взгляд, решающие для понимания этой личности. Он был знатного рода, но незнатного происхождения: побочный сын графа А.К.Разумовского от М.М. Соболевской, служившей в имении Разумовских в селе Перово, отсюда и фамилия. В дворянское достоинство он

---

¹⁴⁵ Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. // Составители: Е.Г. Вертоусова, Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1999. С.5, 9.

¹⁴⁶ Кое-кто в своем стремлении найти побольше аргументов «за», включал в число его прогрессивных достоинств даже тот факт, что народоволка Софья Перовская приходилась ему внучатой племянницей. [Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент: изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. С.30.]

¹⁴⁷ «Считается, что конец XVIII – начало XIX века – эпоха, пронизанная молодостью, самоотверженностью, инициативой. Люди этой эпохи преданы идее гражданского служения, их думы и дела направлены на благо России...» [Оренбургский губернатор... С. 6.]

¹⁴⁸ «Получение должности губернатора есть свидетельство высокой оценки со стороны царя» [Смольников И.Ф. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991. С. 184.]

¹⁴⁹ «Чем дальше от двора, тем дерзновеннее Перовский» [Нурмухамедов М.К. Ук. соч. С.27.]; «Его огромная энергия требовала выхода в деятельности, не скованной рамками столичной службы. Назначение в Оренбург вполне соответствовало его стремлениям» [Оренбургский губернатор... С. 120.]

¹⁵⁰ Нурмухамедов М.К. Ук. соч. С. 43.

¹⁵¹ Оренбургский губернатор... С. 6.

был возведен по просьбе отца, когда ему было уже девять лет. Всю последующую жизнь мы видим в его действиях ущемленное самолюбие, стремление выделиться, самоутвердиться, подняться над прочими. Он получил прекрасное образование, участвовал в войне с французами, отличился в ряде сражений, но в сентябре 1812 г. попал в плен, освободившись через побег уже во Франции в феврале 1814 г. Иными словами, при личной смелости, в освободительном походе в Европу он не участвовал и лавров не снискал. Не сложилась карьера и после войны – перевод в 1816 г. в Измайловский полк адъютантом к великому князю Николаю Павловичу не открывал никаких перспектив. Кто мог тогда подумать, что Николай через 9 лет станет императором? За эти годы Перовский достаточно сблизился с великим князем, пользовался его доверием, отношения между ними достаточно условно можно было бы назвать даже дружескими (дружбы быть, конечно же, не могло по предназначению – где великий князь, и где адъютант; но во всяком случае – доверительными). Даже удивительно, почему все, пишущие о Перовском, как крайне положительном персонаже, едва ли не демократе, проходят мимо факта тесной связи с императором Николаем I. И это при том, что личность царя однозначно оценивается крайне отрицательно. Вопрос вопросов: как два таких разных человека могли сблизиться, да так, что и во время опалы царь его вниманием не обделял. Ответ прост: они были похожи.

И вот поворотный момент: назначение Перовского в 1833 году военным губернатором Оренбургской губернии и командиром Оренбургского отдельного корпуса. Конечно же, все рассуждения об его стремлении реализовать себя - это только наивные рассуждения. Перовский вошел в конфликт с т.н. «немецкой» партией графов Нессельроде и Бенкендорфа, имевшей вес при дворе. В результате интриг он был удален из дворца на далекую юго-восточную окраину, не зря же современники расценивали это как завуалированную ссылку. Мы не знаем нюансов придворной интриги, но точно известно, что царь его от себя отослал, но особого отношения к себе в глазах царя Перовский не утратил. Более того, ему было дозволено на порядки больше, чем любому иному губернатору: это и смелое инициативное распоряжение деньгами¹⁵², и привлечение на службу ссыльных (что было строжайше запрещено) – да каких! даже польских повстанцев; и даже самостоятельные внешнеполитические акции. Перовский явно решил показать всем, что он сильный и инициативный руководитель. Перечень его начинаний действительно впечатляет: мероприятия по охране лесов, строительство пограничных укреплений, создание войскового капитала, создание башкирского войска. Тот исторический облик Оренбурга, который мы все знаем – сформировался именно во время его губернаторства. Можно умиляться всему этому, что, собственно, краеведы и делают, параллельно указывая на то, что ни до него, ни после, губернаторы не были так активны. Но будем логичны: все прочие, помимо нашего «особого», были связаны по рукам и ногам строжайшими запретами и инструкциями, ощутимо ограничены в средствах. А без денег ни лесов не развести, на город построить, ни военный поход организовать. Кстати, о походе. Помимо всего прочего, Перовский полез во внешнюю политику – стал бороться с Хивой. Повод был вроде бы справедливый – возвращение русских пленных, но родившаяся идея военного похода была более чем экстравагантной. Укажем, что военный министр граф Чернышев был против. Вдумайтесь, губернатор пограничной территории самостоятельно начинает войну с соседним государством и ведет военные действия! Поход, вошедший в историю, как «зимний», состоялся лютой зимой 1839-1840 годов, и кончился в целом неудачей. Хотя царь его все равно отметил: в апреле 1841 г. Перовский был пожалован алмазными знаками ордена Св.Александра Невского за «ограждение русских торговых интересов в Азии, обеспечение спокойствия русских киргизов и

---

¹⁵² И как бы мы сегодня сказали, внебюджетное финансирование. Генерал Чернов в своих мемуарах упоминал о ходивших упорных слухах, что император «давал ему негласно из своей шкатулки». [Заметки по истории Оренбургского края генерал-майора Ивана Васильевича Чернова: из посмертных мемуаров. Оренбург: Оренбургская губерния, 2007. С. 151.]

освобождение русских пленников». Резонанс был все-таки серьезный, вот почему в конце ноября 1841 г. Перовский был отозван в Петербург и вскоре уволен в отставку «по болезни легких». Царь отмечал его и после, сделав генералом, членом Государственного Совета. И вот тут Перовский вновь проявил характер – он добился-таки возвращения на губернаторский пост. Конечно же, не от любви к востоку или Оренбуржью, а из явного желания доказать всем свою правоту. 2 мая 1851 г. он вновь вступил в должность «по управлению краем и войсками» Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Интересно, что во «второе» губернаторство он практически не занимался ничем из того, что было начато раньше в отношении вверенного ему края. Он однозначно и всецело занимается одним: подготовкой и организацией военных экспедиций против ханств: в 1853 г. против Кокандского, 1854-м - Хивинского. Походы эти были уже делом общегосударственным. И, кстати, на сегодняшний день по вопросу – была ли необходимость военного вторжения в Среднюю Азию? – у историков и политиков единства нет.

Вот так и выходит, что из трех исторических персонажей, «которых мы должны принять за образцы», нет ни одного, о котором можно было бы говорить на уроке истории, не опасаясь сложных «неудобных» встречных вопросов.

И наконец, о современном отношении к губернаторам прошлого в целом. Понятно, что, начиная с перестройки, отношение к ним, как слугам царизма, должно было меняться и меняться. По вечной российской традиции, маятник качнулся резко в противоположную сторону: от неприятия до восхищения. Поначалу это были статьи и заметки в местных газетах. Окончательное оформление «нового» взгляда, можно считать, произошло в 1999 году. Тогда увидела свет книга «Губернаторы Оренбургского края». В этой достаточно объемистой книге (почти 400 стр.!) «авторы-составители» историк В.Семенов и журналист В.Семенова приводили биографические данные обо всех высших должностных лицах Оренбургского края от И.Кирилова до М.Тюлина - от 30-х гг. XVIII в. до 1917 года. Намерение сделать достоянием широких масс наше богатое историческое прошлое чрезвычайно полезно, и потому заслуживало самой горячей поддержки. Ее и оказала областная администрация, поддержав издание.

Вообще-то в начале 1990-х годов молодыми тогда учеными края было сделано предложение областной администрации создать книгу о губернаторстве. Это было время, когда казалось бы, давно забытое, слово «губернатор» с легкой руки мало разбирающихся в сути проблемы журналистов стало часто-часто упоминаться как синоним должности главы исполнительной власти Оренбургской области. На самом деле - и это подтвердит любой историк права - эти две должности никак не совпадали, хотя имели очевидные схожие черты. Вот и родилась идея создать книгу об институте губернаторства на местном, оренбургском, материале, где было место и биографическим очеркам. Но тогда предложение, что называется, не подошло.

Позднее, как оказалось, время стало более подходящим, да и концепция книги оказалась несколько иной. Общая оценка практически всех, описанных в книге, исторических лиц, может быть выражена одним словом - «душки»: славные люди, милые, образованные, а как болели за Отечество! за Оренбуржье родное! Чтение не может вызвать иного ощущения, кроме восхищения - ну как же повезло Оренбургскому краю! - за 183 года ни одного плохого человека, слабого администратора, все как на подбор. Так и хочется спросить - и зачем только эти глупые революционеры делали революцию? Конечно, так прямо этот вопрос вроде как ставить неловко, но невольно подмывает его задать... Или вот - как же быть с общеизвестными истинами о прогнившей бюрократической монархии, бездарных казнокрадах-администраторах, тяжелом положении народа - или это тоже легенда? Наверное, все же что-то такое было... но если судить по книге, то точно не у нас; вероятнее всего где-нибудь в соседних губерниях. Даже если авторы-составители и подмечали за кем-либо из них какой-либо грешок, это все равно не портило общей картины: «несмотря на отдельные и не слишком симпатичные

особенности в характере А.П. Безака, дела во вверенном ему крае шли в гору, а сам край приобретал черты цивилизованности».¹⁵³

Метод доказательств, применяемый авторами, не выдерживает даже самой непредвзятой критики. Логика такова: если что-то в Оренбуржье делалось при конкретном губернаторе, то, естественно, происходило это при его непосредственном и активном участии. При этом, если опять же судить по книге, оренбургский губернатор брался буквально за все - эдакий «и жнец, и швец...»: «сделал что мог, для облегчения участи ссыльных рабочих» (Волконский), учредил гимназию (Эссен), принял энергичные меры против холеры (он же), изменил (конечно же, к лучшему) учебные программы военного училища (Сухтелен), содействовал открытию постоянных военных судов, основал госпиталь, построил манеж (он же), учредил в Оренбурге епархию (Катенин), оздоровил Оренбург (Безак), устроил водопровод (он же), провел железную дорогу (Крыжановский), открыл банки (Маслаковец), биржу (Таубе), даже частные газеты (!) (Ожаровский) и т.п. Видимо, кроме губернаторов никто в губернии больше не работал.

И это все при том, что абсолютное большинство губернаторов были военными: П.Эссен, П.Сухтелен, В.Обручев, А.Безак, Н.Сухомлинов пришли на этот пост из действующей армии, А.Катенин - стал губернатором из замов военного министра, Н.Крыжановский - пришел с поста помощника командующего Виленского военного округа, М.Астафьев - после года отставки, Н.Маслаковец с поста помощника наказного атамана войска Донского по гражданской части. Разумеется, вопрос, как армейские офицеры могли так умело руководить, просто напрашивается. Позиция авторов: вот такие они талантливые люди. При этом наивность невероятная: так, судя по книге, А.Катенин стал губернатором только потому, что ему «повезло» - «повезло в том, что его просто заметили, заметили в нем ум, честность, отвагу, заметили и оценили»; Н.Крыжановский - потому, что Александр II считал его человеком «совершенно надежным» (авторы умалчивают общеизвестный факт, что он еще был племянником предыдущего губернатора Безака); Н. Сухомлинов - вообще без объяснений: ну служил себе человек в кавалерии, и вдруг (!) новое назначение. А то, что именно в эти годы родной брат его становится военным министром, авторы, видимо, полагают случайностью или совпадением. А между прочим, граф В.Н. Коковцов, премьер России в 1911-1914 гг., в своих мемуарах прямо говорил, что брат военного министра был «самым заурядным из всех бригадных командиров» и назначением своим губернатором он обязан исключительно «обаянием», которое военный министр имел на государя.¹⁵⁴

Преклонение перед дореволюционными авторами сыграло с нашими авторами-составителями злую шутку - они переняли не только все положительные оценки, но даже крайне устаревшую лексику: «киргизы», «киргиз-кайсацкая орда» (это о казахах), «бунт», «внутренняя смута», «зюнгарские дела» (правильно - джунгарские), «возмутительные речи» ораторов и «магометанские дела». Порой трудно даже уследить, где кончается цитирование и начинается текст от авторов-составителей: то ли они так тонко стилизуются под манеру почти столетней давности, то ли просто пересказывают очередной кусочек мемуара.

Действительно, все дореволюционные авторы и мемуаристы писали о губернаторах исключительно тепло и возвышенно. Но в конце XX столетия как-то даже неловко было принимать это за чистую монету. Давайте же признаем: писали они тогда только хорошо не потому, что так и было, но потому, что иначе писать было нельзя. А как же без цензуры? Цензуры государственной, строжайше запрещающей публиковать что-либо против властных структур и цензуры внутренней, самих авторов - а вообще, не вредно ли вообще писать об этом? Иное просто не могло увидеть свет. Практически всё, даже из дореволюционных работ, но со знаком «-», авторы-составители «скромно» опускали, достаточно ловко уходя от обличающих эпизодов. Приведем несколько примеров. Так, в

¹⁵³ Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбург. Кн. изд-во, 1999. С. 246.

¹⁵⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919. М., 1992. Кн. 2. С. 53.

рассказе о И.Неплюеве о коренном повороте в его судьбе сообщается без объяснений: «Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны Неплюев был арестован и лишен всех малороссийских поместий, чина, места...» Башкирское восстание 1754 г. авторы составители именуют «мятежом», возглавляемым «религиозным фанатиком». О мерах Неплюева по прекращению «мятежа» говорится вскользь. А между тем, у И.Чернова есть впечатляющий рассказ о том, как Неплюев приказал построить на льду р.Сакмары избу: «потом выкликивались из собранной толпы по именам башкиры, замеченные в неблагонадежности, для допроса. Как только входил башкир в избу, стоявшие внутри солдаты спускали его в прорубленную прорубь под лед».¹⁵⁵

Совершенно проигнорированы многочисленные факты, рисующие сложный облик В.Перовского - обаятельного, действенного, инициативного, но в то же время жестокого, амбициозного, порой самодура.¹⁵⁶

Умилительно звучат слова о «несчастном» губернаторе Н.Крыжановском, якобы невинно пострадавшим из-за вскрытых сенатской комиссией многочисленных фактов расхищения башкирских земель - «и ни его заслуги, ни энергия, ни интеллект» не смогли его спасти. Право слово, еще немного, и мы получили бы еще одну жертву царской бюрократии. Но - увы! - Крыжановский был в центре этой земельной аферы. Тот же И.Чернов писал: «По его назначению получили участки родные его сыновья, зятья и другие прочие лица; затем те, кто ближе к сим последним. Получили участки из петербургских Директоры Департаментов и чиновники сих учреждений, военные генералы, тайные и действительные статские советники, начальники отделений генерал-губернаторской канцелярии и вообще все служащие там, адъютанты генерал-губернатора, его чиновники особых поручений, даже не был забыт мажордом Крыжановского, казачий чиновник Мурзиков, и лютеранский органист Егор Иванович Грибель». «Крыжановский взял себе что есть лучшее в краю, - продолжал он, - корабельную рошу на судоходной реке Каме, стоимостью от 300 до 500 т. руб... Предварительно построив себе там на казенные деньги барский дом и два лета жил там, управляя краем, а для докладов ездили к нему из Оренбурга чиновники».¹⁵⁷ Если авторы-составители не согласны с этим свидетельством, хорошо было бы его опровергнуть фактами, но... предпочитается молчание.

«Лояльностью, спокойствием и терпимостью» Я.Барабаша объясняют авторы-составители то, что «события 1905-1907 гг.» (имеется в виду первая революция) «протекали в Оренбурге без особого кровопролития». В качестве подтверждения: цитата из официальной «Оренбургской газеты» о том, как губернатор «убедительными увещеваниями» успокаивал бушующие толпы. А есть, например, свидетельство мемуариста о том, как губернатор случайно оказывается в самой толпе митингующих и они сперва использовали его пролетку в качестве импровизированной трибуны, а потом, прикрывшись им, смогли избежать нападения казаков. Есть свидетельство другого автора про то, как Барабаш гарантировал собравшимся, что не применит вооруженные силы против народа, если ему будет гарантирована жизнь.¹⁵⁸ Примеры можно было бы продолжать.

На современном этапе картина лучше не стала; на наш взгляд, стала еще хуже. Концептуально перемен нет – губернаторы по-прежнему самые работающие и инициативные. Книга о губернаторах 1999 года подвела итог существующим публикациям – от дореволюционных до пост-перестроечных; новых, реально новых работ

---

¹⁵⁵ Заметки по истории Оренбургского края генерал-майора Ивана Васильевича Чернова... С. 16.

¹⁵⁶ В мемуарах И. Чернова, опубликованных в вып. XVIII Трудов Оренбургской Ученой Архивной комиссии, подобных примеров немало; в полной публикации текста, с восстановлением пропущенных страниц, осуществленной в 2007 году, их еще больше. Заинтересовавшихся переадресуем к данной книге.

¹⁵⁷ Записки... С.213.

¹⁵⁸ См. подробнее: Сафонов Д.А. Пробуждение: революция 1905-1907 гг. и Оренбуржье. Оренбург, 1996. С.22-23.

по личностям губернаторов ждать не приходится – поскольку источниковая база ограничена.¹⁵⁹ А вот подача материала стала более кичевой, еще менее научной, но более рекламной, что ли... Это и календари с портретным рядом губернаторов и подверстанным в конце портретом современного главы администрации, и рекламные издания. Так, в 2010 году в виде приложения к оренбургскому журналу «Жизнь и отдых со вкусом» был издан очень симпатичный по полиграфическому исполнению буклет «Труды губернаторские».¹⁶⁰ Здесь был дан полный портретный ряд от первого губернатора века XVIII-го до Тюлина и далее, до действующего: портрет и небольшой хвалебный рассказ о том, что было сделано. И здесь опять одни восторги: «поддержал идею», «успешно боролся», «озаботился благоустройством», «решал проблему нехватки строительных материалов», «способствовал росту численности» казачьего войска (?!), «спасение лесов» и т.д. и т.п. Самый пикантный момент – это то, что вместо фото губернатора В.А. Обручева (1 пол. XIX в.) помещено фото писателя и ученого Владимира Афанасьевича Обручева. Составители явно ни капельки не сомневались в идентичности изображенного имени, хотя стоило бы задуматься! Все портреты и до, и после Обручева в мундирах, с орденами, а здесь – некий человек в черном, а на лацкане у него - Звезда Героя социалистического труда! Мы проверили: картинка точно взята из системы Google, но что забавно, там в приложении именно к этому изображению идет текст о сдаче персонажем экзамена в 1881 году. Проблема в том, что губернатор умер в 1866 году. Но, судя по всему, это мало кого интересовало из создававших буклет.

В общем, следует признать, что тема оренбургских губернаторов стала излишне политизированной. А между тем, губернаторы нашего времени совершенно не нуждаются в подобной «поддержке», поскольку их плодотворная деятельность на благо региона является гораздо более убедительным доводом эффективности их работы, нежели ненужные и антиисторичные параллели.

Глава 5. Оренбуржье и башкиры

Для оренбуржца Башкирия «там», «рядом» - от Оренбурга несколько часов надо ехать в северном направлении; но любой башкирский автор не преминет указать, что Башкирия – и «здесь» тоже, подчеркнув, что Оренбургская губерния возникла на исконно башкирских землях. Советские учебники истории нашего родного края старались уйти от этого чреватого момента, проталкивая тезис о том, что губерния якобы возникла рядом с Башкирией, на пустующих землях. Это вызывало неприятие со стороны Уфы и достаточно резкие критические высказывания в адрес концепции и авторов оренбургских пособий.

«Советский» вариант истории, изложенной в школьных учебниках – прежде всего история строительства государственности вокруг Москвы, роста российского государства и нарастания освободительного движения. В этом повествовании народы, присоединившиеся к России, как бы начинали свою историю с момента присоединения. И восприятие их истории шло в тесной связи с общероссийской. Сложности добавляло существование двойных стандартов: цари плохие, Петр – хороший; значит, восстания против царей – дело хорошее, а против власти Петра – не очень. Перед Башкирией советская историография была в определенном долгу – поскольку за все время так и не смогла внятно и доказательно объяснить, как совмещались добровольность присоединения башкир к России и последующие башкирские восстания. Элементарный

---

¹⁵⁹ Оговоримся, что внезапный информационный прорыв в виде «вдруг» обнаруженного серьезного источника, теоретически возможен, но маловероятен. Занимаясь вопросом около 20 лет, ответственно заявляем, что в перспективе такого не предвидится.

¹⁶⁰ «Труды губернаторские...»; приложение к журналу «Жизнь и отдых со вкусом» №3 (17) 2010.

сегодня, этот вопрос ставил тогда всех в тупик – «хорошее» по сути национально-освободительное движение мешало другому «хорошему делу» - освоению юго-востока. Так, «мешающие» башкиры стали реакционными, разумеется, с оговорками типа, что ими руководили, конечно же, реакционные старшины и прочие эксплуататоры, а трудящиеся башкиры изначально и безусловно были на стороне русских и т.д. и т.п. Да и восстания эти, если задуматься, были все же против царизма, а значит, за светлое будущее. Поскольку тезис был шит, что называется, белыми нитками, и не связываемые между собой кончики подобных ниток внимательному исследователю были более чем видны, то неудивительно, что для башкирских историков, не имевших никаких возможностей и даже шансов ответить на базовый ложный тезис, не оставалось другого варианта, как оспаривать его косвенно, опосредованно. Так, стала создаваться достаточно обширная историография эпохи башкирских восстаний. Из всех эпизодов дозволен к положительной оценке был только один – восстание 1773 года, которое было объявлено не восстанием, а частью пугачевщины, что, вероятно, подразумевало иное содержание. Башкирские историки, звавшие гораздо больше своих союзных коллег, тем не менее, писали как надо. Были, конечно, и конформисты, какие были и будут у всех народов и во все времена, но даже думавшие иначе публиковали работы с теми акцентами и выводами, которые следовало иметь. Иного и быть не могло – в противном случае, публикации были бы невозможны. Так что упрекать башкирских исследователей в том, что они не поднимали голос за истину, неразумно. Более того, насколько им позволяли возможности, на своем, республиканском уровне, они публиковали работы значительно более серьезные и информационно насыщенные.

Но вот произошли политические перемены в стране и обществе – и кроме прочего, в голос заговорили о запретных темах, «белых пятнах истории» и искажениях таковой. За удивительно короткий срок – короткий по сравнению с общефедеральным уровнем, долго раскачивавшимся в отношении новых учебников по истории - в Башкирии стали издаваться книги и статьи с «новым» историческим видением. Все служило цели пробуждения национального самосознания. Собственно, подобную картину можно было наблюдать везде – и Башкирия не была исключением. Шло переписывание «старой» официальной истории - и правильно, без обеспечения административным ресурсом она была просто очевидно устаревшей и далекой от истины. Однако национальное самосознание пробуждалось везде по сходной схеме: усиление на руководящих постах представителей коренной национальности, и последующее сплочение нации вокруг новых идеалов, имен и, конечно же, единого героического прошлого. Практически везде цементирующим этносы началом было противодействие этого этноса общему внешнему врагу. Практически везде эта малоприятная роль досталась русским. Наметки в данном направлении делались и раньше, но тогда это был «русский царизм», «русские капиталисты», теперь же с уходом штампов «царизм», «эксплуататоры» и проч. остались собственно «русские» как народ. Справедливости ради укажем, что в «башкирском» варианте они поделили сомнительную честь с татарами, которым все же доставалось меньше. Единый враг народа этот самый народ, конечно же, сплачивает. Кое-где по стране борьба с этим общим врагом выходила на улицы; в Башкирии, ставшей Башкортостаном, подобных эксцессов, к счастью для всех, не было. Может быть еще и потому, что противодействие русско-татарских «врагов» могло быть более массовым. Во всяком случае, в Башкортостане существует особый вариант, который мы бы назвали «интеллектуальным национализмом». Удивительно, но все коллеги-башкиры, с кем нам приходилось контактировать, в личном общении милейшие люди, гостеприимные и толерантные. Но в публичных выступлениях и, более того, в публикациях мы встречаемся с резкими и достаточно политизированными высказываниями в указанном ключе, с жесткой критикой за несогласие в адрес коллег даже соседних регионов. Подобные взгляды имеют явную поддержку со стороны власти – в пользу чего говорит массовые издания подобных работ. В прекрасном полиграфическом исполнении достаточными

тиражами выходит работы, даже тексты кандидатских диссертаций, защищенных достаточно давно, но теперь с «нужными» выводами и акцентами. При этом мы знаем о существовании и иных научных работ, но не вписывающихся в официальную версию новой истории Башкортостана, и потому известных крайне малому кругу специалистов. Прочие же творения широко доступны массовому читателю. Нам известны далеко не все публикации региона последних десятилетий; более того, и известны только на русском языке. Остается задавать вопрос – как эти проблемы излагаются на башкирском? Наш скромный опыт изучения белорусской историографии тех времен, когда А. Лукашенко еще не приструнил своих националистов, показывает, что в таких случаях на родном языке пишется более резко и более откровенно. Думается, что получаемый информационный продукт является тем, что желал бы получить заказчик – в данном случае, тот, кто оплачивает тиражирование; если бы было не так – не было бы и массовых изданий. Конечно, в свете разговоров о плюрализме мнений, это должно казаться нормальным – в отдельно взятой статье или книге есть прежде всего частное мнение автора. Но явное поощрение одних позиций ведет в итоге к четко складываемому антирусскому началу. И такой школьный курс отдельной республики кое в чем расходится с федеральным историческим школьным курсом.

По меткому наблюдению известного уфимского историка, профессора М. Роднова, внутри РБ сегодня существуют слабо связанных между собой и всё более отдаляющихся два историографических пространства: 1) башкортостанская историография, как часть общероссийской исторической науки, представленная структурами РАН, БГПУ, гуманитарными кафедрами технических и коммерческих вузов в Уфе, Стерлитамаком и Бирском; 2) «чисто» башкирская историография (истфак БГУ, его зауральский филиал, институты Академии наук РБ, отдельные исследователи и краеведческо-публицистический социум).¹⁶¹ Историков второго направления более волнует целесообразность, «полезность» получаемых выводов для интересов башкирского народа, разумеется, в понимании, административно-гуманитарной элиты (научно-административных кланов) в данный момент. Так появляются откровенные мифы про древний город Башкорт, башкирских ханов, башкирских деятелей Золотой Орды и т. д. Этих сказочных моментов мы сейчас касаться не станем; кому интересно, легко найдет нужные тексты, благо Интернет все стерпит. Основная тенденция прослеживается четко; мы бы сказали, что кодовое слово здесь «удревнение»: максимальное удревнение башкирского народа (авторы легко оперируют и IX, и даже VII веками), удревнение его культуры, в которой на первое место выдвигается якобы тогда же возникшая письменность, удревнение собственно башкирского государства.¹⁶² Авторы используют термины «башкиры» и «Башкортостан» как вневременные – но тем самым совершается явная подмена понятий: современный этнос башкир возник тогда же, когда и прочие ныне существующие этносы, ближе к XVII в., да и «Башкортостан» сегодня воспринимается не в буквальном смысле как «страна башкир», а как название государственного образования. Конечно, рассуждать и писать можно что угодно, и как угодно. Налицо стремление резко зависить степень развития башкирского общества в широкой временной перспективе. При этом доказательная сторона явно уступает эмоциональному накалу, недостаток фактов компенсируется глубокомысленностью рассуждений.¹⁶³ Буквально за уши притягиваются

¹⁶¹ <http://openufa.com/index.php/2011-07-12-14-26-37/2011-07-12-14-29-44/35-2011-07-19-02-36-52>

¹⁶² Например, есть версия, что традиция башкирской государственности берет начало аж с эпохи Великого тюркского каганата (VI в. н.э.).

¹⁶³ Возьмем в качестве иллюстрации только одну публикацию – автор д.и.н., профессор, член-корреспондент АН РБ Н. Мажитов. Он писал, что Яик отграничивал башкирские земли от земель огузо-кипчакских (до XV в.), а затем казахских. Получается, что в отличие от казахов, башкиры были в этих пределах все время. И далее, он заключал: «Сейчас **очень трудно** выяснить ранние этапы возникновения понятия об указанных границах страны башкир (Башкортостан), **но несомненно**, что в VII-IX вв. оно, **наверняка**, существовало» [подчеркнуто нами – Д.С.]. [Мажитов Н.А. Оренбуржье – историческая родина башкир. // Оренбургской губернии – 250 лет: тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на научной конференции,

примеры из средневековых источников, в ход идут и Плано Карпини, и Рубрук, и иные арабские, армянские, китайские, монгольские источники - все, что угодно, если это служит поставленной задаче.¹⁶⁴ Башкиры (или у некоторых авторов более корректно – протобашкиры) участвуют, наверное, во всех основных событиях средневековья: борются с арабской экспансией, ходят в походы вместе с венграми, помогают хазарам («в XI в. хазарскому кагану (хакану) оказывал военную помощь вождь Башгирд»), противостоят монголам и т.п. Интересно, что лингвистические аналогии используются весьма активно: например, «арабским историкам племя бурджан (ныне - борйян, отсюда Бурзянский район современного Башкортостана) известно уже в VII в.»¹⁶⁵ Сюда же можно отнести вышеупомянутого вождя Башгирда... В целом существуют огромное количество работ, доказывающих, что башкирам было известно государство.¹⁶⁶ Вопрос – зачем это нужно доказывать?

Кажется, что во всем этом присутствует своеобразный комплекс неполноценности, стремление доказать всем, что «мы не хуже», что само по себе понятно, но звучит как-то по-детски. Получается, что у всех соседей государственность была: у татар – ханства, венгры вышли из тех же мест, и тоже свое государство создали.¹⁶⁷ Желание доказать наличие собственно башкирского государства, причем едва ли не с раннего средневековья, башкирских городов¹⁶⁸ и по идее национальной городской цивилизации – никак не состыкуется с кочевыми устоями, традициями и образом жизни башкир. Несомненно, башкиры (ну пусть не все, но значительная часть) общаясь с соседями, обладающими элементами государственности, также были знакомы с таковыми. Разумеется, они знали, что такое города. Но никто не берется ответить на очевидный вопрос - зачем башкирам в средневековье эти города были нужны? Зачем нужно

посвященной 250-летию Оренбургской губернии. Уфа, БГУ. 1994.. С.4-5.] Иными словами – не может не быть.

¹⁶⁴ Проблема еще и в том, что науке не известно ни одного документа, исторического сочинения или летописи собственно башкирского происхождения, которые датировались бы периодом до XVI в. Поэтому на протяжении долгого периода история Башкирии до XVI в. изучалась главным образом на основании отрывочных сведений, содержащихся памятниках других народов. При этом следует учитывать, что цитируются только те тексты, та часть подобных текстов, которые служат поставленной задаче.

¹⁶⁵ Самигуллин В.К. О становлении государственности в Башкирском крае (историко-правовой очерк). // Государство и право. М.: РАН, 1998. №3. С.119. Еще цитата: «В Волжско-Камской Булгарии существовала традиция, согласно которой крупные этнические образования стремились поставить свой город. Здесь существовало несколько десятков городов. По преданию Сувар поставили сувары. Булгар - булгары, Биляр - биляры. Каждый из этих городов в свое время значился столицей Булгарии. Биляр был столицей Булгарии весьма продолжительное время. Это значит, что биляры значительное время занимали в Волжско-Камской Булгарии господствующее положение. Биляры – крупное родо-племенное образование башкир». [Там же. С. 120.] По сходной схеме можно утверждать, что русские - автохтоны на Апеннинском полуострове и сформировались в I тыс. до н.э. – ведь тогда там жили этРУСКИ. Между прочим, в начале XX в. в России даже выходили «исследования» на эту «русско-этрусскую» тему, но наука быстро повзрослела. В данном же случае возмущение явно подзатынулось.

¹⁶⁶ Еще один способ «доказательств» - комментирование и соответствующее «дожимание» в нужную сторону цитат. Например: князь А.Курбский писал: «а предние полки наши гоняю за ними аж за Уржум и Мешь реку, за лесы великие, а оттуду аж до Башкирска языка». Комментарий: «Из сообщения Курбского следует, что «предние полки» дошли до «башкирского языка», но не вступили на территорию башкир... Русские войска действовали не территории Казанского края, не переходя башкирской границы». Или: Н. Карамзин сообщал: «Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами послал стряпчего Семена Ярцова, с объявлением...». Комментарий: «о мирных дипломатических акциях в отношении Башкирии писал Н.М. Карамзин». [Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. / Сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999. С. 137.]

¹⁶⁷ Возможен контраргумент: а как же у казахов? В том то и дело, что в современном Казахстане тоже играют в игру «чем древней, тем лучше» и тоже находят древние казахские государства.

¹⁶⁸ У уже упомянутого нами Н. Мажитова: «Письменные источники свидетельствуют, что в бассейне р.Яик в пределах Оренбуржья в X-XVI вв. существовали башкирские города: крупное поселение, возможно городского типа, находилось на территории современного Оренбурга, а другое – в районе устья р. Сакмары». [Ук. соч. С. 5.]

государство и его институты? И следом: почему в более поздний период своей истории башкирские племена спокойно существуют без городов и без государственных структур?

Как нам кажется, историки Башкирии исходят из ошибочной посылки, что государство – условие высокого уровня развития. Тот факт, что башкирские племена долгое время не имели государственных институтов европейского типа, никак не является признаком отсталости – точно так же, как наличие таковых не является гарантированным признаком передового развития. Как общеизвестно, государства возникают при наличии объективных причин, определенных предпосылок. То, что башкирские племена жили без государства, говорит, на наш взгляд, прежде всего о том, что существовавшая система устройства башкирского общества была оптимальной, жизнеспособной и достаточно комфортной. Впрочем, настойчивость в деле доказательства наличия государственности продиктована не стремлением к исторической точности, но политическими предпочтениями.

Делать анализ всей башкортостанской историографии как задачу мы перед собой не ставили; отметим лишь несколько «базовых» сюжетов, интересующих нас по причине тесной связи с оренбургской историей. Это: 1) «святыни» Башкортостана: Караван-Сарай и исторические деятели Салават Юлаев и А. Валидов; 2) добровольное присоединение Башкирии к России; 3) освободительная борьба за независимость и создание БАССР. Сразу отметим, что при кажущейся эклектичности подбора сюжетов, они все так или иначе взаимосвязаны, поскольку в определенном смысле являются узловыми в той общей концепции башкирской истории, о которой говорилось выше.

Начнем со святынь. Во все времена, независимо от цвета поднятых знамен, власть и общество нуждались и нуждаются в героях прошлого. В советскую эпоху каждому народу был создан своеобразный пантеон. Башкиры не были исключением, но с ними возникли определенные сложности – используя фразу Николая I, «некем взять»: потенциальных героев трагически не хватало. Крупных ученых, деятелей культуры общероссийского масштаба, вышедших из башкир, точно так же, как государственных деятелей, военачальников и проч. применительно к дореволюционному периоду не находилось – башкиры, даже являясь «россиянами», подданными российских императоров, тем не менее существовали достаточно обособленно. Деятелей подобного масштаба не было не потому, что башкирская земля была неспособна рождать собственных «Платонов» и «Ньютонов»¹⁶⁹, а потому, что башкиры не были интегрированы в российское общество, российскую цивилизацию так глубоко, как иные, даже соседние народы (например, татары). Логически рассуждая, национальных героев можно было бы наделать из руководителей восстаний против царизма, но восстания уже поспешили назвать реакционными. Из времен революции и гражданской войны наиболее яркой фигурой был Валидов, но его уже успели записать во враги советской власти, прочие же делатели революции в крае были в основном перебиты в годы террора. А без героев оставаться было как-то и нехорошо. Так взошла звезда Салавата Юлаева (забавно, что многие и сегодня полагают, что у него была такая фамилия). Создание героя произошло в советскую пору. До революции какого-то исключительного интереса он не вызывал – воспринимался более как фольклорный деятель.¹⁷⁰ То же наблюдалось в первые послереволюционные годы: так, в 1925 г. С.Атнагулов, говоря об участии башкир в пугачевском бунте, упоминал вскользь: башкиры «первыми присоединяются к бунту и восстают (предание о Соловат-батыре, сыне старшины Юлай)».¹⁷¹ Точные данные об этом

¹⁶⁹ «Может собственных Платонов / И быстрых разумов Ньютонов / Российская земля рождать». Из оды «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы» (1747) М.В. Ломоносова.

¹⁷⁰ Так, Р. Игнатъев подчеркивал в его личности то, что он «певец и импровизатор» [Игнатъев Р.Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор. Эпизод из истории Пугачевщины. // Известия общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1894. Т.11., Вып. 2. С.147-166; Вып. 3. С. 227-240; Вып. 6. С. 528-534.].

¹⁷¹ Атнагулов С. Башкирия. М.-Л.: гос. изд-во, 1925. С.12.

человеке в письменных источниках появляются лишь после его вхождения в орбиту российских событий. Достаточно легендарно и его поэтическое творчество, поскольку поэзия передавалась устно, и нет твердых гарантий, что приписываемые традицией строки гарантированно принадлежали Салавату. Портретов тоже нет, и его растиражированный облик фантастичен; узнаваемая знаменитая шапка с лисьими хвостами, как утверждают, не имела аналогов в реальной традиции башкир.

Точных биографических данных и подробностей в документах было мало, поэтому широко применялись приемы извлечения «внеисточникового знания» (А. Кузьмин). Очень часто детали биографии формировались по ходу дела.¹⁷² С учетом эпохи, когда Пугачев был почти революционер, то и его башкирский соратник шел как бы рядом, плечом к плечу – тоже будучи борцом за светлое будущее и интернационалистом. В зависимости от меняющейся политической конъюнктуры бывали некоторые корректировки. Так, например, в первой половине пятидесятых годов особо подчеркивалось влияние на Салавата русских¹⁷³, затем особое внимание стало уделяться его национальной самобытности, с крушением советского строя исчезла интернационалистическая составляющая образа. В действиях башкир Салавата есть моменты, о которых старались не говорить – по причине их неудобности, а если и говорили, то с огромным количеством оговорок. Речь идет о расправах с русскоязычным населением и уничтожениях горных заводов. Впрочем, доминировавший базовый тезис о Пугачеве, руководившим всем, исключал сомнения в самовольстве башкирских командиров, тезис о растущей дружбе народов – антирусскую направленность действий.

В современном Башкортостане Салават является прежде всего национальным символом (памятник ему даже размещен на гербе республики) и потому личность его достаточно мифологизирована. Нам кажется весьма показательным вывод, сделанный комментаторами издания в Уфе книги французского историка Р.Порталья (И.В. Кучумовым, Л.Ф. Сахибгареевой и Ф.А. Шакуровой): Салават относится к тем вожакам, отмечают они, которые «практически были отняты у историков, и после надвигающейся обработки и модернизации, поставлены на службу господствующей идеологии».¹⁷⁴

Как видим, Салавату повезло – ведь далеко не все мифы советской поры сохранились в новейшем времени. После провозглашения суверенитета Башкортостана «замаранный» дружбой с русскими (интернационалист же!) Салават был несколько

---

¹⁷² Неоднократно к личности «вождя восставших за свою свободу башкир» обращалась И.Гвоздиковая. На основании большого круга источников она представила развернутую биографию Салавата Юлаева (Гвоздиковая И.М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982), осветила многие ранее неизвестные обстоятельства жизни, деятельности Юлаева, уточнила детали его биографии. В 1989 г., опираясь на «Хронику» П.Рычкова, она дополнила биографию Салавата рядом предположений о деталях. Так, есть факт - девятнадцатилетнему Салавату Пугачев в Берде присвоил чин полковника. Об этом временном отрезке есть только один источник – собственные показания Салавата на допросе. Он сам показал, что чин был присвоен «по просьбе команды». И.Гвоздиковая не согласилась с ним: «как известно, Пугачев жаловал полковниками лишь отличившихся в боях», а потому «естественно» нужно искать причины награждения в участии Юлаева «в сражениях под Оренбургом» [Гвоздиковая И.М. Хроника П.И.Рычкова «Осада Оренбурга». // Рычковские чтения. Оренбург, 1989. С.22.]. Дальнейшие рассуждения: Салават пробыл в Берде с 11-12 ноября до середины декабря. У Рычкова отмечено в этот период семь «полевых сражений» - «в рядах пугачевской конницы Салават **мог (!)** участвовать»... «Самое «сильное» сражение» было 14 ноября – «**скорее всего (!)** во время этого сражения Салават своим воинским мастерством и обратил на себя внимание вождя повстанцев» [Гвоздиковая И.М. Хроника... С.22.]. Позднее, в 1999 году, И.Гвоздиковая уже «с большой уверенностью» утверждает, что «**именно** в этом сражении» отличился Салават [Гвоздиковая И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа: Китап, 1999 С.286.]. Так всего за десять лет предположение превратилось в уверенность: Салават **бесспорно** участвовал в сражениях с 11 ноября до начала декабря.

¹⁷³ Х.Муратов особо подчеркивал, что на формирование мировоззрения Салавата «сильное влияние оказали передовые люди русского общества»: П. Рычков знал Юлая, и два его сына служили с Юлаем в армии Суворова [Муратов Х.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. в России. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1954. С.52.].

¹⁷⁴ Введение // Порталь Р. Башкирия в XVII-XVIII вв. Уфа: УНЦ РАН, 2000. С.29.

задвинут в тень, но перемены в политике потребовали его возвращения - в 2004 г. широко отмечалось 250 лет со дня его рождения. Несколько иначе сложилась судьба другой легенды - А. Валидова. В советское время это был заведомый враг: идеолог башкирского националистического движения, с Красной армией воевал, со среднеазиатскими басмачами общался, эмигрировал, во вторую мировую войну жил в Турции, едва ли не пособник нацистов. В общем, негатива хватало. Теперь в очень сжатые сроки он превратился в едва ли не самого важного в истории башкира¹⁷⁵, создателя и идеолога суверенного Башкортостана. Он стал даже важнее Салавата, поскольку стал олицетворением идеи самостоятельности. В лучших традициях маятник пошел в обратную сторону и на смену крайне отрицательной фигуре пришла фигура самая что ни на есть положительная. О Валидове (которого с учетом времени теперь именуют исключительно Валиди, вероятно, избавляясь от «русского» влияния) стало возможным говорить и писать исключительно в возвышенных выражениях. Показательна история с публикацией московским историком С.М. Исхаковым в 1999 году писем Валидова, не то, чтобы с компрометирующим содержанием, но кое в чем подвергающимися сомнению наведенный на облик глянец. Он получил от уфимских историков резкую отповедь, мягко говоря, далекую от научного спора и местами выходящую за рамки приличия. Вторую часть жизни Валидов прожил как талантливый и работоспособный исследователь-тюрколог и результаты его исследований в этом направлении общепризнанны. А вот в первой части Валидов был больше политиком, со всеми, присущими политикам, чертами, которые отнюдь не принадлежат к лучшим чертам человеческой природы: он солидаризовался то с одной, то с другой противоборствующей стороной, предавал союзников одномоментно – как это было, когда башкирские войска в один день перестали поддерживать белых, и объявили себя союзниками красных, льстил более сильным, обманывал и т.п. В принципе то, чего Валидов и его сторонники пытались достичь, было достаточно авантюрно: они пытались остаться над схваткой белых и красных, в возникшей мутной воде выловить свою рыбку. И все это ради иллюзорной цели независимого Башкортостана, цели, которую реализовать было невозможно, поскольку с кем бы в итоге не задружили башкиры – красными или белыми, неважно, - победители отделиться башкирам бы не дали.¹⁷⁶

И все же, факт, что два самых известных, знаковых исторических деятеля Башкирии, оба боролись с русскими, наводит на определенные выводы...

Завершим разговор о святынях¹⁷⁷, и коснемся двух, без преувеличения, самых знаковых событий в истории башкирского народа, однозначно и безусловно, затрагивавших и наши края.

Первое – это присоединение Башкортостана к России. 2007 год был отмечен в республике очередной памятной исторической датой – 450-летием добровольного присоединения Башкирии к России. Дата, безусловно, знаковая – ибо это событие знаменовало собой начало качественно нового этапа в истории обоих народов. Опыт показывает, что если какую-либо историческую дату отмечает не народ, или историки, но государство, то это верный признак того, что отмечается не просто историческое событие, но совершается важное политическое действие с соответствующими политическими же установками и задачами. Возраст отмечаемой даты здесь лишь свидетельство значимости такого.

---

¹⁷⁵ Между прочим, авторы учебника «История Татарстана», перечисляя «видных ученых, публицистов, историков и философов из татар» в общем списке упоминают Заки Валиди. [История Татарстана: учебное пособие для основной школы. Казань: ТаРИХ, 2001. С.386.] Вопрос об его этнической принадлежности в сегодняшнем Башкортостане закрыт; уровень эмоционального накала иного варианта заставляет видеть в этом никак не стремление к исторической истине. Понятно, что отец башкирского «суверенитета» никем иным, кроме как башкиром, быть не может. Но был ли?

¹⁷⁶ В подробностях и деталях вернемся к описываемой ситуации несколько позже.

¹⁷⁷ О третьей обозначенной святыне – Караван-сарай в Оренбурге – поговорим позже в самостоятельной главе.

Тема добровольного присоединения имеет обширнейшую историографию, и, несмотря на кажущуюся давность происходивших событий, оценки и выводы в разное время испытывали ощутимое воздействие политики, политической конъюнктуры. В свойственном советскому периоду идеологическом единообразии был, тем не менее, положительный момент – использовалась единая терминология, понятия с четко определенным содержанием. На современном же этапе обращает на себя внимание тенденция исследователей использовать термины и понятия, традиционно характерные для определенного временного периода – как, например, «колония» или «империализм»¹⁷⁸ – при оценке иных эпох; в этих случаях содержание этих понятий вольно или невольно экстраполируется в прошлое, искажая историческую реальность.

Еще более эффективным по нежелательным последствиям оказалось использование правовых понятий – ибо, в отличие от понятий исторических (политологических, социологических и т.п.), толкование которых допускает различные точки зрения и варианты, здесь каждое имеет четкое общепринятое определение. А вот именно это берется в расчет далеко не всегда. Чаще всего юридическая лексика используется без учета исторической специфики. Стремясь разобраться в тонкостях того или иного периода, связанных с правом, и объяснить таковые современным читателям, историки достаточно часто – вероятно, по аналогии – используют те или иные современные термины. И это успешно все запугивает: так, например, древний Шумер мы называем государством, но крайне неосмотрительно было бы ставить его и современный Ирак рядом и проводить какие-либо аналогии только на том основании, что Ирак – **также** государство. Подобные моменты не проходят незамеченными; и серьезные авторы сами прекрасно понимают, что аналогии условны; в итоге в лучшем случае начинаются всякого рода оговорки, а в худшем – авторы начинают сочинять свои собственные понятия.¹⁷⁹ А между тем, каждый юридический термин конституционного или международного права имеет вполне определенное правовое содержание и толкование. При этом в большинстве случаев он представляет собой сочетание ряда составляющих, элементов. Отсюда применение/употребление определенного термина как бы автоматически влечет за собой признание существования его составных частей. В итоге получается ненамеренное (а порой и намеренное) осовременивание событий прошлого. Скажем, жалованные башкирам грамоты московских царей давали им определенные гарантии и возлагали на них определенные обязанности – следовательно, в определенном смысле можно говорить о наличии элементов договорных отношений (отметим – с точки зрения сегодняшнего дня). Достаточно чуть сместить акценты, упрощая ситуацию – например, назвав таковые отношения Москвы и башкир договорными, – как эти жалованные грамоты становятся

---

¹⁷⁸ См., напр.: Донелли Алтон С. Завоевание Башкирии Россией 1552-1740: Страницы истории империализма. Уфа, 1995. Автор введения Р. Кузеев солидаризовался с Донелли в оценке политики царизма, как «империалистической» [Там же, введение. С.9].

¹⁷⁹ Так, И.Ерофеева, оценивавшая российскую политику в отношении казахов на юго-востоке в XVIII в., писала о «**политической традиции** российского сувернитета на зависимых территориях» и о существовании неких «**сателлитно-вассальных отношений**» (И.Ерофеева); [Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. С.7.]. В относительно небольшой по объему работы Н. Путрухинцева обнаруживаем набор новоизобретенных понятий: статус казахов определялся как «**самая широкая автономия**», «**широчайшая автономия**», «**ограниченный протекторат**», «**полувассалитет казахских степей**» [Петрухинцев Н. Время собирать караван // Родина. 2004. №4. С.50-54.]. На начальном этапе вхождения Калмыкии в состав России, по мнению автора книги, в правительственном курсе **заметны «федеративные принципы»** [Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995. С.15-19.]. Не остались в стороне и писавшие непосредственно о башкирах. Так, И. Акманов вводил странное понятие «**полусувернитета**»: «С 20-х годов XVIII в. неоднократно возникали идеи пересмотра политики в Башкирии через ликвидацию полусувернитета башкир, бывшего следствием добровольности вхождения в состав России» [Акманов И.Г. За правдивое освещение истории народов (Замечания к книге В.Имамова «Запрятанная история татар». Набережные Челны, 1994.) Уфа: Китап, 1995. А обобщающее издание «Истории Башкортостана» выдумало свой «**племенной сувернитет**» [История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа: Китап, 1997. С.138.]. Примеров, к сожалению, много.

договорами; башкиры – участниками договорного процесса и субъектами международных правоотношений и т.д. А это, в свою очередь, создает почву для определенных политических спекуляций – например, рассуждений о вероломстве Российского государства, нарушающего собственные договоры. На наш взгляд, здесь и кроется причина того, что так много пишется о древних корнях государственности у башкир, ибо только в этом случае возникает возможность представить последних в качестве равноправной договорной стороны.

В теме «вхождение Башкортостана в состав России» обращают на себя внимание несколько моментов, требующих внесения определенной правовой ясности. По сути, используемые в литературе формулы «Башкирия вошла в состав России», «башкиры приняли российское подданство»¹⁸⁰ и т.п. – недостаточно корректны. И хотя они используются достаточно традиционно в отечественной историографии XIX–XXI вв., с правовой точки зрения они весьма уязвимы. Аргументы, что они стали в определенном смысле историографической традицией, также как и отсылки к прежним авторам, на наш взгляд, не являются достаточно убедительными. Скорее это свидетельство того, что правовая неграмотность была свойственна и авторам XIX и XX веков.

Нам видится два мыслимых варианта: либо рассмотрение историко-правовой ситуации с настоящих позиций, позиций сегодняшнего дня, либо анализ историко-правовой ситуации в контексте своего времени. Если исходить из положений современного международного права, то это чрезвычайно удобно, ибо ясность понятий, четкость формулировок и т.п. позволяет легко прийти к консенсусу. Удобно, но неприемлемо – поскольку нормы эти в основном XX века, а мы рассматриваем век XVI-й. Кстати, на подобной подмене строится сегодня немало работ на стыке истории и политики, когда авторы рассуждают о суверенитете в каком-нибудь XVI веке, протекторате в XVIII-м и т.п. Вроде бы логично остановиться на современном рассматриваемому периоду международного права. Безусловно, так логичнее, но так же неприемлемо, поскольку Европа (и Россия тогда) и Восток не существовали в единой системе правовых координат. Иными словами, европейцы понимали договора, соглашения, статус правителей и т.п. по-своему, а люди Востока – по-своему. И это далеко не всегда совпадало. Поэтому, не оспаривая истин, и не призывая к пересмотру каких-либо выводов, мы, тем не менее, призываем к уточнению терминологии.

Начнем с того, что «российского подданства» в XVI веке не существовало; впрочем, как не существовало его и позднее – ибо подданный может быть только у монарха, но не государства. Собственно о подданстве применительно к российским реалиям заговорили только в 20-х годах XVIII в., когда Петр издал (5.4.1722 г.) т.н. Регламент об управлении Адмиралтейства и Верфи, в котором по смыслу выходило, что иностранцы, желающие там учиться, должны были принять подданство. В интересующем нас периоде XVI–XVII вв. подданство юридически оформлено не было, правовые отношения, связанные с институтом подданства, не были развиты. В первоначальном варианте подданство подразумевало единоверие, а в дальнейшем – подчинение лица монарху. Подобного мы в башкирском варианте и не наблюдали.¹⁸¹

Впрочем, если даже допустить вступление именно в «подданство», ситуация требует уточнения: кто именно выступает субъектом договорных отношений. По логике рассуждений многих авторов, одной стороной было Московское/Российское государство, другой – башкиры. Однако субъектом международных правоотношений в первом случае в

¹⁸⁰ «Башкирские племена добровольно вошли в его состав [Российского государства] и стали его подданными». [Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа: Китап, 1999. С.4. (вводная статья)] «Понимая, что только защита сильного соседа может стать гарантией дальнейшего развития народности», знать направила посольства с просьбой «о принятии башкирского народа в российское подданство». [Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1999. С. 14.]

¹⁸¹ Более детально к вопросу о подданстве и правовых нюансах мы вновь вернемся в следующей главе, где речь пойдет о «подданстве» казахов в веке XVIII в.

тот период выступало не государство, а царь. Трудно однозначно ответить, кто был вторым субъектом: общепотребительного понятия «башкиры» здесь явно недостаточно – отдельные башкирские племена? весь народ? старшины? Башкирия? Башкортостан?¹⁸² Экстраполяции современного официального названия республики с ее статусом сегодняшнего дня в прошлое несколько преждевременны: Башкортостан никак не входил и не мог войти тогда в состав Российского государства: во-первых, потому, как уже отмечалось, подданными становились люди, а не территории – власть распространялась на людей. А во-вторых, такого государственного образования не было. – если при составлении духовной Иван IV в 1572 году и отписал сыну Казанское царство «с Башкирдою», то речь шла явно об области, регионе.¹⁸³ Башкирия на тот момент никак не страна, а территория с конгломератом родовых союзов.

Обходится авторами и иной, вполне уместный, вопрос: а заключали ли указанные стороны иные подобные соглашения в рассматриваемый период. Аналогий мы не встречаем. Между тем, взаимные обязательства сторон возможны только при: а) наличии сторон, выступающих в отношении друг друга равноправными субъектами правоотношений и б) существовании сторон в единой правовой системе – иными словами, равным принятием правил игры.

В целом ситуация с присоединением Башкирии по-своему уникальна, как впрочем и любой иной случай присоединения – учитывая особенности народов, исторические реалии, степень развитости международно-правовых отношений на тот момент.

Самым важным аргументом башкирской историографии на всем протяжении ее истории было указание на добровольность присоединения. Собственно, это никто и не ставит под сомнение. Другое дело, что понимать под добровольностью – потому что если принять это буквально, то инициативные действия башкир не имеют внятного объяснения, зачем им понадобилось переходить под власть царя, чуждого и по национальному, и по религиозному принципу. Конечно же, решение башкирских старшин было решением политическим. Это давало башкирам определенное спокойствие, снижение степени угрозы со стороны Москвы, и экономическую выгоду, ибо они обретали права на земель ногайцев. Башкиры были не единственным народом, перешедшим под московскую руку, но единственным, с кем взаимоотношения были оформлены именно так. Речь идет опять-таки о жалованных грамотах. Они действительно существовали; в источниках существуют немало отсылок к таковым.

Традиционно считается, что этими жалованными грамотами были оформлены **взаимные** права и обязанности.¹⁸⁴ И совершенно зря считается, ибо достаточно вникнуть в то, что такое жалованные грамоты, чтобы понять, что тем самым разом ликвидируется зыбкая база доказательств версии договорности. Жалованные грамоты по своему содержанию были документами, предоставляющими кому-либо определенные права или льготы, но никоим образом не накладывающих на жаловавшего какие-либо обязанности.¹⁸⁵ Да, на основе анализа имеющихся текстов о жалованных грамотах, косвенных упоминаний, отсылок и т.п., можно попытаться определить круг вопросов, в

---

¹⁸² Приведем более чем уместную цитату из труда авторитетного юриста Ф. Мертенса: «Международные договоры заключаются от имени верховной государственной власти, которая одна имеет право обязывать свой народ... Важное требование: договор должен быть заключен «лицами, уполномоченными обязываться от имени данного государства и при соблюдении порядков, существующих у него на этот случай». [Мертенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. Спб., 1904. С. 402.]

¹⁸³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подготовка к печати Л.В.Черепнина. М.-Л., 1950. С.426.

¹⁸⁴ «Условия на которые **согласились обе стороны** при оформлении подданства». [История Башкортостана... С.147.]

¹⁸⁵ «Существенная черта всех жалованных грамот заключается в предоставлении ими учреждениям или лицам исключительных прав не в силу принадлежности их к государственным структурам, а в силу пожалования, в силу милости государя». [Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Т.ХIа. 1894. С. 714.]

этих грамотах затрагиваемых. Суммируя разные источники, авторы в принципе сходились на следующем: гарантия башкирам защиту от притязаний прежних властителей, также и от вторжений соседних народов; утверждение вотчинных прав за башкирами на все земли в пределах Ногайской Башкирии; сохранение веры. Башкиры обязывались платить ясак¹⁸⁶ и нести военную службу – в большинстве случаев «обязывались» понимается как добровольное взятие на себя башкирами данных обязательств; по сути же жалованной грамоты, они обязывались (их обязывали) совершать указанное. Но все это логическое построение о содержании грамот есть ни что иное, как игры разума. Определенную ценность оно приобретает только в случае, если мы будем убеждены, что **все** жалованные грамоты были одинаковы. В противном случае – это искусственная и малонаучная компиляция информации, не имеющая исторической ценности. Подлинников грамот нет, как нет и полных копий таковых – то, что они были, сомнению не подлежит¹⁸⁷, но гарантий подлинности известных содержаний нет. Круг иных источников крайне ограничен. Вся система доказательств, к сожалению, очень уязвима: в основном это отсылки к трудам историков (выборочное цитирование), а также к шежере.¹⁸⁸ Башкирские шежере, на которые часто ссылаются, несмотря на их историческую ценность, в доказательном отношении недостаточно надежны; они часто написаны с чьих-то слов, противоречивы, не содержат точных дат, часто даты вовсе отсутствуют.¹⁸⁹ Нет безусловных доказательств того, что тексты всегда воспроизводились слово в слово; в итоге при многократном пересказе частные моменты могли быть превращены толкователями в нечто более значительное, принципиального порядка. Так, обещание Ивана IV «не насиловать в другую веру» традиционно объясняется как свобода вероисповедания. А между тем, понятие «свобода вероисповедания» значительно глубже – в данном же случае речь шла исключительно о не склонении башкир в православие. Велика вероятность того, что историческая память башкир фиксировала то, что казалось наиболее важным башкирской стороне. А важным были два момента: сохранение прав на землю и охрана веры. Земельный вопрос постепенно со временем приобретал все большую ценность, вопрос о вере был новым. Если даже принять реконструированное положение о признании Москвой вотчинных прав на землю, то получается, что Москва передавала землю башкир, и так им принадлежащую, башкирам же. По сути, речь шла об отказе, пускай и косвенном, Москвы от **будущих** претензий на землю и соответственного распоряжения ею.

Именно по причине недостаточности доказательств, как нам кажется, в итоге и родилась надуманная легенда о существовании единого соглашения Башкортостана с Россией, что повлекло за собой и необходимость доказательства башкирской государственности (объяснение наличия одного из субъектов соглашения), и объявления подобного соглашения договором и т.п. Тем самым разрозненные упоминания о грамотах

---

¹⁸⁶ Пример полной выдумки: якобы уплата ясака «подтверждала подданство». Цитируется Никоновская летопись под 1557 г. сообщение казанского воеводы П.И. Шуйского в Москву: «башкиры пришли, добив челом, и ясак проплатили». «История Башкортостана» комментирует: «Выражение летописи «добив челом» означает окончательное признание башкирами власти Российского государства. Это признание было подкреплено платежом ясака, что уже являлось вполне реальным знаком подданства». [История Башкортостана... С.143.]

¹⁸⁷ Достаточно традиционна ссылка на Рычкова: что жалованные грамоты «у многих и поныне имеются» [История Оренбургская. С.3-4.]. Д. Соколов упоминал об одной, ему известной. [Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. М., 1916. С.86.]

¹⁸⁸ Слово «шежере» (шэжэрэ) означает «родословная» или «родословие». У башкир, как и у ряда других кочевых народов, издавна существовал обычай составлять родословную своего рода, передаваемую в устной форме потомкам. Записываться они стали значительно позже, в основном с XIX в. Известные сегодня шежере частью являются только родословными, частью включают сведения, приближающие их к летописям.

¹⁸⁹ Та же «История Башкортостана» отмечает, что «во всех башкирских шежере говорится, что представители племен ездили в Москву к царю Ивану IV. В действительности башкирских послов принимали в Казани наместники». [Ук. соч. С.140.]

вроде бы убедительно создавали в сумме содержание базового документа. Вот только никто не может поклясться, что именно так, а не иначе, в таком «пакете» были сформулированы условия; никто не возьмется указать документ, убедительно свидетельствующий бы о присоединении Башкортостана к России по взаимному согласию сторон – ибо такого нет. Довод – «он должен был быть, потому что не мог не быть» - увы, не довод.

Любопытно, что данную ситуацию есть с чем сравнивать: в 1655 году калмыки принесли присягу, затем в 1661 г. оформленную в **письменное соглашение и закрепленную подписями**.¹⁹⁰

Мы принимаем убедительные аргументы башкирских коллег, обращающих внимание на то, что новые отношения Ивана IV с башкирами строились на джучиевом праве – на использовании опыта Золотой Орды, существовавшей в государственно-правовой системе джучидов: после взятия Казани Иван IV направил послов к казанским ясачникам со словами: «Идите к нам без ужаса и боязни. ...Платите мне то, что платили казанским ханам».¹⁹¹ Только мы глубоко сомневаемся, что сам Иван задумывался именно о джучиевом праве – поскольку все без исключения историки права отмечали именно убежденное стремление Ивана к избежанию заимствований из иных правовых систем: европейской – как католической, но вряд ли мусульманская система была ему близка. По сути в системе отношений башкирских племен с центральной властью ничего не изменялось – кроме перемен на самом вершине: изменился получатель ясака – вместо Казанского хана стал Московский «белый падишах». Но были и определенные новации; например, в вопросе веры – что в бытность башкирских земель в Золотой Орде не было актуальной проблемой. Вопрос о правопреемственности власти Ивана IV над башкирами от золотоордынских ханов имеет ряд подтверждений – раздачу тарханов и т.п. И обращает на себя внимание позиция, когда авторы, признающие таковое, тем не менее, говорят о **признании** башкирами власти Чингисхана, но добровольном **принятии** российского подданства. В варианте XVI в. мы видим наличие системы сюзернитета как бы подкорректированной местными условиями. Добровольность принятия и признание над собой власти – с правовой точки зрения - разные вещи. На наш взгляд, уместно говорить именно о признании на тот момент башкирами над собой власти царя, как более сильной.

Важным моментом является вопрос о пересмотре условий грамот российским правительством. Признание этих документов сродни договорам и соглашениям делает российскую сторону малопочтенным нарушителем договорного процесса. Этот момент традиционно используется для объяснения причин башкирских восстаний, а также в политике. Но ведь это были не договора! Поначалу авторитет царской власти требовал соблюдения собственных решений. Имеющиеся факты свидетельствуют в пользу того, что и в 20-х и в 40-х гг. XVIII в. имели место отсылки к этим самым грамотам.¹⁹² Но важно помнить, что параллельно шло строительство абсолютистского государства, лишавшего святости и незыблемости любые прежние решения, воля царя сегодня становилась безусловной и потому прежние пожалования могли легко потерять свою силу. Последовавшие башкирские восстания были не столько протестом против нарушения соглашений, хотя, разумеется, подобная мотивация по понятным причинам имела место, но против покушений на традиционность. Институты башкирского традиционного управления, как и все прочее, сохранялись не столько потому, что таковые в качестве

¹⁹⁰ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Д.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. первая. М.: Республика, 1993. С.39.

¹⁹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VIII. С. 117.

¹⁹² Например: В инструкции 1728 года уфимскому воеводе П.И. Бутурлину указано, что в отношении с башкирами «поступать по данным от предков наших Великих Государей жалованным грамотам». [ПСЗ Т. VIII. № 5318. С. 69-70.] В расследовании Сената 1741 года было отмечено, что «о содержании башкирцев в Уфе имеются указы особые, а в тех местах не имеется оных, поступая с ними равномерно как с прочими русскими людьми, от чего им может происходить не без отягощения» [РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Кн. 138. Л. 672.]

условий были четко прописаны в каких-либо договорах, но потому, что утверждавшиеся в башкирском крае российские государственные структуры на первых порах не вмешивались во внутреннюю жизнь башкирского общества. Но как долго традиционные институты могли бы просуществовать незыблемыми? Перспективы были явно не радужными; жесткий «москвоцентризм» исключал сохранение самобытности кого бы то ни было; достаточно вспомнить, что украинским землям после Переяславльской рады хватило десятка лет, чтобы ощутить на себе прелести московской тяжелой руки – да так, что они готовы были остаться в дотоле нелюбимой Речи Посполитой... Башкирам «повезло» - в том смысле, что в последующие десятилетия Москве стало не до них: затяжная Ливонская война, затем Смута и сложности восстановительного периода... и только когда власть окрепла, Петр начал «доделывать» регион в часть Российского государства. Но так ли уж виновны тогдашние российские власти? В веке XVIII-м, будем честны, память о событиях века XVI-го порядочно повыветрилась. Сменилось 6-8 поколений, и странно думать, что каждый российский чиновник – в Уфе, или в Оренбурге – держал перед собой наряду со сборником законов пачку копий жалованных грамот, как набор инструктивных писем. Да они и законы-то знали кое-как, а уж соблюдали таковые... Не менее странно думать, что в башкирских кочевьях из поколения в поколение по памяти передавались тексты грамот, как своеобразные курсы правового ликбеза... За столько лет изменилось все. В XVI в. Башкирия была самостоятельным (не в смысле независимым) регионом с экономическим, политическим, социальным, конфессиональным, культурным, национальным единством. Затем начался процесс медленного, но неотвратимого движения от единичных русскоязычных поселений на территории Башкирии к созданию самостоятельной «русской» территории-общности, возникшей на землях, в свое время относившихся к прежней Башкирии. И речь идет не просто о захватах «исконно» башкирских земель и оттеснении (насильственном или вынужденном) башкир. Переселения русских (отметим, что термин «русские» в данном случае условен – правильнее «не-башкиры», но это как-то неудачно звучит) на определенном этапе перевели количество в качество. Поначалу сами переселенцы осознавали себя чужими пришельцами, но неизбежно наступило время, когда представления изменились диаметрально: на смену пониманию - «мы» на башкирской земле, пришло убеждение, что это - башкиры на «нашей». Собственно, ничего исключительного в этом не было. Все это естественные последствия переселений. Аналогичное мироощущение мы наблюдаем у английских переселенцев в Америку: сперва это англичане, оказавшиеся в Америке, но проходит время – и поколение родившихся на американском берегу осознает себя уже не англичанами, но американцами – с вытекающими отсюда и известными всем последствиями. И для башкир «русские» стали естественной частью жизни: в веке XVI-м русские жили где-то далеко на западе, в веке XVIII-м – вот они, рядом, достаточно доехать до ближайшего городка.

Усиление русского/российского присутствия было вызвано не столько далеко идущими гегемонистскими планами Москвы¹⁹³, сколько логикой развития государства – на башкирские исторические территории российская власть пришла не столько потому, что вдруг правители возжелали нарушить собственные обязательства или срочно разбогатеть за счет этих территорий. Власть пришла следом за своими подданными – за переселенцами. Процесс включения Башкирии в административную структуру государства начался только с началом свободной колонизации края русским населением, т.е. несколько позднее.

По сути, собственно «вступления Башкирии в состав России» в XVI в. не произошло; но рубежная дата, безусловно, присутствует, знаменуя собой начала длительного интеграционного процесса, означавшего не только организационное

---

¹⁹³ Кстати, сюжет об извечной агрессии Москвы – любимый у национально мыслящих авторов. Кое-кто даже договорился до сравнения Башкортостана с Индией – в части самого драгоценного камня в имперской короне.

включение территории в состав империи, но и попыток трансформации социальных институтов народов традиционных обществ применительно к российскому государственному устройству; процесса, повлекшего за собой серьезные политические, социальные, экономические и конечно же, юридические последствия.

Повторяемость и даже регулярность башкирских восстаний в XVIII веке говорит о многом. По мнению национально мыслящих авторов – по причине постоянного, едва ли не поэтапного нарушения Россией упомянутого мифического договора. Вообще же причин было немало: это и, конечно же, злоупотребления российских администраторов, это и недовольство башкир продолжающимся процессом размывания их традиционного образа жизни, это и попытки возмездия за репрессии после минувшего выступления, это и конкретные инициативы и амбиции конкретных людей (как, например, призывы Батырши к «священной войне» в 1755 г.). Если рассуждать разумно, то частота восстаний говорит прежде всего о неэффективной политике властей. То, что к XIX веку восстания кончились, нелепо объяснять тем, что башкир в итоге просто принудили к миру – это крайне упрощенное видение ситуации. Усилилось присутствие государственных структур с одной стороны и ослаб изоляционизм башкир (переход к кантонной системе и превращение башкир в служилое сословие) с другой. Попыток вновь поднять знамя бунта и, тем более, знамя освобождения от России более не наблюдается.

Рецидив последней идеи происходит в начале XX в., причем зарождается он в умах формирующейся национальной интеллигенции. Развитие идеи – в роковом 1917-ом. Одной из составляющих общего кризиса страны в течении 1917 года стало резкое оживление национальных движений, в частности башкирского. Как показали дальнейшие события, молодые башкирские интеллектуалы (ставшему затем лидером Ахмет-Заки Валидову на тот момент было 27 лет) оказались едва ли не самым радикальным крылом мусульманского движения. Они попытались продвинуть свои идеи на общемусульманском съезде весной 1917 г., и, не получив там поддержки, пошли на конфронтацию. Башкирские делегаты собрали свой, по сути нелегитимный, т.н. первый всебашкирский съезд в Оренбурге в июле 1917 г. Как утверждается, на нем присутствовало 70 чел.; но их представительность совершенно неясна: кто их избирал, насколько действительно демократичными были выборы, кто уполномочивал делегатов принимать соответствующие решения. Одни авторы пишут о том, что это башкирские делегаты муссъезда собрали свой съезд, другие – что это были именно те, кто прибыл с муссъезда. Вполне вероятно, что на тот момент, их всерьез никто не принимал, и лишь позднее решениям Башкирского центрального совета (шуро) была придана необходимая политическая значимость. Съезд декларировал достаточно агрессивное начало: радикальная программа мер, создание национально-территориальной автономии, организация вооруженных частей, возвращение всех земель, приобретенных прибывшими в Башкирию после 1898 г. Предлагаемый пересмотр земельных владений неизбежно привел бы к конфликту с имеющимися переселенцами, о судьбах которых, кстати, базовые документы умалчивали. Обратим внимание на создание вооруженных сил в числе первоочередных задач. Для чего, собственно, они были нужны в центре России? Внешних врагов поблизости нет; на фронт против немцев никто посылать башкир не собирался. С точки зрения идеи автономизма, наличие армии у автономии совершенно излишне, поскольку оборона федерации есть дело федерации, а не ее отдельных членов. В данном же случае возможны варианты: либо тем самым завуалировано речь шла о полном отделении в будущем, либо высказывалось полное недоверие в силу существующего государства. Простая логика показывает, что если на что и могли быть пригодны национальные войска, так это для силового решения последнего вышеупомянутого момента – очистки территории «автономии» от русского пришлого элемента. Этот достаточно темный момент в дальнейшем башкирскими комментаторами прикрывался доводами, что башкирская армия-де стала сражаться против белых.

Современные авторы талантливо запутывают вопрос, используя современное наполнение понятия «автономия» - чего стоит абсурдная по сути формула «самостоятельное автономное образование». Но сегодня места сомнениям нет - на современном этапе пишутся сплошные дифирамбы мудрости национальных лидеров, пользующихся, безусловно, поддержкой всего народа и т.п. Главный вывод: была заложена основа будущей государственности Башкортостана и федерализма в целом. Между тем, решения «лидеров» и самозванных властей были изначально конфронтационными, без предложения способов решения, констатирующие. «Мы стремимся к тому, чтобы получить территориальную автономию, установить в стране порядок, дисциплину, охранять свою страну и свои земли», - так предельно коротко и ясно были изложены цель и задачи Шура в фармане (приказе) №1 всему башкирскому народу, башкирским работникам и уездным Советам. Уже 17 ноября Шура провело в Оренбурге курултай (съезд) и провозгласило автономию Башкурдистана.¹⁹⁴ В самых общих чертах курултай выразил намерение создать автономию в пределах т.н. «малой» или восточной Башкирии - на землях Оренбургской губ. Почти сразу же ученые-историки Оренбургской Ученой Архивной Комиссии обратили внимание всех заинтересованных сторон, что территориальные претензии курултая не согласованы ни с кем из соседей.¹⁹⁵ Шура имело свое видение новой Башкирии, не стремясь занять чью-либо сторону в конфликте красных и белых, а руководствовалось собственными национальными интересами. Как писалось в первом указе: «Мы не большевики и не меньшевики, мы лишь башкиры. На какой же стороне мы должны быть? Ни на какой. Мы на собственной стороне. Нам нечего делать в этих спорных вопросах. Наше дело охранять нашу личную и имущественную безопасность. Двухмиллионный башкирский народ не может быть игрушкой в таких ничтожных политических забавах. У него должны быть свои нужды, свои потребности, своя политика, своя точка зрения».¹⁹⁶

Нужно отметить, что башкиры были достаточно последовательны в своих действиях; они остались в стороне в начале 1918 г., когда развернулась борьба за Оренбург: не стали конфликтовать с дутовцами, еще занимавшими город, но и не оказали им помощи против красных. Утром 17-го января началась эвакуация, к вечеру город опустел. Порядок на улицах поддерживался только патрулями Шура. Вошедшие в город красные не пожелали идти на диалог с башкирами. Уже 20-го были распущены и разоружены их военные формирования. Активный участник событий М. Муртазин значительно позже утверждал, что причина враждебности со стороны красных крылась в распространившемся утверждении, что башкиры все пособники Дутова.¹⁹⁷ Вину за это он возлагал на татарских активистов. 16(3) февраля 1918 г. в Оренбурге Мусульманский ВРК, опиравшийся преимущественно на татар, принял постановление, в тот же день подтвержденное Оренбургским ВРК, об аресте руководителей башкирской «контрреволюции». «Под давлением татарских организаций» в Баймаке были расстреляны члены Ксе-Курултая (предпарламента) Башкортостана Идельбаев и Магадов, где они создавали башкирские добровольческие отряды - утверждалось, что они это делали для борьбы против красных.¹⁹⁸

Уже на следующий день коммунистами поспешно был создан альтернативный Временный революционный совет Башкортостана (ВРСБ), призвавший трудящихся Башкирии создавать Советы, «куда не должен войти не один представитель буржуазии». Это была малоуспешная попытка захватить лидерство в башкирском движении - так, издаваемая этим Советом газета «Башкортостан» выходила под лозунгом: «Да здравствует Башкортостан! Да здравствуют Русские соединенные штаты на основах народной власти!».

¹⁹⁴ Вестник Народное дело. 18(5).4.1918.

¹⁹⁵ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.168. Оп.1. Д.11. Л.1.

¹⁹⁶ Цит. по: Самойлов Ф. Малая Башкирия в 1918-1920 гг. М., 1933. С.6.

¹⁹⁷ Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М.-Л., 1927. С.63.

¹⁹⁸ Там же.

Некоторая пикантность заключалась в том, что газета выходила ... на татарском языке. В отношении башкирских деятелей планировались дальнейшие репрессии. В марте по всем станичным сельским правлениям, советам, комитетам, «всем, всем, всем» была разослана телеграмма ВРК: «По сведениям революционного комитета башкиры Оренбургского, Орского уездов производят набеги на крестьянские села, формируются отряды вместе с офицерами, юнкерами, всякой сволочью против советской народной власти... Революционный комитет приказывает всем башкирам и их организациям немедленно разоружиться, сдать все оружие местным советам и красным гвардиям, выдать всех скрывающихся у них офицеров и юнкеров и прекратить разбойничьи набеги. Если в течении трех дней это не будет выполнено, то Революционный комитет расстреляет весь арестованный башкирский областной Совет, и все башкирские селения, заподозренные в противодействии советской власти будут сметены с лица земли артиллерией и пулеметами».¹⁹⁹ Члены Курултая - А.Валидов, Ш.Бабич и др. - были действительно арестованы вскоре после занятия Оренбурга и обрели свободу только благодаря набегу партизанских отрядов казаков на Оренбург в ночь с 3 на 4 апреля 1918 г., когда тюрьма была захвачена казаками и все освобождены.²⁰⁰

Нежелание красных идти на диалог и их жесткие действия естественным образом подтолкнули башкир в лагерь их противников. Преследуя цель укрепления своего влияния в регионе, большевики начали большую работу по организации автономии в западной Башкирии (Уфимская губ.), но под своим полным контролем. 25 марта ВРСБ направил в Петроград делегацию с проектом автономии Башкирии «по-советски». Однако к этому времени в недрах Наркомата по делам национальностей родилась иная идея - создать Татаро-Башкирскую Советскую Республику (ТБСР). Проект оренбуржцев был отклонен. Нелишне отметить, что ТБСР была достаточно искусственным образованием - ее создание в немалой степени противоречило и принципам самих большевиков относительно прав каждой нации на самоопределение. Решение было принято, невзирая на то, что ЦК был осведомлен о трениях между татарами и башкирами. Зам.зав.политотделом Туркфронта И. Трайнин писал, в частности, в своем докладе в ЦК: «Отношение темных башкирских масс к татарам приблизительно такое же, как неизжитое еще и в России отношение темных масс к евреям».²⁰¹ Положение о ТБСР было принято 22 марта 1918 г. Во втором пункте «Положения» территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявлялась Татаро-Башкирской Советской Республикой Российской Советской Федерации. Восточная Башкирия также включалась в ТБСР. Сложный вопрос о взаимоотношениях с правительством Башкурдистана и будущего слияния двух частей Башкирии как бы отводился в сторону - решено было передать его на рассмотрение учредительного съезда Советов новой республики. Созыв этого съезда поручался комиссариату по делам мусульман Средней России Наркомнаца.

Автономия нескольких «мусульманских» наций, но при этом обязательно советская, была нужна как противовес мусульманским же «буржуазным националистам», пользовавшимся в Башкирии влиянием. Идея ТБСР была кабинетной идеей, родившейся в головах людей, мало знакомых с реальной расстановкой сил на Южном Урале. Против этого плана выступили самые разные местные силы - по разным же причинам. Так, башкирские лидеры - А.-З. Валидов, Ш. Манатов - в принципе не возражавшие против единой мусульманской республики (они ставили вопрос еще шире - с включением туда и Казахстана), не одобряли обязательной советской формы автономии. Коммунисты Оренбурга и Уфы также не приняли этого плана. Они полагали, что создание башкирской

¹⁹⁹ ГАОО. Ф. 2418. Оп.1. Д.16. Л.61.

²⁰⁰ Нам встречались писания башкирских авторов, выдумавших, что якобы освобождение Валидова и прочих из тюрьмы было осуществлено, не много ни мало, силами некоего специально посланного башкирского отряда.

²⁰¹ Российский центр хранения и исследования документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.5. Д.226. Л.31.

автономии вообще, в любом ее варианте, есть политическая ошибка, мешающая делу пролетарской солидарности. Оренбуржцами были высказаны соображения и экономического характера - губисполком на заседании 30 марта принял решение, резко критиковавшее идею создания ТБСР.²⁰² Ответная мера воспоследовала быстро - в тот же день ВРСБ и Мусульманский ВРК в Оренбурге были распущены. Центр продолжал настаивать на своем. 10-16 мая в Москве было устроено специальное совещание представителей ряда губерний по созыву учредительного съезда Советов ТБСР. И на нем представитель Оренбурга - Г.К.Шамигулов (отметим, наряду с другими представителями с мест - от Уральского и Казанского Советов) выступил против этой автономии. Мнения против были в итоге проигнорированы. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам» в июне 1918 г., говорилось, как о факте, что «контрреволюционные банды вторгаются на территорию Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики».²⁰³

Усилившаяся в регионе гражданская война затруднила создание новой республики на деле, наступление белых в июле сделало вопрос не актуальным. Окончательно от идеи ТБСР центр отказался только в марте 1919 г., когда правительство Башкурдистана высказало намерение перейти на сторону красных.

До этого национальное правительство Башкирии, возглавляемое А.З.Валидовым, разумеется, преследуя свои цели, пыталось договориться со многими властями: КОМУЧем, Дутовым, Сибирским правительством. В 1918 г. башкирские лидеры выразили готовность признать КОМУЧ в качестве правительства всей России за ответное признание их внутреннего самоуправления. Переговоры начались с июля, к осени были достигнуты некоторые результаты - с 17 сентября началось формирование башкирского корпуса в составе Народной Армии, башкиры приняли участие в военных действиях против красных. Однако окончательного соглашения с КОМУЧем не получилось, поскольку Башкортостан претендовал на значительную часть территории Оренбургской губернии. С июля же башкирами велись переговоры с Сибирским правительством, также тогда в принципе не возражавшим против башкирского самоуправления. Достаточно успешно строились поначалу отношения между башкирами и Дутовым. Территориальные претензии их Дутову были безразличны - судьбы не войсковых земель Оренбургской губернии его не волновали, башкиры на земли войска не покушались, так что интересы сторон почти нигде не пересекались. По крайней мере декларативно, А.Дутов заявлял о понимании стремления башкир к автономии.²⁰⁴ На деле же, он сделал попытку поставить башкирское движение под свой контроль, использовать в своих интересах. С адмиралом Колчаком Валидову договориться не удалось. Поэтому после ликвидации Директории и заявления Дутовым своей позиции в отношении Омска башкирские лидеры принимают участие в заговоре против атамана. В ночь с 1 на 2 декабря у А.Валидова было устроено совещание, где присутствовали казачьи офицеры Махин и Каргин, член Учредительного Собрания В.Чайкин и некоторые члены Башкирского правительства. Было решено арестовать Дутова и некоторых других высших командиров казачьего войска и установить в крае власть КОМУЧа.²⁰⁵ По другим источникам, против Дутова готовился террористический акт.²⁰⁶ 8 декабря башкирский офицер Г.Алиев сообщил о заговоре А.Дутову.²⁰⁷ Заговор провалился, Дутов был только ранен. Обратной дороги у башкирских лидеров уже не было. Значительно позже, уже после разгрома Колчака восточный отдел НКВД переслал в ЦК копию с аналитического доклада проф. Фейзхана от 19 июня 1919 г. о башкирском освободительном движении, обнаруженную при разборе бумаг штаба

²⁰² ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.3. Л.6.

²⁰³ Ленин В.И. Речь на митинге в народном доме в Петрограде. 13.3.1919. // ПСС. Т.38. С.33.

²⁰⁴ Из интервью А.Дутова Сибирскому телеграфному агентству: «К автономии областей отношусь положительно, и сам я большой областник». [Цит. по: Политические деятели России 1917. М., 1993. С.105.]

²⁰⁵ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай: Слово, 1937. С.102.

²⁰⁶ Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 - январь 1919 г. Документы. Париж, 1982. С.224.

²⁰⁷ Другой источник - воспоминания М.Муртазина - говорит о «предательстве» «вольноопределяющегося» татарина Галиева. [Муртазин М. Ук. соч., С.69.]

Колчака. Там, в частности, отмечалось: «Башкиры же своими полками продолжали бы бить большевиков и до сего времени существовало бы Башкирское правительство, если бы не заносчивость атамана Дутова, доходившая до полного непризнания этого правительства, чем и воспользовалась группа сторонников Учр[едительного] Собр[ания], во главе с Фортунатовым, которой удалось уговорить честолюбца Валидова встать в защиту пятерки и объявить войну Верховному Правителю, но заговор был открыт офицерами, не участвовавшими в нем, Фортунатов и К^о скрылись. Валидову грозила с этой стороны виселица и он поневоле перешел на сторону большевиков».²⁰⁸

Уже 14 декабря рассылается секретный циркуляр Башкирского правительства, предписывающий башкирским частям отступать под ударами красных «без активного сопротивления».²⁰⁹ 16-го февраля 1919 г. был издан приказ командующего Башкирским корпусом о неисполнении приказов Дутова и переходе на сторону Советской власти.²¹⁰

18 февраля А.Валидов открыто заявляет коммунистам о своей готовности перейти на их сторону. Согласие свое башкиры оговаривали условиями: сохранение автономии, оказание помощи в формировании регулярных башкирских войск и амнистирование башкир, сражавшихся против красных. На том этапе коммунисты были очень заинтересованы в возможности использования башкирских полков, почему согласие было достигнуто достаточно быстро. Уже с 21 февраля башкиры начали боевые действия против своих вчерашних союзников - белых.

Разговор в Москве пошел об обоюдных гарантиях. В.И.Ленин в телеграмме Уфимскому ревкому рекомендовал «согласиться на амнистию при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака. Со стороны Советской власти гарантия национальной свободы башкир полная».²¹¹ Оренбургский и Уфимский комитеты выступали резко против башкирской автономии вообще, и в существующем варианте в частности. На местах видны были все характерные черты политики, проводимой А.-З.Валидовым и его руководством. Валидовцы не спешили предоставлять свою страну для военно-коммунистического эксперимента, полагая, что для того отсутствуют необходимые условия. И хотя в успехе переговоров были заинтересованы обе стороны, все же башкиры оказались в более выигрышном положении и могли диктовать некоторые условия. И.Сталин сообщал в Оренбург 7 марта: «Делегация башкир прибыла в Москву. Башкиры безусловно получают советскую автономию. Не определены еще детали, территориальные границы, о чем ведутся переговоры».²¹²

В частности, на переговорах в Москве башкирам удалось настоять, что границы их автономии будут проведены на основе волеизъявления населения, особенно там, где население смешанное, с учетом землевладения. Граница автономии родилась, как признавал несколько позже пленум оренбургского губисполкома, «в объективных требованиях политического момента гражданской войны и была проведена исходя из узко односторонних признаков и прав на землю башкирского народа».²¹³ Территория была утверждена 20 марта 1919 г. Всего к автономии отошло около 70 волостей Оренбургской губ. Граница получилась ломаная, в пределах губернии остались анклав под башкирской юрисдикцией. Достаточно демонстративный национальный курс правительства Валидова, стремящегося представлять интересы только башкирского народа, проявился и в вопросе определения границ Башкирской автономии. С русским населением башкирская власть не желала иметь ничего общего - достаточно показателен факт, что первой столицей Башкурдистана стала д.Темясово, поскольку ни один из городов Башкирии - в том числе и Уфа - для этой цели не подходил по причине преобладания там русских жителей. «Ядро»

²⁰⁸ РХЦИДНИ. Ф.17. Оп.84. Д.63. Л.42.

²⁰⁹ Муртазин М. Ук. соч. С.69.

²¹⁰ Там же. С.70.

²¹¹ Ленин В.И. Телеграмма Б.Н. Нимвицкому. // ПСС. Т.50. С.252.

²¹² Гражданская война в Оренбуржье. Сб. док-тов. Чкалов: Чкалов. Кн. изд-во, 1957. С.217.

²¹³ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.192. Л.170.

Башкурдистана составили районы с исключительно башкирским населением. Оказавшиеся в пределах автономии единичные русскоязычные села оказались в своеобразной информационной изоляции, буквально игнорируемые башкирскими властями - Оренбург сообщал о приезжающих из Башкирии за распоряжениями представителей подобных сел, «совершенно отрезанных от мира сего», не имевших никаких представлений о многих событиях.

Однако центр частности не интересовали. Несколько позже, также телеграммой, И.Сталин сообщил в Оренбург: «Принято соглашение за подписями Ленина, Сталина, Владимирского о Башкирской советской автономии. Территория - Малая Башкирия без Уфы и Оренбурга. Власть организуется на основе Советской Конституции».²¹⁴

Попытки оренбуржцев, в лице А.Коростелева, вмешаться, особенно в вопросе о границах, были резко пресечены. В той же телеграмме Сталина подчеркивалось: «По имеющимся сведениям, Коростелев и Шамигулов противодействуют осуществлению «Соглашения» и проводят свою личную политику вопреки политике ЦК партии. ЦК напоминает о решении VIII съезда партии о безусловном подчинении членов партии постановлениям Центра и предупреждает, что маленькие отклонения от практической линии ЦК могут кончиться исключением виновных из партии».²¹⁵

Соглашение носило в немалой степени компромиссный характер. На бумаге все выглядело достаточно хорошо, а в жизни реализация Соглашения натолкнулась на серьезные противодействия. Авантюра башкирских лидеров, внезапно объявивших, что вчерашние противники теперь союзники, и наоборот, не была понята ни на той, ни на иной стороне. Часть башкир не подчинились Валидову - примерно три с половиной тысячи мюридов Курбангалиева остались у белых.²¹⁶

На все время, пока шли переговоры в Москве, между красными и башкирскими полками было перемирие. Однако красноармейцы продолжали воспринимать башкирские части как противников, а их нежелание воевать оценивалось, как слабость или даже капитуляция. Вот почему красноармейцы обращались с башкирами, как с военнопленными, и везде, где проживали башкиры, вели себя, как на территории врага. А.Валидов бомбардировал Москву телеграммами о множественных случаях нарушений и преступлений. Среди таковых - самовольное наложение красноармейцами на башкирские деревни контрибуций, расстрелы не понравившихся крестьян и башкирских военнослужащих, разграбление мечетей.²¹⁷

Против А.Валидова и его правительства вновь поднялись местные коммунистические власти. Если центр из тактических соображений молчал о своем истинном отношении к автономии, то южноуральцы откровенно полагали ее фикцией. Крайне враждебно были настроены уфимцы, готовые даже на конфликт с линией ЦК. Так, Преображенский поднимал вопрос о необходимости потребовать пересмотра «национальной программы» на ближайшем партийном съезде, обвиняя ЦК «в принесении уфимских рабочих в жертву восточной политике». Позицию центра, одобрявшего автономию, Уфа воспринимала как временную уступку «националистам». Л.Троцкий, оценивая настроения уфимцев, как «вредные», отмечал: «Там открыто говорят о Башкирской Республике как о временной подачке, что крайне раздражает башкир».²¹⁸

Сходным было отношение и в Оренбурге. В протоколе губкома за март 1919 г. зафиксировано откровенное выступление А.Сольца и Полякова, утверждавших, «что автономию нужно дать, указывая на то, что центр стоит за широкую автономию народностей, хотя бы для того, чтобы создать иллюзию автономии [подчеркнуто нами - Д.С.], чтобы ... народ потом сам отказался от автономии, с другой стороны башкиры могут

²¹⁴ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф.1. Оп.1. Д.12. Л.15.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Урал и Прикамье... С.231.

²¹⁷ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.47. Л.8-11.

²¹⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.5. Д.226. Л.11

перейти в противном случае на сторону белой гвардии...» Но и после этого выступления при голосовании об одобрении решения о башавтономии голоса распределились следующим образом: против нее - 5, за - 1, воздержались - 2.²¹⁹

И Уфу и Оренбург очень раздражала убежденность башкир в том, что у них создано свое государство с вытекающими отсюда последствиями - яда полны строки отчета ОренЧК, что преследуемые дезертиры скрываются в Башкирии, а «милые соседи являются на сцену с винтовками и категорически заявляют, что здесь их господство».²²⁰

Москва же настойчиво делала из Башкирии составную часть РСФСР, не отличающуюся от прочих регионов. 15 сентября вышло специальное постановление ВЦИК «О передаче Башкирскому революционному комитету всего аппарата управления на территории Башкирской Советской Республики». Согласно ему, республике передавались ряд территорий, создавались властные структуры по образцу РСФСР. Было организовано 11 кантонов, в 10-ти из них - созданы ревкомы. Коммунистические органы брали на себя руководящие функции.

Валидов же стоял за создание национальной башкирской компартии, понимая несколько иначе ее задачи и принципы. Осенью 1919 г. Л.Троцкий в телеграмме в Москву цитировал его: «для нас программа коммунистов будет неподходящей, но наша партия будет левее РКП, мы, например, с муллами будем круче разделяться, чем коммунисты, а о капитале и о промышленности нам говорить в своей программе нечего, т.к. у нас этого капитала нет».²²¹ В итоге создать свою партию башкирам не дали, а подчиняться коммунистическим ячейкам башкиры не захотели. Напряженность росла и нужен был лишь повод для открытого конфликта. Это случилось, когда в начале января Башревком создал отдел внешних сношений во главе с К.Ракаем и без обсуждения в коммунистической фракции назначил председателя ЧК Т.Имакова. 13 января обком постановил отозвать Ракаю со всех постов и назначил своего предЧК А.Измайлова. Валидовцы обвинили коммунистов в заговоре и в ночь с 15 на 16 января провели аресты коммунистов. И хотя они вскоре, уже 19 января, были освобождены, ситуации это не исправило. В ряде мест ячейки были распущены. На II-й партийной конференции в Стерлитамаке, прошедшей 7-9 марта, А.-З.Валидов прямо указывал, что Компартия и органы власти тождественны. Несколько позднее он телеграфировал в Москву: «вступая в партию русские шовинисты как-то превращаются в иностранных подданных привилегированных бронированных людей которых нельзя ни арестовать ни переводить из одной службы в другую запятая даже случайно прибывшие из Москвы и Петрограда спецы выступив здесь в партию гарантировали себя от наказания за преступления по должности».²²² Оренбургский губком в докладе в ЦК обвинял Башревком в том, что последний в случаях, если при выборах в ревкомы проходили в большинстве русские, аннулировал выборы, назначая туда большинство башкир.²²³ Конфликтую с местными партийцами, А.Валидов старался поддерживать контакт с центральными органами, всячески демонстрируя свою преданность: так, он по собственной инициативе предлагал «башчасти» «для усмирения» восставших крестьян Казанской губернии. Весьма показательны его телеграммы Л.Троцкому. Так, он телеграфировал: «Дорогому вождю Красной Армии тов. Троцкому от башкир красноармейцев горячий солдатский привет. Просим его привлечь нашу энергию и силу для службы мировой революции и коммунизму, пользу бедноты и против кулаков, умертвляющих с голода нас и наших родителей... Убедительно прошу от имени Башревкома и красноармейцев вернуться на обратном пути заехать к нам на короткое [время] так как не представляем себе возможность посещения в глубоком будущем нашей молодой Башкирии одним из

²¹⁹ ЦДНИОО. Ф.1. Оп.1. Д.4. Л.2.

²²⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.84. Д.64. Л.35.

²²¹ Там же. Л.51.

²²² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.5. Д.226. Л.23.

²²³ Там же. Оп.65. Д.312. Л.6.

четырёх главных Вождей Мировой Революции тов. Лениным, Троцким, Зиновьевым и Сталиным. Очень хотим воспользоваться Вашим прибытием на Урал. Ваши посещения будут иметь огромное значение не только для Башкирии, но и для Киргизии. Готовый к услугам Валидов».²²⁴

Но желаемого доверия Валидов так и не получил. Политбюро ЦК 17 февраля 1920 г., заслушав доклад Ф.Дзержинского «о сношениях» правых эсеров с «видными башкирскими общественными деятелями» постановило разрешить ему «произвести арест всех баш. деятелей, прямо или косвенно причастных к этим сношениям».²²⁵

19 мая 1920 г. вышел декрет «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», где очень четко формулировались принципы взаимоотношений органов Башреспублики с органами РСФСР. Члены Башревкома были поставлены в невыносимые условия и с 15 июня они стали уезжать в Стерлитамак. Тут же коммунистами был создан новый ревком, преимущественно из русских и татар.

Значительное число советских и даже партийных работников-башкир не согласились с происходящим; пытались протестовать, сопротивляться. Но вскоре все они были объявлены контрреволюционерами, с вытекающими отсюда последствиями. Как писал очевидец и активный участник этих событий М. Муртазин, новый ревком целенаправленно приступил к «ликвидации «валидовщины»».²²⁶

Жесткие меры против «валидовцев» совпали с не менее жесткими мерами по сбору продразверстки, которую валидовцы не одобряли. Но теперь, в изменившихся условиях, казалось, что препятствий по ее сбору в Башкирии нет. Ответом на насилие были массовые восстания летом-осенью 1920 г., преимущественно в юго-восточных кантонах (Бурзян-Тангауровском и Тамьян-Катайском). Активные действия башкирских отрядов приобрели политический, национальный характер борьбы за самостоятельность Башкирии. Поднялись остатки башкирской Красной Армии, большая часть которой была уже разоружена коммунистами. Вину за происходящее возлагали на местных южноуральских коммунистов, противников автономного Башкурдистана, совершающих «неправильные действия» и потому вызывающих национальную вражду, «натравливание нации на нацию». Восставшие требовали возвращения на свои посты «своих вождей - тов. Валидова и Юмагулова и других деятелей-башкир... которые вывели нас из темного угла в светлую жизнь».²²⁷ Коммунистические власти Башкирии 14 ноября вынесли решение вступить с повстанцами в переговоры. Руководители восстания требовали себе амнистии, а также считать не исключенными из партии всех участвовавших в движении, возвращения к руководству республикой Валидова и его сторонников, вольной торговли, обязательного присутствия двух третей башкир во всех партийных и советских органах, пресечения «русско-татарского засилья». Обострение обстановки заставило коммунистов пойти на большие уступки. Уже 23 ноября обком принял решение не чинить препятствий к возвращению на свои посты членов «старого» Башревкома, за исключением Валидова, Алкина и Юмагулова. Соглашение между Башобкомом, БашЦИК и командованием повстанческих отрядов в конце концов было подписано 26 ноября. Отдельные отряды повстанцев продолжали сопротивление. Последние группы продержались до весны 1921 г.

В изменившихся условиях Оренбуржцы попытались добиться согласия центра на пересмотр границ Башавтономии - пленум губкома призвал считать границу «временной», поскольку губерния «не смогла залечить ран, нанесенных на целом экономическом теле проведением границ БССР».²²⁸ Однако и новые башкирские власти не выражали готовности на пересмотр условий, допуская, впрочем, возможность дальнейшего прироста территории автономии. Переход Оренбургской губернии в

²²⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.84. Д.63. Л.11.

²²⁵ Там же. Оп.3. Д.62. Л.1.

²²⁶ Муртазин М. Ук. соч. С.188.

²²⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.77. Оп.1. Д.127. Л.53.

²²⁸ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.139. Л.46-46 об.

Кирреспублику инициировал предложение Башреспублики о полной ликвидации этой губернии с разделом ее земель и собственности поровну между обеими республиками. Теперь, когда власть Советов в Башреспублике укрепилась, усилились позиции коммунистов, Москва перестала препятствовать стремлениям Башкирии расширяться; более того, по идейным соображениям республике был нужен пролетариат, почему понадобились индустриально развитые районы. В августе-ноябре 1920 г. к БССР были присоединены Стерлитамак и 16 волостей. Правительственная комиссия теперь официально приняла проект т.н. «большой» Башкирии, куда должны были входить на востоке - Златоустовский уезд, на западе - Уфимская губерния и часть бывшего Мензелинского уезда, на юге - Оренбург. Только на севере сохранялись границы 1919 года. Теперь в основу проведения новых рубежей ложился ранее гонимый принцип экономической целесообразности. Особым постановлением БашЦИКа и БашОбкома Оренбург включался в Башкирскую Советскую Социалистическую Республику. Проблема Оренбурга стала политической - в итоге на праве иметь в своем составе этот пролетарский центр настояло правительство Кирреспублики. БашЦИК уступил, окончательно официально отказавшись от Оренбурга в 1924 г. Итоговый пересмотр границ БССР был в начале 30-х гг., с целью ликвидации черезполосицы. Так завершилось государственное строительство Башкирии. Сверхцентрализация, настойчиво проводимая сталинским руководством, фактически ликвидировала башкирскую государственность, сохранив лишь внешние ее элементы.

Глава 6. Оренбуржье и казахи: взаимоотношения на протяжении веков

«Жизненные интересы всего казахского народа требовали присоединения к Русскому государству...» (1976). «Жизненные интересы всего казахского народа свидетельствовали о необходимости присоединения его к Русскому государству...» (1988). «[Оренбургская экспедиция] осуществила практическое включение в состав Российского государства обширнейших пространств Южного Приуралья и Казахстана, открыв возможности для их широкого освоения и развития» (1996). «Однако еще в 1716 году киргиз-кайсаки обращались с просьбой принять их в русское подданство» (2008).²²⁹

Основы традиционной версии о побудительных мотивах присоединения Казахстана к России и о связанных с этим основанием Оренбурга были заложены еще в дооктябрьский период. Уже тогда возник значительный массив литературы, имевший единые базовые положения: Россия естественным образом имела право на расширение на юго-восток, казахи просто мечтали перейти под власть мощного соседа, движение в том направлении было реализацией планов Петра Великого, его ученики – «птенцы» - талантливые руководители Оренбургской экспедиции - делали все для успеха предприятия, и если кто и мешал процессу, так это башкиры своими мятежами. Основные эти положения (может, изменяясь лексически) перешли в советскую историографию. Ни версия о высокой цивилизаторской миссии России на юго-востоке, ни версия о давнем стремлении России к империалистическим захватам на юго-востоке, не имеют под собой достаточного фактического обеспечения. Точно также из области легенд утверждение о том, что казахи якобы едва ли не рвались присоединиться к России. Последний тезис вообще не требует сегодня опровержения по причине очевидной его надуманности. Включение территорий, сегодня относимых к Казахстану, и проживающих на них людей,

²²⁹ Здесь и далее шрифтом выделены соответствующие показательные цитаты из существующих учебников родного края. Для краткости мы не указываем выходных данных и номеров страниц, ограничиваясь указанием года издания.

в состав Российской империи было процессом длительным, растянувшимся во времени, достаточно противоречивым, и уж точно не имеющим ничего общего с крайне упрощенной версией.

Петр действительно задумывался о востоке, видя в нем для себя источник богатств (не будем забывать о тянущейся долго и стоящей недешево Северной войне!). Все приличные европейские государства имели колонии – так что Петр вряд ли этого не замечал. Другое дело, что у него ничего не получалось: достаточно одного примера – гибели экспедиции Бековича-Черкасского.²³⁰ В наступившем после смерти Петра периоде дворцовых переворотов было не до активной внешней политики на юго-востоке. Определяющим становится стремление к защите рубежей, к замыканию границы. А замкнуть ее было сложно; форпосты шли по городам Поволжья - Казань, Самара, Астрахань; расположенные между ними города-крепости были слабы, малонаселенны и ощутимо удалены друг от друга. Тогда и родился достаточно емкий проект «закрывания» восточной границы – возведение специальной оборонительной линии, позднее получившей название Новой Закамской: непрерывной системы оборонительных сооружений от Алексеевска (пригорода Самары) в северо-восточном направлении до р.Кичуй (222 версты). «Указ о строении Закамской линии» был принят Сенатом 26 апреля 1732 г. В 1734 г. возникает Оренбургская экспедиция, после создания Оренбурга началось сворачивание финансирования строительства линии – она оказалась глубоко в тылу. Сам факт этого строительства есть лишний контрдовод для тех, кто настойчиво пытается доказать едва ли не извечную агрессивность России в направлении востока. Непоследовательность и определенные взаимоисключающие шаги российских властей достаточно убедительно показывают, что Петербург не представлял в достаточной мере, **что** надлежит делать, или, во всяком случае, не имел четко продуманной программы.

Неожиданное крушение проекта строительства линии на половине его осуществления было вызвано воздействием нового, ранее не существовавшего и потому не учитываемого фактора – казахов. Понятно, что сами казахи были задолго до рассматриваемых событий. Принципиально новым был их переход под власть России. Как известно – как написано во всех книгах - переход был добровольным по инициативе хана Абулхаира. Если в период безусловной дружбы народов иного варианта, кроме как добровольного вступления, быть просто не могло – как не могло быть и недоуменных вопросов - то на сегодняшний день не ставить очевидно напрашивающиеся вопросы просто неразумно. Первый и основной: с чего бы казахам стремиться под власть России, страны по тем временам достаточно далекой, и что немаловажно, иноверной. Впрочем, в реальности они и не стремились.

В начале XVII в. на севере Китая возникло Джунгарское государство. Если идти с востока на запад, то рядом с Джунгарией были территории кочевков Старшего жуза, западнее – Среднего, и, наконец, условно до берегов Яика и Каспия – Младшего. Нажим джунгар на Старший жуз сорвал казахов с традиционных мест, усилив в итоге нажим на казахов Младшего, которым в итоге отходить было уже некуда. Затем Старший жуз признал главенство над собой Джунгарии и это разрушило существовавшую систему

---

²³⁰ Повод к посылке ее был совершенно нелепый. В 1713 году некий туркмен Ходжа-Нефес сообщил астраханскому губернатору Симонову, что золотоносная река Аму-Дарья якобы отведена (!) хивинцами в Аральское море. Этот слух получил поддержку русских чиновников – так, сибирский губернатор кн. Гагарин даже представил царю золотой песок, добытый якобы из Аму-Дарьи. Видимо, задумывалась какая-то афера. Но царь поверил, и поручил Бековичу вернуть реку в прежнее русло и построить крепость человек на 1000. Помимо основной задачи, как бы «заодно», поручалось склонить к верности и подданству хивинского хана (вплоть до замены его на иного, дружественного русским!), а при удачном раскладе и бухарского. Специальному отряду морского офицера Кожина было предписано там же отыскать водный путь в Индию. На все Бековичу было придано только три полка Яицкого войска. Авантюра завершилась большой кровью – Бекович с отрядом был окружен в 100 км от Хивы - и в итоге домой вернулись считанные единицы.

взаимоотношений между родами. Представители младшей феодальной линии в Младшем жузе – т.н. потомки Осека – не могли становиться старшими ханами жуза (право принадлежало старшей феодальной линии, т.н. потомкам Жадига). Абулхаир принадлежал как раз к младшей линии. Он смог проявить себя во время казахско-джунгарских войн, почему и попытался стать «великим ханом», причем не только своего жуза. Вообще амбиции у него были весьма серьезные – из дальнейшей биографии известно, что он пытался стать и хивинским, и даже башкирским ханом. На время ему удалось установить свое влияние над всем Младшим жузом и большей частью Среднего. Султаны другой части Среднего жуза были настроены резко против. К концу 30-х годов ситуация резко усложнилась – вновь возникла серьезная угроза со стороны джунгар и персидского шаха Надира. Не имея достаточно сил, Абулхаир был вынужден откочевать к северу, к российским пределам. Это было чрезвычайно невыгодно, поскольку его племена оказывались запертыми без возможностей маневра в относительно узкой зоне у российской границы по Яику, где им были враждебны все, проживавшие там: казаки, башкиры, калмыки – думается, небеспричинно. Соседом жуз под руководством Абулхаира был явно малопривлекательным – иначе придется считать, что невинных и миролюбивых казахов просто почему-то обижали все соседи. Не видя иного выхода, хан повел себя как ловкий политик, начав разыгрывать «российскую» карту. Полагать, что это был мудрый дипломатический ход, направленный на спасение казахского народа, не стоит. Если это и был ход для спасения, то власти лично Абулхаира. Показательно, что после прибытия посольства Тевкелева абсолютное большинство казахской знати выступило и против Абулхаира и против идеи переподчинения России – значит, всем остальным ситуация не казалась такой уж безвыходной.

8 сентября 1730 г. Абулхаир, вероятно, окончательно запутавшись, решил во имя сохранения власти поступиться независимостью – и направил в Россию послов с письмом: «Мы, Абулхаир-хан, с подвластным мне многочисленным народом Среднего и Младшего Жузов, все поклоняется перед Вами, - говорилось в послании хана, адресованном русской императрице, - являемся Вашими слугами, и все вместе с простым народом желаем, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии».²³¹ Ханом руководил чистой воды прагматизм: российская власть достаточно далеко и потому серьезной, ощутимой угрозы самостоятельности хану не будет, а с северными соседями отношения улучшатся - «чтобы Ногайской и Аральской дороги башкирцами ... нам милостиво указать в миру и в соединении быть».

Впрочем, и свою зависимость («службу»?) Абулхаир видел достаточно умеренной. Первые послы в устной форме передали выдвинутые им условия: 1) обещание «служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы»; 2) требование, чтобы им не было «от подданных российских обид и разорения»; 3) просьба о помощи и защите в борьбе со своими неприятелями; 4) просьба вернуть пленных, взятых башкирами и другими российскими подданными и, в свою очередь, обязательство вернуть российских пленных и быть в мире с башкирами и калмыками. Если вчитаться внимательно, то видно, что три из четырех звучат как пункты договора о мире между ранее воевавшими сторонами: обмен пленными, дальнейшее пребывание в мире – а за это от одних защита от иных врагов, а от других служба по образцу башкир. Говоря по-простому: мы с вами больше не конфликтуем, а даже платим, а вы нас защищаете, и все потому что на горизонте рисуется более серьезный противник. Согласитесь, что рисуется картинка достаточно меркантильная...

Итак, ситуация сложилась. В России о казахских племенах не знали практически ничего; впрочем, как и об иных народах региона. Да, из степи делались набеги; но ими

---

²³¹ Цит. по: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Д.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. первая. М.: Республика, 1993. С.144. И уж конечно странно даже из приведенных цитат вычитывать заявление о переходе в подданство – скорее это декларация о мире...

занимались не этнографы, а военные, которых национальные тонкости, понятное дело, не интересовали.

Традиционно считается, что главным знатоком востока был обер-секретарь Сената И.Кирилов, подавший наверх свой проект, доказывавший необходимость и безусловные преимущества подчинения казахов. Откуда у служащего Сената такие особые знания, никто из воспевавших этого деятеля, не говорил. В принципе Кирилов просто не мог знать о казахской степи более, чем прочие. А всем известно было крайне мало. В своем проекте Кирилов рассуждал, как типичный европейский колонизатор той поры: «За что ж и России терять, когда такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставать». Подобно прочим европейцам, Кирилов более всего внимания уделял тем потенциальным выгодам, которые дадут завоеванные территории. Последующие события показали, что почти все, что прогнозировал Кирилов, реализовалось с точностью до наоборот.

Но решение было принято: 1 мая 1734 г. последовала высочайшая резолюция на проект Кирилова. 7 июня по указу правительствующего Сената была подписана т.н. «Привилегия городу Оренбургу», представляющий особые права и льготы городу, который планировалось построить на восточных рубежах страны, как своеобразное «окно в Азию». Так, собственно и началась оренбургская история. Но вернемся к казахам.

Второй принципиальный вопрос, кажущийся наипростейшим, а на деле, являющийся весьма запутанным: кто и в какое подданство перешел? Заинтересовавшегося им призываем обратиться к существующим книгам и проверить самостоятельно: единого названия данного акта у разных авторов нет. В имеющихся суждениях можно отметить несколько вариантов.

Вариант 1-ый: казахский народ перешел в русское подданство. Именно так – о «принятии киргизами русского подданства» - писал А. Добросмыслов (1900)²³², а позднее П. Матвиевский²³³, Ф. Мильков²³⁴, М.Машин²³⁵, Магидовичи²³⁶. Более корректно о «российском подданстве» высказывался

Вариант 2-ой: в подданство вступил только Абулхаир и он привел за собой свой народ - при этом подданство «российское» (В.Дорофеев²³⁷, О. Сухих²³⁸). Подвариант тезиса у Ф. Шакуровой: «хан Абулхаир обратился с просьбой принять его вместе с подданными в состав Российской империи».²³⁹

Вариант 3-й: «российское подданство принял ... жуз» (Н.Семенова).²⁴⁰

Вариант 4: Абулхаир принес присягу «на верность царскому правительству» (И.Ерофеева).²⁴¹

Начнем по порядку. Уместно указать, что «российского», как «русского» подданства в принципе не существовало. Это сегодня понятия «подданства» и «гражданства» по сути синонимичны, а тогда имелась в виду прежде всего политико-правовая связь физического лица и монарха – ведь присягали императору/императрице, а

²³² Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 годах. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. Оренбург, 1900. С.5.

²³³ Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник единения казахского народа с русским // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В.П. Чкалова. Серия истории и педагогики. Вып. 1. Чкалов, 1948.

²³⁴ Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неуструева. / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ф.Н.Милькова. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1949. С.7.

²³⁵ Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск: ЮУКИ, 1976. С.51.

²³⁶ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.) М.: Просвещение, 1984. С.21.

²³⁷ Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. Челябинск: ЮУКИ, 1988. С.7.

²³⁸ Сухих О. Как «чужие» становится «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России. // Вестник Евразии. 2005. №3(29) С. 7.

²³⁹ Введение к: Рычков И.П. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. С.7.

²⁴⁰ Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – в первой половине XIX века. Стерлитамак, 2000. С.75.

²⁴¹ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. С. 226.

не России или империи. Иначе говоря, Абулхаир, присягнув, не стал россиянином, но подданным императрицы. И по этой же причине со сменой на престоле монарха надлежало присягу принимать снова – что и проделывали оренбургские губернаторы с казахскими ханами впоследствии при каждой очередной смене на престоле. В представлении русских людей до начала XVIII в. быть подданным значило быть прежде всего православным, а стать подданным означало креститься в православную веру: указ 1700 г. отождествлял «крещение Православныя Христианския веры» с «выездом на имя Великаго Государя в вечное холопство». Указ 1721 г. допускал возможность приобретения иностранцами поместий и вотчин не в результате крещения, а путем принесения присяги на «вечное подданство Российскому Государю». И только сенатский указ от 27 августа 1747 г. «О клятвенном обещании иностранцев, желающих присягать на вечное подданство России» вводил формулу присяги, и ее условия, и идею подданства России (хотя и в этом случае в тексте речь шла о царице): «Аз нижепоименованный, бывший поданный, обещаюсь и клянусь Всемогущему Богу, что я Всепресветлейшей... Государыне... хочу верным, добрым и послушным рабом и вечно подданным с моею фамилией быть и никуда... за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать». Текст этот оставался таким до 1793 г. К чему эти данные? Да к тому, что на момент событий с Абулхаиром должного правового механизма не существовало. Можно конечно допустить – хотя только допустить! – что в абсолютистском государстве особо этой проблемой, что называется, не загружались; но как быть с указом 1747 года? Раз он появился, значит, потребность в таковом возникла? Можно, конечно, опять-таки только предположить, что случай Абулхаира был прецедентным, но тогда рушится весь массив сочинений, доказывающих международно-правовое значение его действий – например, в энциклопедии «Казахская ССР» совершенно необоснованно утверждалось, что «в ставке Абулхаир-хана был подписан юридический акт о добровольном присоединении Мл. жуза к России».²⁴²

И еще: присягу императору/императрице приносили индивидуально, так что народ (группа, племя, род, т.п.), что называется, скопом, присягнуть или просто «перейти» никак не мог. Как, впрочем, никто не мог привести казахов за собой, как бы «заодно».

И уж конечно совершенно некорректно говорить о присоединении к России казахских земель, или еще эффектнее - Казахстана, например: «усиливается влияние России на Казахстан».²⁴³ Жузы не есть административно-государственные образования, а лишь племенные союзы, не привязанные к какой-либо конкретной территории, как государственной. И, конечно же, жуз тоже никак не мог «принять» подданство какого-либо монарха. Кстати, и понятия «Казахстан» в тот период, естественно, не существовало – налицо очередные попытки осовременивания.

Присяга хана Абулхаира вовсе не означала включения жуза в состав России – только установление вассальных отношений. Власть Петербурга распространялась не на территории, но людей. Известный указ императрицы от 15 марта 1744 года, которым объявлялось создание Оренбургской губернии, вовсе не включал в ее состав земли жуза, как ошибочно пишут некоторые авторы. Он только передавал «киргизский народ» в ведение Оренбургского губернатора.²⁴⁴ Судя по всему, стороны понимали сложившуюся ситуацию по-своему. Российская сторона явно была убеждена, что казахи жуза находятся в вассальной зависимости от хана, и потому его вассальная присяга императрице

²⁴² Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т.1. А-Ата, 1985. С.497. Версия юридического оформления живет и сегодня. Вот, например, сходные рассуждения: Абулхаиру дали грамоту. Грамота, по утверждению автора, - дипломатический документ, обращенный к иностранным государствам. А «факт выдачи грамоты Абулхаиру в 1731 г. ясно свидетельствовал о его статусе внешнеполитического партнера в глазах русской власти». [Сухих О. Как «чужие» становится «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России. // Вестник Евразии. 2005. №3(29). С.7.] Грамота вовсе не вид дипломатического документа, да и вывод о «ясном свидетельстве» надуман и крайне осовременен.

²⁴³ Семенова Н.Л. Военное управление... С. 74.

²⁴⁴ ПСЗ. Т.12. С.51.

приводила и их к повиновению – то есть, европейская схема. На самом же деле было совсем не так. Сошлемся на суждение автора книги о хане Абулхаире И.Ерофеевой; она справедливо указывает на различное понимание складывающихся отношений и, соответственно, обязательств обеими сторонами: «Присягу в верности ... Петербург интерпретировал как согласие на вечное подчинение, в то время как другая сторона была склонна считать ее временным альянсом».²⁴⁵ И далее, отмечая специфику менталитета кочевников, она пишет: «Общины приближались к ставке правителя и входили в сферу его защиты, когда нуждались в ней, если же власть хана становилась неактуальной (это характерно для мирного и сытого времени), люди со своими стадами рассредоточивались по степи и контактировали с ханском двором эпизодически».²⁴⁶ В итоге российская администрация непосредственно столкнулась в своей служебной практике с рядом «социокультурных особенностей политической организации кочевников-казахов» - а именно: отсутствии многих элементов государственности и управления, свойственных государствам (ограниченность властных полномочий их правителей-ханов, отсутствие у них специального аппарата административно-силового принуждения и т.п.); иными словами, с такими особенностями, о которых не имела вообще никакого представления. Показательно, что в дальнейшем ряду посланников в степь помимо прочих задач давалось поручение выяснить соотношение властных полномочий султанов, ханов и старшин. Например, в известной инструкции Тевкелеву от 19.2.1731 г., кроме всего прочего, поручалось выяснить, «какого состояния» Абулхаир, сколько во владении его находится «городов (!) и мест, дворов, кибиток»; есть ли при его городах «пашни, сады и иные какие промыслы». Власти интересовало также наследственная ли власть в степи, сколько платят налогов, все ли исповедуют мусульманскую религию, есть ли в крае оружейные заводы, с кем граничат и проч., и проч. Иными словами, интересовало все. И это, безусловно, показательно. Как показательно и путаница в первоначальном именовании Абулхаира в официальной документации: в Инструкции Тевкелеву он назван «Ханом», а в жалованной грамоте о принятии в подданство – «старшиной Киргиз-Кайсацкой Орды». Кстати, оба документа датированы 19 февраля 1731 г. – одним днем.²⁴⁷ Разночтение было учтено Кириловым – как нам представляется, не случайно появление в его проекте фразы: «в тех Ордах не столько Хану власть имеют, сколько их старшина»...²⁴⁸

Четкая и ясная «европейская» схема - монарх-подданные - не работала; хан не был монархом в подлинном смысле этого слова. Широкие массы казахов никаких присяг не приносили – и, естественно, подданными себя не считали, но считались таковыми (!) в глазах российских чиновников. Но еще долго российские власти воспринимали положение в казахской степи, что называется, «по-европейски», обращаясь с ханом как с монархом и требуя от него соответствующих действий: показательны, например, обращения российских властей к хану, полные недоумений, почему подвластные последнему казахи совершали, скажем, нападения на проходящие посольства и почему хан не принимал должных мер возмездия. Совершенно неразумные приказы Коллегии иностранных дел, требующие от казахов повиновения, есть свидетельство прежде всего того, что в центре не понимали и не стремились понять особенности статуса вновь приобретенных территорий. Срабатывал своеобразный стереотип «московского» мышления – когда во времена Московского государства любая присоединяемая к Москве территория становилась частью таковой, без учета какой-либо местной специфики.

Со своей стороны, Абулхаир явно воспринимал происходящее по-своему. Слабость русского присутствия на юго-востоке была для него очевидна, а, значит, идея подчинения потеряла свою актуальность. Как только слабела джунгарская опасность – слабело и тяготение казахов к России. От прежнего союзника Абулхаира ничего не осталось. Так, в

²⁴⁵ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. С. 229.

²⁴⁶ Там же. С. 228, 229.

²⁴⁷ ПСЗ. Т.8. №5703, 5704.

²⁴⁸ ПСЗ. Т.8. №6571.

августе 1740 г. Урусов вел в Оренбурге очень тяжелые переговоры о неразграблениях караванов, возврате имущества, ненападении на калмыков. Вместо отказавшегося приехать Абулхаира присутствовали его сыновья, в итоге просто пообещавшие передать отцу высказанные претензии. А.Добросмыслов, подробно описавший ход переговоров, отмечал - ни одно из условий русской стороны так и не было выполнено.²⁴⁹ Абулхаир явно стремился теперь не связывать себя никакими обязательствами. В 1741 г. он, воспользовавшись ситуацией, захватил Хиву, откуда вскоре вынужден был бежать под угрозой войск персидского шаха. Всё это говорит прежде всего о том, какова была на деле натура хана Абулхаира – эксперимент с принятием подданства был лишь одним в общем ряду многих авантюр.

Конфликт с казаками все более обострялся. Как уже говорилось выше, в свое время едва ли не самым определяющим мотивом, побудившим хана просить о подданстве, было желание получить доступ на пастбища на западе и на том берегу Яика. Поначалу такое разрешение было дано, но постепенно правительство стало сокращать эту возможность. Развязка наступила 19 октября 1742 г., когда появился указ, вообще запрещающий кочевки в районе Яика и Яицкого городка, «дабы тако к ссорам с русскими людьми, а особливо с яицкими казаками и с волжскими калмыками никакова поводу не было».²⁵⁰ Несколько забега вперёд, укажем, что чуть позже, в 1755 г., кочевка на левый берег Яика была разрешена как награда за помощь в разгроме восставших башкир. Так что совершенно не удивительно, что казахи стали испытывать к России, мягко говоря, недружественные чувства. Русские же власти не учитывали изменившейся ситуации – казахи при всем желании не могли кочевать там, где кочевали ранее - их оттуда просто-напросто вытеснили. Это во многом объясняет и кажущуюся непонятной позицию Абулхаира последних лет – то он сам инициирует русское присутствие, то примыкает к противникам России. В основе всего явно лежало разочарование – русские оказались слабыми союзниками. Вдобавок ко всему, российские власти сами не делали ничего, чтобы исправить положение. А.Добросмыслов в свое время заключал, что они и не могли достигнуть благоприятных результатов, поскольку не имели «сколько-нибудь удовлетворительных сведений об истории киргиз, их нравах, обычаях, характере народа».²⁵¹ В немалой степени русские сами провоцировали беспорядки в степи, порой принимая решения, совершенно не учитывавшие местные реалии. Подход с «европейскими» мерками к нравам и обычаям степи был глубоко ошибочен. Скажем, прощение хана за грабеж каравана рассматривалось российской администрацией как прежде всего снисхождение, оказываемое справедливой властью в отношении провинившегося подданного (вдобавок достаточно дикого). Сам же хан, очевидно, видел в подобных действиях прежде всего слабость и бессилие.²⁵²

По логике вещей, разрыв был неизбежен, но в события опять вмешались внешние факторы. В 1742 году вновь началась война казахов с джунгарами. В итоге султан Средней орды Аблай был пленен, а хан Абдулмагомет (правильнее, как нам кажется – Абдулмухаммед) принял джунгарское подданство. Абулхаир также согласился подчиниться, изъявляя покорность и готовность выдать аманатов. Но одновременно он, как и раньше, решил отыграть «российскую карту», направив послов в Оренбург с просьбой предоставить в случае необходимости убежище его семье в городе – а по сути рассчитывая на защиту. В итоге хитрый хан привел джунгарских послов с собой в Орск. Продемонстрировав им отношение Неплюева – встреча была обставлена весьма

²⁴⁹ А.Добросмыслов: «были получены... ничего не значащие обещания». [Тургайская область. Исторический очерк. // Известия Оренбургского Отдела императорского русского Географического Общества. Вып.15. Оренбург, 1900. С.34.]

²⁵⁰ Казахско-русские отношения в XVIII - XIX веках. Сб. док-тов и мат-лов. Алма-Ата, 1964. С.14.

²⁵¹ Добросмыслов А. Тургайская область... С.45.

²⁵² «Ханы смеялись над русской властью и ее бессилием». [Красовский. Материалы для географии и статистики России. Ч.1. 1868. С.67-68.] Добросмыслов, повторяя эту мысль Красовского, полностью солидаризовался с таковой. [Тургайская область... С.46.]

торжественно - он, в свою очередь разыграл сцену преданности России, присягнув 23 августа Елизавете. За ним последовали сыновья и султаны. Стиль поведения казахов, на наш взгляд, удачно охарактеризовали наблюдавшие все это джунгарские послы. Они указали Неплюеву, что «токмо киргиз-кайсацкий народ непостоянный, и на обнадеживаниях их утвердиться весьма невозможно, они де подобны шелудивому волку, который бегая по степи, ищет таких мест, где огни раскладованы, чтобы шелуди свои очесать, тако де и киргизцы на обе стороны, то есть: России и зюнгарскому владельцу льстят. А в самом деле ничего от них, кроме воровства, ожидать не должно».²⁵³ И действительно, Абулхаир, едва избавившись от джунгарской опасности, вновь попытался заняться шантажом. Задумав заменить сына Хажихамета, бывшего аманатом, другим сыном, Чингизом, сыном от наложницы – и потому менее ценным, он грозился немедленно покинуть Оренбург, заявляя в обиде, что «сам по своей воле вступил» в подданство. На следующий год Неплюев вновь собирал старшин и султанов для присяги наследнику престола Петру Федоровичу. Показательно, что Абулхаир уклонился от свидания. И хотя ряд авторов видят в этом непрощенную обиду²⁵⁴ - что-то вроде «ах, эти дикари, надуваются, ну как дети малые» - свидетельствует это, на наш взгляд, об ином – положение Абулхаира в степи вновь упрочилось и Россия ему опять стала не нужна. Чем лучше ему становилось, тем более нахально и агрессивно он начинал себя вести. В 1744 г. хан напал на каракалпаков, которых, кстати, сам привел в российское подданство. Тогда же он ограбил послов, едущих из столицы. Вскоре попытался организовать побег сына из Сорочинской крепости, но потерпел неудачу.

В итоге Неплюев предложил т.н. «запасной план», ставший фактически первой конкретной программой действий в отношении казахских племен. Он полагал необходимым сосредоточить войска на границе в пяти пунктах, чтобы при необходимости можно было бы действовать против казахов в пяти направлениях: от Яицкого городка, от Оренбурга, от Орска, от Уйской линии, и от Сибирской линии. План был одобрен Сенатом в марте 1744 г. Неплюев предложил не просто программу, но фактически новую стратегию на востоке. Легенда о «киргизах (казахах) - верных подданных» была успешно похоронена; Неплюев явно исходил из посылки о враждебности степняков, почему полагал нужным крепить от них защиту рубежей.

Тем не менее, продолжающиеся башкирские восстания сделали усмирение Башкирии приоритетным направлением в деятельности местных властей и «киргизские» дела вынужденно отошли на второй план. В пределы империи земли жузов включены не были. Первоначально вся деятельность оренбургских властей в отношении степи регламентировалась из центра. При этом в столице не понимали, не знали и не хотели знать особенностей региона. Потому в столице никак не могли понять причины нестабильной ситуации в ордах – с частыми неподчинениями старшин, набегами на пограничную линию.²⁵⁵ Определяющим был европейский взгляд на степь: дикость, отсутствие цивилизации и проч., и вписывающееся в схему просвещенного абсолютизма видение степняков как своеобразных детей, которых надо допросвещать, доцивилизовать до нужного уровня. Так, инструкции, даваемые первым оренбургским губернаторам,

---

²⁵³ Добросмыслов А. Тургайская область... С.43.

²⁵⁴ Во всяком случае, именно так объяснял ситуацию А. Добросмыслов.

²⁵⁵ Очень показательны слова А. Добросмылова: «мы слишком мало заботились об изучении киргизских степей и их обитателей, и накануне уничтожения ханской власти в Малой орде и части Средней, подведомственных оренбургскому начальству, наши знания этих орд вряд ли были больше, чем при Кирилове, Тевкелеве и Неплюеве (с 1732 по 1758 г.) т.е. в первые двадцать пять лет после принятия киргизами русского подданства. Мы не знали ни числа поколений и родов в этих ордах, весьма часто смешивая эти понятия и значительно увеличивая число родов в Малой орде, принимая за роды отделения и подотделения, ни мест кочевков, установленных обычным народным правом, ни нравов, ни обычаев, ни даже действительных правителей отдельных поколений и родов. Мы признавали самостоятельными правителями только ханов Малой и Средней орд, поставленных нами, на самом же деле, правителей было много и при том большинство из них носило в орде также ханский титул».

требовали в отношении казахов «приласкания» их и удержания от «предерзостей». В 50-х гг. XVIII в. правительство предлагало губернатору завести на Эмбе дома для ханского семейства и постараться приучить киргиз к сенокосению. Поддержание зависимости ханов обеспечивалась взятием от них аманатов. Если поначалу при смене на престоле монарха с ханов брали очередную присягу, а это стоило немалых хлопот по организации²⁵⁶, то в 1761 г. т.н. известительные грамоты о восхождении на престол Петра III были впервые посланы без требования от ханов присяги - чтобы «они по дикому и своевольному их состоянию не сделали в том предосудительного затруднения».²⁵⁷ Восстановила процедуру присяги Екатерина II – как она писала губернатору в 1769 г., «опыт показал, что малейшая уступка требованиям киргиз не только не исправляет их, а скорее портит». Позднее она же рекомендовала аманатов в Оренбурге «отводить» от «воровских нравов» и вселять в них «любкасть и лучшее обхождение», приводя их к этому общением с русскими и склоняя к изучению русского языка и грамоты.²⁵⁸

Уместно спросить – каков был эффект? Прямо скажем, мизерный. Свообразным показателем слабости можно считать историю с ханом Аблаем. Он с 1771 года самовольно стал именовать себя ханом; помешать не получилось, почему в итоге и было решено, что «теперь уже было поздно напоминать Аблаю об обязанностях верноподданного, и следовало только искать удобного средства, чтобы хотя наружно показать киргизам, что утверждение в ханском достоинстве зависит от русской императрицы».²⁵⁹ Было инициировано обращение к царице с просьбой утвердить его в статусе хана. Естественно, в 1778 г. воспоследовал положительный ответ, а Аблай получать соответствующую грамоту и присягать просто не приехал. Дело спустили на тормозах. Резкое похолодание со стороны казахской стороны объяснимо – Россия не страшна, да и земли на том берегу Яика перестали быть так привлекательны; казахи более смотрели в сторону Китая, где пустовали земли уничтоженной в 1756 г. Джунгарии. Впрочем, в пугачевщину осмелевшие кочевники де-факто уничтожили существовавший запрет о переходе через Яик на русскую сторону, разграбили и выжгли пограничные крепости, в итоге почти полностью оголив границу. Однако, у центральной власти не было ни сил, ни, главное, желания, заниматься «казахским вопросом» - Екатерина была более сосредоточена на устройении Новороссийского края.²⁶⁰ После пугачевщины губернатор Рейнсдорп неоднократно сообщал о казахских «предерзостях» и испрашивал разрешения сделать «воинские поиски» в степи, на что ему был дан ответ: в крае собрать быстро более или менее значительные отряды нет возможности, а посылать небольшие команды – только привести киргиз «к разврату», кроме того, войска в степи не будут различать правых и виноватых, а наказание правых вызовет месть и грабежи, от которых нельзя будет уберечься. Потому рекомендовалось вести переговоры о возврате захваченных людей, прибегать к задержанию родственников грабителей во время приезда их в Оренбург, а к воинской силе обращаться только в случае нападения, когда нападавших будет возможно преследовать до самых аулов.²⁶¹ Неудивительно, что и в первой половине 1780-х годов набеги были постоянны – опять «воровство и дерзости». А.Левшин писал о делах с

---

²⁵⁶ В 1760 г. коллегия иностранных дел предписывала оренбургскому губернатору, что он должен в первое свидание с ханом наградить его, братьев, султанов и старшин подарками, и в сношениях и в разговорах иметь умеренность, воздерживаясь от «крепких терминов» и завести дружбу с ханами и старшинами, пользуясь удобными случаями. Ханского сына в аманатах, рекомендовалось охранять от оспы, всячески ласкать и чаще брать к себе в дом, чтобы весть об том доходила до хана и его братьев. [Добросмыслов А. Тургайская область... С. 134.

²⁵⁷ Цит. по: Добросмыслов А. Тургайская область... С.137.

²⁵⁸ Там же. С.141.

²⁵⁹ Там же. С.154.

²⁶⁰ В определенном смысле подтверждением того, что в центре «казахский» вопрос не считали актуальным факт: оренбургский губернатор Игельстром в 1790-1791 гг. был вызван на войну со Швецией – без замены его на посту.

²⁶¹ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. 1898, С.123.

Малой ордой в 1788-1790 г.: «нападения на границу ежедневно умножались, внутренние междоусобия в орде усиливались, султаны и часть народа требовали себе хана, старейшины, избранные для присмотра за поведением народным, равно как и члены расправ, ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалования, а на орду не имели никакого влияния».²⁶²

Конечно, надо было что-то делать; крайняя удаленность руководящего центра от границы создавала лишь дополнительные трудности. В итоге умные головы в столице нашли остроумный вариант: указом 14.1.1784 г. все пограничные дела передавались пограничной экспедиции, позднее, в 1799-м, преобразованной в Оренбургскую пограничную комиссию. При этом сохранялось общее руководство Азиатского департамента МИДа.²⁶³ Теперь центр в пограничное управление почти не вмешивался; вся политика в отношении казахов определялась непосредственно оренбургскими губернаторами: по всей видимости, в столице считалось, что они лучше знают предмет. Фактически каждый новый генерал-губернатор едва ли не в обязательном порядке выступал со своими новыми идеями и инициативами – и это при том, что никто из них ранее с кочевниками дел не имел; да и менялись они достаточно быстро. Далеко не все идеи давали желаемый результат – взять, например, пограничный суд А. Апухтина (1784)²⁶⁴ или реформу О. Игельстрема (1786).²⁶⁵ Общим было одно: социальные институты казахов так или иначе пытались трансформировать применительно к традиционному российскому государственному устройству.

Первоначально российские власти намеревались создать в Младшем жузе наследственную ханскую власть, делая ставку на потомков Абулхаира, но это вызывало в степи недовольство. В 1782 г. губернатор Игельстром отказался от поддержки ханов этого рода в обмен за обещание народного собрания Орды жить в мире. Тогда же казахам было разрешено основывать оседлые поселения с пособиями от казны и перекочевывать в Россию. Вплоть до 20-х гг. XIX в. подданство казахов было фактически номинальным. При этом в определенном смысле трансформация жизни казахов началась, вот только не в лучшую сторону – российские интриги с созданием в степи ханской власти, близкой сутью к европейской, только усложнили все; в степи начались внутренние смуты, усилилась нестабильность, резко возросли расходы казны – поскольку любой «сторонник» России требовал жалования и подарков.²⁶⁶

При Александре I центральная власть предприняла первые конкретные шаги по закреплению на территориях, которые, напомним, были как бы за пределами имперских

---

²⁶² Левшин А.. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.2. 1832. С.304.

²⁶³ Оренбургская пограничная комиссия соединяла в себе функции губернского правления, Палаты судов гражданского и уголовного, нижнего земского суда и частично казначейства. Была подведомственна пограничной или дипломатической канцелярии Оренбургского военного губернатора, через него - Азиатскому департаменту МИДа. Председатели ОПК назначались МИДом из числа высших военных лиц или образованных ученых, все прочие назначались правителем края. Представители от казахов (3-7 чел.) избирались в степи по своим обычаям. Дела ОПК охватывали все стороны жизни казахов на пограничной линии. С 1.12.1859 г. власть над казахами была передана «Областному управлению оренбургских киргизов».

²⁶⁴ Пограничный суд был введен по инициативе губернатора А. Апухтина для удержания казахов от «предерзости», каковые «к подначальству и правосудию нечувствительно привыкать могут и очевидно узнают премудрое учреждение к доставлению справедливости и спокойного пребывания». По замыслу, суд должен был разбирать дела между казахами и прочими – русскими, башкирами, торговыми людьми. При этом вменялось при разборе и решении всех дел между пограничными жителями поступать на основании законов и учреждений российских. По оценкам современников, все это оказалось мертворожденной идеей.

²⁶⁵ Оренбургскому губернатору О.А. Игельстрому было поручено коллегией иностранных дел разработать проект управления Младшим жузом. Он стремился приблизить управление степью к общеимперской системе на основе «Учреждения о губерниях» 1775 г. Сущность реформы: ликвидировать ханскую власть в Младшем жузе. Создавался новый орган управления жузом – пограничный суд в Оренбурге, состоявший из представителей феодальной знати и царской администрации. Реформа не была доведена до конца.

²⁶⁶ Для примера, хану Ширгазы время от времени выплачивали суммы - в 1836 г. 500 рублей серебром. После его смерти семья получала пенсию 100 руб. серебром в год.

рубежей. Вызвано это было оживлением Кокандского ханства. В 1814 г. Коканд подчинил себе Старший и часть Среднего жузов и начал в их пределах строить крепости, постепенно превращающиеся в линии. Так Россия, систематически торгующая с Бухарой, получила на своих торговых путях препятствие, а с ее подданных собирали дань Коканд и Хива. В качестве ответной меры с 1824 г. в степи вводилось русское управление – вошли военные отряды. По положению 1822 г. т.н. степи оренбургского ведомства были поделены на три части, с подчинением каждой новому типу администрации в лице султанов-правителей.²⁶⁷ Стали возникать первые поселения, позднее ставшие городами. Местное управление и судопроизводство в значительной мере остались в компетенции местных султанов и биев, но их действия контролировались русской администрацией. Концепция курса стала постепенно меняться. В 1824 году произошло упразднение ханской власти Малой орды; последний хан Ширгазы был вытребован в Оренбург и фактически стал получать пенсию, отстраненный от реальных дел управления. В Среднем жузе ханская власть была ликвидирована еще раньше – при смерти ханов Букея (1815) и Вали (1819).

А затем, уже при губернаторе Сухтелене (в 30-х гг. XIX в.), произошел без преувеличения революционный пересмотр курса в отношении степи. Все предшественники Сухтелена так или иначе намеревались приучить казахов к оседлой жизни и через это «достигнуть упрочения развития русской гражданственности среди этого народа», иначе говоря, европеизировать для дальнейшей инкорпорации в российское общество. Сухтелен же смотрел на казахские (или точнее, в ту пору говорили – «киргизские») степи только как на колонию, и находил, что киргизы должны оставаться кочевым народом и могут быть полезны России как потребители хлеба и изделий промышленно-заводского производства и как производители разных видов скота и сырых животных продуктов.²⁶⁸ Губернатор переломил традиционное видение курса, опираясь на административный ресурс – прежде всего пограничную комиссию. Кардинальные перемены в итоге приобрели крайние формы; теперь не поощрялось ничего, так или иначе связанного с оседлостью: хану Ширгазы, в частности, было строжайше запрещено строить дома для скота. В рамках своего видения проблемы, Сухтелен не позволял казакам распахать земли на другом, «казахском» берегу Урала. Сменивший Сухтелена В.Перовский курс продолжил, несколько видоизменив, дополнив - делая ставку прежде всего на усиление российского присутствия в степи. При Перовском империя пошла на юг. В степи, на «казахском» берегу Урала, началось строительство укреплений. В 1835 г. Перовский добился передвижения границы империи на восток и начал заселение новой территории. Т.н. ново-линейный район площадью в 10100 кв. верст находился между крепостями Орской и Троицкой. Район должен был быть заселен казаками, а киргизы (казахи), напротив, выселены. Точнее, казахам, попавшим в эту зону, было разрешено остаться с условием платы за землю. Одновременно губернатору предписывалось готовить казахов к осознанию того, что со временем они все равно будут удалены. Местности у границы были разделены на т.н. дистанции с назначением туда дистанционных начальников для надзора за казаками, проживающими вблизи границы. В степи началось строительство укреплений и форпостов. В общем той же цели служил и известный «Зимний поход» Перовского. Преобразование управления «киргизами оренбургского ведомства» в 1844 г. вводило в степи некоторые государственные институты: школы, суд, врачебную помощь. В то же время образ жизни казахов оставался без изменений – так, председатель пограничной комиссии Ладыженский получил от губернатора Перовского выговор за допущение строительства казаками землянок. Некоторая корректировка наблюдалась при губернаторе Катенине; но он просто отказался от воинственных внешнеполитических акций, привнесенных в практику Перовским. Кстати, по ходатайству Катенина в 1859 г. управление степью передали из МИДа в МВД; пограничная комиссия

²⁶⁷ Отметим, что это деление намеренно не совпадало с родовым делением Жуза.

²⁶⁸ Добросмыслов А. Тургайская область... С.298-299.

стала областным правлением. Помимо всего прочего, это означало фактическое включение казахских территорий непосредственно в состав империи. 1859 год – вот настоящая дата действительного присоединения Казахстана к России. Параллельно при Николае I велась очень правильная работа по формированию национальной элиты пророссийского направления. Процесс шел не всегда заметно, но постоянно, например, через кадетские корпуса – Неплюевский в Оренбурге, или Омский – в котором, кстати, учился знаменитый казахский поэт-просветитель, ученый исследователь Чокан Валиханов (1835-1865).

И вот теперь политика в отношении казахов стала вновь меняться. Произошел возврат прежнего курса, но как бы на новом витке. Казахи должны были стать «как все». Постепенно ликвидировалась граница: в 1865 г. произошла отмена таможенных пошлин, в 1868 г. упразднена таможенная линия. В 1868 г. из «области киргиз оренбургского ведомства» образованы области Уральская и Тургайская. И хотя некоторые особенности административного устройства сохранялись, управленческий аппарат создавался как и везде по стране – с русскими чиновниками. Окончательно управление казахскими землями было унифицировано т.н. Степными положениями 1868 и 1891 гг.

Глава 7. «Татарская составляющая» оренбургской истории

Роль данного этноса в истории Оренбургского края воспринимается многими достаточно традиционно; а именно – на вторых ролях; что, собственно, неудивительно. Ибо люди ориентируются прежде всего на нашу местную литературу, а там основной массив составляют работы «советского» периода, и концепция таковых проста и незамысловата: Оренбуржье возникло на пустующих землях юго-востока, основные этапы истории Оренбуржья это этапы строительства государственности – государственности российской; основной массив переселенцев на новые земли составляли русские. Конечно, кроме них были и представители других народов, обычно приводимые, что называется, списком – где татары упоминались в общем ряду. Истории народов, иных, кроме великороссов, в контексте Оренбуржья места в учебниках и обзорных публикациях, как правило, не находилось. Проводимые Комитетом по межнациональным отношениям, а позднее Управлением по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Правительства Оренбургской области уже более десятка лет конференции, посвященные жизни и истории отдельных этносов в Оренбуржье («Украинцы в Оренбургском крае», «Чуваши в Оренбургском крае» и т.п.) убедительно свидетельствуют в пользу того, что представители практически каждого этноса привнесли свой ценный вклад в нашу общую региональную историю, добавили интересные, ранее малоизвестные страницы. Но, к сожалению, все эти новации остаются известными достаточно узкому кругу знакомящихся с публикациями упомянутых конференций, а основная масса наших земляков по-прежнему получает информацию старого образца, чему примером скажем, последний учебник по истории местного края, где среди упомянутых исторических деятелей (не считая немцев-губернаторов) представителей иных наций, особенно мусульманских, можно без преувеличения пересчитать по пальцам. Некоторые из них достойны значительно большего внимания и более высокой оценки – как, например, Куглумухаммед Мемешевич Тевкелев (1674-1766). Как переводчик коллегии иностранных дел, он возглавил посольство, направленное в 1731 г. к хану Младшего жуза Абулхаиру для изучения вопроса принятия последним российского подданства.

Пантеон отцов-основателей Оренбургского края – Кирилов, Татищев, Неплюев – известен всем; имя Тевкелева, упоминается рядом с ними. Но именно рядом; на наш взгляд, следует – в их числе. Это и был тот человек, кого на самом деле можно считать подлинным основателем Оренбургского края. Облик его ощутимо подпорчен авторами,

писавшими впоследствии об Оренбургской экспедиции. Историки века XVIII-го создали из него своеобразного «союзного туземца», а в дальнейшем – в историографии как XIX-го века, так и советской – он так и остался на вторых ролях: дружественный татарский мурза, всего лишь помогавший русским государственным мужам устраивать русскую губернию на пустынных землях Южного Урала. Все «национально мыслящие» авторы отзываются о нем резко отрицательно – как же, служил русской агрессии! – и обязательно подчеркивают, что он был крещеным (одним из доводов является русские имя и отчество).²⁶⁹ Не отрицают этого и некоторые русские историки.²⁷⁰ Акцентирование внимания на вероисповедании, как нам представляется, используется как своеобразное объяснение его решительных мер против «своих». Действительно, Тевкелев был одним из наиболее активных жестких и жестоких усмирителей башкирских восстаний, наводившего порядок твердой рукой. Но при этом, по большому счету он ничем особым, может, кроме решительности, не отличался от русских «коллег», действовавших столь же сурово. Важно учитывать, что Тевкелев никогда веры не менял: мусульманином родился и мусульманином же умер.²⁷¹ Есть небольшой момент, на который, кстати, обращал внимание еще А.Добросмыслов, но – что характерно – цитировавшие его абзацами авторы почти нарочито игнорировали следующую информацию. В 1763 г. после выхода в отставку Давыдова – его преемником стал Волков – серьезно обсуждалась кандидатура на пост губернатора Тевкелева. Судя по всему, он сам весьма на это рассчитывал. Во всяком случае, известно, что по степи был распространен соответствующий слух. Все прежние губернаторы приходили на пост, практически ничего не зная об Оренбуржье, местных проблемах и трудностях и столь же достаточно легко уходили. Тевкелев же стоял у самых начал и всегда активно участвовал в происходящем, часто использовался как знаток и консультант по всем сложным вопросам. По большому счету, он был наиболее подходящей кандидатурой – как человек, знающий край, языки, народы. Русским быть ему было совсем не обязательно: был же начальником князь Урусов – из владельцев ногайских. Единственной, но принципиальной помехой оказалась его вера – в столице его кандидатуре было отказано «в рассуждении его магометанского закона». Тевкелев явно обиделся, и когда в очередной раз потребовалось, отказался изложить свое мнение по киргизским делам, за что и был достаточно жестко поставлен на место: императрица повелела оставить в покое и с ним «ничего не рассуждать более по киргизским делам».²⁷² Так завершилась карьера этого неординарного человека.

Но вернемся к началу экспедиции. Тевкелев был одним из немногих в Иностранной коллегии, кто хоть что-то понимал в среднеазиатских делах – знал восточные языки, в свое время был в составе экспедиции Бековича. Официально он вез ответную грамоту, на самом же деле, его едва ли не основная задача заключалась в выяснении обстановки на месте – вероятно, утверждения Абулхаира о готовности перейти «под протекцию е.и.в.» «с сорока тысяч человек»²⁷³, вызывали серьезные сомнения. Как показали дальнейшие события, для этого были все основания. Инициатива Абулхаира явно вызвала у руководства империи замешательство – с одной стороны, предложение льстило

²⁶⁹ М. Кульшарипов: «злодеяния крещеного татарина Алексея Тевкелева» [Кульшарипов М. Сеянтусская трагедия (к 250-летию сожжения деревни Сеянтусы царскими карателями в ходе подавления башкирского восстания 1735-1740 гг.) // Ватандаш. 1997. №5. С.127.]; см. тоже у Р.Зинурова [Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа: Гилем, 2001. С.256.]

²⁷⁰ А.Кузьмин: «крещеный мурза» [Кузьмин А.Г. Татищев (Жизнь замечательных людей). М.: Молодая гвардия, 1981. С.243.]

²⁷¹ В Инструкции от 19.2.1731 г. он именовался «Мегметом Тевкелевым». [ПСЗ. Т.8. №5703.] В Высочайшей резолюции на проект Кирилова – Алексеем Тевкелевым. [ПСЗ. Т.8. №6571.] Вообще верить текстам ПСЗ в этом смысле следует очень осторожно – мусульманские имена и фамилии перевирались с удивительным постоянством. Но! – если бы его звали только «по-русски», как христианина, то «нехристианского» имени в нормативном акте никак не могло бы быть.

²⁷² Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. // Известия ОО ИРГО. Вып.16. Оренбург, 1901. С.141.

²⁷³ Цит. по: Федерализм... С.150.

самолюбие, но с другой – создавало массу вопросов и проблем. Знания о казахских степях и народах были более чем обывистые. Показательно, что посольству Тевкелева специально приданы были два геодезиста для сбора данных для составления карты. Видимо, руководство страны пожелало получше узнать ситуацию, прежде чем принимать какие-либо решения. В Инструкции, ему данной, особо подчеркивались разведывательные задачи: «будучи тамо между ими усматривать и разведать, желательно ль они в то подданство воши»²⁷⁴. Одновременно ставились задачи «усматривать и разведывать» о подробностях жизни башкир и казахов. Рекомендовалось записывать все «искусным способом», а в случае разоблачения надлежало утверждать, что все тайные записи делались якобы исключительно для себя, для своих нужд. Посольство казахи встретили враждебно. Обнаружилось, что большинство султанов не согласно с Абулхаиром. Начались волнения, поставившие под угрозу жизнь послов. Хану Абулхаиру и его сторонникам стоило больших трудов успокоить недовольных старшин, но Тевкелев и его люди оказались в роли заложников. С большим трудом удалось отправить часть посольства обратно в Россию. Ситуация накалялась, звучали призывы расправиться с послами. Большинство высказывалось за подчинение джунгарам. Абулхаир оказался в меньшинстве и, бросив всех, скрылся в своих дальних кочевьях. Вот тут-то Тевкелев и показал себя недюжинным дипломатом – в этих, казалось бы провальных условиях, он, хотя и не сразу, но сумел добиться успеха. Умело использовав 2400 руб., выделенных ему на посольские нужды, он в конце концов смог убедить большую часть кочевой старшины Младшего Жуза принять присягу императорскому престолу. Это, разумеется, официальная версия. На самом же деле, последнюю фразу явно стоит понимать иначе – Тевкелеву просто удалось подкупить часть старшины и заручиться согласием; простое обещание как-нибудь потом принести присягу в принципе никого ни к чему не обязывало. Было сформировано посольство, отправившееся первоначально в Уфу. В составе этого представительства, по сути дела, в качестве заложника находился сын Абулхаира Эрали-султан и двоюродный брат Кияз-султан со свитой из родовой знати. Появление посольства в Уфе вызвало там настоящее потрясение – все уже перестали надеяться на благополучный исход посольства. Достаточно сказать, что всерьез уже обсуждались планы выкупа Тевкелева из плена – и неудивительно, прошло уже полтора года и известий фактически не было никаких. И вдруг он благополучно возвращается, да не один; с ним прибыли ханский сын и знатные казахские старшины.

В дальнейшем, с 1734 г., он был помощником начальника Оренбургской экспедиции И.Кирилова; в начале 1750-х гг. - начальник комиссии иноверческих дел, помощник губернатора И.Неплюева. Как завершилась карьера этого неординарного человека, говорилось выше.

Но дело не только и не столько в умалчивании или недостаточной оценке тех или иных исторических деятелей. Гораздо интереснее обратить внимание на факт, достаточно очевидный – при непредвзятом подходе. Проникновение российского государства на юго-восток и закрепление его через поселения было процессом более сложным, нежели писалось ранее: в процессе определяющую роль играл не один русский этнос, а два – еще и татарский. Почти одновременно в направлении Яика из зоны Поволжья потянулись своеобразные цепочки возводимых населенных пунктов. «Русских» было по понятным причинам больше; не будем перечислять все - отметим только Бузулукскую крепость (1736 г.), Бугурусланскую слободу (1743 г.), Илецкую Защиту (1754 г.). И почти в то же время на т.н. Ново-Московской дороге основались деревни Биккулово, Юзеево, Мустафино, Сарманай, Наурузово, Чюсьметево, Иске Зубачи (Старая Зубочистенка) (1782-1795). Собственно, та же картина присутствует и в XIX в.

На всем протяжении истории края XVIII – XIX вв. мы сталкиваемся с вариантами альтернатив развития, которые условно можно назвать «русской» и «татарской». Не в

---

²⁷⁴ ПСЗ. Т.8. №5703.

смысле постоянной оппозиции, противодействия, как это иногда пытаются представить недобросовестные авторы, а как уникальный исторический эксперимент. По сути дела, мы имеем одновременное существование двух вариантов развития. На возможные возражения относительно того, что у этих народов и языки, и вера, и традиции – все различное, а значит – что тут можно сопоставить? – ответим, что этносы сосуществующие рядом на протяжении веков никак не могут не влиять друг на друга.

Наиболее показательным, на наш взгляд, является условное сопоставление истории двух городов, расположенных по сути рядом: «русского» и «татарского». Мы имеем в виду Оренбург и Сагид (Сеитовский посад, Каргала). Даже сравнение существующих мемориальных памятников с датой основания того и другого наводит сегодня на определенные мысли.

Сравним их создание. Как широко известно, Оренбург на новом, окончательном, месте был заложен 19 апреля 1743 г. До наступления холодов строители успели возвести инженерные сооружения и часть жилых строений. К 1747 г. в Оренбурге уже насчитывалось 837 домов, 175 лавок, 4 церкви, имелись гауптвахта, госпиталь, пороховой погреб и несколько казарм для чинов гарнизона. Как видим, строительство велось централизованно, силами военных, а в дальнейшем возведением строений в Оренбурге занималась специальная Контора оренбургских строений, по сути разновидность каторги.

Сеитовский посад был основан в сентябре 1744 г. торговыми татарами – выходцами из Казанской губернии на р.Сакмаре и Каргале в 19 км к северу от Оренбурга. Названо оно было по имени старшины Сеита (Сагида) Аитова сына Хаялина. Поселенцы обязывались вести торговлю с Востоком и нести службу наряду с иррегулярными войсками. Взамен они просили освобождения от рекрутской повинности и свободы вероисповедания. Сенат позволил переселение на следующих условиях: 1) число новых поселенцев не должно было превышать 200 семей; 2) приниматься должны были только люди «пожиточные и торги производить могущие». Во исполнение этого постановления С. Хаялину от имени Сената 8.8.1745 г. была дана особая грамота. Первоначально переселилось 176 семей. Они наделялись землей для посевов и сенокосными угодьями; им разрешалось покупать землю у башкир, пользоваться рыболовными и охотничьими угодьями, строить мельницы, заниматься ремеслом. Поселок быстро рос – в 1760 г. в селе было 300 дворов с населением 1158 душ м.п., несколько мечетей. Вскоре поселок стал называться по названию реки – «Каргала». Татары порой называли его «город Сагид», имея в виду не его административный статус – городом он не стал, но его размеры. И действительно, его можно было принять за город, своеобразный конкурент Оренбурга – к концу XVIII века здесь проживало до 13 тысяч человек.

Посмотрим на дальнейшее развитие этих двух населенных пунктов. Население Оренбурга формировалось в немалой степени принудительно – за счет ссылочных, присылаемых на службу; уместно указать, что два ярких губернатора – Неплюев и Перовский - оказались здесь не по своей воле. На протяжении XVIII в. город был ограничен в своем развитии крепостными стенами. В 1770 г. губернатор И. Рейнсдорп подал на имя императрицы записку «о недостатках вверенной его управлению губернии». Он констатировал «бедность» губернии, полагая, что она «происходит от недостатка жителей в благодатном краю», а также от отсутствия промышленности и «циркуляции» денег. Для последнего он полагал нужным активнее привлекать купцов, улучшая условия их деятельности: восстановить привилегию г. Оренбургу, построить караван-сарай, отремонтировать обветшавшие за десять лет меновой и гостиный дворы. Тем не менее, постепенно торговля перешла в руки жителей Сагида. Долгое время сеитовские татары были единственными торговцами в Оренбурге. Указ правительства от 2.6.1752 г. сообщал, что в Оренбурге «записных пожиточных и торги производить могущих купцов, кроме записавшихся казанских татар, еще нет». Они стали главными посредниками в торговле России со Средней Азией через Оренбург – так, в 1761 г. из купцов, торговавших в

Оренбурге с казахами, городских было 6, а сеитовских – 38. В конце XVIII в. более трех четвертей лавок на оренбургском гостином дворе принадлежало сеитовским купцам.

Если припомнить круг задач, поставленных перед губернатором, то бросается в глаза, что организация торговли с Азией была одной из важнейших. И ее Оренбургу решить не удалось. Зато сеитовские купцы наладили нужные контакты со Средней Азией.

В одном случае мы имеем дело с государственным проектом: чиновничьей идеей, государственным (естественно, ограниченным) финансированием, административным принуждением и даже отсутствием ясной цели – еще в 1801 г. сенаторы, ревизовавшие Оренбургский край, констатировали ненужность Оренбурга как административного центра, по причине значительной удаленности его от прочих населенных пунктов: почему центром Оренбургской губернии был город Уфа, как более благоприятно расположенный. В другом – частная инициатива, добровольное участие, общая заинтересованность.

Сходным образом можно сравнить образовательную политику в этих двух городах. Главное отличие было в системе финансирования: в Оренбурге – государственное, в Сеитовом посаде – частное. Образовательные учреждения в Оренбурге были составной частью общегосударственной образовательной системы, трансляторами соответствующего правительственного курса. Образование в Сеитовом посаде оставалось вне внимания государства, базируясь на частной инициативе и одновременно на религиозной традиции. Оренбург создавался как военно-административный и политический центр – отсюда образовательные учреждения создавались под соответствующие задачи. В XVIII в. в нем было открыто малое народное училище, преобразованное в главное в 1797 г. в связи с перенесением губернского центра из Уфы в Оренбург. В 1824 году было создано Неплюевское военное училище на средства, пожертвованные сенатором Неплюевым (потомком первого губернатора) и оренбургским дворянством. С 1825 года это учебное заведение готовило офицеров и гражданских чиновников из «азиатцев» (т.е. мусульман). Училище состояло из европейского и азиатского отделений. На европейском отделении, куда определялись, в основном, русские дети, наряду с общеобразовательными дисциплинами изучались французский и немецкий языки, а также артиллерия и фортификация. На азиатском отделении военные науки отсутствовали, преподавали арабский, персидский и родные языки, а также предметы, связанные с земледелием и лесным хозяйством. В 1844 году училище было преобразовано в корпус. В конце 40-х гг. XIX в. в нем были учреждены специальные классы, по окончании которых кадеты производились в офицеры.

Сеитов посад строился и расстраивался, что называется, «для жизни» – в конце XVIII века там было 10 мечетей, при каждой – медресе (училище). В дальнейшем медресы и медресе Сеитова посада стали ведущими в Оренбургской губернии. Еще в 1809 г. посетившие край адъютант И.И.Запольский и магистр П.С.Кондырев докладывали, что «в слободе Татарской Каргалы, Сеитово тоже, каменных мечетей, весьма великолепных семь и две деревянные. При всякой мечети находится особое татарское училище. Частью в покоях под самими мечетями, частью при них в особливых домах». В Каргалу приезжали учиться из различных уголков Российской империи. Как докладывали П.С.Кондырев и И.И.Запольский: «учащиеся, кроме здешних и приезжие из других стран России, бывают из Хивы, Бухарии и разных Азийских княжеств, люди с различными познаниями и поступающие в училище для различных целей; сколько учиться – предоставлено на волю, есть ученики лет 45, а бывают, говорят еще и старше; учатся иногда малое время, иногда лет около двадцати одни по охоте, другие для достижения духовного чина». Обучали в сеитовских медресе татарской азбуке, арабскому языку и литературе, персидскому языку, арифметике и геометрии, основам физики, философии по Аристотелю, толкованию Корана и выполнению религиозных обрядов. Обучение вплоть до конца XIX в. велось в основном по рукописным книгам. Огромное количество литературы привозили из Бухары, где каргалинские купцы бывали по торговым делам весьма часто.

Реформы 1860-1870-х гг. в равной степени повлияли на развитие системы учебных заведений в обоих населенных пунктах. В Оренбурге в 1868 г. открылись шестиклассное женское училище и мужская гимназия, в 1870 г. – ремесленное училище, в 1879 г. – учительский институт и несколько приходских училищ. Из учебных заведений других ведомств следует отметить казачье юнкерское училище (1867 г.), четырехклассное военное училище (1867 г.), духовная семинария (1884 г.), епархиальное женское училище (1889 г.) и др. К концу века в Оренбурге функционировало 32 учебных заведения.

В период 60-х – 80-х годов XIX века на новый качественный уровень стали переходить традиционные мусульманские школы края – мектебы и медресе. В медресе Сеитовского посада в 1869 г. обучались 496 татар, башкир и казахов. К концу века число учеников-шакирдов возросло до 700. В дальнейшем система традиционных школ была видоизменена. Сторонники реформирования традиционной мусульманской школы (джадиды) ставили своей целью реформу образования, заключающуюся в изучении светских наук в национальной мусульманской школе на родном языке при параллельной подготовке учителей. В 1890 году миллионеры Ахмет и Габдулгани Хусаиновы открыли в Оренбурге новометодное медресе под названием «Хусаиния», а чуть позже – еще одно Сеитовом посаде. Все эти мероприятия осуществлялись без участия государства.

Таким образом, мы имеем возможность сравнить два подхода к градостроительству – государственный и местной инициативы. Приходится констатировать, что «сеитовский вариант» проигрывал лишь в финансовых возможностях, ощутимо выигрывая в реализации задач социального характера. Да и историческое прошлое в современной Кургале сохранилось лучше, чем в современном Оренбурге – скажем, построек первого поколения в Оренбурге вообще не сохранилось, как не найти ни могил первопоселенцев, ни самого их кладбища.

Глава 8. «Славный мятежник»

Пугачевщина и Пугачев – это темы, которые обойти в истории родного края невозможно, а писать по которым – сложнее всего. На первый взгляд, кажется, что, напротив – описывать осаду Оренбурга при наличии такого массива публикаций очень легко. Да и вроде как особой необходимости в этом нет – «оренбургский» этап пугачевщины должным образом отражен в федеральном учебнике истории; спор с последним, мягко говоря, нелеп... Так что если что и можно прибавить к повествованию, то детали, подробности, в общем, нюансы.

Четкое, по сути единое, повествование о событиях пугачевщины закреплено в изданных миллионными тиражами книгах: учебниках, исторических романах, энциклопедиях, научных монографиях. Это подкрепляется картинками и рисунками, монументами и художественными фильмами. Стереотипы, заложенные в школе, сопровождают человека всю его жизнь; сегодня миллионы выпускников советских школ в массе своей помнят о пугачевщине то, что когда-то давалось на уроках. Впрочем, как нам кажется, познания выпускников сегодняшних российских далеко от них не ушли.

О том, что Оренбург некогда было осажден пугачевцами, знают, наверное, почти все оренбуржцы. О том, как происходила осада, знает значительно меньшее число наших земляков; и у абсолютного большинства таковых познания ограничиваются все той же «Капитанской дочкой».

Общая схема изложения в краеведческой литературе полностью соответствовала общероссийской советского периода: пугачевщина есть ни что иное, как мощнейший социальный протест народных масс, возглавленный выдающимся деятелем Емельяном Ивановичем Пугачевым. Слова «казак-Пугачев-вольница» – накрепко стоят в нашем сознании в одной цепочке, в одном ассоциативном ряду. А потому события эти есть безусловно предмет гордости и восхищения. Восставшие впервые в нашей истории

подняли свою организацию на уровень создания своих повстанческой армии, командования, органов управления. Они выступали против крепостничества, за свободу всех людей. Народные герои не раз пытались взять Оренбург штурмом, а гарнизон, возглавляемый недалеким и жалким губернатором Рейнсдорпом, трусливо отсиживался за стенами мощной крепости, каковой был Оренбург. Это их и спасло; подошли карательные войска и Пугачев дорого заплатил за свою ошибку – долгое стояние под городом, в то время как ему, конечно же, следовало идти в центральную Россию, освобождать и там народ от крепостного гнета. Вот такая, вкратце, версия наблюдается даже в последнем учебнике родного края. Акценты расставлены более чем четко; положительных героев никак не спутать с отрицательными.

Ожидаем вопрос: если все ясно, зачем поднимать эту тему в данной книге? Что здесь неверного, или недоговоренного? По самой пугачевщине – крестьянская ли это война, гражданская ли, мятеж окраин, национально-освободительное движение, бунт, или вообще все вместе взятое, неважно²⁷⁵ - споров нет. Это исключительно массовый социальный конфликт с глубинными корнями, имевший определенные причины и не менее определенные последствия. Мы не согласны с прочтением облика вождя этой самой пугачевщины. Не будем забывать, что в школьном преподавании истории немаловажную роль играет воспитательный момент. Иными словами, историческая личность должна была соответствовать определенным моральным качествам, быть образцом. А до образца в данном случае весьма далеко.

Облик великого бунтаря и народного защитника создали не историки; его провозгласили политики, а историкам любезно была предоставлена возможность подтвердить уже готовые выводы. Оценка Пугачева как революционера – порождение советской эпохи. Двух странных праздников (празднований смерти!) - в 1925 году 150-летия казни Пугачева и в 1937-м – гибели Пушкина - в принципе было достаточно для того, чтобы сделать из Пугачева предтечу революции. Облик его становился все более сусальным, он был включен в плеяду борцов за светлое будущее.²⁷⁶ Естественно, иным точкам зрения не осталось в принципе. Круг источников, могущих поведать о личности Пугачева, не то чтобы узок, но достаточно ограничен, и прежде всего следственными делами. Поэтому авторы, обращаясь к теме, опирались в принципе на одни и те же источники, но старались превзойти предшественников в раскрытии образа. Первым в этом ряду создателей мифа смело можно поставить Пушкина с его выдуманным персонажем, но навсегда утвердившимся определением «славный мятежник».²⁷⁷ Облик Пугачева в литературе постоянно совершенствовался – от книги к книге, от автора к автору, достигнув пика где-то в 60-х годах. Описаниям свойственен высокий стиль; просто несколько примеров: «Полная нужды и забот, тяжелого труда и испытаний, обид и тревог жизнь... Испытания... оторвали его [Пугачева] от чисто казацкой среды, бросили в пучину народного горя... воочию, на себе познал всю тяжесть гнета крепостнической системы в целом»; «Простой донской казак из бедной казачьей семьи, Пугачев испил до дна всю горькую чашу обид, горя и бед, которая была уготована царизмом для множества таких, как он»; «Пугачев понимал, что народ стоит у порога восстания страшной силы и весь вопрос в том, кто и где его начнет» (В. Мавродин);²⁷⁸ Пугачев был харизматической личностью, понявшей, что «уйти от этого мира гнета и нищеты некуда, и единственный

²⁷⁵ Мы имеем в виду существующие в историографии оценки происходившего.

²⁷⁶ Показательна эволюция образа у первого историка-марксиста М.Н. Покровского: от оценки Пугачева как «удачливого атамана разбойников» (1920), к «чрезвычайно крупной фигуре» (1925) и далее к «одному из крупнейших (может быть, самому крупному) вождей крестьянских движений в России» (1932). Всего за какой-то десяток лет!

²⁷⁷ Между прочим, слово «славный» совсем не обязательно несет в себе положительное начало. Более уместным, нам кажется, вариант «известный». Тот же Пушкин в той же книге назвал Хлопушу (Афанасия Соколова) «славным каторжником» - при том, что последний однозначно всеми признавался уголовным элементом, разбойником и убийцей. «Славный» - значит, «известный».

²⁷⁸ Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.П. Л., 1966. С. 67, 68, 90..

способ добиться воли – это бороться с этим миром и ниспровергнуть его» (В. Мавродин)²⁷⁹; «Ловкость, отвага, смелость, кипучая энергия и вольнолюбие – характерные черты Пугачева», «умный, сильный духом, волевой и решительный вожак» (А. Андрущенко)²⁸⁰; «натура бесстрашная и бесшабашная, удаль и молодечество» (В. Буганов)²⁸¹; «острым воинским глазом он подмечал и цепким крестьянским умом (?) он учитывал» рост недовольства народа (И. Гвоздикова)²⁸²; «Выдвинутый волею обстоятельств в лидеры движения, взяв на себя исключительно сложную роль новоявленного «Петра Третьего» и мастерски исполняя ее, Пугачев вырос в выдающегося вожака восставшего народа. Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетенному народу» (Р.В. Овчинников)²⁸³ и т.д. и т.п.

Оснований для столь возвышенных суждений в принципе нет. Ибо источниками были либо речи на допросах, в которых допрашиваемые стремились по понятным причинам приуменьшить свои заслуги, либо факты, конкретные события, дающие пищу для анализа. В большинстве случаев историки-«аналитики» шли как бы обратным путем: раз пугачевщина была, и раз Пугачев был во главе этого массового движения, то понятно, что он не мог не обладать волей, энергией и прочим. Вольно и достаточно расширительно трактовались отдельные факты, «дожимаемые» при помощи авторского комментария: так, В. Мавродин утверждал, что Пугачев был «великолепный артиллерист» - «сам отдавал распоряжения, где и как устанавливать орудия на снежном валу». Суждение подкреплялось цитатой: «при пушках же, как расставляли, был, он, Емелька, сам».²⁸⁴ Или, цитируя слова Пугачева, сказанным им в Илецком городке - «А у бояр-де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами», историк продолжал от себя: «Чьей собственностью должны были стать отобранные у дворян земли, было совершенно очевидно – собственностью тех, кто на них жил и их обрабатывал, то есть крестьян».²⁸⁵ Или, например, И. Рознером слова казаков, разочарованных тем, что Яицкий городок взять не удалось - «Пойдем туда, где нас примут!» - подавались как намерение идти в центральные районы страны.²⁸⁶ Слова Пугачева: «Когда, де, Бог донесет меня в Петербург, то зашлю ее [императрицу – Д.С.] в монастырь..., а у бояр, де, села и деревни отберу», использовались как подтверждение плана Пугачева «повсеместно уничтожить крепостнические порядки»²⁸⁷. Иногда авторы, в стремлении подать Пугачева получше, даже спорили с источниками (!): так, И. Рознер упоминал о совете 23 марта 1774 г., на котором было принято решение уходить в Башкирию. В сноске он отмечал, что об этом решении сообщил на допросе И.Почиталин, сказавший в свою очередь, что предложение это высказал И.Творогов. Далее автор писал: «Тщательный анализ, однако, показывает, что Почиталин, или, вернее, тот, кто записывал его показания, допустил путаницу: эти слова, несомненно, принадлежавшие Пугачеву, приписал И. Творогову, а то, что сказал И. Творогов – Пугачеву»²⁸⁸

²⁷⁹ Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. М.: Мысль, 1974. С.23.

²⁸⁰ Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 20,18.

²⁸¹ Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. С.127.

²⁸² Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа: Китап, 1999. С.271.

²⁸³ Емельян Пугачев на следствии: сб. док-тов и мат-лов. / Отв. исполнитель Р.В.Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. С.24.

²⁸⁴ Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.Ш. Л., 1970. С.25.

²⁸⁵ Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. М.: Мысль, 1974. С.27.

²⁸⁶ Рознер И.Г. Казачество в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Львов: изд-во Львовского ун-та, 1966. С.44.

²⁸⁷ Там же. С.51.

²⁸⁸ Рознер И.Г. Казачество... С.134.

Факты, что называется, со знаком «минус», вообще игнорировались – но это было очень редко²⁸⁹, значительно чаще они пересказывались так, что сразу подтекста было и не уловить. Приведем пример из И. Рознера: «По дороге из Илецкого городка Пугачев купил у саратовского купца Уфимцева для повстанцев 300 лошадей за 3500 рублей и при этом «обещал ему заплатить, когда придет он... в Саратов»».²⁹⁰ Некоторая скрытая угроза «дойти до Саратова» ощущается, но автор пишет, что Пугачев лошадей именно купил, т.е. приобрел, без кавычек или иронии. Другой пример: Х.И. Муратов утверждал, что «Пугачев и Военная коллегия вели беспощадную борьбу с нарушителями дисциплины, дезорганизаторами и грабителями». В подтверждение этого тезиса приводился пример: «Так по жалобе крестьян был повешен один из приближенных Пугачева Дмитрий Лысов, за то, что тот занимался грабежом крестьянских хозяйств».²⁹¹ Можно проверить у Пушкина: «несколько дней пред тем они ехали вместе.., будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскочил сзади на Пугачева и ударил его копьем», за что Пугачев и велел его «тайно задавить»» (см. главу пятую).

В исключительных случаях, когда казалось, что факты умолчать не представлялось возможным, авторы все равно старались обелить своего героя. Это видно на примере женитьбы Пугачева на 17-тилетней Устинье. Брак этот был неприличен и незаконен как для императора Петра III, так и для казака Емельяна – в обоих случаях имелась законная супруга и дети. И, тем не менее, историк В. Буганов объявил этот «брак» всего-навсего... «слабостью»: «Новая женитьба, при неразведенной жене, что тогда было задачей не из легких, выглядела грехом, если исходить из христианских канонов, обычной (!) человеческой морали (!). Но ведь, как известно, во все времена, мораль более или менее легко приспособлялась к человеческим желаниям, потребностям или попросту к слабостям».²⁹²

Достаточно распространено было использование известных цитат вне контекста. Приведем только один пример: знаменитые слова Е. Пугачева «улица моя тесна». А.С. Пушкин писал, что слова эти Пугачев говорил Денису Пьянову, «пируя на свадьбе младшего его сына». По мнению поэта, тем самым Пугачев выражал отношение к окружающим его яицким казакам, «скучая их опекою». У позднейших авторов эти слова, сказанные в конкретных условиях, приобретали видимость едва ли не программного заявления – см., например, у В. Спиркова: «Недаром Е. Пугачев **часто** жаловался впоследствии: «улица моя тесна»²⁹³; у В. Буганова: в военную коллегия Пугачев назначил несколько яицких казаков – «это были представители казачьей верхушки, присоединившиеся к движению и стремившиеся держать под контролем выдвинутого Яицким войском «государя». Это сознавал сам Пугачев, который **нередко** жаловался: «улица моя тесна»».²⁹⁴

Американский историк Дж. Александер в свое время упрекал советских авторов именно в преувеличенном восхвалении Пугачева. Отвечавшие ему С.М. Троицкий и Р.В. Овчинников (1974) заявляли, что это не так, и что и в наших работах якобы встречаются свидетельства об его отрицательных чертах.²⁹⁵ При этом давалась только **одна** ссылка - на известный трехтомник «Крестьянская война».²⁹⁶ Если же ее проверить, что мы не

---

²⁸⁹ Например, очень мало кому известен факт пожалования Пугачевым жителю Пензы семьи крепостных крестьян. [Пугачевщина. Т.П. М.-Л., 1926. С.12.]

²⁹⁰ Рознер И.Г. Казачество... С.55.

²⁹¹ Муратов Х.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. в России. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1954. С.68-69.

²⁹² Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. С.243.

²⁹³ Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.П. Л., 1966. С.445.

²⁹⁴ Буганов В. Пугачев. С. С.208.

²⁹⁵ Овчинников Р.В., Троицкий С.М. Новейшая американская историография Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С.115-134.

²⁹⁶ Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.1. Л., 1961. 587 с.; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.П. Л., 1966. 512 с.; Т.Ш. Л., 1970. 488 с.

поленились сделать, то оказывается, что речь шла о способности Пугачева плакать при необходимости. Могут возразить: а вот есть же опубликованные факты, которые никак нельзя поставить в заслугу Пугачеву: казни пленных, погромы церквей, убийства дворянок – разве это не пример непредвзятого отношения? Дело в изменившемся менталитете – это сегодня нам, как нормальным людям, подобное претит, а несколько десятилетий назад подобные действия в глазах тогдашних борцов с религией и эксплуататорами были в порядке вещей.

Отыскать следы того или иного сообщаемого факта, проверить его реальное содержание в ранних публикациях, не всегда кажется нужным – в конце концов, если о чем-либо пишут все, то проще повторить за ними, нежели перепроверять по порой достаточно труднодоступным публикациям, например, 1920-х гг. Но даже выборочные проверки дают любопытные результаты.²⁹⁷

Но все-таки в научных исторических сочинениях факты шли от источников. А ведь наряду с научными работами существовал во много раз превосходящий по объему массив работ научно-популярных – в том числе и для школы. В них упрощенное видение событий, опущены «неприятные» и сложные для детского восприятия моменты, из работы в работу кочуют сцены, не подтверждаемые никакими источниками. Так, в биографии Пугачева в серии «ЖЗЛ» В.Буганов, чей научный авторитет не оспорим, вводил огромное количество сочиненных диалогов, придавая тем самым «нужным» моментам весомость и доказательность.²⁹⁸

А стоит прибавить сюда массив рассказов, повестей, романов о Пугачеве, крестьянской войне и т. п., где художественный вымысел вообще ничем не ограничивался. Разумеется, писатель имеет полное право на фантазию – и вот у него Пугачев говорит про «тесную улицу» там и столько раз, сколько автору хочется, совершает благородные поступки, демонстрирует веру в светлое будущее, проявляет гуманизм, и прочее, и прочее, и прочее... Все зависит от таланта писателя. Так что нет ничего удивительного, что в сознании поколений утвердился совершенно нереальный, мало имеющий схожего с реальным, Емельян Пугачев. Нужно осознать, что восхваляемый и поныне Пугачев никак не реально существовавший человек, исторический персонаж, но искусственно созданная идеологема. Законы советской эпохи были безвариантны – факты должны были соответствовать концепции: Пугачев признанный вождь. А все последующие моменты находятся с данной посылкой в четкой взаимосвязи. Если Пугачев признанный вождь, то он и возглавлял массы; он все придумал и организовал; он повел людей за собой – люди пошли именно за ним; он видел будущее и пути выхода из-под тяжелого гнета, имел программу действий и сочинял манифесты.

Давайте сделаем небольшой опыт – поверим данной установке. Примем, что Пугачев был исключительно одаренным лидером, подлинным вожаком, талантливым военачальником. Посмотрим на действия – но даже простой их анализ развенчивает этот образ. Итак, первый момент: сильный организатор, которому подчинялись все. Только несколько примеров, уже ставящих тезис под сомнение.

1. Поход на Оренбург начинается; мятежники идут от крепости к крепости, занимают их, быстро приближаются к Оренбургу и после взятия главной крепости на линии - Татищевой - победное шествие неожиданно приостановилось. По словам П. Рычкова, «здесь получил он, Пугачев, в добычу свою немалое число полковой, кабацких и соляных сборов денежной казны, многое число военной амуниции, провианта соли и вина,

---

²⁹⁷ Так, например, В.Спирков писал, что манифесты всколыхнули «десятки тысяч крестьян» и война потому достигла «небывалой силы и остроты». [Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Т.П. Л., 1966. С.464] При этом давалась ссылка на сборник документов «Пугачевщина», однако легко убедиться, что на указанных стр. 40-41 дан просто текст манифеста 31 июля 1774 г.

²⁹⁸ Надо ли говорить, что даже в распросных листах не воспроизводилось прямой речи

да и самую лучшую артиллерию с ее припасами и служителями».²⁹⁹ И все – война кончилась; началась дележка награбленного. Четыре дня мятежники, обнаружившие в крепости запасы водки (упомянутое «вино» и есть водка), пьянствовали – даже если принять на веру заявления советских историков, аккуратно говоривших о «празднике» – четыре дня «праздника» было явно многовато. Двинулись они вероятно только тогда, когда все кончилось, и гулявшие проспались. Со стратегической точки зрения стояние в Татищевой было серьезнейшим просчетом – до Оренбурга оставалось немного и еще вопрос, чем бы все кончилось, если бы пугачевцы пошли вперед сразу. Многодневная пьянка есть признак отсутствия дисциплины и авторитета руководителя. А вероятнее всего и сам «царь» не без удовольствия принимал участие в мероприятии, не задумываясь о последствиях.

2. Яицкие казаки, сохраняя свою «монополию» на лже-царя, убивают всех, кто, будучи не из их круга, оказывается приближенным к Пугачеву: писарь Андрей Николаев, сержант Дмитрий Карницкий (обоих утопили), Харлова (расстреляна вместе с малолетним братом) и т.п. Реакция Пугачева всегда одна – «промолчал».³⁰⁰

3. Практически все авторы обобщающих трудов исходили из тезиса, что Пугачев («мужицкий царь», «Петр III») изначально четко представлял себе цели и задачи. Поэтому выходило, что все повстанческие документы можно и должно рассматривать в комплексе, как единую, завершенную и продуманную, но не сформулированную единовременно программу действий. Если принять это, то получается, что налицо несостыковки и противоречия: обещая освобождение от податей – т.е. по сути ликвидацию налоговой системы, никто не задумывался о финансах государства. Декларируя добровольность призыва в армию, пугачевцы на деле придерживались практики принудительной мобилизации. А чего стоит знаменитый указ 1 октября к башкирам: «Что вы от единого бога просите, равно пожалую, ибо все милостивейший ваш государь я. О чем верно знайте и верьте: отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованием, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутге подобными степным зверям».³⁰¹ Мы специально выделили самые нелепые обещания; а попробуйте пояснить, каким образом обладание всем перечисленным сделает человека «подобным степным зверям»? Конечно же, никакой программы не было; манифесты писались разновременно, разными людьми к различным группам населения. Во главу угла ставилось не столько содержание, сколько форма – в «Пугачевщине» отмечен момент, что повстанцы возили с собой том царских манифестов, которые брались за образец. В 1920-х гг. историк С.Голубцов, комментируя публикацию манифестов в «Пугачевщине», писал: «наблюдения показывают, что «пугачевские» прокламации обычно подсказывались и даже составлялись первоначальными случайными пугачевцами из тех самых социальных и национальных групп, к которым они обращались».³⁰²

4. Среди прочих важных начинаний Пугачева особое место занимала Военная коллегия. Естественно, доказательств, что это идея Пугачева нет, вот почему ему приписывали ее создание те авторы, кто приписывал ему вообще все начинания и идеи, а прочие авторы как-то обходили этот нюанс: создана была коллегия и все.

Момент номер два: Пугачев как военный стратег. Как показали события, стратегов у мятежников не было вообще; не отличался этими умениями и сам «государь». Проблема

---

²⁹⁹ Рычков П. Осада Оренбурга (летопись Рычкова). // Пушкин А.С. Сочинения. Т. VI. Спб.: изд-во А.С.Суворина, 1903. С.393.

³⁰⁰ «Где Карницкий, спросил Пугачев. – Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал. – Такова воля была яицким казакам». [Цит. по: Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М.: Наука, 1985. С.81.]

³⁰¹ Пугачевщина. Т.1. С.28.

³⁰² Пугачевщина. Т.1. С.225

в том, что, начиная с Рычкова, все стремились как-то объяснить те или иные действия пугачевцев, найти им разумное толкование, обнаружить глубинный и обязательно логичный замысел. Иными словами, никто ничего просто так не делал. А между тем, как это бывает всегда, очень многое совершалось случайно. И лишь потом, под пером описывающих, рождались великие версии, планы, стратегии, которыми якобы руководствовался тот или иной исторический деятель. А почему, собственно говоря, мы ждем от Пугачева гигантского опыта и умений в военном деле? Понятно, что для эпохи, когда луганский слесарь мог стать маршалом РККА, все было логично, но теперь-то зачем тиражировать легенды?

Назовем самые важные из стратегических просчетов. 1. Осада и штурмы Оренбурга. И речь не о том, совершил ли Пугачев стратегическую ошибку или нет, тем, что пошел под Оренбург и задержался там. Идти было необходимо, поскольку уничтожения Оренбурга требовали и яицкие казаки, и башкиры, и уйти, не взяв город, тоже было невозможно, поскольку конфликт с башкирами и казаками был для Пугачева исключен. Дело в ином: в организации осады. Постоянные упоминания в книгах о тяготах осады и повторяющихся штурмах не должны нас обманывать – чем читать пересказы, лучше взять ту же «Летопись» П. Рычкова – там все сказано точно и откровенно. Осады, как ее преподносят, с запертыми за стенами оренбуржцами, на деле не было: из города постоянно выходили за сеном, на рыбную ловлю, уходили (хотя и не всегда доходили до места) посланцы с донесениями «на большую землю» и т.д. Нормальных штурмов крепости не было; как не было и настоящей осады. Историки почти любой приступ мятежников к городу громко называли «штурмом». Возьмем события только одного такого дня - 22-го октября. Фактически это была попытка штурма, что вообще никак не согласуется с заявленным Пугачевым намерением об осаде. Как раз незадолго до этого, мятежники получили серьезное пополнение боеприпасов. Факт: были подтянуты пушки и около пяти часов шла артиллерийская перестрелка. По данным Рычкова, противник дал около 1000 выстрелов. Рассмотрим внимательно итоги. Ответным артиллерийским огнем со стен пушки мятежников были сбиты. Потери в крепости: один убит, один ранен, а также трое пострадавших от разрыва своей же пушки. Итак, выводы: Пугачев полученными боеприпасами распорядился крайне нерационально – если судить по эффективности стрельбы (и, кстати, по Рычкову, 19-го октября, когда боеприпасы поступили в лагерь, пугачевцы на радостях устроили там безудержную пальбу, также расходуя ценный порох). Если же судить по результатам, то артиллеристы в его войске были неважные – впрочем, Рычков утверждал, что к пушкам приставлены были артиллеристы из занятых крепостей, а они намеренно стреляли плохо. А раз так, то выходит, что самое эффективное оружие в войске мятежников – пушки – использовались нерационально и малоэффективно, с вытекающими последствиями. Если поверить сообщению перебежчика, что значительная часть выстрелов была без ядер, т.е. вхолостую, то получается, что артиллерия мятежников вновь должна замолчать. Так и случилось. Но опять-таки случившееся штурмом назвать сложно; впрочем, и осадой не назовешь. Дальше перестрелки дело не пошло - никто не пытался идти на стены. А между тем, Рычков подчеркивал, что этот приступ был максимальным по мощи. Почему не было реальных штурмов, понять легко. Во-первых, ни у кого не было опыта штурма крепостей, даже такой слабенькой, как Оренбург. А во-вторых, потому что неизбежно надо было лезть на стены, рисковать собой, а вот этого-то – рисковать – никто из мятежников не хотел. А заставить их Пугачев не мог. Только один штрих: обещание Пугачева в случае успеха штурма вознаградить 10 рублями, хорошим кафтаном и... «потом отпустить их на волю, куда кто желает».³⁰³

---

³⁰³ Тут уместно спросить: а как же планируемый поход в центральную Россию на освобождение народа от крепостничества? но уже некого и спрашивать. Кстати, этот же факт идет в зачет и по первому моменту – относительно реальной силы власти Пугачева над подчиненными.

2. Проблема снабжения «повстанческой» армии. Конечно же, наш великий стратег не мог не думать об этом. Точнее - не должен был упустить, если, конечно, был действительно стратегом. Осажденный Оренбург, как известно, голодал. Постепенно и в Берде стал ощущаться голод, и неудивительно. Весь регион, точнее крепости и поселения, были дотационными – жили на привозном продовольствии, с небольшими дополнениями на местах. Количество продуктов было рассчитано на соответствующее количество жителей. Неожиданные и непрогнозируемые миграции населения в ходе войны привели к дисбалансу. Оренбургская крепость с ее резко возросшим населением ощутила проблему раньше; Берды – позднее. Прокормить 20 тысяч человек и массу лошадей, сосредоточенных в одном месте, было действительно не просто.

Показательно, что о собственном пропитании пугачевцы достаточно долго не задумывались. Все время мятежники брали все и везде, совершенно не беспокоясь о будущем: логика кочевников – обеспечиваться по мере продвижения за счет захваченного, не создавая запасов. Так, хутор Рычкова в сентябре 1773-го был razорен полностью; всю скотину и живность – и Рычкова, и крестьянскую - перерезали, лошадей и людей угнали с собой, строения выжгли. Когда пришлось притормозить у Оренбурга, начали собирать с окрестных доступных территорий; и при том никаких нормативов поначалу, конечно же, не было – есть документы, свидетельствующие, что верхушка мятежников обеспечивала себя по полной норме, не экономя ни на чем.³⁰⁴ Элементом поддержания имиджа государя были пиры и «праздники». Но в итоге окрестности тоже опустели. Потом пугачевцы стали объезжать близлежащие поселки, обирая их. Но когда продовольствие кончилось и там, то пришлось отъезжать все дальше и дальше. Поиски продовольствия и были тем мотивом, который подвиг пугачевцев на «расширение восстания». Никуда никто не собирался распространять восстание (да и восстанием тогда никто это не называл), это выдумка, точно такая же, как воспроизводимая в книгах карта восстания – красными линиями охвачен огромный край, вовлечена масса народу.³⁰⁵ Это все иллюзия одновременности: когда пугачевцы стояли под Казанью, под Оренбургом и далее в Башкирии уже все было тихо: казаки и башкиры, опережая друг друга, спешили заверить вернувшуюся власть в своей преданности и верности.

Разумеется, все советские авторы в один голос утверждали, что когда в феврале 1774 г. Хлопушу отправили в Илецкую Защиту (где он razорил каторгу), И.Зарубина-Чику - к Уфе, И.Арапова – к Самарской крепостной линии, И.Грязнова – к Челябинску исключительно для распространения революционных идей. А ведь ставить в указанных крепостях «свою власть» было бессмысленно. Огромные пространства, малая населенность, отсутствие коммуникаций - все это в принципе препятствовало организации. Достаточно поставить вопрос - почему государственная власть (имевшая несравнимо большие возможности) во второй половине XVIII в. все же не смогла создать в регионе четкой инфраструктуры – а повстанцы якобы в считанные месяцы смогли...

Главное, что названные атаманы тащили с собой обратно в Берду, были материальные ценности и продовольствие. Причем продовольствие забиралось, что

---

³⁰⁴ О «барстве» членов коллегии существует много свидетельств, они жили в совершенном довольстве. Так, И. Рознер цитировал приказ: «Государственной Военной Коллегии для присутствующих немедленно приказать к завтрашнему дню приуготовить из самонаилутшей муки калачей пуд, да провесной копченой ветчины с пуд же». [Рознер И.Г. Казачество в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Львов: изд-во Львовского ун-та, 1966. С.122.] О постоянных гульбищах в Берде сообщал П. Рычков. Это советские историки сочиняли какие-то сказки о якобы введенных нормах изъятия продовольствия и т.п., иначе говоря, организованной работе по снабжению.

³⁰⁵ Советские авторы записывали в участники восстания всех, попавших в зону, ими очерченную – счет шел на миллионы. По данным Р. Овчинникова (1977), установленным путем корректировки данных переписей 1762 и 1782 гг. в шести губерниях юго-востока, «где разворачивались события Крестьянской войны», проживало 2 млн. 900 тыс. чел. [Овчинников Р.В., Троицкий С.М. Новейшая американская историография Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С.112.]

называется, подчистую, продотрядники гражданской имели предшественников. Так, распоряжением коллегии от 10 марта было приказано собрать на Воскресенском заводе весь казенный хлеб и даже уже выданный жителям провиант «весь...без остатку». А ведь завод работал на Пугачева. Разумеется, что после подобных действий, заводское население никак не могло проникнуться особыми симпатиями к повстанцам. В итоге определенные запасы были все-таки сделаны. Рычков сообщал, что уже после занятия Берд правительственными войсками, там было найдено «несколько провианта», «разного сорта...по своей моде налитых с пятьдесят артиллерийских орудий с припасами» и «семнадцать бочек медною монетою».³⁰⁶ А после ухода мятежных генералов следом приходил голод. Потому впоследствии Пугачев и не смог удержаться в этих районах, будучи вынужденным уходить далее.

28 ноября командующим правительственными войсками был назначен генерал-аншеф Бибииков. Теперь против мятежников были брошены регулярные части. Пугачевцы стали терять захваченные позиции. Все их благополучие строилось на том, что удавалось собрать с подчинившихся или подчиненных крепостей и поселков: пушки, боеприпасы, порох, продовольствие. Т.н. «распространение восстания» прекратилось одновременно с прекращением поставок в Берду всех стратегических запасов. И брать их было негде. Правительственные войска, напротив, становились все сильнее. Без ресурсов пугачевцы были в принципе обречены.

Впрочем, и в тактике Пугачев силен не был. Сюда же можно вновь отнести дни гульбы в Татищевой, и прорыв Корфа в немалой степени удался потому, что после победы над Чернышевым Пугачев, по его словам, «пооплошал» - «дал приказ всем людям ...обедать». Или штурм 2 ноября, когда пугачевцы уже было взойшли на вал, но посланная Рейнсдорпом егерская команда зашла им в тыл и метким огнем заставила отступить. Стоит поразмышлять, как осажденные в крепости смогли незаметно выйти из нее и ударить штурмующих с тыла. А Пугачев ничего не заметил. После поражения под Татищевой 2 марта 1774 г. Пугачев успел добраться до Берды, откуда отступил с добычей и примерно двумя тысячами казаков. Прочие же повстанцы, преимущественно пешие крестьяне, были брошены на произвол судьбы. Это тоже не красит народного вождя.

Давайте назовем вещи своими именами – Пугачев конечно же, никакой не народный вождь и не борец за счастье народное. Это прежде всего авантюрист, которому на определенном этапе повезло. Если идти по известным вехам его биографии, то отдельные моменты привлекают несомненное внимание – если, конечно, над ними задуматься. Служить Пугачёв начал 18-ти лет, в 19 лет женился на Софье Дмитриевне Недюжевой, казачке станицы Есауловской. Участвовал в Семилетней войне 1756-1763 годов, со своим полком состоял в дивизии графа Чёрнышева. В 1763-1767 годах Пугачёв был дома; единственно, с командой есаула Елисея Яковлева отправлялся в Польшу для поиска и возвращения в Россию бежавших старообрядцев. В 1764 году у него родился сын Трофим, 1768 году - дочь Аграфена. С началом русско-турецкой войны в 1769 году Пугачёв в команде полковника Кутейникова направлен к Бендерам, где отличился при взятии Бендер 16 (27) сентября 1770 года. Когда авторы пишут, что Пугачеву «многое пришлось повидать и испытать в жизни», имея в виду его участие в войнах, то стоит отметить, что он был там не единственным казаком, и, следовательно, данная глубокомысленная сентенция вполне применима ко всем казакам призывного возраста. Но далеко не все казаки поступили в дальнейшем, как наш персонаж.

После отвода войск на зимние квартиры в Елизаветград в 1771 году, Пугачёв заболел («...и гнили у него грудь и ноги»). Полковник Кутейников направил его на Дон в составе команды из ста казаков для замены лошадей. Пугачёв возвращаться не стал, наняв себе замену - «Глазуновской станицы (на реке Медведице) казака Бирюкова, коему он за

---

³⁰⁶ Рознер И. Казачество... С.120.

то дал две лошади с седлами, саблю, бурку, зипун синей, харч всякой и денег двенадцать рублей».

Пусть несколько неожиданно, но отвлечемся и представим ситуацию: 1943 год, канун Курской битвы. Некий советский офицер, которому надоела война, в знак «социального протеста» против существующего режима, пытается выйти в отставку по состоянию здоровья. Когда же его не отпускают, резонно предложив вместо таковой лечение, он покидает службу - попросту дезертирует. Уверены, что любой прочитавший это, скажет: «бред какой-то». Да, верно, такого быть не могло. Но если предположить в реальность подобного – как бы вы назвали подобного субъекта?

Но Пугачев поступил именно так. Летом 1771 г. он направился в войсковую столицу Черкасск проситься в отставку по состоянию здоровья – и хотя война продолжалась, воевать Емельян уже не хотел. Впрочем, он и так уже не воевал – за него это делал наемник. Зачем же отставка? Получается, чтобы не платить нанятому. Болезнь его достаточно неопределенная: «гнили у него грудь и ноги». В отставке ему отказали, предложив лечиться в лазарете.³⁰⁷ Однако лечиться он отказался и, несмотря на то, что война продолжалась, стал дезертиром.³⁰⁸ Эта ситуация в подаче советского историка: «Будучи человеком свободолюбивым и предприимчивым, он с годами стал тяготиться доставшейся ему судьбой и, наконец, решившись, оставил службу, родную станицу и семью и отправился на поиски лучшей доли и вольной жизни».³⁰⁹ Вот так, просто и бесповоротно - «тяготимся» и уходим: и с войны, и из семьи, и от детей; конечно же, главное – «вольная жизнь». Кстати, о здоровье: внимательное ознакомление с перипетиями его жизни периода от лета 1771 г. (когда он возбудил вопрос об отставке по болезни) до сентября 1773 г. (когда объявил себя царем) показывает – он нигде не лечился! Здоровье не позволяло служить, но позволило мотаться по стране – побывать на Тереке, Ветке, Яике... Уже осенью 1771 г., спустя несколько месяцев после заявления о болезни, после неудачного побега на Терек, он благополучно двое суток проводит «в камышах на болоте», и спокойно возвращается к мирной жизни, а уже 23 декабря уезжает на Терек. Да и раны свои в сентябре 1773 года яицким казакам он демонстрирует зажившие – выходит, излечился без специального лечения? Не потому ли он отказался в свое время лечиться в госпиталь, что все было не так страшно, как объявлялось?

Действительно, с лета 1771 г. по лето 1773 г. Пугачева немало помотало по стране, и даже за ее пределы. Казалось бы, стоит разобраться в его маршруте, но нет, советские историки предпочитали не искать логики в его передвижениях: «Пугачев ищет волю, хорошую жизнь, ищет благодатный край, землю обетованную. Она ему мерещится на Тереке и в Бесарабии, в Белоруссии, Ветке и на Иргизе, на Кубани и на Лабе...» (В. Мавродин).³¹⁰ А затем вывод – убедившись в том, что уходить некуда, Пугачев пришел к осознанию необходимости борьбы здесь. Давайте все же попытаемся проследить за его передвижениями. Вернемся в 1771 год. Дезертировавший Пугачёв направился повидать свою сестру Феодосию с зятем Симоном Павловым в Таганрог, где последний проходил службу. В разговоре с зятем Пугачёв узнал, что тот с несколькими товарищами хочет

---

³⁰⁷ Практически все советские авторы подчеркивали, что болезнь была «тяжелой». В одном месте нам встретилось название хворобы: «черная немочь». Залезать в медицинскую энциклопедию не хотелось; ограничились поиском в Интернете – получилось интересно: это синоним либо эпилепсии, либо легочной гипертонии. В обоих случаях с ранами на груди не связано.

³⁰⁸ Пример «обтекаемой» подачи факта: «не добившись отставки, Пугачев самовольно ушел из войска, перешел на положение «беглого казака» (И.Г.Воздиков) [Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа: Китап, 1999. С.270.]

³⁰⁹ Емельян Пугачев на следствии: сб. док-тов и мат-лов. / Отв. исполнитель Р.В.Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. С.6. Столь же эмоционально отзывался о Пугачеве А. Андрущенко: дезертирство будущего «вожака» из армии он полагал «социальным протестом», который был «логическим развитием ненависти к дворянско-крепостническим порядкам» [Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.19.]

³¹⁰ Мавродин В. Крестьянская война... Т.2. С.89.

бежать со службы. Вместе они пытаются сбежать через Терек, на «ногайскую сторону» (иными словами – за границу). Почти в последний момент Емельян бросает родственника - Петров вынужден был вернуться и был арестован. Пугачёв вынужден был скрываться, но в итоге до Терека добрался. Его принимают в Терское войско. Как утверждают советские авторы, уже через месяц «казаки трех терских станиц выбрали его своим атаманом и он, как человек бывалый, вызвался выполнить их поручение - отправиться в Петербург и выхлопотать в Военной коллегии выплаты жалованья». В этой фразе несколько явных ляпов: атаман сразу трех станиц? Пришлый чужак уже через месяц избирается атаманом? Атаману пристало ехать хлопотать о жаловании? Почему бы не представить ситуацию менее возвышенно, но более реально: Пугачев мог преподнести себя как человека, знающего в столице все входы и выходы, и готового за некоторое вознаграждение представлять интересы трех станиц. Но как быстро он вошел в доверие! - прибыл на Терек в середине января, уехал 8 февраля. Правильнее думать, что казаки избрали его ходатаем по своим делам в Военной коллегии. Получив средства на путешествие в столицу (20 рублей), он добровольно возвращается в ненавистную империю, откуда несколько месяцев назад с трудом бежал. Странно, не правда ли? Собирался ли реально Пугачев ехать в Петербург? Убеждены, что нет; ведь в реальности новоиспеченный «атаман трех терских станиц» ничего бы не добился там. Давайте вместе пофантазируем: «атаман» приезжает в столицу; идет в Военную коллегию; ему отказывают – потому что если вопрос о деньгах решаем, тот жалование давно бы уплатили и без ходатаев; и что далее? Он возвращается к казакам и говорит: простите, я тут зря потратил ваши деньги? Пугачевская инициатива с поездкой прекрасно соответствует тому, что на современном языке называется «кидалово». Для «кидалы», чтобы скрыться с деньгами и не отвечать за невыполнение обещанного необходимо какое-то препятствие. Что мы и видим в данном случае. В начале февраля 1772 г. Пугачев отправился в путь, но «был задержан под Моздоком и заключен на гауптвахту». Для советских авторов вопрос – за что задержан? – не стоит: это же Пугачев, конечно же, за будущую революцию... А на деле за что? Дезертирство? Пособничество Павлову? Что-то мы очень сомневаемся, что Пугачев на тот момент был «во всероссийском розыске», а если бы и был, что его так просто и быстро опознали; а если даже и опознали, то место ему было бы в тюрьме, а не на гауптвахте. С гауптвахты он быстро и успешно сбежал – а известие о его задержании, уверены, до терских казаков в итоге дошло. Теперь Пугачев, по утверждению советских авторов, «бежал на Дон», в станицу Зимовейскую. У нормальных людей это называется проще – «вернуться домой». Получается, что нескольких месяцев «вольной жизни» ему хватило. Однако, в Зимовейской станице он был арестован как беглец, уклонявшийся от службы.

Пугачев был отправлен для дознания в Донскую войсковую канцелярию в Черкасск. При конвоировании через Цимлянскую станицу сослуживец Пугачёва по Прусскому походу Худяков, по просьбе Пугачёва, взял его на поруки, обязавшись доставить арестованного в Черкасск в сопровождении своего сына. Пугачев, естественно, бежал, Худяков, также естественно, обрел массу неприятностей.

И вот теперь, убедившись, что домой так просто не вернуться, Пугачев находит достаточно необычный ход. В слободе Кабаньей близ города Изюм, рассказывают нам, он познакомился с раскольниковым Осипом Коровка (Коровкиным), подсказавшим Пугачёву способ вернуться к легальной жизни. Для этого надо было пробраться в Польшу, а затем, воспользовавшись указами Сената от 1762 года о разрешении вышедшим из Польши раскольникам-старообрядцам селиться по их желанию в Оренбургской губернии, в Сибири и других местах, заявить о направлении на место поселения. Весну и лето 1772 г. Пугачев провел в старообрядческих селениях под Гомелем и Брянском. Затем он явился в комендантскую канцелярию Добрянского пограничного форпоста, назвав себя выходцем из Польши и раскольниковым. 12 августа Пугачев получил соответствующий паспорт,

предоставивший ему право на проживание в заволжских старообрядческих селениях у реки Большой Ирғиз, куда вскоре и отправился.

Откуда и когда могли возникнуть контакты православного, по его собственному признанию потом на допросах, казака Пугачева со старообрядцами? Раскольники существовали достаточно замкнуто, и никак не верится, что они вот так внезапно стали принимать участие в его судьбе. А между тем, после провального возвращения в Зимовейскую, Пугачев бежит именно к раскольникам в Польшу. Чтобы туда добраться, надо, как минимум знать дорогу. Он там был с командой Яковлева какое-то время, но этого явно недостаточно. Последующие месяцы – время тесного общения со старообрядцами: он живет несколько месяцев в раскольничьих поселках в Польше, по возвращении – в таких же на Ирғизе. Потом добирается к яицким казакам, где староверов немало. А ведь мы знаем о неприятии старообрядцами «никониан». Для того, чтобы стать среди старообрядцев «своим», одного заявления мало – нужно знание обрядов, правил, традиций. На наш взгляд, одним махом их не приобрести, да и притворяться сложно. Интересно, что советские авторы о связи Пугачева со старообрядчеством поначалу говорили крайне скупно, как бы сквозь зубы, а на определенном этапе вообще замолчали. Так, в 1935 г. С. Асфендияров, признававший восстания XVIII в. (в том числе и пугачевщину) революционными, отмечал, что возникали они стихийно, и что во главе их становились «случайные люди (!) или группы недовольных феодалов (у покоренных народов), различных сектантов, староверов и т.д.».³¹¹ Позднее, в 1954 г. Х.И. Муратов даже акцентировал связь Пугачева со староверами. Встреча его с игуменом раскольников Филаретом была описана достаточно подробно (хотя в приведенные детали верится с трудом). А чего стоило итоговое суждение автора: встреча эта «имела чрезвычайно важные последствия для дальнейшей жизни руководителя крестьянского восстания».³¹² Затем в литературе наступает «заговор умолчания». Почему – понятно. Картина революционного выступления не нуждается в такой религиозной составляющей. Между тем, во всей этой истории чрезвычайно много старообрядцев и немало эпизодов, заставляющих задуматься. П. Рычков в своей «Летописи» сообщал, что пугачевцы во время шествия на Оренбург на его хуторе осквернили церковь. То же было содеяно на хуторе губернаторском: церковь разорили; у пойманных позднее мятежников были обнаружены образа, писанные на холсте, под седлами на потниках, а у распятия Господня, которое над царскими вратами стояло, усмотрен гвоздь в уста пробитый.³¹³ Есть факты жестокого обращения со священнослужителями: «Привели Цивильского уезду чуваша 2 священников, а своих ли приходов или из других мест... А потом называемой ими государь и оной злодейской его генерал, сев на лошадей, приказали убить тех попов до смерти и тела их кинуть в реку, кои при нем же и убиты».³¹⁴ Яицкие казаки вокруг Пугачева были старообрядцами. Причем, судя по действиям, их «старая вера» была какая-то агрессивная, оправдывающая насилие в отношении иноверцев – любопытно, что только «никониан»; в отношении мусульман подобных действий не отмечено. Яицкие казаки поступали не «по-христиански» – добровольно брали на себя функции палачей, расправлялись со священниками, громили церкви и оскверняли их – чего стоит постановка пушки в форштадской церкви. Для большевистствующих идиотов с восторгом громивших храмы, осквернявших иконы, убивавших священников в 1920-х гг., все это было нормально, прекрасно вписывающимся в картину революции. Но все это действия не православных людей. Обратим внимание по всем этим случаям: Пугачев

³¹¹ Асфендияров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Том первый. Алма-Ата – М.: Казакстанское краевое изд-во, 1935. С.128.

³¹² Муратов Х.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. в России. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1954. С.28.

³¹³ Рычков П. Осада Оренбурга (летопись Рычкова). // Пушкин А.С. Сочинения. Т. VI. Спб.: изд-во А.С.Суворина, 1903. С.266.

³¹⁴ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: Сб. документов / Под ред. В. А. Нестерова. Чебоксары: НИИ при С.М. Чуваш. АССР, 1972. С.210-212.

молчал – если был с казаками одной веры, то его поведение, не то чтобы нормально, но принимаемо; а вот если он оставался православным, как утверждал потом, то грех на нем огромный. Нам кажется, что на допросе он говорил правду – православный; но окружавшие его казаки, судя по всему, игнорировали этот момент. Интересно, какой священник приводил людей к присяге царю «Петру»: на знаменах – крест-то там раскольничий. И, кстати, это может пойти дополнительным аргументом в пользу того, почему в итоге яицкие казаки его выдали властям: иноверец, «никонианин», не жалко... Но мы поспешили, вернемся в Польшу.

Уже через неделю Пугачев возвращается в Россию, и уже другим человеком (есть даже версия, что это вообще другой человек, только под этим именем).³¹⁵ На наш взгляд, он стал как бы завербованным – ну не в польскую разведку, разумеется, и не в чью-либо иную, а в староверческие агитаторы – а что? Версия как версия – только не надо воспринимать слово «завербован» всерьез, в современном значении. Посмотрим, каковы его последующие действия и чем они были замотивированы. На Дон Пугачев больше ни ногой. И хотя новый документ у него теперь есть, но рисковать действительно незачем – дезертиру прощение от «крепостнического царского режима» не грозило. Перспектива его дальнейшего бытия – жизнь на Иргизе, среди других староверов. Но «вдруг» Пугачев снова в пути – и не просто так, а в Яицкий городок, где раньше не бывал, и где нет никаких знакомых, и, казалось бы, никаких целей. Впрочем, он называл себя купцом, приехавшим на закупку рыбы, причем «заграничным». Вообще купец – звание

---

³¹⁵ В Интернете относительно недавно появилась статья казанского писателя Л.И. Девярых с впечатляющим названием «Восстание Пугачева - восстание, спецоперация или война двух империй» [<http://via-midgard.info/news/10216-vosstanie-pugacheva-vosstanie-specoperaciya-ili.html>]. Он тоже полагает Пугачева подставной фигурой, марионеткой, причем кукловодов, по его мнению, было несколько: староверы, польские конфедераты, французское правительство. Первые «находясь в оппозиции к официальной церкви и правительству, ... замыслили поднять в России мятеж с целью ослабить центральную власть, показать свою силу и затем потребовать прекращения гонений и разрешения свободно исправлять их веру... Пугачев был выбран как один из подстрекателей и (или) вожakov раскольничьего мятежа... То, что за ним могли стоять весьма могущественные силы, доказывает побег, устроенный Пугачеву из казанского каземата». Пленные польские конфедераты, находившиеся в России, и французский двор, занимавший протурецкую позицию, тоже, на наш взгляд, факторы, которые не стоит игнорировать. По мнению автора, настойчивое отрицание Екатериной причастности иностранных государств к «маркизу» Пугачеву, есть намеренное умалчивание реальности во имя большой политики. Мы полностью согласны с автором в том, что пугачевщину неправильно рассматривать вне внешнеполитических реалий. Как не крути, но пугачевщина вспыхнула удивительно вовремя, когда начались ощутимые успехи русского оружия на юге. Вообще в веке XX-ом мы неоднократно встречаем подобные организованные мятежи в тылу противника, но почему-то считается, что это изобретено только в XX веке. Автор высказывает мнение, что Пугачевых было два. Он обращает внимание на различия в описаниях внешности, его действиях, полагая поворотным моментом побег из казанской тюрьмы в середине 1773 года: отсюда бежал Пугачев №1, он был доставлен старообрядческий Средне-Николаевский монастырь, а уже отсюда в мир вышел иной человек, Пугачев №2: «В августе 1773 года из Средне-Николаевского монастыря в сопровождении нескольких монахов тайно вышел человек, получивший напутствие от самого настоятеля Филарета. Вскоре он был переправлен через реку Иргиз в степь и взял путь на Яицкий городок. Был он быстроглаз, проворен, широк в плечах и чем-то походил на беглого донского казака Емельяна Пугачева. Только был человек этот пониже ростом и много моложе...» И далее: «Пугачев №2 разительно отличается от Пугачева №1 и по характеру. Это не прежний беспутный казак, а человек острого ума, сумевший заставить поверить в себя и казачьих старшин, и огромные массы народа... Пугачев № 2 подозрительно легко разбивает посланные против него войска и создает собственные органы управления, наподобие штабов и Военной коллегии, обладающей еще и судебными правами. В его войске была железная дисциплина. (В «Оренбургских записках» Пушкина есть свидетельство, что «в Татищевой (крепости) Пугачев за пьянство повесил яицкого казака»). Вот тут мы с автором не можем согласиться, поскольку не разделяем его восторженных оценок деловых и боевых качеств Пугачева (по нумерации автора - №2, а в нашем варианте – того, кто командовал мятежниками). Но самое интересное – это то, что автор не дает ответа, на казалось бы, очевидный вопрос: а зачем нужно было менять Пугачева на Пугачева? Он ограничивается суждением: «Куда подевали настоящего Пугачева - не столь важно. Может, он в последний момент чем-то не устроил своих покровителей, ведь по личным качествам он мало подходил на роль вождя. А может, он уже исполнил свою миссию, и его ликвидировали за ненужностью». Допустим – но вопрос остается без ответа: что такого было в Пугачеве №1, что его имидж понадобилось сохранять?

обязывающее; это и внешний вид, и наличие средств. Вопрос зависает – откуда это берется у Пугачева? Причем прибыл он туда удивительно вовремя - в ноябре 1772 г., вскоре после подавления там возмущения. Здесь он поселился в старообрядческом ските Введения Богородицы, у настоятеля Филарета, от которого, по мнению советских биографов, он и услышал о произошедших волнениях в Яицком войске. То есть, иначе говоря, приехал и тут вдруг узнал... Допустим, но зачем тогда он ехал попервоначалу? Молчание всех авторов будет нам ответом. И правильно – иных логичных объяснений путешествию просто нет.³¹⁶ Как нет и объяснений, как и почему настоятель скита принял к себе на жительство православного купца, просто приехавшего для закупки рыбы. А вот как раз о случаях покупки рыбы нет никаких данных. Все чем Пугачев занимался в Яицком городке, называется агитацией. Он начал подговаривать казаков к побегу на вольные земли за Кубань – в качестве «заграничного торгового человека» он обещает по 12 рублей каждому переселенцу.³¹⁷ Стоит допустить успешность массового побега и возникает недоуменный вопрос - как он планировал рассчитывать в случае успеха. Поскольку разговоры о немалых деньгах есть чистой воды вранье, то получается, что Пугачев исполнял малопочетную роль провокатора. Не совсем понятно, зачем все это было нужно **ему**, но явно было нужно **кому-то**. Для советских биографов тут как раз все было понятно – ищет-де единомышленников для борьбы за светлое будущее. Но все равно: не за восстание, а за эмиграцию. Интересно, что сам Пугачев на Кубани не был – кто мог вложить ему уверенность, что именно там жизнь будет замечательной? Призывы Пугачева к яицким казакам уйти с ним на Кубань, «к некрасовцам», многие авторы трактуют как поиск счастливой «земли обетованной». Кубань – сегодня земля вроде как нашенская, так что особо криминального вроде ничего и нет; опять же, казаки там живут. Вот только на тот самый момент, Кубань была «турецкой областью» (подчинена Крымскому ханству, а оно, в свою очередь, Турции). Так что наш будущий народный вождь подбивал казаков уйти на территорию вражеского государства во время войны с ним.³¹⁸ Да и призыв присоединиться к казакам-«некрасовцам» был не такой уж невинный. Некрасовцами (они же некрасовские казаки и игнат-казаки) называли донских казаков по имени их тогдашнего атамана Игната Некрасова, которые после поражения Булавинского восстания осенью 1708 года ушли на Кубань.³¹⁹ Здесь они объединились с ушедшими на Кубань ещё в 1690-х годах казаками-старообрядцами и образовали казачье войско, принявшее подданство крымских ханов и получившее довольно широкие привилегии в делах веры (старообрядческой!) и внутренних распоряжений. Некрасовцы были надежной опорой ханов – последние использовали их во время внутренних смут и для подавления волнений среди татар. Находясь в постоянном союзе с горцами, турками и татарами, некрасовцы участвовали последовательно во всех войнах России с турками в 1737, 1769, 1774, 1787, 1791 гг.

Некоторые авторы утверждали, что тогда-то Пугачев и назвал себя впервые спасшимся Петром III, «возможно, что неожиданно и для самого себя»: в разговоре с казаком Пьяновым Пугачёв заявил: «Я-де вить не купец, а государь Петр Фёдорович, я та-

³¹⁶ Конечно, возможна «советская версия» - прослышал про провалившееся выступление и поспешил туда, пока, что называется, угли протеста еще тлеют. Но откуда в скитах на Иргизе он так оперативно узнал о происшедшем?

³¹⁷ «Объявлял, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей да товару на 70 тысяч, а по приходе их паша-де даст им до 5 миллионов». (А.С.Пушкин. Собрание сочинений. М., 1962. Т.7. Примечания. С. 122).

³¹⁸ Попробуем продолжить фантазию на тему 1943 года: проскитавшийся по стране наш офицер-дезертир начинает подговаривать военнослужащих (мол, у вас тут тоталитарный режим, репрессии и проч.) бежать с семьями – ну куда бы их оправить? - скажем, в Манчжоу-Го, к японцам. Как вам понравится аргумент: «За границей встретит рейхминистр Геббельс и «по приходе их ... даст хотя и до пяти миллионов рублей»? Мерзко, правда? Понятное дело, что для поколения, воспитанного на лозунгах «поражения своего правительства в войне», «у пролетариата нет отечества», дезертирство из царской армии это правильный поступок, в случившемся нет ничего особо неприемлемого. Но почему, думая иначе, мы должны принимать на веру прошлые выводы?

³¹⁹ <http://fstanitsa.ru/thegoldenage/nekrasovtsy>

де был и в Царицыне, та Бог меня и добрыя люди сохранили, а вместо меня засеки караульного солдата, а и в Питере сохранил меня один афицер».

В Мечетной слободе по доносу бывшего с ним в поездке крестьянина Филиппова (иногда отмечается – «фаскольника»(!)) Пугачёва арестовали. Следствие над ним производилось в Казанской губернской канцелярии; дело было заведено за действия, направленные на то, чтобы склонить яицких казаков оставить службу. А ведь подобного субъекта за такое и сегодня бы привлекли к ответственности! Его направили для проведения следствия сначала в Симбирск, затем в январе 1773 года - в Казань. И в Казани Пугачев ощущал поддержку, только теперь местных староверов.³²⁰

Дело было послано на решение в Петербург, в Тайную экспедицию Сената. По ее определению Пугачева должны были наказать плетьюми и сослать на каторжные работы в зауральский город Полым. Однако приговор запоздал. Он был получен в Казани 1 июня 1773 г. - три дня спустя после бегства Пугачева. В мае Пугачёв сговорился о побеге с отбывавшим вместе заключение купцом Парфеном Дружининым и караульным солдатом Григорием Мищенковым. Побег был 29 мая, а потом, как сообщают биографы, в начале августа Пугачёв ... добирается в земли Яицкого войска в Таловый умёт в 60 вёрстах от Яицкого городка, на постоянный двор отставного солдата Степана Оболяева по прозвищу Ерёмин Курица, у которого он останавливался в бытность в Яицком городке. Опять место недоуменным вопросам – зачем Пугачев вернулся именно туда, где для него было опаснее всего? Казалось бы, от Яика ему держаться надо бы подальше, как в свое время от Дона. Почему-то он не стал возвращаться на Иргиз, где, по идее, было безопаснее всего. Понятно, есть еще аргумент советских биографов – разузнал настроения на Яике и вот-де решил начинать революцию, но это как-то несерьезно. Предложим свой вариант: на Иргиз ему возврата не было – задание он провалил. И вот тут-то родился авантюрный план вернуться на Яик, но уже в новом качестве. Проскитавшись пару месяцев, он добирается до Талового Умета и выглядит при этом нищим бродягой – значит, прежней финансовой поддержки у него более нет. Нам кажется, что идея самозванчества это личный проект Пугачева, что называется, на месте обнаружившего для себя новый вариант развития событий. Мы, кстати, вполне соглашаемся с мнением советских авторов, приведенным выше, что первый раз царем Пугачев назвал себя «неожиданно». Есть и иные свидетельства, когда Пугачев говорил невероятные вещи, сочинял, преувеличивал. Почему не допустить, что он просто ляпнул в пьяном виде (последующие события показывают, что трезвенником Пугачева не назовешь). Если бы не было продолжения в виде восстания – это заявление могло остаться незамеченным.

Снова назвавшись «императором Петром Фёдоровичем», Пугачев попросил Оболяева организовать ему встречи с кем-либо из зачинщиков предыдущего яицкого восстания 1772 года. В течение нескольких дней он встречался с казаками Г.Закладновым, Д. Караваевым и С. Кунишниковым, объявил им о том, что он «Пётр III», обсуждал с ними возможность нового выступления. Затем Пугачёв вместе с Оболяевым отправились в Мечетную слободу (удивительно рискованный поступок - туда, где он был известен и раз уже арестовывался несколько месяцев назад!), чтобы «найти грамотного человека для составления «царских указов»». Естественно, он был опознан снова, Оболяев был схвачен, а Пугачёву удалось бежать и добраться в Таловый Умёт, где его ожидали яицкие казаки Д. Караваев, М. Шигаев, И. Зарубин-Чика и Т. Мясников. Затем Пугачёв 31 августа переехал от возможных поисков на хутор казака Кожевникова, в то время как его сообщники направились в Яицкий городок. Советские авторы, вольно или невольно, живописуя эти первые контакты лже-царя и казаков делали картинку, напоминающую заседание какого-нибудь подпольного комитета партии или ВРК - та же лексика, такие же фразы: «обсудили планы предстоящего вооруженного выступления», «было обращено особое внимание на политические вопросы движения», «на совещаниях... были

---

³²⁰ Интересные подробности и детали рекомендуем посмотреть уже упомянутой ранее статье Л. Девятых.

сформулированы основные социально-политические пожалования казакам и народным массам, которые легли в основу манифестов и указов повстанческого центра» и проч. В реальности все было на порядки проще.

У Пугачева не получилось бы ничего без содействия самих яицких казаков. Именно выбор последних в итоге и создал «императора». Неужели можно всерьез утверждать, что казаки вдруг поверили, что перед ними – настоящий царь. Против этого говорило все, даже внешний вид Пугачева - вид простолюдина: нечесаная борода, плохая одежда. Подводил и выговор - «не барский»; говорил самозванец не так как офицеры-дворяне, народным языком. Как позднее говорил один из яицких казаков, М. Горшков, «тогда же мы по многим советованиям и разговорам приметили в нем проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев».³²¹ Вот суждения других: «Пусть это не государь, а донской казак, лишь бы быть в добре» (Караваев); «нам какое дело, государь он или нет, мы из грязи сумеем сделать князя!» (Мясников).³²²

Наивно полагать, что казаки так просто поверили в царское происхождения явившегося к ним человека. Так, В. Буганов утверждал, что М. Шигаев якобы принял височный шрам Пугачева за царский герб, приводя целый диалог: «Что это там, батюшка, орел что ли? - Не орел, а царский герб. - Все цари с таким знаком рождаются или это после Божьим изволением делается? - Не ваше дело, други, простым людям этого ведать не подобает».³²³ По мнению историка, казаки этому поверили. Сходно объяснял случившееся В.Мавродин, снисходительно определяя это «наивным заблуждением, свойственным не только русским крестьянам».³²⁴ Трудно поверить, что повоевавшие люди не распознали обычных ран – скорее это история была создана нарочно, для других.

Конечно же, причина их решения была иной, и суть хорошо передается словами все того же М. Горшкова: «Искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор пока избрали удобный к тому случай и время».³²⁵ Кто это «мы»? – активные участники 1772 года, которые уже все потеряли и дороги назад нет. Подвернулся редчайший случай для возмездия, уникальный шанс. Иначе говоря, казаки увидели в Пугачеве фигуру, на которую можно было поставить, а еще точнее – которую можно было выставить в качестве символа.

Вокруг самозванного императора складывается достаточно узкий круг яицких казаков, которые, внешне заявляя себя преданными соратниками «императора», фактически держали его под своим жестким контролем, не допуская в ближний круг никого, кому бы они не доверяли.³²⁶ Он стал «просто» символом движения; причем товарищества с этим ближним кругом у него не сложилось – что объясняет легкость, с которой они же его после и сдали властям после появления манифеста, амнистирующего тех, кто выдаст самозванца: за свою свободу они расплатились головой Пугачева. Именно яицкие казаки и стали создателями легенды о подлинном государе, игравших вместе с ним спектакль. Они еще более активно убеждали всех в подлинности государя.

Могли решать за него, а могли и поперек него. Главной фигурой – или одной из самых главных - явно был Максим Шигаев. Он принимал активное участие в событиях 1772 г., но сумел избежать наказания. Это не помешало ему одним из первых примкнуть к

³²¹ Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. Андрущенко, с.31

³²² Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Т. II. Спб., 1884. С.218.

³²³ Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 179.

³²⁴ Мавродин В.В. Под знаменем Крестьянской войны. М.: Мысль, 1974. С. 92.

³²⁵ И еще свидетельство: секретарь Военной коллегии купец И.Трофимов показывал: «Во всем же возмущении и начатии дела состоят причиною яицкие казаки, которые, сообщась заединою думою з башкирцами, зхотели отменить учиненную ... им обиду от бояр». [Андрущенко А. И. Ук. соч. С.31.]

³²⁶ Показательно, что единственный «не-казак», допущенный в ближний круг, был убийца и бандит с «погонялом» Хлопуша.

Пугачеву на Таловом Умете. В дальнейшем он фактически руководил Военной коллегией - на следствии Горшков говорил, что все члены коллегии «следовали больше его [т.е. Шигаева] советам». Многие считали Шигаева при Пугачеве «первенствующей особой». Есаул А.Зверев в своих показаниях однозначно называл «главным из яицких Максима Григорьевича»: «почасту ходя к Пугачеву, в палатку никого не допуская, производят советы; а секретов их прочим слышать не можно».³²⁷ В бытность в Берде Шигаев сосредоточил в своих руках выдачу денежного довольствия, провианта, одежды и обуви. Во время отлучек Пугачева Шигаев вершил все дела, вплоть до казни осужденных. Видимо, это и был «серый кардинал» движения – тот, кто реально, на самом деле руководил всем.³²⁸ Пугачева он явно не уважал, и не ценил как руководителя. Именно Шигаев первым предложил откупиться головой «царя» - еще после поражения под Татищевой 22 марта 1774 г. Правда, его это не спасло. После поражения повстанцев под Сакмарским городком 1 апреля 1774 г. Шигаев был схвачен и, по иронии судьбы, впоследствии казнен в Москве вместе с Пугачевым.

Вопрос о том, кто реально всем руководил, достаточно долгое время не стоял – по причине очевидности ответа.³²⁹ Так, генерал А. Бибииков писал 29.1.1774 г. Д.Фонвизину «Пугачев чучела, которую... яицкие казаки играют».³³⁰ К этому же выводу пришла Следственная комиссия. Екатерина II писала в «Записке» 1775 года: «Когда воспоследовала за таковыя преступления правильное мщение, то зломыслящая изыскали чудовищу, донского беглого казака Емельяна Пугачева, который быв на все ими затеваемом преклонно, присвоив себе высокое имя покойного императора Петра III, с ними, по их воле и наставлению, из которых и выходить не смел, учинил все те злыя дела, кои без содрогания душевнаго и телеснаго никакой смертной слышать не будет».³³¹ Из историков Н.Дубровин (1884) однозначно заключал: Пугачев шел туда, куда его вели яицкие казаки.³³² Но в советскую эпоху Пугачев стал безусловным вождем, и значит, места прежней версии не осталось. Не будем забывать – он руководил всем, все планировал, всех назначал – и соответственно, за всё отвечал. Отсюда свидетельства иного есть ошибочные свидетельства, иные суждения - от недопонимания, а выводы прежних историков – ошибочны. Не зря же стоило в дальнейшем кому-нибудь не то чтобы усомниться, а сказать чуть больше о роли яицких казаков, как ему тут же клеился ярлык идущего вслед за Дубровиным, как синоним отсталости взглядов. Утвердился компромиссный взгляд, что яицкие казаки были и так готовы к восстанию, но именно Пугачев придал всему нужную организационную и идейную стройность.³³³ Между тем,

³²⁷ Рознер И.Г. Казачество в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Львов: изд-во Львовского ун-та, 1966. С. 80.

³²⁸ Вновь припомним его якобы имевший место диалог о «царских знаках» - стоит в свете того, что мы знаем о Шигаеве, оценить его показную наивность.

³²⁹ Из показаний Максима Горшкова от 8 мая 1774 г.: «По многим советываниям и разговорам приметили в нем проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые правительство давно старается у нас переменить введением к нам нового какого-то штата на основании военном, чего они никогда не хотели принять. И хотя по бывшем у нас на Яике происшествиям принуждены мы остаться без всякого удовлетворения, а как может быть думают в спокойном духе, однако же искра злобы за такую несправедливость всегда у нас скрывалась до тех пор, пока изобрели к тому случай и время. Итак, для сих-то самых причин вздумали мы назвать сего Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, то сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа...» [Цит. по: Муратов Х.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. в России. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1954. С.32.]

³³⁰ Цит. по: Рознер И.Г. Казачество... С. 80.

³³¹ Цит. по: Рознер И.Г. Казачество... С. 101.

³³² Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Т.2. Спб., 1884. С.28-29.

³³³ Возьмем, в качестве примера, позицию В.Буганова, которая со временем несколько корректировалась: если в 1976 г. он полагал, что яицкие казаки «соглашались пойти за отважным донским казаком, принявшим имя Петра III, чтобы защитить интересы угнетенных» [Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М., 1976. С.39.], то позднее, в 1984 г., он утверждал, что яицкие казаки «готовились к новому

Пугачев был по сути заложником, правда, в золотой клетке. Он располагал определенной свободой действий, но не свободой выбора.

Затронем еще один аспект, наверное, самый нелюбимый апологетами нашего «вождя восставшего народа». Речь идет об его моральных и человеческих качествах. Нелюбимый потому, что при повествовании об этом замечательном человеке от известных фактов, казалось бы, никуда не денешься. Впрочем, если что-либо утаить не получается, то можно эту информацию раздробить, не акцентировать на ней внимания.

Пугачев более чем уязвим с моральной точки зрения. Дезертировав и изменив присяге в 1771-м, Емельян до весны 1773-го не находил себе места; одна авантюра накладывалась на другую. Все действия этого человека дорого обходились его друзьям и близким: зять Петров был арестован, тогда же мать Емельяна была арестована и умерла в 1772 г. в тюрьме; сослуживец Худяков, позволивший Пугачеву убежать из-под ареста, бит плетью; староста, выпустивший Пугачева на поруки – посажен в тюрьму; С.Оболяев, укрывавший его у себя дома, наказан плетью с вырыванием ноздрей и отправлен в Колу. И это не говоря уж о его семье и детях – а их трое, мал-мала меньше; уже в 1772 году, пока глава семьи бегал по стране «в поисках лучшей доли», из-под арестов, семья его бродила «меж двор» «по бедности».³³⁴ Вообще-то детей родилось пятеро; двое умерли, точных данных в литературе мы не встретим; но явно в младенчестве. Разорены они были настолько, что, нуждаясь, даже продали дом – за 24 рубля 50 копеек, и вынуждены были жить у матери Софьи – т.е. тещи Пугачева.³³⁵ И кончили в итоге жизнь в Кексгольмской крепости.

Неприятен он и в отношениях с женщинами. Ни дети, ни жена ему явно были не нужны: 23 декабря 1771 г. Пугачев «уехал на Терек, сказав жене, что если его там примут, он вернется за ней».³³⁶ В январе его записали в Терское казачье войско и даже с женой; но любопытно, что это была не Софья: «Емельян Иванов, у него жена Прасковья Фоминишна». «Кто такая ... и какова ее судьба неизвестно» - коротко упоминается в сноске.³³⁷ Кто бы она не была, но была тоже брошена, когда очень скоро новоявленный муж отправился выполнять поручение в столицу, из которого уже не вернулся.

Следующая несчастная – это Татьяна Григорьевна Харлова (урожденная Елагина), 17-летняя жена коменданта крепости Нижне-Озерной. По словам самого Пугачева, яицкие казаки хотели ее заколоть, а вот Пугачев пожалел и вместе с малолетним братом отправил в Берду, на квартиру.³³⁸ У советских авторов все было мило и почти целомудренно – ну, «ночевал с нею всегда в одной кибитке», подумаешь. И сам Пугачев на допросе говорил, что он ее любил. Возможно кому-то покажется, что мы намеренно опошляем ситуацию – подозревая Емельяна Иваныча в том, что он и не собирался делать... Однако, так кажется не только нам. Вот что писал совершенно откровенно другой автор: «Накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распорядившему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную к себе **в наложницы**, пощадив для нее семилетнего ее брата». Это Пушкин, глава 2-ая. Прочитируем его еще немного: «С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили». И на фоне всего этого зверства является наш герой со своей внезапной чистой любовью... Но кстати, даже если и поверить в высокое чувство, то последующие события говорят не в пользу Пугачева. Вернемся к Пушкину:

восстанию, чтобы отомстить своим недругам, виновным в их мучениях и страданиях и осуществить те еще не совсем ясные и отчетливые планы...» [Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1984. С.175].

³³⁴ Пугачевщина, Т.2. С.392.

³³⁵ Родную мать наш герой к тому времени уже свел в могилу. Дом купил казак есауловской станицы Е.Евсеев

³³⁶ Пугачевщина. Т.2. С.75.

³³⁷ Там же. С.77.

³³⁸ Пример того, как можно элегантно подать достаточно неприличную информацию: «После гибели их родителей в Татищевой крепости Е. И. Пугачев взял осиротевших сестру и брата к себе, и, пленившись красотой Харловой, полюбил ее».

«Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ — похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении» (глава 3). У человека отняли, как нам говорят, любовь, а он лишь потом, по его же словам, «об ней сожалел». Если же он действительно отдал ее в руки палачей, то разговоры об его любви здесь просто омерзительны.

Были еще и «случайные» любовницы, до нас дошла информация об одной. В 1848 году Бердскую слободу посетил старший адъютант штаба Оренбургского отдельного корпуса А.И. Макшеев. Он писал, что «В Бердах еще жила в 1848 году 90-летняя старуха казачка, бывшая любовница Пугачева. Она удостоена была его любовью лет четырнадцати или пятнадцати от роду. К этой женщине ездил Александр Сергеевич Пушкин в бытность свою в Оренбурге, когда собирал материал для истории Пугачевского бунта и расспрашивал ее о Пугачеве. Ветхая старуха, однако, мало что помнила, но не без удовольствия рассказала о том, как Пугач заметил ее на улице – и велел привести к себе в баню. «Озорник, но молодец батюшка–государь Петр Федорович», – говорила престарелая, некогда случайная любовница Емельяна Пугачева».³³⁹ Речь идет о знаменитой «старухе в Берде», т.е. Бунтовой.

Наконец, Пугачев, еще раз венчался, не расторгая при этом ни брака Емельяна Пугачева, ни Петра III. Избранницей стала юная Устинья Кузнецова. В литературе есть разночтения – сам ли ее высмотрел Пугачев, или же ему ее «порекомендовали», но здесь это, в общем-то, не принципиально. Вполне вероятно, что ни о каком браке Пугачев и не помышлял, лишь намереваясь «поозорничать», но вмешались казаки – все же «своя», из яицких казаков; видимо, когда речь шла о девчонках не из среды староверов, было не жалко, а в данном случае неприлично. Вот и пришлось Пугачеву соглашаться на брак. Показательно, что забрать ее с собой в Берду, Пугачев не пожелал, ограничиваясь наездами где-то раз в неделю. Позднее, на допросе, когда Устинью спросили, сколько они жили с Пугачевым, она ответила буквально, подсчитав количество его приездов.

Еще один неприятный для «вождя» момент – имущественный. Как уже отмечалось выше, на Таловой Умет Пугачев дошел в ужасном состоянии, хуже бродяги, нищим и оборванным. Напомним – после бани сердобольный хозяин дал ему на смену свою пару белья. Парадно оделся он только после Илецкого городка, в одежду казненного по его же приказу местного атамана: «сказывали», что переоделся в лучшее платье атамана, «а прежде никакой хорошей одежды у него не было».³⁴⁰ Затем в каждом вновь захваченном месте он получал свою положенную долю награбленного. Вероятно, «царю» полагалось больше. Когда в конце октября 1773 г. был захвачен знаменитый бухарский торговый караван (знаменитый тем, что среди прочего он вез шумиху, которой потом оббили дом казака Ситникова – «дворец»). Там было много чего - меха, чай, хлопчатая бумага, серебро... 17 ящиков шумихи вместе с другими товарами Пугачев продал за 2300 руб. каргалинскому купцу Мусе Улееву. Подумать только, получил больше двух тысяч разом... А ведь еще недавно он рисковал за какие-то 20 рублей... Еще интереснее оказалась «зачатка», сделанная на «черный день» - припрятанная в доме «царицы» Устиньи. По ее собственным показаниям там было «денег серебром две тысячи рублей, посуды серебряной множество... также медной и оловянной ... а платьем и другими

³³⁹ Славянский базар (Оренбургская станица) Историко–краеведческий сборник №1. 2006. С.51. См. также у Пушкина: ««Озорник, но молодец был батюшка Государь Петр Федорович», - с удовольствием вспоминала казачка, которая за 60 лет перед тем удостоилась чести быть одной из наложниц самозванца».

³⁴⁰ Рычков П. Осада Оренбурга (летопись Рычкова). // Пушкин А.С. Сочинения. Т. VI. Спб.: изд-во А.С.Суворина, 1903. С.387.

вещами семь сундуков, ... в первом разные шелковые материи. В другом ... кафтаны, в третьем всякие меха, в четвертом ширинки, в пятом посуда состоящая в серебряных стаканах, чарках, подносах и подсвешниках, в шестом женские шубы... тут еще стояли два сундука, но с чем они были, она не знает... в седьмом выбойки, сверх того великое множество белья и всякой домашней рухляди». В пересказе историка В. Буганова: 2 тысячи денег серебром, 9 фунтов серебра толщиной с большой палец и длиной в пол-ашина и более, золотая и серебряная посуда, жемчуг, драгоценности (перстни, кольца, серьги), семь больших сундуков с тканями, одеждами, мужскими и женскими, посудой.³⁴¹ С чьих пальцев срывались перстни, из каких домов уносилась посуда, кого вытряхивали из собственной одежды? Надо ли напоминать, что магазинов, где ценности могли бы быть как бы безхозными, тогда там не было, и у каждой вещи был свой хозяин. И хозяин этот, что характерно, добровольно уступать свое добро, хотя бы и «Петру III», не хотел. И обращение с таким человеком было соответствующее.

Вообще Пугачев и его соратники творили немалые зверства. Уже на второй день шествования «императора» по своей земле начались убийства. Рычков отмечал, что почти сразу же, еще при Яицком городке мятежники вызвали для переговоров с ними «хороших людей», потом вероломно захватили их, и на следующий день 19 сентября всех десятерых по приказу самозванца повесили.³⁴² В каждой занятой крепости наряду с празднеством устраивались казни. Илецкий городок торжественно встречал самозванца, но атамана Л. Портнова все равно повесили (уж не за хороший ли наряд?). В Рассыпной казнены майор Веселовский и еще два офицера – за то, что сопротивлялись, отстреливались. Повешен был местный священник – что непонятно, если рассуждать о роли царя, и объяснимо, если помнить о влиянии раскольников. В Нижнеозерной повешены майор Харлов, прапорщики Фигнер и Кабалеров, писарь Скопин и капрал Бикбай. В выписках А.С.Пушкина из архивных дел указывается: «Пугачев в Нижнеозерной крепости повесил коменданта за то, что сей потопил порох». В Татищевой удавили вдову майора Веловского, бежавшую из Рассыпной, всех офицеров повесили, несколько солдат и башкир были выведены в поле и расстреляны картечью. Важно отметить, что людей убивали не во время штурма, когда подобные эксцессы можно было бы списать на горячность и издержки боя, но после – торжественно, демонстративно, едва ли не со вкусом, с приготовлением виселиц. Пугачев разыгрывал целый спектакль с «царским» судом – подумать только, еще недавно колодник и беглец, сегодня он распоряжался человеческими жизнями; наверное и паузу держал, прежде чем произнести окончательное «повесить», наслаждаясь тем, как надежда в глазах приговоренного сменялась ужасом... Вешали и женщин – по взятии Рассыпной крепости вместе с комендантом майором Веловским повесили его жену; Татищевой – жену полковника Елагина. За что? – если принять версию, что офицеров за упорство и отказ принять истинного государя – то есть за нарушение присяги, то женщины присяги не приносили. Из любви к палаческому искусству? удовольствия?

То, что совершалось на юго-восточных рубежах, было ничем иным, как мятежом – то есть вооруженным выступлением против законной власти. Одним из следствий советской системы школьного исторического образования стало двойное восприятие однотипных явлений в зависимости от определенных условий. В принципе совершенно не понятно умиление Пушкина «славным мятежником» – помнится, именно так он определил Пугачева. Что так привлекло Александра Сергеевича, трудно понять – ведь при личной встрече «славный мятежник» однозначно не пощадил бы странного барина, который, кстати, в другом месте прямо писал о «скотской жестокости» Пугачева. Возможно, наше суждение весьма субъективно, но подобное умиление главарем вооруженных мятежников сродни умилениям нынешних квази-интеллигентов и «творческих натур» в отношении, скажем, Басаева и ему подобных – почему бы их не называть «славными мятежниками» (впрочем, «повстанцами» их уже называли); а, в свою очередь, пугачевские отряды –

³⁴¹ Буганов В. Пугачев. С.245.

³⁴² Рычков П. Осада Оренбурга... С.386-387.

«вооруженными бандформированиями». Нам возразят: нельзя проводить рискованные параллели во времени; согласимся с этим; но вот только сущность человеческая не поменялась за эти два с небольшим века – и по прежнему громкие лозунги, высокие декларируемые цели, благородные мотивы скрывают низменные желания и корыстные побуждения.

Во всех работах, так или иначе затрагивавших пугачевщину, акценты устанавливались изначально: пугачевцы – благороднейшие люди, искренние борцы за светлое будущее для всех; для властей и правительственных войск самым мягким было слово «каратели». А далее вполне понятное смещение акцентов: военнотружущие гарнизонов крепостей, сопротивлявшиеся Пугачеву – плохие и потому достойны казни; те же, кто перешел на сторону Пугачева – достойные люди. А между тем, первые оставались верны присяге, а вторые – ей изменили. Мы не помним, а порой даже не узнаем имен офицеров и солдат, погибших при защите этих крепостей. Десятилетиями советского периода о них упоминалось как бы вскользь, как о некоей досадной помехе важному делу. А между тем, на далекой окраине империи, в диких краях, за слабыми стенами крепостиц, они честно исполнили свой воинский долг, не посрамили принесенной в свое время присяги. Мятежники же переступили свою присягу, совершив тяжчайшее воинское преступление. И какими бы высокими аргументами нам не пытались и не пытаются доказать обратное – преступление было и им остается

Глава 9. Три дня в сентябре: Пушкин и Оренбуржье

«Особое значение имело посещение Оренбурга 18-20 сентября 1833 г. А.С. Пушкиным. Цель его путешествия – ««проверить мертвые документы» о Пугачеве рассказами очевидцев» (1976). «Особое значение имело посещение Оренбурга 18-20 сентября 1833 г. А.С. Пушкиным. Цель его путешествия – «проверить мертвые документы о Пугачеве рассказами очевидцев» (1988) «В 1833 году Оренбургский край посетил А.С. Пушкин. Собирая материал по истории Пугачевского восстания, он решил проверить архивные сведения рассказами очевидцев событий» (2008).

История о пребывании великого поэта в нашем крае хрестоматийна. Пушкин находился в Оренбурге неполных три дня – но написано и опубликовано об этом пребывании весьма много: «Оренбургская пушкиниана» насчитывает сотни позиций каталога. В деталях (насколько это возможно) восстановлены передвижения поэта по городу и окрестностям, круг общения, действия и разговоры. В чем конкретно заключается значение пребывания Пушкина в Оренбурге для Оренбуржья, ответит, пожалуй, не каждый краевед, но что оно, это значение, велико, будут утверждать все.

Для абсолютного большинства наших сограждан именно Пушкин стал образцом повествования о пугачевщине; и не только обычных людей, но и исследователей: не у одного автора мы встретим – «как это точно описано у Пушкина...» или «как правильно писал Пушкин...», «История Пугачева» «полная неприкрашенной правды» и т.д. Хотя, как известно, Александр Сергеевич сам ничего не видел – он занялся сюжетом спустя полвека. Тем не менее, начиная с тридцатых годов XX (прошлого!) века подобная восторженная оценка стала доминирующей.

А ведь поэт не был профессиональным историком! Между тем, почему-то существует мнение, что история, не в пример, иным наукам, доступна всем – и если для других наук нужно образование, особые знания и навыки, то историей способен заниматься каждый – читай себе источники и пересказывай их...

Показательно, что высокую, и даже очень высокую оценку книга Пушкина о Пугачеве приобрела значительно позднее, в советский период – у великого поэта все

талантливо. Была создана такая атмосфера, что высокий уровень пушкинского труда просто не мог быть поставлен под сомнение. А между тем уже к середине XIX в. изменились требования к историческим исследованиям – манера изложения Карамзина, которой следовал Пушкин, стала считаться устаревшей. Тем удивительнее, что, признавая такое за Карамзиным, исследователи подобного у Пушкина «не наблюдали».

Вопрос вопросов: что именно написал Александр Сергеевич – историю Пугачева или же историю пугачевского бунта? Утверждение, что переименовать книгу в «Историю пугачевского бунта» приказал Николай I, настолько широко распространено, что приобрело силу своеобразной аксиомы. Вот только неясно, откуда взята была часто цитируемая фраза царя – «у Пугачева нет истории»? Мы, кстати, долго и настойчиво искали в литературе ссылки, могущие указать происхождение этой цитаты – ничего нет. Даже удивительно, почему литературоведы, тонко чувствующие логику повествования, упорно игнорируют казалось бы, очевидное – ведь книга Пушкина вовсе не о Пугачеве («История Пугачева» - это же в первую очередь биография), это рассказ именно о пугачевщине, о восстании, «бунте» - от его предпосылок до завершения. Мы уже раньше высказывали предположение, что утверждение о нажиме «царственного цензора» есть легенда, рожденная, вероятно, где-то в 1930-х гг.³⁴³ Она должна была представить поэта в конфликте с царизмом; это была легенда того же рода, как история об опере Глинки «Иван Сусанин», якобы опять же по царскому приказу переименованной в «Жизнь за царя». Впрочем, совсем недавно мы натолкнулись на данные, позволяющие «удревнить» легенду еще лет на десять. В оренбургской газете «Смычка» нам встретилась статья «Страницы прошлого; Пушкин, Николай I и пугачевщина» за подписью В.П. – отдельные моменты дают возможность предположить, что это инициалы оренбургского писателя В. Пистоленко. Так вот, в статье говорилось: «Николай, цензурировавший книгу и собственноручно сделавший в некоторых местах в ней поправки и отметки, это заглавие зачеркнул и написал: «История Пугачевского бунта», мотивируя свою поправку тем, что «преступник, как Пугачев, не имеет истории».³⁴⁴ Получается, что местные писатели к 30-х гг. уже были давно осведомлены о таком эпизоде.

Не менее важно – на основе чего Пушкин писал свой труд. Судя по всему, архивы интересовали его значительно меньше, нежели человеческая память. Так, во время пребывания в Оренбурге, он в архиве не работал. Значительно больше времени поэт потратил на общение с живыми свидетелями. В этом плане проделанная Пушкиным работа действительно уникальна – он, наверное, последний исследователь, который общался с современниками событий.³⁴⁵

---

³⁴³ См., например, цитаты: «Самое название рукописи «История Пугачева» Николай переименовал в «Историю пугачевского бунта», так как считал, что такой человек, как Пугачев, не может иметь истории». [Софинов П.С. А.С. Пушкин – исследователь пугачевского движения. // Исторический журнал. 1937. №2.] «Как известно, Пушкин назвал свое произведение «История Пугачева». Царь зачеркнул это» [Колесниченко С.. А.С. Пушкин и пугачевское восстание. // Пушкин в Оренбурге. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1937. С.13.] «По замечанию Николая, Пугачев, как мятежник, не мог иметь своей истории». [Старов Е. Пушкин. Очерк жизни и творчества. Оренбург: обл. изд-во, 1937. С.138.]. Таким образом, в 1937-м году это было **известно**. Конечно, то, что так писали оренбуржцы, не должно нас удивлять – раз **так** было сказано в центральном журнале, то иных мнений и сужений быть просто не могло. Из более позднего времени: «Переименована... по распоряжению Николая I, «августейшего» цензора книги» [Овчинников Р.В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л.: Наука, 1969. С.6.]; «Недаром же, читая и цензурируя пушкинский труд, царь высказался в том смысле, что Пугачев не может иметь истории и переименовал книгу...» [Смольников И.Ф. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991. С.36.] Обратите внимание: царь то говорит, то пишет, то исправляет...

³⁴⁴ Смычка. 1926. 8 июня.

³⁴⁵ Немного подкорректируем сами себя: общался-то он не последний – потом были и иные. Например, генерал-лейтенант А. Макшеев записал рассказы о событиях той поры в Оренбурге в 1849 году [Славянский базар (Оренбургская страница). Историко-краеведческий сборник. №1. 2006.]. Пушкин – последний, кто использовал свидетельства в создании большой серьезной работы.

В целом, «История» - добротная работа первого поколения, в которой сведена воедино ранее разрозненная информация. Она положительно выделялась своим нейтральным тоном на фоне как современных ей трудов, авторы которых видели и исключительно отрицательные стороны, так и советских, замалчивающих все плохое. В нашей литературе традиционно принято считать, что Пушкин более чем положительно относился к Пугачеву. Популярно цитирование надписи на книге, подаренной Денису Давыдову: «Вот мой Пугач - при первом взгляде // Он виден - плут, казак прямой! // В передовом твоём отряде // Урядник был бы он лихой». Подразумевается обычно, что Давыдов - это фигура, а, значит, и урядником у него быть - едва ли не почетно. Впрочем, можно понять и иначе - насколько «лихими» бывали урядники... тем более, что слово «лихой» многовариантно.³⁴⁶ Что собственно привлекало в Пугачеве Пушкина, понять сложно, ибо попадись Пушкин в руки мятежников с его странной внешностью, длинными ногтями и проч. - быть ему вздернутым на рели...³⁴⁷

И еще об одном определении - «славный мятежник». Это сегодня «славный» звучит явно комплиментарно. Если опять-таки обратиться к словарю Даля, то «славный» - это еще и просто «известный». У Пушкина же Пугачев и пугачевцы показаны гораздо более тонко: автор не скрывал «скотской жестокости» Пугачева и в то же время не проходил мимо его добрых, «милостивых» дел.

Удивительно, но при огромных тиражах пушкинских трудов, весьма немногие в нашей стране знакомы с подлинной «Историей пугачевского бунта». Весьма поучительно сравнить издания - дореволюционные и советские. В советское время «История...» включала в себя главы, примечания и т.н. «Замечания о бунте». Между тем, в дореволюционных изданиях состав «Истории...» гораздо сложнее: Часть первая (собственно главы). Примечания. Часть вторая (Приложения): I. Манифесты и указы, относящиеся к пугачевскому бунту. II. Рапорты и письма. III. Сказания современников (Осада Оренбурга (Летопись Рычкова), Экстракт из журнала кн. П.М. Голицына, Краткое известие архим. Платона Любарского). И только после этого шла итоговая авторская ремарка: «Конец истории Пугачевского бунта». Именно при комплексном прочтении книги авторский текст части первой и материалы части второй создавали целостную картину. Получается, что в советский период книга издавалась в урезанном виде, нарушавшем замысел автора. Впрочем, не только урезанном - но и «исправленном».³⁴⁸

Основную часть т.н. «сказаний современников» составляет «Летопись» (иначе «Хроника») П. Рычкова, в принципе могущая рассматриваться как самостоятельная работа. Пушкин использовал ее достаточно широко, и потому нет ничего удивительного, что и в советской литературе «Летопись» оценивалась высоко. Срабатывали нужные штампы: Рычков - первый член-корреспондент Академии наук, его отмечал сам Ломоносов, «летопись» активно использовал сам Пушкин - значит, труд достойный, видно и без чтения. Источник этот весьма субъективен, поскольку директор Оренбургской соляной конторы П.И. Рычков был в тот период в - мягко говоря! - неприязненных отношениях с губернатором Рейнсдорпом. А потому критикой и язвительными замечаниями в адрес губернатора (в завуалированной, но ощущаемой форме) наполнена вся «летопись» Рычкова. Эти оценки перекочевали к Пушкину - и далее... вплоть до сегодняшнего дня. Сложилась удивительная ситуация - с одной стороны, труд Рычкова является едва ли не базовым об осаде - и это общепризнанно, но с другой, огромное количество авторов обращалось и обращается с приводимыми им данными настолько

³⁴⁶ Цитируем В. Даля: «молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольский, удалой, ухорский, смелый и решительный, злой, злобный, мстительный, лукавый» (желающий пусть проверит точность цитирования сам).

³⁴⁷ Напомним: по легенде Пугачев велел подвесить «повыше к звездам» показавшегося ему странным астронома.

³⁴⁸ У И. Смольникова читаем: «впервые по первоначальному пушкинскому тексту «История Пугачева» была напечатана» в полном собрании сочинений в 1938 году. [Смольников И. Путешествие... С.214.]. Можно понять и так - все изменения - от лукавого.

вольно, что порой их утверждения, казалось бы, основанные на Рычкове, полностью ему противоречили.

Вполне уместно задать вопрос – почему Пушкин взялся за тему пугачевщины? Традиционная версия литературоведов - возникший интерес к нуждам простого народа. Вариантов масса: «Интерес поэта к народному революционному движению»³⁴⁹; «Пушкин задумывается над судьбами российского дворянства, над отношением его к народу и народа к нему»³⁵⁰; «Пушкин приходил к выводу о непримиримости интересов дворян и угнетенных, обездоленных людей России, прежде всего крестьянства»³⁵¹, «проблема крестьянского восстания... всегда глубоко волновала Пушкина»³⁵² и т.п. В общую канву версии помимо «пугачевских» сюжетов вписывают обычно и «Дубровского», по линии сюжета более близкого к какому-нибудь графу Монте-Кристо, нежели борцу за народные интересы. На начальном этапе – в районе 1937-го – все было проще и понятнее: Пушкин **конечно же** интересовался положением народных масс. Естественному вопросу – с чего бы? - места не оставалось. А между тем и взаправду: с чего бы дворянину и помещику беспокоиться положением крепостных? Несколько утрируя, заметим, что его интересы если и возникали, то явно не шли далее чисто утилитарных и касались прежде всего юных крестьянок.

Но факт, с которым не поспоришь – Пушкин пожелал об этом писать. Позволим себе переспросить: а о чем, собственно, он намеревался писать? История окончательного выбора темы и подхода к ней почти детективна. Повторять ее целиком не видим смысла – достаточно взять любую публикацию, и там все есть. Впрочем, все равно все излагалось достаточно путанно. Воспроизведем схему:

Испрашивая в середине 1831 г. разрешение на работу в архивах, Пушкин писал о намерении взять период от Петра до Петра III. В последующем рассказе обычно приводятся пояснения такого рода, что царь-де был очень заинтересован в написании истории Петра. Внятных объяснений, зачем Николаю было нужно это – напомним, что по теме уже существовали многотомные издания - нет. Главный аргумент странен: в феврале 1832 г. царь дарит Пушкину вышедшее Полное собрание законов Российской империи (т.н. ПСЗ). Подарок объемный и достаточно дорогой; но основное объяснение: сделано это с одной целью – подтолкнуть поэта к «петровской» теме. А Пушкин, ознакомившись с собранием, вычитал там другое, но гораздо более интересное – в сентенции о наказании пугачевцев смертной казнью: «Подпоручика Михайла Шванвича за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцевым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, преломя над ним шпагу».³⁵³

Для **не** знающего, что из себя представляло ПСЗ, это все звучит нормально. Но напомним: т.н. Первое Собрание (всего их три) включает 30 600 законодательных актов, начиная с Соборного Уложения 1649 г. и заканчивая актами, утвержденными 3 декабря 1825 г. Общий объем публикации - 40 толстенных томов. Прочсть их – даже пролистать – что называется, «в охотку», более чем хлопотно. Отсюда поверить, что поэт «вдруг» нашел интересный для себя момент и потому запросто забросил тему Петра, недвусмысленно рекомендованную самим царем, сложно.

Столь же мифологичны и последующие действия Пушкина. Опять-таки «вдруг» он начинает интересоваться ... Суворовым. Затем в феврале 1833 г. он обращается с прошением к военному министру А.И. Чернышову с просьбой допуска к документам архивов Генерального штаба, касающихся Суворова. И в числе прочих документов,

³⁴⁹ Колесниченко. А.С. Пушкин и пугачевское восстание. // Пушкин в Оренбурге. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1937. С.5.

³⁵⁰ Там же. С.15.

³⁵¹ Там же. С.17.

³⁵² Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956. С. 39.

³⁵³ «Судьба была неординарной, наказание суровым». [См ольников И. Путешествие... С.38.]

называет «следственное дело о Пугачеве». В литературоведении советского периода полно восторгов относительно «военной хитрости», якобы примененной Пушкиным – «мы-то понимаем, чего на самом деле хотел Пушкин». ³⁵⁴ Не будем далее пересказывать то, что можно прочесть в любой книжке советской поры. И время жалко, и свои критические ремарки придется ставить едва ли не на каждой фразе. Просто давайте порассуждаем. Итак: допустим, что дворянин Пушкин действительно заинтересовался «набеглым царем», темой, закрытой еще екатерининским указом. Допустим, что он так этим заинтересовался, что решил идти на обман (простите: «военную хитрость» ³⁵⁵) всех, вплоть до царя, не задумываясь о последствиях. ³⁵⁶ Допустим, что царские чиновники были настолько тупы, что не увидели скрытых подходов Пушкина к документам по новой теме. ³⁵⁷ Допустим, что власти не поняли смысла его планируемой по стране поездки. Но находящийся под негласным надзором Пушкин спокойно себе едет, собирает данные, пишет, отдает книгу на прочтение **царю**, получает обратно, пусть даже с исправлениями, публикует.... Так пусть кто-нибудь нам все же внятно объяснит: почему Пушкина не наказали за нарушение указа о забвении? Почему не остановили? Наше мнение: потому что не надо было останавливать. Ибо действия поэта были продиктованы не мифическими симпатиями к революции, но гораздо более приземленными причинами.

Вообще можно сказать, что Пушкиных было два: один реальный, а другой – виртуальный, созданный на страницах книг и статей «пушкиноведов». Подлинного Пушкина мы вообще-то не знаем. За долгие десятилетия советской поры, начиная с беспримерного и странного празднования юбилея **смерти** в 1937 г., вышло огромное количество работ, создающих нам облик поэта, но такой облик, который устраивал власть. Празднование 1937-го было не просто датой, но кампанией, в ходе которой были четко и надолго расставлены все нужные акценты. Дворянин и помещик Александр Пушкин внезапно оказался на стороне народа – «оказалось», что среди дворян были не только эксплуататоры. Не надо забывать, что «всенародная любовь» к Пушкину возникла централизованно, по приказу – партия решила, а в конце 1930-х годов такие решения принимались сразу и на ура. Появилось постановление ЦК и сразу стали выходить массовыми тиражами книги поэта, школьная программа была расширена, рабочие и колхозники со страниц газет стали клясться в том, что именно Пушкин позволяет им хорошо трудиться и именно его поэзия доставляет им неимоверное эстетическое удовольствие. Затем стали появляться памятники – например, тот, что в Берде, был поставлен на основании постановления III пленума оренбургского обкома ВКП (б) 13-16 сентября 1936 г. о культурно-просветительной работе в деревне. Все в биографии поэта было разложено по полочкам и сопровождено соответствующими этикетками: царь – плохой, жена – плохая, друзья-лицеисты и тем более декабристы – хорошие и т.д. Несостыковки, неясности – которых, кстати, в официальной «советской» версии немало – тогда не полагалось замечать просто из чувства самосохранения; позже – из-за уже существующей традиции и возникшего огромного массива литературы.

В итоге возникли два момента. Во-первых, облик Пушкина оказался вульгаризирован, или крайне упрощен; поэт был как бы вырван из своей эпохи, и его

---

³⁵⁴ «Суворов нужен был как ключ, который помог бы открыть доступ к архивным источникам о Пугачеве». [Смольников И. Путешествие... С. 41.]

³⁵⁵ «Пушкин даже прибегнул к «военной хитрости»» [Смольников И.Ф. Путешествие... С. 40.]

³⁵⁶ Кстати, мы встретили только один аргумент в пользу того, что царь якобы ничего не знал: «Пушкин, как мы уже сказали выше, тщательно скрывал от царя и его министров свою работу над историей Пугачева. И Николай I действительно ничего о ней не слышал. Впоследствии на одном из балов он сказал Пушкину: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь, я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости...» [Софинов П. А.С. Пушкин – исследователь пугачевского движения. // Исторический журнал. 1937. №2. С. 42.]

³⁵⁷ «Для Николая I, Бенкендорфа и III отделения, при всей их осведомленности, было, очевидно, большой неожиданностью то, что Пушкин, возвратившись осенью 1833 г. из Болдина в Петербург, привез не «Историю Петра I»... [Овчинников Р.В. Пушкин в работе... С.49.]

жизнь, его действия, его творения воспринимались мерками сегодняшнего дня. Известные строки знаменитого барда «И все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа», конечно же, не стоит понимать буквально – как панибратство. Но подлинные реалии того времени были таковы, что ужин в «Яре» был делом нескольких часов, это было действие, и потому «заскочить» туда было невысказано. Как, впрочем, и невысказано было полагать, что каждый способен был бы составить Пушкину компанию. А по сути, так и полагали. Взаимоотношения поэта с царем анализировались на уровне взаимоотношений, условно говоря, директора предприятия и подчиненного. При этом подглядывали в замочную скважину, анализировали семейную и внесемейную жизнь: эвфемизм «донжуанский список Пушкина» никого не обманывает сегодня. Странная, если вдуматься, наука «пушкинистика» зачем-то изучает все, причастное к Пушкину – вплоть до его потомков четвертого-пятого колена, хотя никто внятно не может объяснить, что нам дает знание того, что, например, вот этот человек – прапраправнук поэта.³⁵⁸ Между прочим, другой подобной «науки» нам как-то встречать не приходилось – «ломоносовистики» или там «менделеевистики».³⁵⁹

И во-вторых, из Пушкина сделали революционера. Он близок к декабристам, на которых, в свою очередь, падает отсвет пушкинской революционности; он режет правдую матку царю, пишет революционные стихи, он пропагандирует «русский бунт». Известный из литературы анекдот конца тридцатых годов, когда в рамках юбилея предлагается считать Пушкина предтечей революции на том основании, что он однажды написал: «Октябрь уж наступил...», не так уж пуст, как может показаться.

Превращение поэта в революционера производится настолько виртуозно, что порой просто восхищаешься той ловкостью, как порой невинные строки поэта «вдруг» обретают грозный смысл; читаешь – ничего, но вот появляется комментатор, который, адресуясь к нам, читателям, многозначительно говорит, «ну, мы-то с вами понимаем, что именно хотел сказать Пушкин, верно? Он хотел сказать иначе, но цензура..., но царь...» Всякого рода «историки», литературоведы и просто любители довели «пушкинистику» до феноменального совершенства. Какую книгу не возьми – авторы нам обязательно сообщают, что **думал** Пушкин, что он **хотел** на самом деле сделать и что написать, **какой подтекст** он вложил в те или строки и т.д. Примеров масса; просто для того, чтобы показать картинку: И. Смольников (1991) утверждал, что Пушкин намеренно упомянул в «Истории Пугачева» отца своего друга П.В. Нащекина генерал-майора В.В. Нащекина, хотя тот и не принимал участия в борьбе с пугачевцами – «единственно из уважения к своему другу и стремления привлечь к имени Нащекина внимание царя».³⁶⁰ Что дает основание для столь смелого предположения? Ссылка на другого пушкиниста Н. Эйдельмана (1984): «Конечно (!), тут был умысел – как-то помочь Павлу Воиновичу, который как раз тогда женился, скрывался и бедствовал: вдруг царь призовет, расспросит о Нащекине-отце... вдруг наградит, поощрит».³⁶¹ И еще один прелестный пример: «По мере того, как он погружался в документальный материал... **становилось ясно: необходимо** отправиться в те места, о которых рассказывали в своих воспоминаниях очевидцы... Еще в феврале Пушкин пишет Нащекину, что летом съездит в «Нижний да,

³⁵⁸ Уверен, что не все знают о расколе пушкинистов на «левобережников» и «правобережников»; суть спора – правым или левым берегом Волги ехал Пушкин от Симбирска до Самары. Подробнее см. у И.Ф. Смольникова [С.166-169.], термины, кстати, его же.

³⁵⁹ Вообще рождается стойкое убеждение, что «пушкинисты» получают удовольствие разгадывая некий квест, историческую головоломку «Пушкин», соревнуясь между собой – кто пройдет дальше, кто узнает больше, кто извлечет информацию там, где другим не под силу. При этом важно не итоговое знание, а участие и успех в глазах соперников. Наше мнение: это очень увлекательно и интересно – ровно до момента, когда пушкинисты начинают поправлять и учить историков как надо понимать тот или иной момент, связанный с Пушкиным.

³⁶⁰ Смольников И.В. Ук. соч. С. 31.

³⁶¹ Эйдельман Н. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 226.

может быть, в Астрахань». Маршрут обозначен в самом общем плане. Однако **понятно (!)**: он хочет проложить этот маршрут по местам пугачевских событий». ³⁶²

Каков же он был в реальности – Александр Сергеевич Пушкин? Если кто-то ожидает, что мы прямо сейчас начнем «разоблачения», то заблуждается. Просто мы не приемлем расхожего «довода», столь любимого пушкинистами: чуть что, объяснять отрицательные моменты «аргументом» - но это же Александр Сергеевич! Это же ПОЭТ! И ему автоматически прощается то, что мы ни за что не простим **не поэту**. А между тем, А.С. Пушкин – прежде всего человек.

Натура Пушкина была достаточно сложной. В этом легко убедиться, если помимо многопудья томов «советской» поры почитать что-нибудь не столь заидеологизированное. Например, письма поэта – целиком, а не в выборочном цитировании отдельных фраз, вырванных из контекста. Кстати, о цитировании: кто не встречал громкое «Пушкин о русском бунте – «бессмысленный и беспощадный»» А говорил ли это Пушкин? Ведь не говорил - это слова его литературного персонажа. И в высшей степени нелепо выдавать их за мысли и убеждения автора – почему бы не сказать, что Пушкин полагал Пугачева «злодеем»: на том только основании, что Савельич советовал Гриневу поцеловать злодею руку. Если отказаться от изначального видения Пушкина как хрестоматийного бунтаря при престоле, то становится ясно, что в его личности и биографии нет ничего, чтобы могло связно объяснить его обращение к пугачевской теме. Он был весьма остер на язык, не чужд мальчишеских выходок. Психологи могут легко объяснить, что было в душе этого человека, если учесть, что до конца жизни его лицейские годы и лицейские друзья оставались единственным светлым воспоминанием. Все жили сегодняшним днем, Пушкин - воспоминаниями. Чрезмерное внимание, которое он оказывал родовитости своей семьи, есть показатель того, что это его беспокоило. Постоянно беспокоили его и недостаточные доходы. Впрочем, зарабатывать на жизнь Александр Сергеевич тоже не умел. Как помещик-хозяйственник, он был, считай, никакой. Не было у него и достойных доходов от службы. Уместно напомнить, что Лицей готовил чиновничью и управленческую элиту. Однако, в отличие от прочих однокашников, по выпуску из Лицея он почти не служил. «Распределен» он был в министерство иностранных дел, однако о службе – именно службе Пушкина почти ничего нет. Единственно, что нам встретилось, это что в бытность в Бессарабии его привлекли как переводчика документов с французского языка – надо ли говорить, что для этого особых умений и знаний от дворянина не требовалось.

Своим поведением, разного рода выходками (мягко говоря, далекими от революционных) он вызвал раздражение Александра I и потому был выслан на юг. Николай I поступил значительно умнее и тоньше – он попытался привлечь Пушкина на свою сторону, использовать его популярность, его славу, наконец, в интересах государства. Титулярный советник А. С. Пушкин был вновь причислен к Иностранной коллегии (от которой ранее был отставлен); теперь жалование составляло 5000 руб. – по мнению А. Тырковой-Вильямс, «для чиновника с его маленьким чином оклад неслыханный». Она же подчеркивала: «Царь, назначая поэту жалованье, не смотрел на него, как на чиновника, никаких обязанностей ему не указал, как будто предоставил ему полный простор». ³⁶³ То, что царь поступил именно так и по таким мотивам, сегодня можно полагать общепризнанным. ³⁶⁴ На наш взгляд, это получилось очень удачно, поскольку Пушкину предложили то, чего он сам хотел. ³⁶⁵ Очень похоже, что основным

³⁶² Смольников И.В. Ук. соч. С. 43. Надо ли напоминать, что в Астрахань Пугачев не доехал...

³⁶³ Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: в 2 т. Т.2.: 1824-1837. М.: Мол. гвардия, 1998. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.). С. 318.

³⁶⁴ Из разряда легенд о «бунтаре» - утверждение, что якобы Пушкин сам инициировал поступление на службу – и только для того, чтобы получить доступ к архивам, и, конечно же, к материалам о крестьянских восстаниях. [Софинов П. А.С. Пушкин – исследователь пугачевского движения. // Исторический журнал. 1937. №2. С. 41.]

³⁶⁵ В письме А.Х. Бенкендорфу 16.4.1830: «Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекала бы меня от литературных занятий, которые дают мне

мотивом, подвигнувшим его на историческое сочинение, было стремление сравняться с Карамзиным, чья «История государства Российского» в свое время произвела впечатление на многих, в том числе и на Александра Сергеевича. Не зря же в 1831 году Пушкин писал А.Х. Бенкендорфу: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина, но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра великого и его наследников до государя Петра III». И еще факты, что называется, «до кучи»: в 1829 году вышел исторический роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Пушкин, как известно, высказывался о «блистательном» успехе книги. И сюда же упомянем творения модного тогда в России автора Вальтера Скотта. Мозаика начинает складываться. Мы полагаем, что сначала было придумано, чем вообще **занять** Пушкина, а вот чем **предметно** ему заниматься, о чем, собственно, писать, уже предлагалось выбрать ему самому – и такая версия (кстати, не хуже других!) позволяет объяснить не совсем логичные переходы от темы Петра к Суворову, и далее к Пугачеву. «Классическая» (т.е. комплиментарная) пушкинистика видит в избрании Пушкиным темы пугачевщины прежде всего гражданский подвиг: «О «высоком придворном положении» Пушкин, конечно, не помышлял... А вот о высоком положении писателя, который открывает соотечественникам историческую правду, **несомненно**, думал».³⁶⁶ По нашему мнению, книга о пугачевщине была «заказной». И. Иванов в «Трудах» Оренбургской Ученой Архивной комиссии 1900 года прямо писал: «Пушкину по повелению Императора Николая I было поручено написать «Историю Пугачевского бунта»».³⁶⁷ Можно, конечно, возразить – кто такой Иванов, что он может судить; но его доводы – на напечатание труда были отпущены немалые деньги, «за добросовестное исполнение царского повеления» Пушкин был пожалован камер-юнкером явно поубедительнее, нежели вера в иллюзорные размышления поэта относительно «положения писателя»...³⁶⁸

Немало злой иронии прозвучало относительно «августейшего» цензора; хотя по сути царь предложил Пушкину милость – ибо после просмотра текста царем уже никакой конкретный цензурный орган уже не мог воспрепятствовать публикации. И, в конце концов, если даже и принять версию о намеренном отважном писании на запретную тему – то нет внятного ответа, почему же книга **вышла**? Где же была пресловутая цензура?

Впрочем, при любом варианте – заказа или скрытого вольнодумства, неважно – возникает вопрос: зачем Пушкин пускается в такое хлопотное, далекое и, будем откровенны, малокомфортное путешествие? Понятно, что пушкинистов этим не удивишь – они объяснят, что поэту просто было необходимо перед тем как начать писать, посмотреть на реальную местность, а также они непременно приведут известную цитату самого поэта, что он-де поверял сухие документы свидетельствами очевидцев. Вот только если судить по иным произведениям Пушкина, то он не всегда стремился посещать описываемые места – вспомним «Полтаву», например, или «Маленькие трагедии». А что касаясь живых свидетелей, то совершенно недоказуемо, что Пушкин ехал именно на встречу с ними. Мы не встречали собственных заявлений Пушкина относительно таковых целей поездки – больше говорилось о необходимости отъезда ради возможностей сосредоточиться и заняться вплотную творчеством. А то, что пишут позднейшие авторы и комментаторы, трудно воспринимать всерьез: «намеревался осмотреть там места былых сражений, города и крепости, взятые вольницей Пугачева, надеялся разыскать в местных

средства к жизни...» [Смольников И.Ф. Путешествие... С.203.] Через день писал он Плетневу: «Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): Царь взял меня в службу - но не в канцелярскую, или придворную, или военную - нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? [Тыркова-Вильямс А.В. Ук. соч. С. 318.]

³⁶⁶ Смольников И.Ф. Путешествие... С. 203.

³⁶⁷ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С. 220.

³⁶⁸ Странники этой позиции есть и сегодня - см., напр.: Вепрев О.В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 61.

архивах неизвестные еще ему документы. Но главная цель поездки (sic!) заключалась в том, чтобы встретиться с жившими там престарелыми участниками и очевидцами... и от них узнать об отношении народа (!) к восстанию и его предводителю, записать их воспоминания, предания и песни»³⁶⁹; «встретиться там с местными старожилами – современниками и очевидцами пугачевского восстания...эта последняя возможность особенно привлекла Пушкина, и ради нее он не побоялся пуститься в тысячеверстные переезды»³⁷⁰, «надо было своими глазами увидеть места, где разворачивались эти грозные события. Надо было услышать людей, которые принимали в них участие, и записать их рассказы»³⁷¹, «он поехал, чтобы спросить о Пугачеве у народа».³⁷² Прошло 60 лет! Полное впечатление, что обнаружение таковых в Оренбуржье было для него именно приятным сюрпризом.

Напомним, что официальная мотивация поездки: необходимость создания условий, чтобы писать, а писать - чтобы зарабатывать нужные для семьи средства. Именно так сам Пушкин объяснял свои действия: «Кабы не стыдно было воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой» (в письме жене 19 сентября). Подавая помощнику Бенкендорфа, А.Н. Мордвинову, прошение о поездке в Оренбург, Пушкин писал: «Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что же делать? они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря Государя, имеют цель более важную и полезную. Может быть, Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии. Кроме жалования, определенного мне щедростию Его Величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы» (30 июля 1833 г., черновое письмо).³⁷³ С деньгами у Пушкина было плохо. От имений особых доходов не было, что, впрочем, не мешало жить на широкую ногу – играть в карты, делать долги, кстати, в Бердах дарить золотыми. Деньги занимались часто: и он получил из казны на печатание «Истории Пугачева» (книги еще не написанной!) ссуду в 20 тысяч рублей, рассчитывая получить в итоге 40 тыс. Двадцать тысяч – деньги очень хорошие, но и удивительно быстро исчезнувшие. Жена Пушкина писала своему брату Д. Гончарову 1.9.1833 г.: «По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но, что делать, я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России и только в конце сентября или начале октября будет в своем нижегородском поместье, вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей».

Официальную версию советской литературы меркантильный аспект путешествия не устраивал в принципе; так что пушкинисты поправляли даже самого поэта, вероятно, лучше его самого зная, чего поэту хочется - утверждая, что главным было стремление - раскрыть и т.п. «Он даже роняет фразу, что «Пугачев не стоит того» - *Пугачев* – это то, ради чего он затеял свою осеннюю экспедицию».³⁷⁴ Излюбленный момент классических пушкинистов – акцентирование внимания на страданиях, которые понес поэт от разлуки с молодой женой. В пользу этого вроде бы говорят строки писем самого Пушкина: «Что

³⁶⁹ Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. Челябинск: ЮУКИ, 1988. С. 11.

³⁷⁰ Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977. С. 36.

³⁷¹ Смольников И.Ф. Путешествие... С.17.

³⁷² Савельзон В. Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург, 2007. С. 110.

³⁷³ Тыркова-Вильямс. Ук. соч. С. 354.

³⁷⁴ Смольников И.Ф. Путешествие... С.26.

женка? Скучно тебе? Мне тоска без тебя» (19 сентября); «Дела мои, кажется, скоро могут кончиться, а я, мой Ангел, не мешкая ни минуты, поскачу в ПБ. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя!» (22 сентября 1832 г.); «Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить...» (начало октября 1832 г.). Постоянно сообщая в письмах с дороги, что соскучился, что переживает и т.д., Пушкин, тем не менее, домой не спешил – и по возвращении остался на два месяца в Болдино. Судя по ответным письмам жены³⁷⁵, она тоже не очень понимала столь затянувшегося возвращения.

Стоит задуматься: Пушкин буквально гонит по стране, преодолевая за короткий срок сотни верст³⁷⁶ – только из Симбирска в три дня сделал 627 верст, он добирался до Оренбурга, вроде бы цели долгого и не самого легкого путешествия... чтобы пробыть в Оренбурге неполных три дня (по подсчету В. Савельзона – около 40 часов). Затем вновь резкий рывок – 250 верст за три дня до Уральска и поворот на возвратный курс. Для сравнения: редактор и издатель журнала «Отечественные записки» Свиньин в 1824 г. прожил в Оренбурге более двух недель.

Вполне можно предположить, что мотив поездки был иным, или скажем иначе – она была продиктована не только писательскими задачами. В письме Нащокину Пушкин замечал: «Путешествие нужно мне нравственно и физически».³⁷⁷ Наша версия не хуже иных – Пушкин просто не привык быть семейным: 6 июля у него родился второй сын Александр, а 18 августа «счастливый» отец уже уехал в Москву и далее аж на несколько месяцев, ограничиваясь словами любви и заботы, посылаемыми издалека. Впрочем, в конце концов, разве принципиально важны мотивы, по которым Пушкин занялся пугачевщиной? Главное все же – результат этих трудов. Поговорим о них.

Вернемся к вопросу, имеющему для нас безусловный интерес – пребывание поэта в Оренбурге. Для биографов Пушкина эти три дня были лишь небольшим эпизодом его жизни, потому в особые детали никто и не углублялся. Разработка эпизода в деталях – заслуга и ответственность местных, южноуральских, прежде всего оренбургских, краеведов. Они обратились к теме ощутимо позже описываемых событий, и в качестве источников могли использовать прежде всего рассказы старожилов. В итоге кое-как скомпонованная версия происходившего, с подгонкой отдельных элементов друг к другу с помощью оговорок – «вероятно», «скорее всего» и т.п. – вышла на общероссийский уровень.

Что же происходило в эти три дня визита? Перечень того, что Пушкин увидел или где он побывал, в принципе можно полагать установленным и даже общепринятым. Назовем общеизвестные сюжеты: 1) поход в баню к Артюхову (здесь же посещение училища: поскольку баня – в училище), в бане разговор с последним о птичьей охоте, шутка относительно полноты Пушкина (сравнение его с Венерой в «интересном положении»); 2) поездка в Берду, где общение с ветеранами и особенно Бунтовой; 3) пребывание в доме губернатора Перовского; 4) местные девицы, подсматривавшие за Пушкиным с дерева в окно дома Даля; 5) поездка по городу с Далем; 6) хохот Пушкина и Перовского над глупым перестраховочным письмом нижегородского губернатора.³⁷⁸

А вот очередность этих действий имеет варианты. Отметим точки зрения ряда авторов – принцип их отбора нами достаточно произволен, это, конечно же, далеко не единственные работы по теме, но мы выделяем эти либо как труды наших земляков (Н.

³⁷⁵ Упреждая замечание, что писем жены почти не сохранилось, обратим внимание на оправдания самого Пушкина, типа «ты пишешь, что».

³⁷⁶ «Пушкин ехал днем и ночью, вез в экипаже съестные припасы и останавливался даже в губернских городах лишь на 2-3 дня». [Прянишников Н.Е. Ук. соч. С.41.]

³⁷⁷ Цит. по: Прянишников Н.Е. Ук. соч. С. 43.

³⁷⁸ Мы намеренно не воспроизводим ситуации целиком – если читатель знает подробности, то это лишнее, если же нет – то достаточно обратиться к любой краеведческой публикации; там это есть обязательно.

Прянишников, В. Савельзон), либо как работы, специально посвященные данному приезду.³⁷⁹

По дате приезда – 18 сентября – споров нет. Есть расхождение во времени приезда – большинство обходит этот нюанс; И. Смольников без доказательства считает «утром»; В. Савельзон, по своим подсчетам, заключает, что вечером, часов в 17-18. Его аргументация – Пушкин приехал, как писал потом В. Даль, «нежданный и нечаянный» и потому он мог поехать сразу только к губернатору на службу, а никак не в его загородный дом (от себя добавим – да знал ли он о существовании такового?) – кажется нам убедительной в части места, но не времени. И раз поэт застал Перовского на службе, то вот и установленное время приезда. Выразим некоторое сомнение, что губернаторы тогда работали как сегодня, до 18-ти, или вообще до установленного КЗОТом часа.³⁸⁰ С другой стороны, выражая некоторое сомнение относительно столь точного времени, мы согласимся, что было это к вечеру, в пользу чего – последующие события.

Но мы незаметно перешли к следующему спорному моменту – куда именно поначалу приехал Пушкин? Большинство – к губернатору Перовскому. Но опять варианты – куда именно к нему? Позиция В. Савельзона – на службу - нам кажется самой убедительной, потому что она логична. Иное видение – домой, причем в загородный дом. Н. Прянишников (1956) писал, что Пушкин сразу приехал к губернатору; его довод: писал же тот, что Пушкин «останавливался у него». Позднее, в издании 1977 года, фраза была построена осторожнее: «заехал, видимо, прямо к военному губернатору».³⁸¹ Но есть и принципиально иная версия - М. Нурмухамедов (1985) утверждал, что по приезду Пушкин остановился у К. Артюхова, «вымылся в его бане, попил чаю и потом отправился к военному губернатору».

Вот и очередной спорный момент – баня. Р. Овчинников (1988) утверждал, что В. Даль, узнав о приезде поэта, «тотчас же поехал туда [к губернатору], чтобы поскорее увидеть дорогого гостя, а затем **повез его к себе**». А поскольку Пушкин имел «обыкновение после дальнего путешествия сразу же отправляться в баню», то Даль и отвез поэта в баню к К.Д. Артюхову.³⁸² По версии Н. Прянишникова поход в баню был на следующий день. В поддержку варианта Прянишникова - приведенная им же цитата из Даля: «а на другой день перевез я его оттуда к себе». Если «на другой день», то получается 19-го. В поддержку варианта Овчинникова - здравый смысл: неужели кто-то поверит, что человек с дальней дороги («Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньей, идет в баню, которая наша вторая мать» (А. Пушкин в это же время в письме жене)) отправится в баню только во второй половине дня на следующий день по приезду – почти через сутки.

Итак, абсолютное большинство за баню в тот же вечер. Подробности посещения бани – имеется в виду знаменитый рассказ Артюхова об охоте и о Венере Медицейской на последнем месяце - даются суммарно - по Далю и по Иванову (кому непонятно – рекомендуем обратиться к любой книге по теме). Впрочем, еще «подробности» есть у Смольникова: «Любезный хозяин кидал на каменку из особой кадки воду, настоящую на степных травах, предложил два рода веников... потчевал домашним пивом и

---

³⁷⁹ Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956; Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент, 1984; Смольников И.Ф. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991; Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. Челябинск: ЮУКИ, 1988; Савельзон В.Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург, 2007. Далее для краткости, чтобы не перегружать повествование, в этой части мы не будем указывать в каждом случае нужную страницу.

³⁸⁰ Писавшие не учитывали негласных правил поведения чиновников – разумеется, что вновь прибывший, особенно «с подорожной по казенной надобности», **первым** делом докладывался губернатору.

³⁸¹ Прянишников Н.Е. Писатели-классики... Челябинск, 1977. С. 37.

³⁸² И тут есть отличие: И. Смольников писал, что приглашение Артюховым Пушкина и Даля в баню «было сговорено заранее» [С. 191.] Непонятно, как связать это со словами самого Даля: «явился Пушкин нежданный и нечаянный».

медом...Пушкин от души хохотал. Артюхов, довольный, смотрел на него голубыми блестящими глазами, а Даль протягивал обоим по кружке с медом...»³⁸³

А потом... И вот тут почти все авторы как-то умалкают. Исключение И. Смольников – у него баня происходит едва ли не в обед, а потом - прогулка по городу. И – внимание! – в тот же день поездка на меновой двор, кстати, по мнению автора, находившийся всего в двух верстах от Оренбурга.³⁸⁴ И «возможно» тогда же поэт посетил архив. Как-то странно – в сентябре, после бани, разъезжать по городу... У всех прочих авторов предполагается, что Даль на ночь «вернул» помытого гостя в загородный летний дом губернатора. Просто рассуждая логически, должен был быть ужин. Но подробностей нет; только у В. Савельзона, в лучших традициях сочинения вероятностных событий, читаем: «Видимо, они [Пушкин и Перовский] еще беседовали – о Петербурге, о былом, о пугачевщине и местах, куда Пушкин поедет послезавтра».³⁸⁵

День 19 сентября. Согласно Н. Прянишникову, В. Даль, только что вернувшийся из служебной командировки, приходит к Перовскому. Он забирает Пушкина из дома губернатора и перевозит его «к себе». Причем пушкинист оговаривает, что значит «к себе»: «видимо, он просто посетил Даля, побыл у него некоторое время, а затем хозяин и гость отправились в свою «экскурсию» по городу и его окрестностям». Со ссылкой на все того же Даля - «толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга» указывал на Георгиевскую колокольню в предместье, на остатки земляных работ. В рамках «экскурсии», по мнению краеведа, Пушкин посетил также уездное училище и тогда родилась идея бани. Против Н. Прянишникова срабатывает его собственное дальнейшее утверждение: «Затем Пушкин и Даль вместе с Артюховым отправились в Бердскую слободу».³⁸⁶ Опять неувязка – ездить на экскурсию после бани...

Большинство авторов за то, что утром Даль повез Пушкина, в компании Артюхова и еще одного охотника, в Бердскую слободу (вариант Овчинникова - сначала по городу, а потом в Берду). Здесь было общение со стариками и особенно со знаменитой «старухой в Берде». У Даля читаем: «Пушкин разговаривал с нею целое утро». Как видим, для бани и времени-то нет.

Из слободы Пушкин вернулся в Оренбург, обедал у Перовского (Н. Прянишников). После обеда, где был также и Даль, совершил в его же компании ознакомительную прогулку по городу (В. Савельзон). Вечер провел у Даля в беседах (Н. Прянишников). Сюда привязывается момент, о котором свидетельствовала Е. Воронина: две барышни, желавшие во что бы то ни стало повидать самого Пушкина, залезли на дерево и следили за ним через окно.³⁸⁷ Р. Овчинников вносит свое – после Берды Артюхов с товарищем отправились на охоту к с. Ташлы, «возможно», с ними отправился и Даль. Последнее предположение родилось только на основании того, что Даль в поездку взял с собой ружье.³⁸⁸ Но тогда, с кем же гулял Пушкин, и когда успел Даль вернуться? Еще один безусловный факт – в этот же день Пушкин написал жене письмо.

Все же ночевал Пушкин у Перовского – ибо, согласно канонической версии, он был разбужен громовым хохотом губернатора (об этой истории с глупым предупреждением в письме - ниже). У В. Савельзона Пушкин так и жил у Даля, почему эпизод с хохотом и

---

³⁸³ Смольников И. Ук. соч. С. 191, 193. А вот откуда ему это стало известно – загадка.

³⁸⁴ Смольников И. Ук. соч. С. 196. Впрочем, по мнению этого автора, на меновом дворе велись «торг и мена с иноземными, азиатскими купцами», а в гостином дворе внутри города – «можно было встретить русских, татар, украинцев, киргиз-кайсаков, китайцев, башкир, персов». Угадайте, кто тогда относится к купцам «иноземным»?

³⁸⁵ Разумеется, о чем еще могут поговорить два друга после разлуки, как не о пугачевщине... Впрочем, если кто хочет верить, что после ужина, конечно же, без вина! два светских льва, известных своими пристрастиями – у одного «донжуанский список» в несколько десятков, у другого прямо в этом же доме (по утверждению данного автора) живет любовница – говорили лишь о высоком, пусть верит.

³⁸⁶ Прянишников Н.Е. Ук. соч. С. 45.

³⁸⁷ Русский архив. 1902. С.658.

³⁸⁸ Овчинников Р.В. Ук. соч. С. 81.

вообще получением губернатором такого письма у него отсутствует.³⁸⁹ В тот же день 20-го утром Пушкин выехал в Уральск. В пользу этого свидетельство уже упомянутой Е. Ворониной: она приехала в Оренбург в тот же день, часа в два пополудни, и *уже* не застала поэта.

И. Иванов (1900) дал иной вариант окончания дня 19 сентября – у Перовского был дан прощальный обед, «на который был приглашен цвет оренбургского общества».³⁹⁰ И на наш взгляд, это и есть правда. Судите сами – практически во всех городах, через которые ехал Пушкин, местный свет собирался «на столичного поэта».³⁹¹ И только в Оренбурге, если судить по вышеприведенным авторам, почему-то царила полная апатия – известный поэт почти никому не интересен: разве что двое охотников едут с ним в Берду, да и то, потому что им по дороге, да две какие-то барышни лезут на дерево, поглядеть на Пушкина через окно. Между тем, Перовский никак не мог оставить Пушкина только для себя – оренбургский «свет» хотя и провинциальный, но все же «свет». Не читать суждение Иванова последующие пушкинисты никак не могли, но проигнорировали. Казалось бы – почему? А об этом – ниже.

Создателями многих легенд как бы внутри «оренбургского визита» были именно оренбургские краеведы, сначала члены Оренбургской Ученой Архивной комиссии, а потом и советского периода. Их предположения, суждения и просто выдумки и додумки потом перекочевывали в иные работы, у авторов которых элементы сомнений, еще высказываемые оренбуржцами, исчезали и суждения превращались в уверенность – как же, им там в Оренбурге виднее...

Назовем основные:

- «Именно в Оренбурге у Даля вполне созрела мысль о составлении словаря живого великорусского языка» (Н. Модестов).³⁹²
- «Пушкин сумел собрать обширный материал о Пугачеве благодаря покровительству губернаторов и содействию местной интеллигенции» (Д. Соколов).³⁹³
- В «Медном всаднике» Пушкин использовал оренбургские впечатления – штурм города пугачевцами, просторечья в языке и т.п. (Д. Соколов³⁹⁴, Н. Прянишников³⁹⁵).
- В. Даль оказал огромную помощь Пушкину, рассказав массу интересных вещей по пугачевщине (практически все местные авторы). Между тем, Даль приехал в Оренбург в конце июля (Пушкин - 18 сентября), причем по замечанию Н. Прянишникова, вскоре после приезда был послан в продолжительную командировку – а «возвращение Даля из этой командировки совпало с прибытием в Оренбург Пушкина».³⁹⁶
- В Оренбурге Пушкин встретился со старым знакомым Артюховым (Д. Соколов³⁹⁷, следом М. Нурмухамедов³⁹⁸).
- Среди записанных Пушкиным в Берде песен была песня по генерала Кара, разбитого Пугачевым: «Ты, ворона ли, ворона, // Загуменная карга! // Не умела ты, ворона, // Ясна

³⁸⁹ Точнее, о письме упоминается, но событие не привязано к конкретному времени.

³⁹⁰ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С. 230.

³⁹¹ Что далеко ходить за примерами – достаточно взять книгу И. Смольникова – там в подробностях об этом.

³⁹² Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Вып. XXVII. 1913. С. 62-63.

³⁹³ Соколов Д.Н. Пушкин в Оренбурге. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXIII – XXIV. Петроград, 1917. С.21.

³⁹⁴ Соколов Д. Н. Оренбургские впечатления Пушкина и «Медный всадник» // Пушкин и современники. С. 88.

³⁹⁵ «Мысль о нем (наводнении) могла занимать поэта под влиянием живых впечатлений от петербургской погоды, разыгравшейся в самый день его выезда из столицы». [Прянишников Н.Е. Ук. соч. С.43.]

³⁹⁶ Прянишников Н.Е. Ук. соч. С.63,64.

³⁹⁷ Соколов Д.Н. Пушкин и его современники. С. 72.

³⁹⁸ «Как предполагает Д.Н. Соколов, А.С. Пушкин и К.Д. Артюхов познакомились еще в 1817 г., когда Пушкин учился в лицее, а Артюхов – в Военно-инженерном училище. В Оренбурге они встретились как старые знакомые» [Нурмухамедов М.К. Ук. соч. С.49.]

сокола поймать» (А. Рязанов). Аргументация: тут якобы налицо игра слов – кара, карга – т.е. ворона.³⁹⁹

- В Оренбурге царили взятки, царские порядки, эксплуатация местного населения (К. Сальников (1937)).⁴⁰⁰

- В. Перовский также ездил с Пушкиным в Берду (А.С. Попов). Отталкиваясь от фразы из записки Пушкина Перовскому «в память прогулки нашей в Берды» А.С. Попов высказал предположение, что Перовский тоже ездил туда.⁴⁰¹ Вот с этим согласились не все пушкинисты - Ю. Славянский считал догадку интересной, хотя и не бесспорной.⁴⁰² Р. Овчинников предлагал компромисс: «возможно, впрочем, что Перовский ездил в тот день в Бердскую слободу, но как официальное должностное лицо и по делам службы, и потому и не находился вместе с Пушкиным... при осмотре... слободы».⁴⁰³

И, конечно же, огромное количество придуманных моментов: Перовский **«конечно**, встретил поэта с распростертыми объятиями, весьма радушно и как любезный гостеприимный хозяин-хлебосол, оставил почетного оренбургского гостя у себя»⁴⁰⁴; Даль рассказал, **«вероятно**, немало интересного о нем [меновом дворе] Пушкину»; Даль **«вполне возможно»** объяснял Пушкину значение тюркских слов; Даль **«должно быть**, комментировал и назначение мест, имеющих отношение к Азии»⁴⁰⁵; в беседе Пушкина с Далем **«несомненно ... одной из тем ... были лексикографические изыскания Даля»**, тема сказок **«тоже могла фигурировать»**⁴⁰⁶; **«Надо полагать**, что в беседе Пушкина с Далем и Артюховым затрагивались не только охотничьи истории, речь шла и о цели приезда поэта в Оренбург, об ознакомлении его с примечательными местами Пугачевского восстания... **Несомненно**, что советы и указания Артюхова были учтены...»⁴⁰⁷; **«Думаю**, даже когда он [Пушкин] дружески беседовал в Оренбурге с генерал-губернатором В.А. Перовским, **могла** проскользнуть в его сознании мысль: «А ведь, наверно, и этот получил приказ шпионить за мной и доложить по инстанции»»⁴⁰⁸; **«По дороге в Берду Пушкин думал и о своей прозе. Все очевиднее** ему становилось, что замысел о молодом дворянине, захваченном пугачевщиной, должен обрести стройность»⁴⁰⁹ - примеры, к сожалению, можно продолжать и продолжать... Впрочем, гипотезы и догадки – прерогатива не только оренбургских авторов. Чего стоит приведенное Прянишниковым суждение фольклориста Азадовского (1939 г.) о том, что по дороге в Берду Пушкин сообщил Далю сказку – ее изложение было «пересыпано татарскими словами»: «Это, по мнению Азадовского, дает основание предположить, что Пушкин слышал сказку от какого-либо татарина, во время своего пребывания в Казанской или Оренбургской губернии и под свежим впечатлением...», и Даль сохранил особенности речи рассказчика».⁴¹⁰

Вполне естественно задаться вопросом – откуда названные авторы брали информацию? Конечно же, из воспоминаний. Наиболее доступной подборкой таковых по проблеме является, без сомнения, книга В. Вересаева «Пушкин в жизни». В ней процитированы следующие источники: В.И. Даль. Из неизданных материалов для биографии Пушкина; В.И. Даль. Воспоминания о Пушкине; Н.А. Кайдалов.

³⁹⁹ Рязанов А. А.С. Пушкин в Оренбурге. // Вестник просвещения (Оренбург). 1926. №5-6. То же у В. Савельзона: «Тут «ясен сокол» - Пугачев, а ворона «Кара», «Карга», по-народному, генерал Кар» [Ук соч. С. 117].

⁴⁰⁰ Сальников К. Оренбург эпохи Пушкина. // Пушкин в Оренбурге. Оренбург. 1937. С. 100-101.

⁴⁰¹ Попов С.А. Путешествие А.С. Пушкина в Оренбургский край. Буклет. 1978.

⁴⁰² Славянский Ю.Л. Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. С.116.

⁴⁰³ Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. С. 81.

⁴⁰⁴ Юдин М. Л. Дом, в котором останавливался Пушкин в Оренбурге. // Труды. С.218.

⁴⁰⁵ Нурмухамедов М.К. Ук. соч. С. 11,20,21.

⁴⁰⁶ Прянишников Н.Е. Ук. соч. С. 48, 49.

⁴⁰⁷ Овчинников В. За пушкинской строкой... С.77.

⁴⁰⁸ Савельзон В. Ук. соч. С. 111.

⁴⁰⁹ Смольников И. Ук. соч. С.201.

⁴¹⁰ Прянишников Н.Е. Ук. соч. С. 49.

Воспоминания; Н.П. Иванов. Хивинская экспедиция 1839-1840 гг.; Е.З. Воронина. Письма из Оренбурга.

Думается, не ошибемся, если предположим, что основной массив информации Вересаев извлек из 6-го выпуска «Трудов Оренбургской Ученой Архивной комиссии» 1900 года, где были опубликованы тексты Кайдалова и Иванова, и названы работы Даля и Ворониной. Кстати, совершенно непонятно, почему в литературе принято говорить о т.н. «Пушкинском выпуске» («сборнике») Трудов. Вероятно, пишущие не удосужились познакомиться с самим выпуском - пушкинским сюжетам там посвящена только часть его; точнее седьмой раздел «Пушкинские дни в Оренбурге». А вообще там есть упоминание о намерении архивной комиссии «в скором времени» издать «Пушкинский сборник».⁴¹¹ Но материалы все же брались из Трудов.

Наиболее уязвимыми с точки зрения истинности являются воспоминания Н.П. Павлова, бывшего тогда воспитанником Неплюевского кадетского корпуса.⁴¹² Появились они, самое раннее, через 40 лет после визита поэта, опубликованы в 1873 году в сборнике о Хивинской экспедиции как «очерки и воспоминания очевидца». Именно Иванов может считаться создателем версии о большой дружбе Пушкина и полковника Артюхова. Сам текст вызывает более чем серьезные сомнения и на наш взгляд, является скорее художественным сочинением – можно ли брать на веру огромное количество прямой речи. Ввел текст в «пушкинистику» М. Юдин – как отмечалось, он «извлек и сообщил». И хотя он сам вполне резонно подметил несоответствия – неверны ни день недели, ни погода, ни транспорт поэта, ни его одежда, он в итоге продемонстрировал собственную слабость как историка, признав текст «заслуживающим вероятия». Источниковед из Юдина был, что называется, никакой - чего стоят его рассуждения, что вернейшим доказательством остановки Пушкина в доме Перовского служит письменный ответ последнего, что поэт «останавливался в его доме» - «это указание конечно вполне достоверно и не может быть опровергнуто».⁴¹³ Перечисляя все неточности Иванова, он трогательно заключал: «тем не менее отрицать самый факт встречи автора воспоминаний... нет никакого основания». Между тем, сомнения эти ивановские писания вызывают не только у нас, но вызывали и ранее у многих - например, у В. Вересаева, который не случайно в своей работе поместил рядом две взаимоисключающие версии приезда поэта и его похода в баню: Иванова и Даля. Как раз Юдин предпринял неудачную попытку свести оба варианта, достаточно наивно обосновывая надежность воспоминаний Иванова: «это... встреча в своем роде единственная с человеком-гением, с величайшим поэтом Великой России. Такие встречи не забываются, забыть их нельзя, память об них сохраняется на всю жизнь».⁴¹⁴ Обратим внимание: генерал И. Чернов, написавший мемуары об оренбургском прошлом⁴¹⁵, упоминал, что он тогда же в училище видел Пушкина, и что тот даже обратился к нему с каким-то вопросом, но о чем шла речь, не помнил. Хотя, судя по книге воспоминаний, у генерала память была цепкая. И все же – не запомнил, потому что вряд ли что экстраординарного мог спросить Пушкин у мальчика. А вот **этот** мальчик не только все помнит, но воспроизводит дословно, причем по содержанию выходит, что рассказчик присутствует при чаепитии в квартире Артюхова - напомним, его директора! – раздевается, простите, догола и самовольно остается в бане при приезде госте, смеется вместе со всеми над шуткой поэта относительно собственной полноты (все та же Венера Медицейская «в интересном положении») и это никого не удивляет. Артюхов обращается к рассказчику как бы в порядке вещей – поручает «найти

⁴¹¹ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С.232.

⁴¹² Там же. С.209-213.

⁴¹³ Там же. С. 216. Возникающее было противоречие между двумя вариантами видения места приезда поэта, Юдин решал легко: конечно же, раз так написал Перовский, Пушкин остановился у него; но прав и Иванов – в том смысле, что Пушкин хотя и переехал после бани к губернатору, но Иванов, как воспитанник закрытого заведения, об этом якобы не знал, или же «забыл».

⁴¹⁴ Там же. С. 217.

⁴¹⁵ Чернов И.В. Записки генерал-майора Чернова. // Труды ОУАК. Вып. XVIII. 1907.

нам людей и свечи» и потом велит записать карандашом на стене якобы прочитанный Пушкиным экспромт. Воистину, да был ли мальчик? И, наконец, самый весомый аргумент, который почему-то часто игнорируется – относительно якобы существовавшей дружбы между Пушкиным и Артюховым. Это у Иванова вольно общаются закадычные друзья; а по Далю – первое знакомство. Артюхов эмоционально рассказывал об охоте на вальдшнепа: «Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), - а он только раскинет крылья, головку набок - замрет на воздухе, умирая, как Брут!». А через год, Пушкин послал несколько экземпляров книги в Оренбург, одну предназначил «Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном». Неужели никому не кажется странным посвящение «старому другу» - и имя не помнит, и даже предмет разговора... Да и что еще мог написать Пушкин? - спасибо за баню?

Значительно более вероятны воспоминания купца П.А. Кайдалова, хотя рассказчику на тот момент было также немного – 16 лет, и пауза между событием и рассказом о нем составила 47 лет (сам автор писал «уже более 50-ти лет прошло»). Кайдалов был приглашен сотником И. Гребенщиковым, «начальником станицы» Берда пойти «посмотреть на Пушкина». Кое-что он увидел сам, кое-что потом рассказал ему Гребенщиков. Сообщенные сведения вполне укладываются в те условия, при которых Кайдалов мог их получить. Отметим особый момент: по его мнению, Пушкин не ходил по станице, а разговаривал со стариками и старухами, специально собранными Гребенщиковым в одном доме, здесь же была и знаменитая «старуха», она спела «или проговорила» песню, «сложенную про Пугачева».⁴¹⁶ Он же приводит эпизод про деньги, розданные Пушкиным старикам, которые последние сочли «антихристовыми» - со ссылкой на позднейший рассказ ему все того же Гребенщикова.

В том же сборнике «Трудов» есть материал И. Иванова «А.С. Пушкин в Бердах», в котором указана источниковая база статьи: в абсолютном большинстве печатные и опубликованные материалы, но помимо их отмечены «рассказы старожилов». Достаточно условно, можно принять текст за источник. По версии Иванова, Пушкин сидел на крыльце, слушая казачьи песни и смотря их хороводы; за каждую песню или отдельный эпизод платил червонец, «иных угощал вином, садя с собой за стол».⁴¹⁷

И еще об известных воспоминаниях. Некая Евгения Захаровна Воронина из Самары приехала в эти же дни в Оренбург, и написала несколько писем о своем пребывании здесь, и в том числе о пребывании в городе Пушкина. Письма опубликованы были в «Русском архиве» в том же 1900 году.

И, наконец, Владимир Даль. Его воспоминания детальные, любопытны, сообщают немало интересных моментов пушкинского пребывания, но у него нет главного – хронологической последовательности событий: что именно *было*, он рассказывал, а вот *когда* это было, понять сложно. Так что его свидетельства добавляют многое в общую канву повествования, но не позволяют принять окончательное суждение по уже названным спорным вопросам.

Хочется привести еще одну версию поездки, теперь уже из 1926 года. «В.П.» (мы полагаем, что это писатель В. Пистоленко) сообщал, что на днях в местном отделении ассоциации пролетарских писателей краевед и историк А.Ф. Рязанов сделал доклад о пребывании Пушкина в Оренбурге. Вся заметка – пересказ основных тезисов докладчика. В его распоряжении были те же тексты, о которых мы уже говорили выше. Но Рязанов, судя по всему, попытался дать целостную картину, убрав несостыковки и противоречия. В итоге у него получилось, что Пушкин был в Оренбурге «более недели». Но зато события изложены достаточно логично, хотя не без некоторых искажений. Итак, по приезду, Пушкин остановился у своего знакомого Артюхова. Здесь его, разумеется, «попотчевали баней». Мальчик в бане превратился в сына Артюхова. В дальнейшем Пушкин несколько дней жил в квартире Перовского. Пушкина в Берды свозил Артюхов. Еще Пушкин

⁴¹⁶ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С.215.

⁴¹⁷ Там же. С. 225, 229.

сездил на охоту в Ташлу, где снова мылся в бане, теперь у одного офицера-охотника, который и сравнивал вальдшнепов и исторических персонажей и которому потом Пушкин и прислал книгу с безымянным посвящением. В итоге Перовский устроил для оренбургского «света» прощальный ужин с поэтом.⁴¹⁸

Без сомнения, ядром визита, его сердцевиной, следует считать поездку в Берды. Это была, пожалуй, наиболее результативная часть кратковременного визита.⁴¹⁹ Пушкин смог увидеть станицу, вероятнее всего, такой же (или почти такой же) как и шестьдесят лет назад, дом Ситникова – знаменитый «царский дворец». И все же самым интересным было другое: в письме жене поэт сообщал о большой удаче, ибо он «нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою 1830 год».⁴²⁰ Однако, умиляясь ее памяти, Пушкин совершенно не нуждался в сохранении в памяти своей ее имени – так она и осталась некоей «старухой в Берде». Собственно в этом видна вся кухня работы Пушкина с историческими источниками устного происхождения: его не интересовало, кто именно сказал, гораздо важнее, что сказано. И потому единичной сентенции у него всегда достаточно было для далеко идущего вывода; отдельное суждение преподносилось как обобщение.⁴²¹ Так что имя «старухи» было Пушкину просто без надобности. Между тем, в советской литературе в этом умолчании стали видеть едва ли не серьезный расчет, едва ли не геройство – якобы имени ее Пушкин не назвал царю намеренно.⁴²² Считается, что фамилию «старухи» первым определил краевед, член ОУАК С.Н. Севастьянов – но если внимательно прочесть соответствующее место в томике «Трудов ОУАК», то бросается в глаза, что он не видел в этом особой заслуги, а просто рассказывая о своем недавнем общении с недавно переехавшей в Оренбург жительницей Берд Акулиной Блиновой (свидетельницей беседы Пушкина со «старухой») упоминает вслед за ней, как о само собой разумеющемся, что собеседница поэта – Бунтова.⁴²³ Имя Бунтовой появилось только в 1965 г., и предложил его оренбургский краевед, работник областного музея С.А. Попов.⁴²⁴ Попов изучил находившиеся в государственном архиве Оренбургской области «ревизские сказки» 7-й и 8-й ревизий (1816 и 1834 гг.) и попытался очертить круг лиц, по возрасту подходивших одновременно в собеседники Пушкину и в современники пугачевщины.⁴²⁵ Имя и отчество Бунтовой С.А. Попов взял из ревизской переписи

⁴¹⁸ Смычка. 1926. 23 мая.

⁴¹⁹ Отметим иную, отличающуюся по сути от всех прочих, точку зрения: «Не слишком удачной можно назвать и поездку Пушкина в Оренбург. На все вопросы о пугачевщине едва уцелевшие свидетели восстания (которым на 1773 год было не больше двадцати лет от роду) говорили неохотно, большей частью ограничиваясь красочными, но малозначимыми преданиями или пели песни о казачкой вольнице». [Вепрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале... С. 61.]

⁴²⁰ Смольников И. Ук. соч. С.206.

⁴²¹ Просто напомним несколько ставших знаковыми выражений: «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали»; «Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович»; «Весь черный народ был за Пугачева»; «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал»; «Улица моя тесна» и др. И хотя даже литературоведы предупреждали о субъективизме подобных свидетельств – см., например, мнение И. Смольникова: «Мы, конечно, должны быть весьма осторожны с показаниями современников и современниц» [Ук. соч. С.181.] – никого это особенно не остановило в выстраивании далеко идущих выводов и глубокомысленных заключений.

⁴²² Смольников И. Ук. соч. С. 209. Вероятно, авторы, воспитанные на советских (сталинских) нравах, когда лишнее названное имя могло стоить его обладателю жизни, подразумевали, что царь мог репрессировать разговорчивую старушку. А узнать иным путем, помимо Пушкина, как звали собеседницу поэта, царю, конечно же, было не под силу...

⁴²³ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С.161.

⁴²⁴ В 1965 г. он поместил об этом заметку в «Южном Урале», в 1969 г. в журнале «Советские архивы» вышла его статья «Оренбургские собеседники А. С. Пушкина».

⁴²⁵ Как сообщал об этом Р. Овчинников: «выяснил - с большей или меньшей точностью - имена и возраст многих собеседников Пушкина. Таковы: Иван Ларионов Попков (Папков) в Сорочинской, которому во время поездки Пушкина (на основании данных ревизии 1816 г.) должно было быть 86 лет, а во время Пугачевского восстания – 26-27 лет; Матрена - вероятно, Дехтярева - в Татищевой; по ревизии 1834 г. ей к 1

населения Бердской слободы 1816 года. Конечно, народу в этих переписях перечислено было не так уж и много, потому вероятность угадать верно достаточно велика; но все же никак нельзя исключить совпадения. Кстати, в документах ревизии 1834 г. и других материалах С.А. Попов имени И.А. Бунтовой уже не обнаружил – хотя гарантированно известно, что собеседница Пушкина была тогда жива и здорова. Впрочем, увлеченные пушкинисты легко отбрасывали моменты, не вписывающиеся в схему. Так, например, Р. Овчинников – «по ряду косвенных примет» (sic!) – определил, что отцом Бунтовой был нижеозерский казак Афанасий Бородулин. Проверка по духовным показала – в Нижнеозерной крепости в 1773 г. отмечены Бородулин, 26 лет, его жена 29 лет и дочери Ирина – 6-ти, и Мария – 4-х. Если принять, что по ревизской переписи 1816 года Ирине Бунтовой 55 лет (С. Попов), то получается, что в 1773 году ей было бы 13 лет. Значит, не та? Нет, отвечает нам пушкинист, это она: «вряд ли можно принять на веру запись духовной росписи».⁴²⁶ Иными словами, наша версия верна, это источник сфальшивил. Отсутствие имени Бунтовой в ревизии 1834 г.. Овчинников объяснял тем, что «причиной этому могли быть разные, не известные нам обстоятельства»; в документе нет «нужной» фамилии – она пропущена «по ошибке», фамилия подходит, а имя – нет, так это «Константин ошибочно назван Кондратием» и т.п.⁴²⁷ Дело доходит до смешного – поправляют даже самого Пушкина. В «Замечаниях о бунте» Пушкин передает свой разговор с яицким казаком: «Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович». Читаем сноску: «Пушкин ошибочно записывает имя Михаила Пьянова, ставя инициалы его отца».⁴²⁸ Более чем очевидно, что при подобном мифотворчестве зайти можно ой как далеко.

Факт, что с Пушкиным разговаривала некая Бунтова. Факт, что в документах ревизии 1816 года по Бердской станице упомянута некая Ирина Афанасьевна Бунтова. Факт, что в последующих ревизиях ее в аналогичном документе нет. Факт, что в Нижнеозерной у некоего Афанасия Бородулина была дочка Ирина. Пожалуй, это все установленные факты. Никак не факт, что указанные четыре позиции касаются одного и того же человека. Но в пушкинистике всегда есть место домыслам и догадкам. Итак, по утвердившейся в исторической науке биографии «старухи в Берде» в 1833 году ей было семьдесят три года. Кстати, во время пугачевщины Бунтова жила в Нижнеозерной крепости. Так что сама она ничего из рассказанного Пушкину о происходившем в Берде не видела, по сути пересказывая чужие воспоминания – пушкинисты говорят, что-де отец ее служил в пугачевском отряде, и потому она все, что было в Берде, узнала якобы от отца. А может быть и так: на явный спрос родилось и предложение.⁴²⁹

Тем не менее, благодаря Пушкину Бунтова стала местной достопримечательностью, и, вероятно, подзарабатывала на этом – еще поэт уплатил ей

апреля исполнилось 83 года, следовательно, при разговоре с Пушкиным было более 82-х, а в годы восстания – 23-24; в Озерной (Нижне-Озерной) собеседником Пушкина мог быть Иван Степанов Киселев, казак, которому по ревизии 1816 года было 48 лет, а по ревизии 1834 г. - 65; в годы восстания он был 5-летним мальчиком, но мог многое знать и слышать по рассказам; Пушкинская «старуха в Берде», фамилия которой - Бунтова - была известна давно, определяется по ревизской сказке от октября 1816 года как казачья вдова Ирина Афанасьевна Бунтова, 55 лет; таким образом, при Пугачеве ей было 13-14 лет, а во время встречи с ней Пушкина - около 73, что соответствует сообщениям самого Пушкина и других современников (В.И. Даля, Е.З. Ворониной).

⁴²⁶ Овчинников Р. За пушкинской строкой. С. 23-24.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Синельников И. С.238.

⁴²⁹ С. Н. Севастьянов записал воспоминания А.Т. Блиновой, сообщившей следующее: Двое каких-то господ, одетых в штатское платье, шли по улице [...], а у дома [...] сидела наша бердская казачка Бунтова, имени и отчества не упомню. [...] Штатские подошли к старушке, и, вероятно, увидав, что она очень древняя, один из них, курчавый, спросил Бунтову, не знает ли она что-либо про Пугачева? **Старушка ответила, что все знает про Пугачева** и даже песню, что про него сложена». [Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С. 233.] (Подчеркнуто нами)

золотой. Наверняка платили и иные слушатели. Е.З. Воронина в письме 26 ноября 1833 г. рассказывала: «мы [она и девицы Шелашниковы] вчера ездили в Берды к старушке, которая рассказывала Пушкину о Пугачеве. Мы посетили ее с тою же целью. Взяли с собой бумаги и карандаш, чтобы записывать, если она будет нас, как и Пушкину, петь песни... Старуха свежая, здоровая, не беззубая, а, говорят, что при Пугачеве было лет двадцати». Бунтова, что называется «на бис», повторила свой рассказ. В 1848 году слободу посетил старший адъютант штаба Оренбургского отдельного корпуса А.И. Макшеев. Он писал, что застал еще в живых старую казачку, с которой встречался Пушкин, «когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта». На его вопрос, каков был из себя Пугачев, она бодро ответила: «Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!».⁴³⁰ Кстати, эти же слова отмечены были Пушкиным: «Озорник, но молодец был батюшка Государь Петр Федорович», - с удовольствием вспоминала казачка, которая за 60 лет перед тем удостоилась чести быть одной из наложниц самозванца». Это позволяет нам предположить, что рассказ у Бунтовой был для всех один, как бы апробированный.

Рассказ о «трех днях в сентябре» будет неполон, если не затронуть существующие спорные моменты. Первый - по дому губернатора, в котором останавливался Пушкин. Вопрос, где именно он ночевал, возник только в 1899 году, когда Оренбургская Ученая Архивная комиссия в рамках празднования т.н. «Пушкинских дней» решила увековечить этот факт мемориальной доской. Поиск по старожилам показал - «существуют предания», что и императоры Александр I и Александр II, и поэт Пушкин во время своего пребывания в Оренбурге останавливались в доме губернатора Перовского, против церкви Вознесения.⁴³¹ На заседании ОУАК 1 февраля Н.М. Бекчурин удостоверил, что Перовский жил в доме, «ныне принадлежащем И.В. Ладыгину» - дом на улице Николаевской, современной Советской, №36. В итоге решено было установить мемориальную доску - что и было осуществлено в 1913 году. Совершенно неожиданно в советское время вопрос был пересмотрен - но не сразу. В 1926-м году А. Рязанов говорил, что Пушкин жил у Перовского («ныне Советская» улица). Но уже через десять лет было объявлено, что это неверно, и что Пушкин действительно останавливался в доме губернатора, но загородном, и потому доску надлежит вешать там. Это и было сделано с шумом и помпой в феврале 1937 года, в рамках празднования годовщины смерти поэта. Надо ли говорить, что после этого спорить стало не о чем. Аргумент в пользу переноса доски можно прочесть у Н. Прянишникова: некая Воронина (Письма из Оренбурга. // Русский архив. 1902) упоминала-де, что переезд губернатора на зимнюю квартиру состоялся после отъезда Пушкина.⁴³² И все... но для своего времени этого было достаточно. И оказалось достаточным для последующего времени. Прянишников писал неправду, утверждая, что поэт жил именно в этом доме по ул. Коммунаров, 5, известном потом как архиерейском, а сегодня (на 1956 год) здании Кагановического райкома партии. В газете «Чкаловская коммуна» в сообщении об открытии мемориальной доски на новом, «исторически верном» месте, есть ее фото - и на ней вовсе не написано, что Пушкин тут жил, а написано лишь, что тут стоял дом, в котором останавливался поэт. Так что более прав В. Савельзон, назвавший этот дом дачей-павильоном; похоже, это было летнее легкое и недолговечное строение. Но версия, что поэт жил именно здесь, утвердилась накрепко. Тот же В.Савельзон пишет буквально следующее: Перовский **сначала** разместил Пушкина на своей загородной даче-павильоне, «а на следующий день, когда оказалось, что тут тесновато и холодно, он, смилив свое самолюбие, в интересах дорогого гостя одобрил его переезд в теплую и просторную городскую квартиру своего чиновника... В.И.

⁴³⁰ Русская старина. 1870. №10. С.418.

⁴³¹ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С.141. Все та же убийственная «логика» М.Юдина: как видно из архивных материалов, В. Перовский получал т.н. «квартирные деньги»; по показаниям старожилов, квартировал он в доме Тимашева - «здесь-то следовательно и останавливался А.С. Пушкин». [С.219.]

⁴³² Прянишников Н. Ук. соч. С. 42.

Даля».⁴³³ И далее предлагает свое толкование слов Даля, что Пушкину было «не совсем ловко» тут жить еще и потому, что якобы тогда же «на даче жила некая красавица-баронесса, любовница Перовского». Последнее явно вымысел, но даже если его принять, то где же здравый смысл? «дорогому гостю» Пушкину после одной ночи тесно и холодно, а губернатору (и его женщине) - ничего! и тепло и место есть... Кстати, у губернатора для проживания в городе имелся дом, минимум в три-четыре раза просторнее дома чиновника Даля. Оставим тему; явно кому-то зачем-то в 1937-ом понадобилось создать новую легенду; это не более чем наша версия, но она не хуже иных: тот дом был четко и доказательно связан с именами бывших там царей, вот почему «пролетарского» поэта надо было развести с ними, а может, все еще проще – или ляп какого-нибудь «красного» краеведа, превратившийся после партийного одобрения в истину, или просто стремление заменить старорежимную доску с прежней орфографией на новую – ведь подлинно любить Пушкина стали только при советской власти!

Тема номер два: работа поэта в оренбургском архиве. Вариантов также два: нет и да, но с оговоркой. Если судить по времени пребывания в городе, у Пушкина при всем желании чисто технически времени на это не было. Аргумент с другой стороны - на выписках из «Журнала Рейнсдорпа» рукой поэта стоит «из Оренб. архива».⁴³⁴ Вот почему чаще всего говорят о выписках из местного архива, сделанных для Пушкина кем-то иным. Вообще вопрос «о работе в архиве» некорректен в том смысле, что ставящие его пушкинисты не учитывают, что архивы того времени и нынешние архивохранилища – две большие разницы, схожие лишь названием «архив». Тогдашний архив прежде всего помещение, куда складировались вышедшие из оборота документы. Они не были разобраны, не были, как сегодня, собраны в отдельные тематические дела, записаны в описи. Так что неуместны и упреки в адрес царя за то, что Пушкину дали не все архивные материалы – да никто и не владел знанием относительно того, что именно есть в архиве по пугачевщине. Столь же ненаучны заключения, что в провинции Пушкин якобы рассчитывал получить «свободу действий» - «он мог рассчитывать на то, что и в Казани, и в Оренбурге ему будут доступны закрытые хранилища губернских архивов».⁴³⁵ При этом слово «закрытые» выделено пушкинистом. Да они все были в определенном смысле закрытыми, поскольку работа с читателями, подобная сегодняшней, никем никогда не предусматривалась. Но вернемся к версиям. А. Рязанов утверждал, что «почти вся канцелярия выписывала для А.С. нужные ему выписки по пугачевщине». Н. Прянишников полагал, что нет, Пушкин в архиве не работал, но «заглядывал», и для него заранее был сделан ряд выписок - разумеется, по приказу Перовского. Это технически возможно; только кто предупредил Перовского? Напомним уже приведенные выше слова Даля: Пушкин прибыл «нежданный». Конечно, теоретически рассуждая, в течение дня 19 сентября кто-то что-то мог раскопать в бумажных завалах (которые не были разобраны и сшиты!) и сделать копию этого, но это гипотеза в стиле литературоведческих версий, так критикуемых нами. Вероятно, потому Прянишников заключал, что идти в архив для Пушкина и смысла не было, все, дескать, было уже давно изъято, но доказательства того, что заглядывал, есть ссылки в тексте книги.⁴³⁶ Р.В. Овчинников (1969) высказался еще более осторожно: «мог просмотреть» архив.⁴³⁷ И. Смольников однозначно утверждал, что «там был сделан для поэта ряд важных выписок».⁴³⁸ Иная позиция: со ссылкой на оренбургского дореволюционного историка П. Юдина, А. Шнейдер (1979) утверждал, что Перовский якобы передал Пушкину «из своей канцелярии все дела о Пугачеве, и Пушкин

⁴³³ Савельзон В. Ук. соч. С. 94.

⁴³⁴ Что может означать в равной степени и «взято из..» и «находилось в...».

⁴³⁵ Смольников И.Ф. Путешествие... С. 46.

⁴³⁶ Прянишников Н.Е. Ук. соч. С.52.

⁴³⁷ Овчинников Р.В. Пушкин в работе... С.41.

⁴³⁸ Смольников И. Ук. соч. С. 200.

их увез с собой».⁴³⁹ Версии живут и сегодня – вот свеженький пример 2002 года: «Пушкину, как одному из первых «уральских краеведов», пришлось столкнуться с тем, что, к примеру, в деятельности спецслужб XX века стало нормой, – с тотальной чисткой архивов. Здесь весьма примечательна одна история. Как-то в петербургском книжном магазине, уже после выхода «Истории», Пушкин случайно услышал реплику о своей книге: «Разве можно признать эту историю серьезным исследованием, когда Пушкин, бывший в Оренбурге, даже не дал себе труда просмотреть местные архивные дела!..» Курьез ситуации в том, что Пушкин, кстати, заходивший в Оренбургский архив и даже листавший ряд фолиантов, изъеденных мышами, в этом архиве ничего особенного не нашел. И не мог найти: как только восстание было подавлено, силами Тайной канцелярии из местных архивов были извлечены все ценные документы, рапорта, донесения, письма, касавшиеся пугачевского бунта и тем более проходившие по линии Коллегии иностранных дел или хотя бы краешком затрагивавшие ее деятельность, и перевезены в Петербург, где впоследствии и затерялись...»⁴⁴⁰

Раз уж мы заговорили об этом – третий сюжет: о дружбе Пушкина и Перовского. Существует традиционная версия, что они были хорошо знакомы, и что, дескать, Пушкин ехал в Оренбург едва ли не целенаправленно к Перовскому: «По мнению пушкинистов, Пушкин был с Перовским в приятельских отношениях. Знакомство их произошло, **вероятно**, по выходе Пушкина из лицея, **возможно**, через Жуковского».⁴⁴¹ Беда краеведов и иных любителей истории в том, что они не учитывают исторических реалий или точнее, оценивают прошлое через призму сегодняшнего дня, едва ли не автоматически перенося современные себе нравы и правила поведения в прошлое. Пушкин и Перовский были людьми в принципе из одного круга, а поскольку светский мирок столицы был не так уж и широк, то знакомы (точнее, представлены друг другу) они вероятнее всего были. Знакомы – да, а вот дружны... с чего бы? «Свет» был совсем не однороден; вращались они, что называется, на разных уровнях: там, где бывал личный друг императора, сын самого Разумовского – Перовский, скандальному, хотя и модному поэту места могло и не найтись. Объединяя эти два имени, пушкинисты сразу создают положительный облик Перовского: у Пушкина плохих друзей быть не может, почему и Перовский традиционно подается в этом же ключе – талантлив, хлебосолен, обаятелен и проч., и проч. Воспевающие Перовского не видят, точнее, не хотят видеть его отрицательных черт, среди которых подчеркнутое требование соблюдения субординации, жесткость, а порой и грубость с нижестоящими и т.п. А между прочим, на тот момент Перовский был по «табели о рангах» персоной IV класса (генерал-майор), а Пушкин – в 1833 году получил всего лишь IX класс – титулярного советника. Так что особо интимных, дружеских, отношений у них просто не могло быть. Как известно из источников, Перовский старался поддерживать уровень светской жизни даже в провинциальном Оренбурге, и немудрено, что он принял у себя модного столичного поэта. Сторонники версии дружбы не замечают, что обедать поэт отправлялся к Перовскому, а вечера в беседе проводил с Далем. Надо ли говорить, что с друзьями так не поступают. А так, все логично; обед – это прежде всего светское мероприятие, а не дружеское застолье, как мы это понимаем сегодня. Сюда же отнесем цитату из пушкинского письма к Перовскому, что автор посылает ему экземпляр «Историю Пугачева»: «Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале» – т.е. никаких ответных визитов, или даже попыток продолжения дружбы мы не наблюдаем.

---

⁴³⁹ Шнейдер А. Его величество факт. Заметки архивиста. // Новый мир. 1979. №7. С.250.

⁴⁴⁰ Вепрев О.В., Люттов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. С.62. Настоящий курьез ситуации в том, что авторы просто сочинили и приход поэта «в архив», и фолианты, в лучших традициях изъеденные мышами, и «чистку» архива Тайной канцелярией, и даже воследовавшую пропажу документов уже в столице. Но как убедительно звучит ...

⁴⁴¹ Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1999. С. 168. Показательны аж две оговорки.

Пушкинисты же, напротив, несмотря на эти моменты, убеждены в их тесной дружбе – настолько тесной, что губернатор края запросто делится с приезжим содержанием бумаг «для служебного пользования». Конечно же, мы переходим к четвертому, наверное, самому интригующему, сюжету: хохоту губернатора и поэта при чтении письма нижегородского губернатора. Этот эпизод кажется знаковым – ибо по большому счету речь идет о том, как в Оренбурге родился сюжет «Ревизора». Приведем показательную цитату: «В Оренбурге Пушкин был гостем губернатора, графа Перовского, старого своего петербургского знакомого. Утром его разбудил смех хозяина. Перовский получил письмо от нижегородского губернатора, М.П. Бутурлина, и хохотал, читая его. Пушкин, проездом через Нижний, сделал визит Бутурлиным, которые приняли его очень приветливо, угостили обедом. Но когда Пушкин уехал, на губернатора напало сомнение, ему показалось странным, что человек с таким положением, как Пушкин, скачет из города в город из-за Пугачева, вообще из-за сочинительства. Он написал своему оренбургскому коллеге: «Должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайно поручение собирать сведения о неисправностях. Будьте с ним осторожнее». Граф Перовский ответил: «Пушкин останавливался в моем доме. Я тем лучше могу удостовериться, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий». Можно себе представить, как хохотал Пушкин, читая письмо Бутурлина. Он рассказал эту историю Гоголю, которому она пригодилась для «Ревизора».⁴⁴² Это взято из биографии Пушкина, написанной А. Тырковой-Вильямс в эмиграции. Но и в отечественной, советской, краеведческой литературе также утвердился облик хохочущего графа Перовского (с вариантами: «громовой хохот» (М. Нурмухамедов), «немало смеялись» (Н. Прянишников), «буквально перед тем, как ему [Пушкину] покинуть кабинет Перовского, тот распечатал конверт из Нижнего Новгорода. Василий Алексеевич захохотал, потом прочитал письмо вслух, и они хохотали вдвоем» (И.Смольников)). Похоже, что первоисточник у них всех общий. В письме к жене от 2 сентября 1833 года Пушкин рассказывал о посещении нижегородского губернатора ген. Бутурлина, который принял своего гостя «мило и ласково». В записи П.И. Бартенева, опубликованной без имени автора в журнале «Русский Архив» за 1865 г., подробно рассказывалось о причинах столь любезного приёма. «В 1833 г. Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М.П. Б. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр. Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письма в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б. из Нижнего, содержания такого: «У нас недавно проезжал Пушкин, Я, зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтоб вы были осторожнее и пр. ....» Тогда Пушкину пришла идея написать комедию «Ревизор». Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде. (Слышано от самого Пушкина)».⁴⁴³ Откуда взял г-н Бартевев текст письма, откуда он узнал детали пробуждения Пушкина, при том, что они были вдвоем, откуда он уверился, что именно тогда к Пушкину пришла идея комедии... Репарку «слышано от самого» можно понимать по-разному: и о повествовании в целом, и только о части, касающейся идеи «Ревизора».

⁴⁴²Тыркова-Вильямс А.В. Ук. соч. С.356-357.

⁴⁴³Русский архив. 1865. С. 744-745.

Одни вопросы - со временем превратившиеся в безусловные и не требующие дополнительных доказательств ответы.⁴⁴⁴

Могло ли быть такое? (Мы имеем в виду не смех, но столь скорый приход письма). Допустим, Бутурлин решил написать сразу после отъезда Пушкина из Нижнего. Следовательно, вместе с Пушкиным письмо придти не могло (ибо если бы вместе с ним, то губернатор получил бы его еще 18-го). Не могло придти и сразу следом, поскольку почтовое сообщение было не ежедневным – Пушкин в письме жене от 14.09. 1833 г. упоминал, что почта на Оренбург «ходит четыре дня в неделю». Судя по тексту Бартенева, письмо пришло ранним утром – «хохот» разбудил Пушкина. Чтобы оно попало к губернатору в такое время, нужно, чтобы оно пришло либо накануне (а это не почтовый день), либо почтальон ехал всю ночь, что тоже сомнительно.

Учебник «История Оренбуржья» (1996) окончательно запутал ситуацию: с одной стороны там говорилось, что письмо Бутурлина пришло «через месяц после отъезда Пушкина», с другой – что «В. Вересаев свидетельствует, что однажды, после проведенной беседы и застолья, проснувшись утром, Пушкин услышал громкий хохот Перовского, который держал в руке письмо того же М.П. Бутурлина» и т.д.⁴⁴⁵ Увы, Вересаев этого не свидетельствовал; у него написано четко: «Пушкин приехал в Оренбург. **Вслед за тем** из Нижнего Новгорода от тамошнего губернатора Бутурлина пришла к Перовскому бумага с извещением о путешествии Пушкина, который состоял под надзором полиции».⁴⁴⁶

Зачем возникла эта мифическая история о развеселых Перовском и Пушкине, одновременно насладившихся глупым письмом, нам не ясно. Ведь даже к архивам обращаться нет необходимости – достаточно взять книгу В. Вересаева «Пушкин в жизни» (первое издание в 1926 г.) и увидеть, что цитаты, приводимые писателем, хронологически привязаны. Итак: письмо Бутурлина – от 9 октября. Ответ Перовского датирован 23 октября 1833 г. Нам кажется уместным воспроизвести тексты документов без авторских правок, так, как они приведены в книге В. Вересаева. М.П. Бутурлин писал: «С.-Петербургский обер-полицмейстер от 20 сент. уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известись, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить ваше прев-во, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его». На этой бумаге рукою Перовского сделана следующая пометка: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его

---

⁴⁴⁴ Заметим, кстати, что совсем непонятен подобный щедрый дар со стороны Пушкина. Сам Александр Сергеевич имел крайне мало абсолютно оригинальных сюжетов: многое есть талантливо перенесенные на родную почву задумки Шиллера, Байрона, Мериме. Даже у «Капитанской дочки» был предшественник - в 1832 в «Невском альманахе» была опубликована повесть «Рассказ моей бабушки» за подписью «А.К.» - оренбургского писателя А.К. Крюкова. И хотя литературоведы о ней невысокого мнения - «автор наполнил ее романтическими бреднями» [Смольников И. Ук. соч. С.227.], главное другое. Взять и отдать козырную карту – оригинальнейший, однозначно отечественный сюжет – другому? При том, что придумывание удачных сюжетов никак нельзя отнести к сильной стороне Пушкина.

⁴⁴⁵ История Оренбуржья. С.94. Это «однажды» просто великолепно; поскольку Пушкин был в Оренбурге всего два утра. В последней «Истории Оренбургской» (2008) сказано значительно корректнее – письмо пришло через месяц, а Пушкин узнал о письме потом, от Перовского, «и немало посмеявшись», подарил сюжет Гоголю [История Оренбургская. Ч.1. С.148, 149.]. Так что наши земляки внесли свой посильный вклад в пушкиниану, предложив принципиально новый вариант: Перовский и Пушкин хохотали по отдельности.

⁴⁴⁶ Да и свидетельствовал не Вересаев, а Даль; в сноске указано: «В.И. Даль по записи Бартенева. Рассказы о Пушкине, 21».

в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий».⁴⁴⁷

В итоге некоторые авторы стали говорить о существовании двух писем от Бутурлина: первое, вроде как личное, с товарищеским предупреждением, пришедшее 20 сентября (именно над ним хохотали наши герои), второе - 9 октября. Текст второго гарантированно известен, опубликован, есть в архиве, текст первого – условный пересказ. На наш взгляд, все это придумано только для того, чтобы свести концы с концами в надуманных рассуждениях. По письму Бутурлина от 9 октября сомнений нет в принципе. Кстати, точно такое же, почти слово в слово, письмо получил от него и Казанский военный губернатор. Желаящие могут проверить текст по публикации И.Ф. Смольникова.⁴⁴⁸ По письму 20 сентября – мы склонны видеть мифологию пушкинистов.

Уместно спросить – из-за чего закручена интрига? Ответ прост – если принять приход письма в соответствии с датой, т.е. заведомо после отъезда Пушкина из Оренбурга, то откуда поэту было узнать об его содержании? А если он не знал о письме – то откуда идея сюжета «Ревизора», якобы подаренного Пушкиным Гоголю? Вот именно: может погибнуть еще одна красивая литературоведческая легенда! И в самом деле, действия Бутурлина вроде бы удачно вписываются в образ Городничего - губернатор Нижнего Новгорода не мог понять истинных причин приезда Пушкина, приняв его за чиновника особых поручений. А почему, собственно, не мог? Пушкинисты сами же признают, что Бутурлин был весьма образован. Даже провинциальные барышни в Оренбурге, как оказалось, желали видеть модного поэта, а культурному губернатору в подобном интересе было почему-то отказано: он-де увидел только «важного чиновника, путешествующего инкогнито». Доказательства этого приводил И. Смольников: заявив о намерении заняться пугачевщиной Пушкин ничего такого для этого не сделал – зато были обеды у губернатора, прогулки по городу, заезд на нижегородскую ярмарку. Все сторонники версии о полицейском надзоре за Пушкиным – а это, по сути, все пушкинисты! – извлекают из всего вышесказанного прежде всего доказательства тупости местных чиновников – вот откуда типажи в «Ревизоре»! – и даже объяснение, почему Пушкин так спешил – мол, пока чиновничья машина раскачалась, Пушкин уже прошмыгнул, собрал что надо (подтекст – а то бы и не дали) и вернулся. Обратим внимание на то, что Пушкин отправился в путь 17 августа. Санкт-Петербургский обер-полицмейстер послал уведомление 20 сентября. Письма в Оренбург и Нижний пришли, когда Пушкин уже был в Болдине. Иными словами, предуведомления ощутило опоздали. Но, на наш взгляд, не стоит бездумно насмехаться над чиновниками. Дело вовсе не в их непроходимой тупости. Надо понимать правила, по которым существовало и функционировало тогда государство. В столице был учрежден «секретный надзор за образом жизни и поведением известного поэта» в августе 1828 года, высочайше утвержденный положением Государственного Совета. И данный документ никто не отменил. Обер-полицмейстер грамотно, по существующим правилам, переложил ответственность надзора на руководителей тех территорий, куда отправился Пушкин, но не жестко, директивно, а уведомительно. Такое информирование с запозданием устраивало всех - и столицу, и губернские города. Кстати, и ответ Перовского, в котором кое-кто вычитывает то, чего там нет – а именно, иронию, - написан вполне в духе существующей канцелярской традиции.

Есть еще одно свидетельство приблизительно той же поры - В.А. Соллогуба. Он сообщил, что «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин,

---

⁴⁴⁷ Ссылка на страницы изданий В. Вересаева не даем; проверить точность воспроизведения цитат нами более чем просто – книга переиздавалась неоднократно, материал дан в хронологической последовательности.

⁴⁴⁸ Смольников И.Ф. Путешествие... С. 78.

сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В.А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом». ⁴⁴⁹

Так что же? Пушкин знал о секретной бумаге? Значит: Пушкин и Перовский хохотали вместе и в реальности? И да, и нет. Есть иной рассказ о случившемся, причем рассказ местного, оренбургского происхождения. Давным-давно, в 1900 году, И. Иванов достаточно неожиданно – неожиданно, в том смысле, что впоследствии практически никто из пушкинистов не отреагировал на его рассуждения – сообщил свою версию. Вечером, накануне отъезда Пушкина из Оренбурга, Перовский дал прощальный обед, на который был приглашен цвет оренбургского общества: «Тут и показал Перовский Пушкину забавное донесение о нем бердских мудрецов, вызвавшее неудержимый смех присутствовавших и взрывы острот». ⁴⁵⁰ А вот об этом документе у нас есть свидетельство – Даля. Уплаченный Пушкиным Бунтовой золотой наделал в станице шума: «Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в том краю столько страшных воспоминаний, но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до какого греха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Пушкин много тому смеялся». ⁴⁵¹ Как видим, все на месте: и Пушкин принятый не за того, и письмо, и смех. А. Рязанов, явно следуя за Ивановым, давал событие немного измененным: Принявшие поэта за «антихриста» жители собрали сход и составили приговор, что Пушкин-де «подбивал их к пугачевщине». Перовский огласил приговор на прощальном обеде, данном в честь поэта – «чем заставил присутствующих искренно посмеяться. Особенно же долго смеялся сам Пушкин». ⁴⁵² Единственно, что не вписывается в эту версию, которая не хуже прочих, это то, что Пушкин сам именно об этом не рассказывал. Можно, конечно, оставить версию о том, что о письме Бутурлина Пушкин узнал действительно позже, может, от Перовского (что сомнительно – вспомним слова Пушкина, что в столице они встретились лишь раз на бале), более вероятно – от Даля. Хотя подтверждений этому нет, и сами рассуждения близки к критикуемым нами приемам пушкинистов. При любом из этих вариантов есть место предположению, что Пушкин как бы художественно переработал материал: судите сами – принятие его за антихриста есть анекдот, говорящий прежде всего о темноте станичников; история же с Пушкиным - особым чиновником, особенно в сочетании с аналогичной историей в Новгородской губернии рисует уже типическое явление, говорящее о власти предрежащих, о нравах своего времени.

Подводя некоторый итог, отметим, что именно Пушкин по сути дела первым связно и хорошим языком изложил события пугачевщины – события, еще не ставшего для

⁴⁴⁹ Соллогуб В.А. Воспоминания. М.-Л., 1930. С.516.

⁴⁵⁰ Труды ОУАК. 1900. Вып. VI. С.230.

⁴⁵¹ Даль В. Воспоминания о Пушкине. // file://localhost/I:/за%20страницами%20учебника/за%20страницами%20учебника/Пушкин%20А.С._%20Даль.%20Воспоминания%20о%20Пушкине.mht

⁴⁵² Смычка. 1926. 23 мая. Отметим, кстати, еще одну публикацию тех лет: «Пушкин в Оренбурге и «Ревизор»» за подписью «Д.В.» [Смычка. 1927. 13 февраля.] Автор писал, что идея «Ревизора» «окончательно оформилась по-видимому» в Оренбурге из двух моментов – что взято, очень похоже у Соллогуба (см. выше). Тут же приводилась ссылка на Бортенева, «который прямо указывает», что идея пьесы родилась именно в Оренбурге. «Авторский» вклад в легенду: Пушкин даже сделал наброски героев, которые также попали к Гоголю, а типажи поэт взял именно с оренбургских чиновников.

современников поэта чисто историей – поскольку были еще живы те, кто помнил кое-что из той поры, и одновременно имевшего налет тайны, поскольку указ о «забвении» никто не отменял. Хотя с другой стороны сугубого «забвения» и не было. В одном из вариантов предисловия к изданию Пушкин писал: «Прискорбная судьба следовала по сему (пугачевскому) делу. Во время самого бунта запрещено было черному народу говорить о Пугачеве; по усмирении бунта и казни главных преступников императрица, прекратив судебное следствие по сему делу, повелела предать оное забвению. Сего последнего выражения не поняли, а подумали, что о Пугачеве запрещено было вспоминать. Таким образом временная полицейская мера и худо понятое выражение возымели силу закона...»⁴⁵³

Кратковременный приезд Пушкина в Оренбург, как оказалось, дал краю немало. На наш взгляд, благодаря Пушкину, а еще точнее, его последующим произведениям, для всех россиян Оренбургский край тогда как бы вышел из небытия. Что о нем знали в стране? Почти ничего; дикая окраина: «киргиз-кайсацкия орда» при Екатерине II, да «картинная Башкирия» и опять-таки «беспредельные степи киргиз-кайсацкие» в 1820-х годах.⁴⁵⁴ А Александр Сергеевич все же показал, что «это» - уже Россия.

Глава 10. Тайны Оренбургского тайного общества

«Оренбургское общество выдал разжалованный из юнкеров в рядовые... И.М. Завалишин. Войдя в доверие младших офицеров – членов общества, он выудил у них устав и списки общества и в своих доносах открыл командующему корпусом «важный государственный секрет» (1976, 1988). «Завалишину удалось войти в доверие к младшим офицерам, получить устав и инструкцию, списки членов общества и даже их подписи» (1996). «Завалишину удалось войти в доверие к членам общества, получить устав и инструкцию, списки участников организации и даже подписи некоторых из них» (2008).

Оренбургское тайное общество, без сомнения, являет собой яркую страницу нашей истории, причем не только оренбургской. Уместно напомнить, что в советскую эпоху в учебниках по истории СССР наш край упоминался дважды: в связи с пугачевщиной и вот как раз в связи с оренбургскими декабристами.⁴⁵⁵ В разных публикациях можно прочесть достаточно связную историю заговора и его разоблачения, но все же порой различающуюся по толкованию происшедшего.

Вариативность мнений тем забавнее, что все авторы использовали и используют одни и те же источники. Их на деле осталось крайне мало. Едва ли не основным принято считать «Записки несчастного содержащие Путешествие в Сибирь по канату». В оренбургской историографии они считаются воспоминаниями участника событий оренбуржца В.П. Колесникова, записанными в период 1833-1835 гг. декабристом В.И. Штейнгелем, с которым Колесников находился в Читинском остроге, а затем Петровском Заводе до конца 1832 г. В дальнейшем рукопись была подарена декабристу М.А. Бестужеву в день его ангела, а потом перешла к историку М.И. Семевскому. Отрывок («Этапы и полуэтапы») был опубликован в газете «Век» (1861, №12). Вступительная

⁴⁵³ Цит. по: Вепрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале С. 61.

⁴⁵⁴ В первом случае имеется в виду ода Г.Р. Державина «Фелица», во втором – некролог П.М. Кудряшеву, написанный издателем «Отечественных записок» П.П. Свиньиным [Петр Михайлович Кудряшов, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей киргиз-кайсацких. // Отечественные записки. 1828. Ч.35. №100]

⁴⁵⁵ Оговоримся, что собственно к «декабристам» они не относились; советская историография определяла ОТО как «недекабристское» общество.

статья «Записок» была опубликована В. Штейнгелем («В.Ш.») в «Полярной звезде» на 1862 г. под названием «Колесников и его товарищи в Оренбурге». Весь текст был издан М. Семевским с цензурными сокращениями в журналах «Заря» (1869, кн. IV и V) и «Русская старина» (1881, т. XXXII; 1882, т. XXXIII). Впервые книгой «Записки» были изданы историком П.Е. Щеголевым в 1914 г. (по «Русской старине», рукопись считалась утерянной). Она была обнаружена в Институте русской литературы АН СССР («Пушкинском доме») Л. Большаковым в фонде журнала «Русской старины» и опубликована без пропусков в 1975 году. Естественно, распространено мнение, что Колесникову, как непосредственному участнику происходившего, никак нельзя не верить. Однако, есть тонкие моменты. Так, во вводной части «Записок» («Вместо вступления») давался краткий очерк истории тайного общества в Оренбурге – но написанный В. Штейнгелем. Принято считать, что по рассказам того же Колесникова. Однако, не совсем ясно, почему эту, пожалуй, самую важную часть Колесников не стал описывать сам. Рассказ собственно от его лица начинается после суда – глава первая «Чтение сентенции. Эзекуция. Проводы» и доводится до главы шестой (в рукописи описка – седьмой) «Этапы. Полуэтапы. Устройство партии. Злоупотребления». «Заключение» было написано также Штейнгелем на основании «краткой памятной записки» Колесникова, доведенной до 9 сентября 1828 г. М. Семевский и П. Щеголев полагали всю рукопись принадлежащей Штейнгелю (хотя Щеголев указал Колесникова как автора на обложке публикации 1914 года). Об авторстве Колесникова первым заговорил Л. Большаков, в то же время указывавший, что Штейнгель записал рассказы, литературно их обработал и потому ему принадлежит большая заслуга в создании «Записок».

Из прочих источников сохранились арестантские дела осужденных в столичном архиве. Следственное дело в Оренбурге сразу после конфирмации приговора по приказу губернатора Эссена было уничтожено. Руководитель общества Кудряшев сжег все свои бумаги еще до ареста. Щеголев в приложении дал «всеподданнейший доклад аудиториатского департамента» и «всеподданнейшее донесение Ипполита Завалишина». Пять документов – клятва, устав, инструкция, «отношение аудиториатского департамента» и «докладная» Бенкендорфа, взятые из Центрального военно-исторического архива – были опубликованы с комментариями в журнале «Советские архивы» в 1970 году.

Собственно, на этом исследовательские публикации по проблеме были исчерпаны. И сегодня неожиданно актуально звучат слова оренбургского историка П. Матвиевского, сказанные в далеком 1952-м году: «Первоисточники и литература об оренбургском обществе дают исследователю крайне ограниченные сведения, на основании которых совершенно невозможно восстановить его историю».⁴⁵⁶ Уточним: данные из существующих материалов можно разложить в хронологической последовательности, но дать аргументированное обоснование тех или иных выводов действительно сложно.

Дадим наше видение происходившего; точнее: приведем те элементы повествования, которые считаются как бы общепризнанными, и особо отметим спорные.

Итак, Оренбургское тайное общество возникло предположительно еще в конце XVIII в. как «отрасль» (филиал) Новиковского общества в Москве, организованного по правилам масонства. Основатель неизвестен; по некоторым косвенным намекам принято считать, что в начале XIX в. им руководил П.Е. Величко, начальник Оренбургского таможенного округа. В тот период оно называлось «Оренбургская ложа тайного общества» или иной вариант – «Оренбургское масонское братское общество». Масонство, «вольные каменщики», ложи были модой конца XVIII века, перешедшей и в век XIX-й. Совсем не удивительно, что она не миновала Оренбурга. По понятным причинам – советская историография масонов не жаловала – упоминания об этом появились только в

---

⁴⁵⁶ Матвиевский П.Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкалов. ГПИ. Вып.6. 1952. С.223.

публикациях 90-х гг. XX в. (точнее – с 1989 г.), а в школьных книгах – не появились вообще.

В 1822 году царь потребовал, чтобы все, состоящие на государственной службе, безусловно не состояли ни в каком тайном обществе. После этого произошел естественный отток – тогда-то состав оренбургского общества несколько изменился – в нем остались единицы, преимущественно молодежь. Утверждается, что тогда, в 1823 г., общество возглавил Петр Михайлович Кудряшов. Однако нет никаких доказательств того, что эти единицы составляли действительно общество или хотя бы кружок. Губернатор Эссен, отвечая на запрос центра в декабре 1825 г., сообщал, что никаких тайных обществ в крае нет и что «только 4 человека числятся в масонских ложах». Тем не менее, традиция (!), берущая начало со Штенгеля, говорит, что общество было. События 14 декабря серьезно повлияли на него – по образному выражению декабриста П. Штейнгеля, «происшествие ... естественно, напугало старших и осторожных членов этого общества, но огорчило и ожесточило пылких юношей». Фраза впечатляющая и обязывающая; но не будем забывать, что сказано это было значительно позже, когда «классические» декабристы в ссылке познакомились с «оренбургскими» и приняли их за своих.⁴⁵⁷ Четких и определенных взглядов члены оренбургского общества тогда не имели – если это и был кружок, то прежде всего кружок молодежи, «игравших» теперь в запретное. Идеалы их не были конкретизированы; так что речь можно было вести в лучшем случае о либеральных воззрениях вообще.

Молодые – едва в большинстве своем разменявшие второй десяток – эти юноши из провинциальной глубинки вряд ли были в состоянии строить планы о будущем переустройстве государства, сопоставимые с программами интеллектуалов Южного и Северного обществ.

При этом следует учитывать, что «тайное общество» той поры совсем не обязательно было четко организованным революционным – с подпольем, паролями и т.п. – таковым становилось любое неразрешенное собрание. Конечно же, то объединение, которое, как предполагается, возглавлял Кудряшев, не было организацией в собственном смысле слова – скорее группа единомышленников. При этом в небольшом гарнизонном городке, как Оренбург, где все про всех знали – кто к кому ходит в гости, кто с кем общается и т.п. особых тайн не развести.

Впервые правительство услышало о существовании общества в Оренбурге в 1822 году, в ходе следствия по делу майора Астраханского гарнизонного полка А.Л.Кучевского, ранее служившего во 2-м и 4-м Оренбургских линейных батальонах. Он был обвинен в организации Астраханского тайного общества. На новом месте службы он вовлекал сослуживцев в члены такового, намереваясь действовать совместно с Оренбургским, распространяя фантастические слухи о миллионах сторонников, называя себя его эмиссаром.

Кроме этих его собственных заявлений, не было никаких иных документальных подтверждений, что он реально входил в состав тайного общества в Оренбурге (как впрочем, и доказательства того, что такое общество вообще было). В итоге А.Л.Кучевский был осужден официально за составление общества для краж и грабежей. Насколько это верно, сегодня определить крайне сложно. В комментариях к публикации воспоминаний 1933 года отмечалось: «повидимому, общество это имело экспроприацию как средство к достижению политических целей».⁴⁵⁸ Комментарий этот основывался на еще более раннем комментарии 1926 года («Тайные общества в России в начале XIX столетия». М., 1926), где, кстати, помещены были одновременно две статьи с совершенно противоположным толкованием происшедшего. В публикации «Советских архивов»

---

⁴⁵⁷ Не желая показаться насмешником, все же спросим: кого именно из четырех стоит отнести к «осторожным», а кого – к «пылким юношам»?

⁴⁵⁸ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: изд-во Политкаторжан, 1933. Т.2. С.346.

вопрос этот дан очень путано, и только в комментариях выплывают в качестве улики какие-то 500 рублей, действительно похищенные двумя членами Астраханского общества и переданные Кучевскому – но комментаторы объявляют это провокацией, чтобы скомпрометировать Кучевского и его организацию, «представив их шайкой грабителей».

Кучевский достаточно долго содержался под следствием в тюрьме, а в 1827 г. военный суд приговорил к смертной казни, замененную на бессрочную каторгу. Осенью 1828 г. он был отправлен в Нерчинскую каторгу, при чем повелено было «считать его государственным преступником». Позднее, после открытия т.н. «заговора Сухинова» он был отправлен в Читту, где присоединен к декабристам. Так Кучевский стал частью декабристского движения – в итоге. Отзывы самих декабристов о Кучевском достаточно скупы: П. Свистунов писал, что Кучевский, бывший с ними в каземате, не числился государственным преступником⁴⁵⁹; по словам Басаргина «их (Кучевского, Сосиновича и Ипполита) не спросили, кто они, и приняли в артель»⁴⁶⁰, И. Якушкин отговаривался незнанием – «бог знает почему» Кучевский попал на каторгу⁴⁶¹, А. Бестужев вообще полагал его подставным лицом от властей.⁴⁶²

А дальше у исследователей началось взаимное опыление информацией – раз Кучевский находился вместе с декабристами, значит он достойный человек; значит – организация его была революционной. Комментаторы заключали, что Астраханское общество было даже демократичнее декабристских – в итоге оно приобретало особую ценность для историков. Продолжая логические построения, заявления Кучевского об «Оренбургской ложе» - тоже следовало считать правдой; следовательно – в Оренбурге давно существовала массовая революционная организация. При необходимости нужные выводы ощутимо «дожимались» комментариями. Так, например, в публикации документов в журнале «Советские архивы» к свидетельству губернатора о том, что в Оренбурге есть лишь четверо масонов, идет ссылка-комментарий: «В действительности же в Оренбургском крае длительное время существовала довольно широкая революционная организация (см. док. № 11-15). До отъезда в Астрахань Кучевский являлся ее членом».⁴⁶³ Но ведь из указанных документов это как раз не следовало; однако, слово прозвучало, нужные акценты расставлены.

«Оренбургский» след, если так можно выразиться, следствие попыталось отработать, но безрезультатно. В рапорте от 5 августа 1823 г. генерал-губернатор Оренбургского края Эссен заверял, что «здесь сохраняется совершенная тишина и спокойствие». На повторный запрос в декабре 1825 г. Эссен вновь ответил, что никаких тайных обществ в крае нет.

В декабре 1826 г. в Оренбург был привезен Ипполит Завалишин, из юнкеров артиллерийского училища, разжалованный в солдаты. Сразу по приезду в Оренбург, он был помещен на гауптвахту, чем вызвал к себе некоторое сочувствие. Воспользовавшись этим, Завалишин стал уверять всех о своей особой роли в событиях 14 декабря. Вольные разговоры произвели нужное впечатление – он нашел внимательных слушателей. Именно тогда у Завалишина и родилась авантюрная мысль – создать тайное общество и его успешно разоблачить. Он стал рассказывать, что якобы по стране существует двенадцать тайных обществ, что вся Россия готова к бунту, а он есть агент Владимирского тайного общества и для него он вербует членов в Оренбурге. Один из слушателей, портупей-прапорщик Колесников, обратился за советом к Кудряшову, и тот разрешил «с двумя или тремя товарищами» войти в тайное сношение, со словами «а там увидим». Дали согласие на вступление несколько человек – все они были молоды: самому старшему Таптикову

⁴⁵⁹ Там же. С.259.

⁴⁶⁰ Там же. С.280.

⁴⁶¹ Там же. С.346.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Из истории общественно-политического движения в России первой четверти XIX века. // Советские архивы. 1970. №1.

только исполнилось 30 лет, младшему - Шестакову – 17-ть. Чтобы придать убедительность, Завалишин стал добиваться создания документов этой организации. Он заявил, что скоро в станицу Чернореченскую должен прибыть агент из Владимира с деньгами и оружием, и взамен ему надо будет передать устав оренбургского общества, инструкции, подписанные клятвы и список членов.

Поэтому он предложил Колесникову и Таптикову составить такое общество, где бы они были соответственно председателем и секретарем. Кудряшев посоветовал им быть осторожными и все же разрешил им и еще нескольким другим членам действительного тайного общества войти в новое. Были написаны Устав и инструкция. Семеро из присутствовавших составили подписки-клятвы: «Именем всемогущего Бога! Принимая звание члена Оренбургского тайного общества, клянусь не открывать никому существование оно; повиноваться власти свыше над мной поставленной, быть готову на все обществом и властью мне повелеваемое, хотя бы что клонилось к разрушению собственного моего счастья. Ежели же не исполню хотя одного из условий мне предлагаемых, то да лишусь я спокойствия, счастья всех милых сердцу и да разразится гром небесный над главою клятвоступника». ⁴⁶⁴ Кроме Колесникова клятвы собственноручно подписали прапорщик Таптиков, портупей-прапорщик Хрисанф Дружинин, унтер-офицер Андрей Шестаков, над прапорщик Нижегородского пехотного полка Старков, хорунжий Оренбургского казачьего полка Ветошников 2-й, сам Завалишин и коллежский регистратор Дыньков. ⁴⁶⁵

Черновик устава Завалишин написал сам и 18 апреля прочитал его в собрании оренбургских заговорщиков. После бурного обсуждения документ был исправлен и дополнен. Общество делилось на принимаемых (собственно членов), испытываемых (не давших еще клятвы) и подозреваемых (возможных членов). В основе всего лежали основополагающие идеи свободы, равенства, братства. Произнесение присяги при приеме в общество должно было происходить при шпаге, приставленной к груди. Была создана печать - два накрест лежащих кинжала, вензель и око Провидения. Главная революционная мысль заключалась в призыве к изменению формы правления в России: с монархии на республику. В специальной инструкции разрабатывался план конкретных действий. Предусматривалось объявить об уменьшении сроков службы для нижних чинов, отмене телесных наказаний, отмене крепостного права, прощении недоимок. По плану восстания предполагалось арестовать губернатора и чиновников, устроить «бунт» в городе, двинуть войска в Казанскую губ., поднимая по пути селения, привлечь на свою сторону войска Оренбургской пограничной линии, Уральского казачьего войска, башкирские полки.

Теперь мы подходим к важнейшему моменту истории тайного общества в Оренбурге. Если принять, что таковое было создано Завалишиным и им же – провокатором – были написаны основные документы, то история становится достаточно неприглядной.

Поначалу так это и воспринималось. В 1928 году вышла небольшая книжка С.Штрайха «Провокатор Завалишин», своеобразный анализ сущности «авантюриста», «честолюбца», «первого русского политического провокатора». ⁴⁶⁶ Следом за С.

---

⁴⁶⁴ Из истории... С.88.

⁴⁶⁵ Есть какая-то неясность в датировке документов, опубликованных в «Светских архивах». Так, подлинник клятвы Колесникова имеет указанную публикаторами дату 6 мая 1826 г. Устав – 15 сентября 1826 г. с уточнением – «дата утверждения Устава». Если дата верна, то такие документы никак не мог составить и подписать Завалишин, поскольку он был доставлен в Оренбург в декабре 1826-го. А под уставом стоит в том числе и его подпись. Если допустить ошибку публикаторов, и принять год 1827-й, то все равно путаница - 25 апреля 1827 г. все были арестованы. Подлинники восьми клятв хранятся в военно-историческом архиве в Москве. Мы с ними не работали – поскольку мы видим свою задачу только указать на сложные и неясные моменты.

⁴⁶⁶ Штрайх С.Я. Провокатор Завалишин. М.: акц. изд. о-во «Огонек», 1928. С.15.

Штрайхом, оренбургский историк П.Е. Матвиевский полагал случившееся провокацией, возлагая всю вину за нее на Завалишина. Все факты биографии этого человека, писал Матвиевский, «являются неоспоримым материалом для установившегося в литературе взгляда о нем».⁴⁶⁷ Но он пытался несколько спасти ситуацию, заявив, что «первоисточником» завалишинских бумаг «могли быть только бумаги П.М. Кудряшева», а к губернатору бумаги попали «в интерпретации Колесникова, и, возможно, в переделке Завалишина».⁴⁶⁸ Несколько позже к теме обратился исследователь из Уфы М. Рабинович (1958). Он не согласился со своими предшественниками, что Общество есть плод провокации, резко отрицательно высказался о попытках свести все к проискам Завалишина.⁴⁶⁹ Рабинович явно преувеличивал революционность общества⁴⁷⁰; именно он ввел тезис о том, что якобы Завалишин, создавая свой донос и прилагая к нему «документы» - программу и т.п. – безусловно «переписал» их с уже существовавших бумаг П. Кудряшева. Комментарий в «Советских архивах»: «Выдав себя за представителя Владимирского тайного общества, Завалишин вошел в доверие к Колесникову и скопировал устав и инструкцию с копий, которые находились у Колесникова. Оригиналы же документов хранились у Кудряшева, являвшегося их составителем».⁴⁷¹ Прекрасный образчик «правильного» толкования вопроса при полном отсутствии фактических подтверждений. Но не следует забывать, что на протяжении десятилетий было принято постоянно изыскивать примеры высокой революционности масс и постоянного сопротивления царизму.⁴⁷² Понятно, что термин «декабристы» обязывал – вольно и невольно революционность декабристов как бы распространялась на их «младших братьев». В Сибири оренбургские «декабристы» встретились со своими «старшими» товарищами, участниками 14 декабря 1825 года и были ими приняты как единомышленники. Неудивительно, что нужно было искать выход – его и наши. Практически все, кто писал об «оренбургских декабристах», повторяли один и тот же тезис – документы якобы существовали, и местные революционеры так и собирались действовать. А Завалишин лишь скопировал эти документы. Так в одной версии легко уживались и предательство, и революционное начало. Такое объяснение снимало сложные моменты – если бы не одно **но** – нигде, ни в одном документе, и никем из участников

---

⁴⁶⁷ Матвиевский П.Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзывах движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкалов. ГПИ. Вып.6. 1952. С.246-247.

⁴⁶⁸ Там же. С.250.

⁴⁶⁹ Рабинович М.Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургской губернии // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа, 1958. С.147, 148.

⁴⁷⁰ Так, он утверждал, что якобы члены общества были «расставлены во всех важнейших звеньях управления краем» [Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.2. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1959. С.85.]. Проверить это – посмотрев на должности и чины оренбургских «декабристов» – и понять, что это вымысел, достаточно просто. Другое дело, это никому не было нужно – чем революционнее, тем лучше. Затем, им же была написана статья в «Советской исторической энциклопедии» «Оренбургский кружок» (?). Объем статьи не превышал и десятка строк, но неточностей там было более чем достаточно. Так, автор утверждал, что: обществом руководили «П.Е.Величко, его сын А.П.Величко, майор Кучевский, позднее – писатель П.Кудряшев» [Рабинович М. Оренбургский кружок. // Советская историческая энциклопедия. Т.10. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 607, 609.]. То, что руководителями были А.Величко и Кучевский, не подтверждается никакими документами. Версию о причастности Кучевского к руководству, чьи показания, что легко проверить, заставляют думать о нем, как о, мягко говоря, весьма экзальтированном человеке, М.Рабинович основывал на простом утверждении последнего, что он-де являлся «военачальником (!) тайного общества» [Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.2. С.86.].

⁴⁷¹ Из истории... С. 94.

⁴⁷² Примеры в тему: В.З.Галиев (1990) включал в число членов ОТО Г.С. Карелина, сосланного в Оренбург в 1822 г., лишь на этом основании причисляя его к заговорщикам [Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. А.-Ата: Гылым, 1990. С.104.]. Вероятно, автор исходил из убеждения, что «кашу маслом не испортишь», иными словами, лишняя «революционность» только полезна. Точно так же В.Г. Сарбей в «Радяньской Енциклопеді Історії України» [Т.1., С.281.] просто утверждал, что украинский ссыльный писатель Г.Винский «сблизился с деятелями дворянско-революционной организации «Оренбургское тайное общество», проживая... в Бузулуке. Вывод был сделан лишь на том основании, что какое-то время Винский был учителем сына П.Величко, которого считают руководителем общества в начале XIX в.

событий или мемуаристов о подобном не говорилось. От сомнений был вынужден отказаться и П.Е. Матвиевский, что мы видим в написанных им позднее главах учебников по истории родного края. Многие советские авторы изобретали весьма изящные построения, стремясь доказать (а фактически – домыслить), как именно Завалишин якобы втерся в доверие и скопировал подлинные документы общества. Главное к чему приходили все: раз это настоящие документы, то верить написанному следует полностью.

По молчаливому согласию, историки «удревляли» историю общества – так было и революционнее, и было весомым аргументом в пользу того, что все идейные наработки были плодом местного творчества, и, значит, Завалишину было что списывать. Но способ доказательства был достаточно уязвим. В Уставе давалось описание печати Общества. В отношении Аудиторского департамента от 18 августа 1827 г. говорилось прямо: Завалишин «написал устав и инструкцию, ...вырезал для сего вымышленного им общества печать...»⁴⁷³ Комментатор «Советских архивов» заключал следующее: «Оттиски печати плохо сохранились, однако довольно ясно различаются цифры «1818», что дает основание считать годом основания общества. В литературных источниках, в частности, в статье, опубликованной «Полярной звездой» (1862, кн. 7, вып. 1, стр. 92), говорится, что Оренбургское тайное общество образовалось до восстания 14 декабря. Все это опровергает версию о том, что общество в Оренбурге было основано Завалишиным, неверно также утверждение следственной комиссии и военного суда о том, что печать была изготовлена им».⁴⁷⁴ Даже не хочется и комментировать логику рассуждений.

Все подлинники и список 33 членов⁴⁷⁵ Завалишин 20 или 21 апреля представил губернатору Эссену. Примерно тогда секретарь губернатора «шепнул одному из них об осторожности, примолвив: «Кажется, ваш новый приятель подал какой-то донос военному губернатору». Город Оренбург был невелик; потому известие о том, что Завалишин подал военному губернатору какой-то донос, просочилось за стены губернаторской канцелярии. Кудряшев успел предупредить всех – «достал даже список поименованных в доносе и успел предостеречь многих»⁴⁷⁶ и уничтожить все документы, могущие свидетельствовать что-либо о существовавшем обществе.

Почему не был привлечен Кудряшов – остается загадкой. Что Завалишин назвал руководителем общества - временным председателем - Д. Таптикова, понятно - с Кудряшевым он вроде как и не был знаком. Однако, уже в 1828 г., после приговора, Завалишин обратился к царю с запиской, где утверждал, что «узнал он о существовании там [в Оренбурге] тайного общества, основанного аудитором Кизильского гарнизонного батальона Кудряшовым».⁴⁷⁷ Принято обтекаемо писать, что П. Кудряшев умер от апоплексического удара во время следствия. В комментариях 1970 года указывалось, что якобы Таптиков временно замещал Кудряшова, «который в это время был тяжело болен».⁴⁷⁸ Далее утверждалось, что «выбор Кудряшова на него пал, видимо, не случайно». Есть сомнения: апоплексический удар не связан с длительной болезнью, во-первых, и смерть Кудряшова произошла 9 мая, во-вторых. Если смотреть по датам, то не во время следствия, но во время суда.

Любопытно, что Завалишин собрал всех заговорщиков еще раз 23-го числа и «тут много ораторствовал о будущих действиях, видах и надеждах, о изготовлении оружия, о возмутительных бумагах и тому подобное».⁴⁷⁹

---

⁴⁷³ Из истории... С.91.

⁴⁷⁴ Из истории... С.94.

⁴⁷⁵ Колесников В.П. Записки Несчастливого содержащие Путешествие в Сибирь по канату. Записки Несчастливого...// Большаков Л.Н. «Отечеству драгие имена»: Триптих о декабристах на Урале. Ч.2. Челябинск, 1975. С.47.

⁴⁷⁶ Там же. С.41.

⁴⁷⁷ Из истории... С. 92.

⁴⁷⁸ Там же. С. 92.

⁴⁷⁹ Записки... С.41.

В ночь с 25 на 26 апреля в городе прошли аресты, но вскоре большинство было отпущено, за исключением тех, чьи собственноручными подписками располагало следствие. Все арестованные утверждали, что их «обольстил» Завалишин. Губернатор Эссен не был заинтересован в раздувании дела и по его установке следствие сделало центральной фигурой Завалишина, как создателя и руководителя. Так доносчик попал в собственную ловушку.

Корпусной суд 4-14 мая 1827 года приговорил четверых осужденных к четвертованию, 2-х - к повешению, одного разжаловать навечно в солдаты. При конфирмации приговора И.М. Старков, В.В. Ветошников, А.Г. Шестаков, С.Г. Дыньков были направлены рядовыми в Кавказский корпус, Х.М. Дружинин, Д.П. Таптиков, Н.П. Колесников и И. Завалишин - в каторжные работы. Собственно, это конец истории. Но остались некоторые нерешенные вопросы; в частности - кто же такой Ипполит Завалишин, и какова его роль в случившемся?

По сей день у историков нет единства в понимании этого. Нет единства в видении причин ссылки И. Завалишина в Оренбург. По мнению П. Матвиевского, он был сослан как дискредитировавший себя доносчик, по мнению М. Рабиновича – «сообразно с волею государя императора о дальнейшем разыскивании тайных обществ» (слова Завалишина из позднейших прошений). Рабинович опирался на заявление Завалишина, утверждая, что тот якобы намеренно «повел дело таким образом», чтобы сразу по прибытии в Оренбург оказаться на гауптвахте и втереться в доверие к заговорщикам.⁴⁸⁰ Этой же позиции придерживается сегодня И. Гвоздиков – хотя, как нам кажется, утверждение, что разжалованный в солдаты за доносы предатель якобы «имел негласное поручение Николая I (!)» требует более серьезного обоснования, нежели просто ссылку на «Очерки по истории Башкирской АССР».⁴⁸¹ О намеренной посылке провокатора писал также С.И. Сметанин.⁴⁸² Необычен подход В. Галиева. С одной стороны, он декларировал свое согласие с П. Матвиевским и С. Штрайхом относительно провокаторства Завалишина. С другой – он попытался представить его едва ли не героем, «в личности которого многое спорно».⁴⁸³ И все же самая распространенная версия - Завалишин был, что называется «идейным провокатором».

У нас иное мнение – мы стойко убеждены, что он был просто не совсем нормален, донося всем и на все. Даже будучи в Казани проездом в Оренбург, он успел послать донос на тамошнего губернатора, что вызвало соответствующую реакцию последнего – по его просьбе Завалишина в Оренбурге сразу же и направили на гауптвахту. В отношении Аудиториатского департамента упоминается, что Завалишин, помимо сообщения о тайном обществе «подал три доноса, в коих ложно объяснил о разных злоупотреблениях по Оренбургскому корпусу».⁴⁸⁴

Есть достаточно оснований полагать, что все братья Завалишины были не совсем здоровы. Взять того же Дмитрия Иринарховича, старшего брата, внесенного в «Каталог» декабристов, и традиционно полагаемого активным участником революционного заговора. В существующей литературе даже принято утверждать, что «сдал» его брат младший, Ипполит. Что-то такое было: в июне 1826 г. он обвинял Дмитрия «в шпионстве в пользу иностранных держав», утверждая, что якобы видел у брата мешки с английскими

⁴⁸⁰ Рабинович М.Д. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества. // Вестник АН СССР. 1958. №7. С.87-88.

⁴⁸¹ Гвоздиков И. Против крепостничества и самодержавия: ссыльные декабристы в Оренбургской губернии. // Сохраним выцветшие строки... Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. С.411.

⁴⁸² Матвиевский П.Е., Сметанин С.И. Урал в Отечественной войне 1812 г. Распространение революционных идей. // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 454.

⁴⁸³ Галиев В. З. Ук. соч. С.71.

⁴⁸⁴ Из истории... С.91.

золотыми и немецкими серебряными монетами.⁴⁸⁵ Сомнения в отношении Дмитрия высказывать было не принято.⁴⁸⁶

Между тем, т.н. «декабристы» никогда не были едины; они стали таковыми под пером историков и в нашем обыденном сознании: организаций было больше, нежели Северное и Южное общество, и воззрения их членов порой различались; среди репрессированных были аристократы, а были и менее знатного происхождения; из богатых и родовитых семей и не очень; со связями и без. Жизнь на каторге и в ссылке была суровым испытанием; далеко не все это выдерживали. Кто-то держался вместе, а кто-то старался не замечать друг друга. Когда с 1860-х гг. тема декабристов перестала быть запретной, то стали публиковаться воспоминания, а следом пошла полемические статьи, где постаревшие «декабристы» уличали друг друга в неточностях, а порой и намеренном искажении истины. Упреждая возмущенное несогласие, уточним: занимались этим далеко не все; но один из них был Дмитрий Завалишин. В сборнике материалов 1933 г. публикатор С.Я. Гессен озаглавил подборку «П.Н. Свистунов и А.Ф. Фролов в борьбе с Д.И. Завалишиным». Судьбе было угодно, чтобы эти два основных антагониста – Свистунов и Завалишин – в итоге в 1888 г. оказались последними из живущих декабристов. Самым последним оказался Дмитрий Завалишин, переживший всех.

В 1865 г. П. Свистунов сообщал другому декабристу С.М. Сухотину историю братьев Завалишиных. На следствии Дмитрий Завалишин показал, что еще в детстве у него на религиозной почве были таинственные откровения, «назначавшие его для восстановления истины».⁴⁸⁷ В 16 лет он окончил Морской кадетский корпус, а позднее утверждал, что учился настолько хорошо, что сразу же после окончания учения был оставлен в корпусе вести ряд серьезных дисциплин, что, кстати, не подтверждается документами. В 1820 г. он ушел в кругосветное плавание на корабле под командованием капитана Лазарева. Позднее, на следствии, Завалишин говорил, что именно тогда у него появился план учреждения некоего «Ордена восстановления», вселенского ордена вроде мальтийского, долженствующего ни много ни мало «переработать человечество». Проект он отправил императору Александру I и даже получил аудиенцию, но не более. И вот тогда, узнав о существовании тайных обществ в России, он начал искать с ними связи, внося в свой план соответствующие «революционные» коррективы.⁴⁸⁸ Декабрист Ф. Фролов писал значительно позднее, что попутно Завалишин рассказывал всем, что его «Орден» не только существует, но и в него уже входят «важнейшие люди разных государств».⁴⁸⁹ По словам Свистунова, Завалишин в заговоре не участвовал; был только на одном вечере у Рылеева, где «много ораторствовал».⁴⁹⁰ В показаниях следствию Завалишин писал, что, узнав о «злодеях», он «намеревался» сообщить, но государь-де был тогда в Варшаве, «а я по глупой гордости хотел все открыть ему без посредников». Потому-де он и продолжал игру. В первую волну арестов после 14 декабря Дмитрий не попал; более того, когда в конце 20-х чисел декабря новый император посетил Морской музей, именно Д. Завалишин дал нужные объяснения и заслужил похвалы – так что сослуживцы «уже поздравляли его с блестящей карьерой и флигель-адъютантскими вензелями в будущем».⁴⁹¹ Но все внезапно оборвалось; почти сразу он был арестован: шли аресты знакомых членов общества, и один из них – Дивов - обмолвился о Завалишине.

⁴⁸⁵ Штрайх С. Провокатор Завалишин. С.8. Историк объяснял донос попыткой отсудить себе часть наследуемого имения. Кстати, этот донос был сочтен «несостоятельным».

⁴⁸⁶ Исключение составлял только С. Штрайх, крайне отрицательно высказывавшийся о Д. Завалишине, называя его авантюристом и честолюбцем, донесшего на всех, «на кого смог» Он же писал о Завалишиных с явной иронией – «славная семейка». [Штрайх С. Провокатор Завалишин. С.7-8.].

⁴⁸⁷ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М.: изд-во Политкаторжан, 1933. Т.2. С.235.

⁴⁸⁸ Там же. С.325.

⁴⁸⁹ Там же. С.327. Явно слышится что-то знакомое...

⁴⁹⁰ Там же. С.235.

⁴⁹¹ Там же. С.327.

Этого хватило. На следствии Завалишин оказался в сложном положении: он собственноручно давал показания, что действовал якобы как агент правительства, а очные ставки обличали его, как революционера.⁴⁹² Сыграли свою роль и составленные им статуты сочиненного Ордена. В итоге он пошел под суд как основатель «особого тайного общества».

Позднее, в Сибири, когда декабристы сошлись вместе и, имея массу свободного времени, свели воедино, как могли, все эпизоды следствия, стало ясно, что из себя представлял Завалишин. И хотя он был в итоге принят в круг декабристов, если так можно сказать, «на бытовом уровне», «одним из них» он не стал. К нему относились снисходительно и с сочувствием, а по словам Фролова, у Завалишина это в итоге вызвало «озлобление и жажду мести».⁴⁹³ Неудивительно, что со временем, когда ушли те, кто мог сказать правду, Завалишин в собственных писаниях все более и более представлял себя как активного деятеля заговора. Конечно, всю эту информацию можно было бы назвать выдумкой Свистунова - тот же Завалишин спустя десятилетия публично обвинял его и его товарищей в куче преступных деяний, караемых 10-ю годами каторги: там и уголовные преступления, и создание в поселении вертепа, и развратные действия в отношении «девок» и мальчиков... Вот только комментатор С.Я. Гессен перепроверял все данные, и публикации писаний обеих сторон основательно подкреплены ссылками на документы. Так вот Гессен констатировал у Завалишина «свойственную ему манию величия».⁴⁹⁴ Он же указывал о постоянных ссорах Дмитрия с «декабристской аристократией», заключая: «остается бесспорным изолированное положение Завалишина среди декабристов в период изгнания».⁴⁹⁵ В итоге, добиваясь своей цели, Завалишин «ничем не брезгал, будь то обыкновенная сплетня, либо злостные инсинуации».⁴⁹⁶

Так что младший Ипполит, своими действиями и речами не так уж сильно отличался от старшего брата. А. Фролов писал: «В 1828 г. в сентябре месяце поступили в нашу Читинскую тюрьму трое молодых офицеров из Оренбурга. Они военным судом приговорены были на каторжную работу как принадлежавшие к тайному политическому обществу. Мы от них узнали о том, что некто Ипполит Завалишин, младший брат того, который с нами находился, 17-летний юноша, воспитывавшийся в инженерном корпусе и сделавший ложный донос на брата своего, по высочайшему повелению был разжалован в солдаты в Оренбургский корпус. Прибыв туда, он распустил слух между юнкерами и молодыми прапорщиками, что разжалован и сослан за участие в деле 14 декабря, уверял, что существование тайного общества не прекратилось и что он уполномочен вербовать членов в тайное общество. Несколько человек из них уговорил он вступить в вымышленный заговор и, взяв с них расписку в согласии на его предложение, донес генерал-губернатору Эссену о существовании тайного общества и представил список всех членов, им же завлеченных. При допросах тотчас же обнаружилась злостная и безумная проделка Ипполита Завалишина. ... Он вел себя посреди нас так же, как и в описанном походе, пел и посвистывал, проходя мимо нас, не выказывая ничем ни малейшего раскаяния, ни стыда, ни хоть сожаления о молодых людях, которых он погубил».⁴⁹⁷

Прочие декабристы, узнавшие Ипполита в Сибири, отзывались о нем крайне неодобрительно. А.Ф. Бригген называл его не иначе, как «поношение рода человеческого, называемое Завалишиным».⁴⁹⁸ А.Ф. Фролов определял его действия в Оренбурге как: «злостную и безумную проделку», высказывая мнение, что завалишинская «неисправимая

⁴⁹² Там же. С.328.

⁴⁹³ Там же. С.328.

⁴⁹⁴ Там же. С.229.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Там же. С.236.

⁴⁹⁷ Там же. С.331.

⁴⁹⁸ В 1855 г. он же писал Оболенскому, что Ип. Завалишин «на всех перекрестках трубит про бедную М.Н. Волконскую, что она вторая Мессалина, самый же снисходительный его отзыв от наших, с коими он находился в Петровском – это глупец или дурак». [Воспоминания и рассказы... С.346.]

наклонность к доносам объяснима не иначе как особым родом мономании».⁴⁹⁹ П. Свистунов был более резок: это «был просто негодяй и имел страсть к доносам. Он доносил и на начальство и на своих товарищей».⁵⁰⁰ С. Штрайх определял Ипполита как «писателя-обличителя с уклоном в доносительство».⁵⁰¹

Д. Завалишин был, как утверждается, предан братом – казалось бы, его отношение к Ипполиту вполне было прогнозируемо. Однако он рисовал дело в совершенно ином свете, представляя и себя и брата невинными жертвами. Текст длинноват, но стоит того, чтобы воспроизвести целиком: «Самое замечательное было то, что пока не был прислан в каземат меньшей брат, то Колесников, как и другие сильно жаловался на него, а когда того привезли... то к удивлению всех увидели, что Колесников очутился с Ипполитом в дружеских отношениях, и на вопрос, что это значит, отвечал: «У нас с ним свои счеты!» Между тем оренбургские проговорились, что меньший брат мой как-то говорил им, что если когда-либо власть будет в его руках, то первой жертвой буду я, и вот узнав его вражду... подумали сделать его орудием разных неприятностей мне. Надо сказать при этом, что и разглашение оренбургской истории, и записывание оной имели главной целью сделать мне, как думали, этим неприятность. И вот после всех криков против него, пока его не было, начали ласкать его именно те, которые наиболее враждовали против меня, а в Петровском заводе даже устраивали для него литературные собрания.... [А.В.] Поджио заодно с Трубецким явились покровителями Ипполита и стали его баловать, исполняя все его прихоти – странное, конечно, средство исправить человека! К нему собирались на слушание его пустых литературных произведений в революционном духе... которые он писал в угоду им; в назначенный день приносили ему в комнату стулья от Трубецкого для «публики». Ему посылали и вино, и закуски, и лакомства à discretion. Он и служил им усердно... т.е. старался делать мне всевозможные неприятности, приходя мешать моим занятиям, заводя ссоры с тем, кто был в хороших отношениях со мной, и заставляя их обращаться с жалобами на него, входить в разбирательство, отвлекаясь от своих занятий. И вдруг не только от него было отнято оказываемое ему баловство, но он подвергся еще гонению по следующему обстоятельству: когда (в Петровском заводе) учеников-мальчиков сделали орудием педерастии, то они сделались нестерпимо своевольны и дерзки, бегали по всему каземату и один из них сказал Ипполиту дерзость; тот пожаловался письменно коменданту, и это сейчас было названо доносом. Как смел он жаловаться начальству помимо их! Ему не только перестали присылать кушанье из артели, хотя с его стороны и был вклад денег в артель на стол, но даже запретили готовить ему кушанье на общей кухне, на что уж не имели никакого права, так как кухня была казенная».⁵⁰²

Наверное, деталей достаточно. Судьба Ипполита была следующей. В 1842 г. он был обращен на поселение в Верхнеудинске. Там он опять занялся доносительством и в 1848 г. приговорен судом к наказанию розгами. Высочайшим повелением телесное наказание заменено было 2-недельным заключением, но Завалишина успели высечь до получения предписания. Затем он был переведен в г.Курган, где постоянно писал доносы и жалобы, по выражению жандармского доклада, «обратив это занятие, как бы в ремесло, находя в том пищу своему корыстолюбию». В 1855 г. был заключен в Курганский острог и предан суду. Обвинен в «ябедничестве, в подстрекательстве других к несправедливым жалобам, в дерзости» и сослан в Пелым. Умер в 70-х гг. XIX в.

Вполне уместен вопрос – что же, славная страница оренбургской истории должна быть перечеркнута? В стремлении сохранить героическую составляющую, не позволить превратить тайное общество в плод провокации, авторы старательно обходили нежелательные моменты, додумывая «как надо» образующиеся пробелы в повествовании.

⁴⁹⁹ Воспоминания и рассказы... С. 331, 332.

⁵⁰⁰ Там же. С.346.

⁵⁰¹ Штрайх С. Ук. соч. С.8.

⁵⁰² Воспоминания и рассказы... С.347. Отточия в тексте рукописи.

В итоге они упустили главное – даже если общество и было организовано провокатором, и даже если его программные документы были написаны им же, это не столь важно. В принципе ситуация с Оренбургским тайным обществом даже не единственная – достаточно вспомнить историю с петрашевцами. Ведь она совершенно сходная: собирались люди, общались, вели разные разговоры, шпион регулярно освещал происходившее. Новому начальнику управления срочно понадобилось громкое дело – донесения переписали, акценты переставили, на допросах задавали «нужные» вопросы и в итоге более десятка человек получили смертные приговоры.

В общем-то понятном стремлении защитить благородное, «революционное» начало оренбургских декабристов, авторы пропускали мимо наверное, самое важное – то, о чем прямо писал декабрист Штейнгель: «Завалишин составил устав общества, и 18 апреля прочитал его в собрании всей этой молодежи. Они судили, рядили, исправили нечто и кончили тем, что дали обманщику подписки в верном сохранении правил устава и тайны».⁵⁰³ Устав и инструкции – т.е. планы - обсуждались участниками общества и были ими поддержаны. Потому даже авторство Завалишина не меняет сути – основные положения документов соответствовали настроениям оренбургских «декабристов». Действительно, местные заговорщики не успели предпринять никаких решительных шагов. Действительно, организационное оформление общества было результатом грязной провокации. Главное здесь другое: в отдаленной провинции молодые офицеры и чиновники разделяли прогрессивные революционные взгляды и готовы были действовать во имя блага всего народа.

Глава 11. Караван-Сарай: символ и памятник архитектуры

Караван-Сарай в Оренбурге – это еще один из сюжетов, который отнят у историков и передан политикам. В любой книге, изданной в Башкортостане, вы прочитаете о том, что Караван-Сарай есть «национальная святыня башкирского народа». В развитие этого базового положения - несколько обязательных моментов: он построен башкирскими руками, на башкирские пожертвования; был отнят русскими властями (даже если нет слова «русскими» - то какими же еще властями?) «для себя»; в революцию здание было возвращено башкирам; потом, когда Оренбург был столицей Киргизской (Казахской) ССР башкиры сами передали здание КирЦИКу, а вот после возвращения Оренбурга в Россию, здание башкирам так и не было возвращено. А потому «вопрос о возвращении единственному историческому наследнику – башкирскому народу – остается открытым».⁵⁰⁴

В этом случае, точно также, как и в иных случаях с историческими фактами, замешанными в политику, задавать недоуменные или уточняющие вопросы оказывается во вред себе. Ответная реакция на них, как правило, неадекватна и порой даже агрессивна. Хотя вопросы всегда задавать можно и должно – даже в политике, не говоря уж об исторической науке. Так вот, с сугубо научной точки зрения, в истории с Караван-Сараем есть ряд неясностей, без уточнения которых понять проблему трудно. Как и трудно объяснить, почему национальной святыней объявляется достаточно обычное здание гостиничного типа. Как поясняет энциклопедия, на многих тюркских языках караван-сарай означает караванный дом, общественное строение в городах, на дорогах и в ненаселенных местах, служащее кровом и стоянкой для путешественников. В нашем

---

⁵⁰³ Записки... С. 40.

⁵⁰⁴ См., напр.: Янгузин Р.З. Караван-сарай - национальная святыня башкирского народа. // Оренбургской губернии – 250 лет. (Проблемы истории и культуры): тезисы докладов и сообщений исследователей Башкортостана на научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии. Уфа, БГУ. 1994. С.80. Мы цитируем данного автора, доктора исторических наук, как пример; он далеко не единственный, кто высказывается подобным образом.

случае, функции комплекса были несколько изменены; но то, что его функциональное название стало именем собственным и стало писаться с заглавной буквы, есть определенный признак. Есть и иные «неудобные» вопросы: есть ли на территории современной Башкирии иные сходные «национальные святыни»? почему «святыней» считается строение в соседнем регионе? почему инициатива создания «святыни» принадлежала не народу, а губернатору? как конкретно представляют себе пишущие «возвращение» святыни «историческому наследнику»? Относительно вопроса о нахождении святыни именно в Оренбурге, как нам кажется, ответ есть – признание этого факта подтверждало, что Оренбуржье возникло в XVIII века на землях, принадлежавших башкирским родам. Это было своеобразным ответом на распространенные в оренбургской краеведческой литературе советской и перестроечной поры утверждения, что губерния якобы создавалась «на пустующих землях». Однако, теперь спорить не о чем – научная истина уже восторжествовала. Невольно рождается вопрос: для чего продолжают разговоры историков об «исконно» башкирских землях, «злых» русских чиновниках, «несправедливо» отнятой святыне и ее возвращении? Это уже не наука, это даже не политика – это политиканство.

Вести разговор (и тем более спор) с теми, кто использует исторические факты как политические аргументы (т.е. выборочно) сложно; не вести вообще – по сути признать их правоту. Мы не собираемся вносить свой сомнительный по ценности вклад в достаточно сомнительную дискуссию о том, является ли Караван-Сарай святыней и кому конкретно он должен принадлежать. Учитывая ориентацию данной книги на оренбургского читателя, мы полагаем не вредным дать изложение событий, связанных с историей ценного исторического памятника города Оренбурга.

Едва ли не единственным неоспариваемым фактом является то, что это - памятник архитектуры, построенный по проекту архитектора А.П.Брюллова, по инициативе генерал-губернатора В.А.Перовского. Причиной тому было то, что Перовский, в отличие от предшественников, отдавал предпочтение башкирам перед казаками. Он полагал башкир более надежной опорой власти - потому и было затеяно несколько инициатив, в числе коих было строительство. Идея заключалась в собирании в одном месте нескольких функциональных строений: помещения для штаба башкирского войска, караван-сарая или «общественного башкирского постоянного двора», мечети и «общественных по войску заведений» - т.е. мастерских. Постоялый двор выполнял бы функции гостиницы – где бы «каждый башкир и мещеряк», прибывающий по делам службы, мог бы остановиться «без всякой платы».⁵⁰⁵ Денег на внезапно возникший проект, естественно, не было. Учитывая свои особые отношения с царем, Перовский рассчитывал на определенное финансирование центром, но никак не на проект в целом. Следовало искать доходы на месте. Одним из вариантов стала идея возведения мечети на пожертвования мусульман: «приглашаю я зажиточных башкир и мещеряков вспомоществовать мне при построении помянутой мечети добровольными пожертвованиями».⁵⁰⁶ 20 апреля 1836 г. Перовский подписал обращение к начальникам кантонов, где сообщал о предполагаемом строительстве и добавлял, что намерен «воздвигнуть тут же войсковую соборную каменную мечеть дабы дать приезжающим сюда мусульманам все средства к точному соблюдению и исполнению обрядов их исповедания», и далее, говоря о пожертвованиях, добавлял: «Во избежание всяких неуместных толков, не излишним считаю еще присокупить, что приношения эти совершенно зависят от воли каждого мусульманина и что никаких понуждений в этом отношении со стороны старшин и начальников делать не следует». На следующий день он дал поручение приписанному к башкиро-мещеряцкому войску мулле Абдулле Давлетшину отправиться на сбор пожертвований в башкирские и мещеряцкие кантоны. В предписании говорилось: «Считая полезным и нужным присоединить к имеющемуся со временем выстроиться в Оренбурге Башкирскому

⁵⁰⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л. 73.

⁵⁰⁶ Там же. Л.73.

Караван-Сараю или постоялому двору каменную соборную мечеть, предписываю я тебе отправиться и объехать все Башкирские Мещеряцкие кантоны, объявлять и разглашать о намерении моем и собирать добровольный пожертвования единоверцев своих на построение помянутой мечети... При сборе денег сих на построение соборной мечети запрещается употреблять малейшее понуждение со стороны твоей или старшин и кантонных начальников, тебе же собственно, как духовному чину, представляется возбуждать убеждением ревность зажиточных мусульман для содействия к этой общепользней и Богоугодной цели».⁵⁰⁷

Проект караван-сарая был заказан архитектору Казанского университета М. Коринфскому. В сентябре Перовский особым документом – программой - сформулировал свое видение задуманного комплекса: «дом для войсковой канцелярии башкирского войска, мечеть с минаретом, помещение для приезжающих в Оренбург башкирских чиновников и нижних чинов, мастерские. Все эти строения должны быть каменные, и назначение их заставляет желать, чтобы наружная архитектура приближалась сколь возможно к азиатскому вкусу». О мечети говорилось, что она может быть решена и как отдельно стоящее строение, а может «войти в связь с другими». Поначалу стройка предполагалась в пределах крепости – пожалуй, только Перовский мог себе позволить такое. Традиционно центром для мусульман была Каргала, а здесь место под строительство отводилось в Атаманском переулке, вблизи Преображенского собора. Положительный ответ из Казани пришел 23 сентября, и через две недели Перовскому обещали представить эскизный проект.

Но уже 6 октября аналогичная программа была послана архитектору А.П. Брюллову. Наш известный краевед В.В. Дорофеев, прекрасный знаток архитектуры Оренбурга, предлагал несколько вариантов объяснения, почему заказ был как бы продублирован: Перовский «не хотел навязывать своему другу работу», «не очень надеялся на ее исполнение», к этому времени Перовский «уже имел какие-то сведения о работе Коринфского, и она его не удовлетворила», «на всякий случай», «убежденность в превосходстве таланта Брюллова».⁵⁰⁸

Письмо Брюллову представляет интерес, чтобы его воспроизвести полностью: «Любезнейший Александр! Вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по предлагаемой программе. Я затеял строить здесь караван-сарай; это дело меня весьма интересует. Хочется начать с наступлением весны; ради Бога не мешкай. Я уверен твердо в твоём знании и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании: ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто к сведению, скажу тебе, что постройка караван-сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению сметы, перечерчению планов и проч. будут вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности места, но если бы сажени слишком стесняли твоё зодческое воображение, то поступай, как знаешь, я постараюсь приискать место по твоему плану. Обнимаю тебя. Можешь ли ты приготовить дело в шесть недель после получения этого письма? Ты бы меня обязал чрезвычайно. Душевно тебе преданный Василий Перовский».⁵⁰⁹ На наш взгляд, все объясняется проще. Своенравный Перовский не терпел иных мнений. А Коринфского ему как бы навязали - заказ шел через попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина. Брюллова же он выбрал сам. Так что судьба проекта Коринфского была предрешена. Он был отправлен из Казани 27 октября – кладем несколько дней на почту – и уже 10 ноября, т.е. почти сразу Перовский отвечает –

⁵⁰⁷ Цит. по: Дорофеев В.В. Символ города. Оренбург, 1991. С.6.

⁵⁰⁸ Еще одну причину предлагает С.Е. Смирнов: на январь 1837 года был запланирован визит Перовского царю, во время которого губернатор планировал получить Высочайшее утверждение проекта; почему исполнение проекта в Казани создавало ряд неудобств. [Смирнов С.Е. Оренбургский Караван-Сарай и архитектура Волжско-Камской Булгарии. // Оренбург – 260. Оренбург: печ. Дом «Димур», 2003. С. 198.]

⁵⁰⁹ Цит. по: Дорофеев В.В. Ук. соч. С.8.

причем отвечает Мусину-Пушкину, игнорируя архитектора, ему не знакомого. Проектом Перовский был, естественно, не удовлетворен - слишком большой показалась квартира для муллы и не понравился внешний облик мечети, по его мнению, напоминающий христианский храм.⁵¹⁰ Не будучи архитектором, мы все же выскажем соображение, что эстетично вписать в строго заданное место города с «христианской» застройкой принципиально иное архитектурное сооружение без стилизации под окружающие строения крайне сложно. Думается, и Перовский это понял, почему и изменил мнение – вынести строение за город. «Перовский предложил составить новый проект, при этом он добавил о намерении строить комплекс вне города, что дает свободу архитектору в его творчестве»⁵¹¹ - заключал В.В. Дорофеев. Вот именно! А ранее никакой свободы архитектору никто не давал. А.П. Брюллову об этой «свободе» Перовский сообщил раньше - еще 3 ноября; и вполне может быть, еще до получения проекта из Казани: «Я подумал, - что было бы бесовестно стеснять твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажен, на которых он имеет право развернуться. Я решил этот дом строить за городом: места - сколько душе угодно; одного только не теряй из виду: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешевы, но чрезвычайно дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя sobлюсти возможную экономию».⁵¹²

Проект был завершен вовремя. В здании планировалось восемь объектов: 1) войсковая канцелярия - дом четыре «просторные» комнаты для присутствия, 1-2 комнаты для архива, квартира для четырех чиновников, кухня, людская, конюшня, ледник; 2) кордегардия: на 1 офицера и 20 нижних чинов, при ней арестантская с отделением для арестованных чиновников; 3) пакгауз «для охранения суконных и других мундирных материалов», лавка для продажи мундирных вещей; 4) мечеть минимум на 100 чел. и квартира для муллы; казарма для приезжающих в Оренбург башкирских чиновников с отдельными номерами по двое и более (всего на 20 чел.), и для нижних чинов – на 80-100 чел. в 1-2 комнатах; общая кухня; 6) конюшня; 7) навес для пожарного инструмента; 8) мастерская. Главный фасад должен был выходить на т.н. Англичанский переулок.⁵¹³

Смета, составленная А. Брюлловым, составляла 804 914 руб. Строительство не получило ассигнований от государства: к началу строительства было собрано пожертвований 4247 руб. 25 коп. «единственно на мечеть и преимущественно на ее украшения» (к 20 февраля 1845 г. – 13 090 руб. 15 $\frac{3}{4}$ коп.)⁵¹⁴. Эти суммы не являются каким-либо секретом, но большинством авторов не используются – и понятно, почему: рушится важный тезис о преобладающих башкирских деньгах, поскольку собранное составляло 0,5% общей суммы. Пожертвования на мечеть поступали и от казахов – хан Букеевской орды Джангер предложил личное пожертвование, за что В.А. Перовский его поблагодарил и в письме от 18 июля 1837 г. попросил «не оставить предложить и в подвластной Вам орде подписку для приглашения желающих к добровольным пожертвованиям на этот Богоугодный предмет». В 12 казахских родах на июль 1838 г. было собрано 8703 р. золотой и серебряной монетой, в июне 1839 г. Джангер прислал еще 808 р. 90 коп., пожертвованных в ханской ставке приезжими.⁵¹⁵ Основные же средства брались из доходов за лесные изделия, от продажи поташа и шадрика, от продажи общественного леса, а также частично из других капиталов. Задействовались т.н. общественные башкирские суммы, находившиеся в ведении оренбургского военного

⁵¹⁰ ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л. 76 об.

⁵¹¹ Дорофеев В.В. Ук. соч. С.10.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л.73 об. – 74.

⁵¹⁴ Там же. Л.78 об.

⁵¹⁵ Дорофеев В.В. Ук. соч. С.12.

губернатора.⁵¹⁶ По заявлению Перовского, царь разрешил ему использовать на строительство средства от лесных операций.⁵¹⁷

Окончательно проект был утвержден императором 19 января 1837 г., собственно строительство началось в мае 1838 г. Непосредственное руководство работами осуществляли военные инженеры оренбургского отдельного корпуса подполковники Шарон и затем Тафаев. Были приглашены мастера из других губерний, некоторые детали отделки заказывались в столицах: шпиль на мечети и минарет были закуплены в Москве и обошлись в 185 р. 71 коп. серебром; хрустальная люстра на 72 свечи и 8 стенных подсвечников на 4 свечи каждый были приобретены в Петербурге и обошлись вместе с запасным хрусталем в 1549 р. серебром.

К строительству были привлечены люди разных национальностей. Большинство составляли башкиры и мещеряки, что и давало сторонникам версии о «башкирском» Караван-Сарае говорить, что именно их руками возведена святыня и т.п.⁵¹⁸ То, что большинство были башкиры – совершенно неудивительно. Ведь строили, напомним, здание для башкиро-мещеряцкого войска, и потому людские ресурсы обеспечивались им же. Будь это административное здание казачьего войска – привлекались бы соответственно казаки. Но еще вопрос, что именно делали привлеченные башкиры. Например, автор книги о Караван-Сарае архитектор Б. Калимуллин был убежден, что они делали все: «изготовление строительных материалов, их транспортировку и **все остальные строительные работы** выполняли башкиры»; «по преданию, башкиры, создавая караван-сарай, хотели отразить в нем схему устройства своего летнего аула».⁵¹⁹ Им же он приписывал возведение соседнего с Караван-Сараем здания с фасадом из глазурованных кирпичей – на том основании, что в его отделке использован распространенный башкирский геометрический орнамент. Получалось, что и строили башкиры не просто своими руками, но и по своим собственным планам – как бы минуя архитектора. Но как можно всерьез принять утверждение, что «строительное дело, начиная с заготовки материалов и кончая производством строительных работ, было издавна знакомо башкирам»⁵²⁰? Можно ли привести примеры собственно башкирского каменного зодчества предшествующих времен? Неудобная цитата: командующий башкиро-мещеряцким войском писал губернатору 26.5.1855 г., что «башкирцы к каменным работам не имеют достаточного навыка».⁵²¹ Вот заготовку строительных материалов и доставку его явно возложили на башкир, о чем, собственно, писалось значительно раньше: «Необходимый для строений лес сплавлялся из Башкирии по реке Сакмаре башкирами же. Камень и известь также вырабатывались ими в 20 верстах от Оренбурга на Гребенской горе».⁵²² Непосредственно на строительных и отделочных работах заняты были, очевидно, преимущественно русские мастера.

Здесь уместно привести иную, отличную, точку зрения на архитектурное решение здания. Оренбургский архитектор С.Е. Смирнов полагает, что Брюллов, при решении поставленной перед ним задачи, обратился к архитектурным образам Волжской Булгарии.⁵²³ Он обращает внимание на то, что болгарская история и зодчество со второй половины XVIII в. были предметом изучения, а к 30-40-м годам XIX в. стали модной и довольно хорошо изученной темой, «архитектурной модой». Не обходится и без «пушкинской» гипотезы: что Пушкин во время своего путешествия по России в Казани

⁵¹⁶ Теоретически их можно называть «башкирскими деньгами», но это будет исторически некорректно.

⁵¹⁷ ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л.77.

⁵¹⁸ Б. Калимуллин писал, что в месяц привлекалось более тысячи башкир – конных и пеших. Но вот только он использовал данные по 8 месяцам из трех лет, и по представителям других национальностей источники молчат. [Калимуллин Б.Г. Караван-Сарай в Оренбурге. М., 1966. С. 11.]

⁵¹⁹ Калимуллин Б. Г. Ук. соч. С. 11, 24.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13226. Л.37 об.

⁵²² Юдин П. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. С.519.

⁵²³ Смирнов С.Е. Ук. соч. С. 199-202.

бывал на развалинах Булгара, а потом в Оренбурге Перовский от него «мог узнать» и про Булгар, и про Казанский университет. Во всяком случае, С. Смирнов высказывает предположение, что Брюллов обратился именно к архитектурным образам Булгара. Предложенные автором иллюстрации достаточно убедительно показывают схожесть архитектуры Булгара и Караван-Сарая. Ну и, наконец, он обращает внимание на то, что многочисленные памятники Великого Булгара действительно позволяют говорить о болгарском зодчестве как явлении, причем как полноценной ветви мусульманской архитектуры, наиболее изученной и исследованной в России. Одновременно он указывает, что в 1830-40-х годах «башкирского национального зодчества» не существовало – поскольку полукочевой образ жизни не требовал того, «что принято называть архитектурой» - комплексов, храмов, каменных жилых домов и т.п. Кроме того, Брюллов никогда ни в Оренбурге, ни в Башкирии не был – так откуда же он мог взять башкирские мотивы для своего детища? А вот с памятниками Булгара он был знаком более чем хорошо. Последние аргументы нам кажутся достаточно убедительными.⁵²⁴

Но вернемся к строению и строительству. В 1841 г. были отстроены окончательные части верхнего этажа и туда сразу вошла канцелярия командующего башкиро-мещерякским войском. Так что заявления некоторых авторов, что все строилось-де для башкир, но властями было насильственно отобрано, мягко говоря, не соответствует истине.⁵²⁵

В сентябре 1843 г. Министерство внутренних дел утвердило 7 текстов из Корана, предложенных Оренбургским муфтием для размещения на стенах мечети⁵²⁶: «Что было открыто тебе из книги Алкорана, будь постоянен в молитвах, зане молитва предохраняет человека от гнусных пороков и от стыдных деяний, и воспоминание Бога есть высочайший долг, Бог есть творимое всеми»; «О, правоверные, когда позовут вас на молитву в день собрания, спешите к воспоминанию Божию и оставьте куплю, сие есть лучшее для Вас»; «Когда слуги мои воспросят тебя обо мне, во истина яз сем ближе, яз услышу молитву, молящегося ко мне, зане внемлют мне и веруют в меня, чтобы могли быть наставлены на путь правый»; «О, Господи, не допусти сердцам нашим удалиться от истины по данным нам наставлениям, пошли нам милость Твою от Тебя, зане если Податель милости, Господи, даждь нам благо в сей и будущей жизни и избави нас от огня геенскаго»; «Во истину приносит от благочестиваго сердца тот токмо посещает храм Божий, кто верует в Бога и последний день постоянен в молитве раздаст милостыню и боится единого Бога, если может быть сотворится от тех кои руководимы прямо»; «Во истину Бог повелевает быть праведным, творить дела благие и давать родственникам нужное. Он увещевает беззаконие, неправду и угнетение. Он увещевает вас не сопротивляться всем тем, да памятуете»; «Исполняйте обет, данный вами Богу, не нарушайте клятв ваших, зане сотворили Бога свидетелем себе, во истину Бог знает сдельваемое вами».⁵²⁷ Еще одна фраза была помещена над входом: «Во имя бога милостивого».

Все строительные работы были завершены в 1844 г. В.В. Дорофеев вполне обоснованно предполагает, что речь в документах шла о завершении именно стройки;

---

⁵²⁴ Просто, к слову, отметим, что были и иные версии: так, в 1929 г. заявлялось, что здание построено в «мавританском стиле»: мечеть-де «олицетворяет собою сарацина со щитом (купол мечети) и копьём (минарет)». [Смычка. 1929. 7 декабря.]

⁵²⁵ Так, Б. Калимуллин пишет: «к концу строительства караван-сарая Оренбургским военным губернатором стал В. Обручев... Караван-сарай было отобран у башкир и передан в ведение Министерства внутренних дел». [Калимуллин Б.Г. Ук. соч. С.12.] Не будем говорить, что отобрать можно только то, что принадлежит. Момент другой: мы не располагаем точной датой вхождения канцелярии в здание; однако, Перовский был отозван в Петербург в конце ноября 1841 года, а Обручев официально стал губернатором в конце 1842 года. Так что, «отобрание», если даже и допустить таковое, могло быть только при Перовском (вы поверите в отделочные работы в декабре?) А как же быть с общеизвестным добрым отношением Перовского к башкирам? Вот именно... проще присочинить.

⁵²⁶ Там же. Л.77 об.

⁵²⁷ Караван-Сарай. Оренбург, 1917. С. 38-39.

отделочные же работы продолжались еще достаточно долго – не зря же мечеть была освящена только в 1846 году, 30 августа. Первым муллой стал Г.Алтынгузин.

Упомянем вкратце, что же стал представлять из себя Караван-Сарай. Его комплекс состоял (и состоит) из основного корпуса, мечети и минарета. К основному корпусу с двух сторон примыкают хозяйственные постройки, т.н. «черные дворы» (в них были расположены конюшни, амбары, погреба). Главный корпус имеет внутренний двор, полуоткрытый с одной стороны. Мечеть и минарет ориентированы на Мекку. Высота мечети – 18,09 м, минарета – 38,76 м. Минарет имеет винтообразную каменную лестницу (136 ступеней). Главное ансамблевое качество комплекса – соразмерность отдельных частей комплекса, согласованность всей композиции. Все это ближе к холодной статистике – поэтому заинтересовавшемуся порекомендуем познакомиться с подробным и детальным описанием комплекса специалистом-архитектором Б.Г. Каримуллиным.⁵²⁸ А еще лучше увидеть это своими глазами, хотя сегодня попасть в комплекс или хотя бы во внутренний двор комплекса достаточно проблематично.

С 1853 года, по распоряжению вновь вернувшегося в качестве губернатора края В.В. Перовского, были начаты работы по созданию вокруг Караван-Сарая сада. Из сохранившейся переписки командующего башкиро-мещерякским войском можно увидеть, какие шаги были предприняты в этом направлении, сколько это стоило, и откуда изыскивались средства. Отметим, кстати, что в этих документах, командующий называет строение «Башкирский Караван-Сарай» - что, конечно же, не является доказательством его национальной принадлежности. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще зимой 1854 г., когда пустынное место вокруг комплекса было разбито под сад и тогда же, «в виде опыта» было посажено несколько деревьев «из ближайших башкирских дач».⁵²⁹ Решено было обнести сад кирпичной оградой, над вырываемым колодцем построить беседку из дерева, в саду создать «бассейн с водопроводом». Деньги на это брались от торговли лесными угодьями. Одновременно в июле было начато строительство двух колодцев для сада – во дворе комплекса и непосредственно в саду. По мнению командующего это обходилось в 1000 руб., каковые были взяты из «прибылей от продажи общественного башкирского шадрика».⁵³⁰ Предметно вопрос с оградой стали решать в мае 1855 г. По расчетам командующего выходило, что каменные и штукатурные работы обойдутся в 4866 руб. 77 ½ коп. Вот как раз тогда он особо отмечал, что если провести стройку только руками башкир, то это обойдется дешевле – 3263 руб. 47 ½ коп., но предупреждал, что экономия приведет к резкой потере качества.⁵³¹ В ноябре 1855 г. было дано указание о доставке для сада «нескольких сот молодых деревьев»: из городских дач - 350, Бердинской казачьей дачи – 150, из дачи генерал-губернатора – 150. Вот это указание давал как раз губернатор, поскольку командующий такого не мог приказать. Первым садовником стал Павел Лебедев, с окладом в 200 руб. в год. В его обязанности входило помимо ухода за посадками обучение шести «башкирских малолетков садоводству и огородничеству».⁵³² Башкирские мальчики жили на полном обеспечении – помимо бесплатного жилья и питания они получали летнюю и зимнюю одежду. Кроме того, в летние месяцы при саде, вероятно, для всяких работ, дислоцировалась башкирская команда в 50 чел. С учетом расходов – жалование садовника, содержание учеников, содержание команды – на сад ежегодно уходило 840 руб. 41 ¼ коп.⁵³³ Некоторые проблемы возникли после 1861 г., когда «шадриковая операция» была уничтожена, и статья дохода исчезла. 22 февраля 1863 г. Военный Совет Военного Министерства специально занимался этим вопросом и по ходатайству Оренбургского и Самарского

⁵²⁸ Калимуллин Б.Г. Караван-Сарай в Оренбурге. М., 1966.

⁵²⁹ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.13226. Л.54.

⁵³⁰ Там же. Л.11.

⁵³¹ Там же. Л.37 об.

⁵³² Там же. Л.178.

⁵³³ Там же. Л.170.

генерал-губернатора назначил на содержание сада 840 руб. 41 копейку «из соединенного сбора башкир, производимого взамен службы и почтовой повинности».⁵³⁴

Два первых десятилетия после строительства комплекс использовался в основном по назначению. С 1865 года в связи с упразднением башкиро-мещерякского войска здание перешло в ведение МВД. В Караван-Сарае были размещены начальник Оренбургской губернии, губернские присутственные места, а также комиссия для размежевания башкирских земель (до упразднения таковой в 1879 г.). В 70-80-х гг. XIX в. в Караван-Сарае помещались квартира начальника губернии, губернская канцелярия, губернское правление с врачебным и строительным отделениями. К 1917 году кроме всего сюда прибавились губернская типография, квартира казначея мечети и квартиры некоторых служащих при губернском правлении.⁵³⁵ Единственным объектом, сохранившим первоначальное назначение, оставалась мечеть, и в этой связи в главном корпусе сохранились квартиры ахуна и казначея. Вот как раз мечеть и создала определенную проблему для властей. С изменением функций здания она оказывалась как бы лишней. Был и финансовый момент – поскольку она не имела постоянного прихода, содержание ее ложилось на администрацию. Чтобы снять эту проблему, власти распорядились в 1865 году причислить к мечети Караван-Сарае всех мусульман Новой и Старой слободки, отделив их от соборной мечети.

И вот небольшая иллюстрация того, как переставлялись и переставляются акценты у разных авторов. Сначала - факт. В феврале 1865 г. до ведения Главного начальника края дошли слухи, что якобы башкиры Белебеевского и Стерлитамакского уездов готовят просьбу отдать им здание Караван-сарая и что собрано уже до 10 тыс. подписей. Как писал Главный начальник, «просьбу их я разумеется не приму и если они подадут ее я прикажу начать строгое следствие и начавших это дело предать суду».⁵³⁶ Дальнейшее расследование показало, что все это – слухи, никаких сборов подписей не было, и никто ничего подавать не собирался. Однако, в книге «Караван-Сарай», изданной в 1917 году с целью доказательства претензий башкирских властей на здание, слух был видоизменен и преподнесен как данность: «Башкиры не хотели соглашаться с утратой **этой мечети** (!), привыкнув считать ее своей. Стали собирать подписи под прошением, особенно активно сбор подписей проходил в Белебеевском и Стерлитамакском уездах, отошедших к Уфимской губернии. Было собрано около 10000 подписей, но совместными усилиями большого и малого начальства прошение осталось без последствий».⁵³⁷ Позднейшие авторы уже просто повторяли эту цитату – событие было признано имевшим место.⁵³⁸

Руководствуясь определенной логикой, губернатор Н.А. Крыжановский возбудил в МВД вопрос о переносе мечети из комплекса здания. Когда в 1866 году умер мулла Караван-Сарае, нового муллу губернатор утверждать не стал (мулла С.Даутов утвержден только в конце 1873 г.). В январе 1867 г. прихожанам предложено было перенести мечеть из здания губернских мест на другое место. В своей инициативе Крыжановский нашел поддержку со стороны казахского бия Баджана Джангельдина, предложившего оплатить перенос мечети: «находя, что мечеть, построенная при Караван-Сарае слишком отдалена от прихожан ея, проживающих в новой и старой слободках, и что она в то же время не может благоприятствовать здоровью прихожан в зимнее время - по неимению в ней печей, я, если угодно будет Вашему Высокопревосходительству, мог бы взяться перенести

⁵³⁴ Там же. Л.178.

⁵³⁵ Там же. Л.83.

⁵³⁶ ГАОО. Ф.6. Оп.13. Д.3334/1. Л. 3.

⁵³⁷ Караван-Сарай. Оренбург, 1917. С. 29.

⁵³⁸ Дорофеев В.В. Ук. соч. С. 32; Р.Р. Кутушев, М.Г. Валева. [http://www.bashedu.ru/encikl/kkk/karavan_sar.htm]; Каримуллин Б.Г. Ук. соч. С. 14. У последнего момент был еще эффектнее «дожат»: «Народ, построивший на свои средства и своими руками это сооружение, видел в нем историческую святыню». По идее, святыней могла быть только мечеть.

ее на более центральное место в новой слободке и устроить ее в более обширных размерах, с употреблением недостающего на то количества денег и собственности».⁵³⁹

Крыжановский обратился за разрешением к министру внутренних дел П.А.Валуеву с тремя письмами - двумя официальными и одним полуофициальным, где подробно объяснял мотивы переноса мечети. «в ослабление парализующего влияния магометанского фанатизма». На первое письмо министр ответил отказом. В письме от 10 июня 1867 г. он замечал: «имею честь уведомить Вас, м.г., что перенос с давних пор существующей, изящно построенной мечети, как изволили Вы выразиться во всеподданейшем отчете, должен, по мнению моему, дать новую пищу магометанскому фанатизму, следовательно, скорей способствовать его возбуждению, чем ослаблению. По сему я с своей стороны полагал бы оставить означенную мечеть с минаретом на месте ею ныне занимаемом». На остальные письма, посланные 6 и 12 июля, П.А.Валуев, возможно, не считал нужным отвечать, так как их нет в соответствующем архивном деле.⁵⁴⁰

Так и осталась мечеть рядом с присутственными местами, но совсем безоблачной жизнь прихода и служителей мечети назвать нельзя. В 1887 г. губернатор Н.А. Маслоковец обратился с отношением в МВД за разрешением на выселение из здания ахуна и казначея по причине «значительной тесноты в здании». Переписка с министерством тянулась до 1892 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий в письме от 23 января 1892 г. подчеркивал, что от прихожан нужно согласие не только на содержание мечети, но и на содержание при ней духовенства – ведь за другие квартиры пришлось бы платить прихожанам. Прихожане же отказались составлять письменное заявление о согласии. Так мечеть и ее священнослужители остались на казенном обеспечении вплоть до 1917 года.

После Февральской революции по вполне понятным мотивам комиссар Временного правительства, как новая власть, также разместился в Караван-Сарае. Однако, проходивший в июле I Башкирский съезд после обсуждения вопроса о возвращении «отнятых старым правительством башкирских имуществ и зданий», объявил, что Караван-Сарай, как «здание, построенное башкирами и мещеряками и исключительно на их средства и в 1865 г., несправедливо занятое тогдашним Генерал-Губернатором, Башкирский областной съезд объявляет национальной собственностью башкирского народа».⁵⁴¹ После съезда состоялась манифестация, завершившаяся молитвой в мечети. 7 августа «Господину Министру Председателю» (А.Ф. Керенскому) была послана просьба об утверждении решения съезда. В здании было намечено размещение Центрального шура и других башкирских и мусульманских учреждений.⁵⁴² II Башкирский съезд, прошедший в августе в Уфе, принял специальную резолюцию по вопросу Караван-Сарая, согласно которой это здание подлежало немедленному освобождению и передаче Центральному шуру, о чем президиуму съезда было поручено заявить Керенскому и Оренбургскому комиссару Временного правительства.

По распоряжению последнего был проведен сбор документов по вопросу – и общий итог был для башкирских претензий неутешителен. В центре явно решили не ввязываться в проблему - был использован излюбленный на тот момент вариант ответа: отложить до созыва Учредительного собрания. В итоге вопрос о передаче так и не был решен. На протяжении 1917 года в здании Караван-Сарая по уже сложившейся традиции размещались все структуры, полагавшие себя властными: и комиссар Временного правительства, и Совет, и Комитет спасения родины и революции. Здание было символом

---

⁵³⁹ Цит. по: Караван-Сарай. С. 29.

⁵⁴⁰ ГАРФ. Ф.1788. Оп.2. Д.120. Л.92.

⁵⁴¹ Караван-Сарай. Оренбург, 1917. С.41.

⁵⁴² Вышедший 7 августа номер газеты «Голос башкир» (орган Правительства Башкирии; основная часть материала на русском языке) говорил о «Караван-Сарайском дворце», который желательно было бы «вернуть», поскольку его заняли казаки, выделив Правительству «только» семь комнат на первом этаже. [Голос башкир. 1917. №2]

власти и придавало любому, кто там был, признак легитимности – отметим, что вне его оставались только казачьи структуры. Неудивительно, что стремление башкирского Шуро монополизировать Караван-Сарай встречало, мягко говоря, неодобрение. 15 ноября башкиры вытеснили из бывшей квартиры губернатора Совет и объявили здание Караван-Сарая с садом более 10 дес. национальной собственностью.⁵⁴³

14 ноября непосредственно в Караван-Сарае произошло событие, ставшее знаковым для оренбургской истории и без преувеличения роковым для самого Караван-Сарая - на пленуме Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов С. Цвиллинг призвал к немедленному признанию советской власти и аресту Дутова. Был создан Военно-Революционный комитет. Так началась открытая борьба за Советскую власть. Отсюда Караван-Сарай стал символом революции – своеобразным местным «Смольным» - и именно это его спасло в дальнейшем от уничтожения.

Башкирские руководители предприняли попытку добиться признания своих претензий на Караван-Сарай и от новой, теперь, большевистской, власти. В январе 1918 г., член бывшего Башкирского областного Совета Ш.А. Манатов, будучи членом Комиссариата по делам мусульман при Наркомнаце, беседовал с В.И. Лениным по данному вопросу. В феврале 1918 г. Народный Комиссариат по делам национальностей принял декрет о передаче Караван-Сарая «в полное распоряжение башкирского трудового народа в лице областного Совета башкир». Обратим внимание на важный нюанс: «областного совета башкир» - иными словами, никто не передавал Караван-Сарая именно всему «башкирскому народу», как принято писать сегодня. О законности вообще подобного акта говорить не приходится, но это далеко не единственный случай, когда при кажущемся совершенном отвержении «советской» власти, те или иные полезные конкретные решения этой власти тем не менее признаются. Конечно, никакой наркомат по делам национальностей не имел законного права вмешиваться в дело распределения зданий в губернском центре Оренбург – а именно об этом шла речь в решении. По Конституции РСФСР 1918 года над губернским Советом, совершенно полномочным в своих пределах, стоял только всероссийский съезд Советов, но никак не отдельный наркомат. Но кого это волновало тогда? Кому это интересно сегодня? Формула решения уже тогда подверглась «нужной» корректировке. В местной прессе появились материалы, которые явно были заказными. В них были расставлены соответствующие акценты, приведены нужные аргументы. Причем все они активно использовались и десятилетия спустя. Приведем целиком одну, достаточно показательную, заметку, автор которой скрыт под псевдонимом «Тот»: «Распоряжением народного комиссариата по делам национальностей Караван-Сарай со всеми постройками и находящейся при нем мечетью переданы в распоряжение трудового башкирского народа (!). Распоряжение это вызовет чувство глубокого удовлетворения в широких слоях башкирского населения так как этим актом большевистского правительства совершена справедливая передача башкирам их собственного владения. Занимающий солидную площадь караван-сарайский сад, мечеть и два огромных корпуса, где в дореволюционное время находилась квартира губернатора и свободно размещалось губернское правление построены на башкирские деньги и башкирскими руками. Построен Караван-Сарай в ужасные времена царствования в Оренбургском крае всемогущих генерал-губернаторов, которые смотрели на башкирский народ как на дикарей, и позволяли по отношению к ним самые грубые несправедливости, вплоть до ограбления башкирских денег. Оренбургские старожилы помнят хорошо эти мрачные времена и могут рассказать, как башкиры, боясь генерал-губернаторского гнева, возили из Башкирии для посадки в караван-сарайском саду многолетние сосны целиком с корнями, как усердные полицейские чины, разные исправники, секунд-майоры, которых башкиры за излишнее пристрастие к порке называли «секут-майорами», забивали

---

⁵⁴³ Оренбургский край. №25. июль 1918.

на смерть несчастных башкир, не могущих, или не желающих исполнить сумасбродные распоряжения начальства.

Много крови и слез пролито башкирами при постройке Караван-Сарая и немало башкирского пота полито на вечно-зеленые сосны караван-сарайского сада. В продолжение полстолетия истинные хозяева Караван-Сарая с завистью наблюдали как всеильные оренбургские генерал-губернаторы и просто губернаторы превращали по своему произволу то в первоклассный кафешантан, где золотая молодежь и молодящиеся старички прожигали свою жизнь, то в интимный губернаторский сад, куда не допускались никто, кроме губернаторских приближенных.

Будем думать, что местный совет башкир примет ряд энергичных мер и приспособит караван-сарайский сад для культурно-просветительских целей».⁵⁴⁴

Обратим внимание: исчезает упоминание про башсовет; к зданию прибавлены мечеть и сад; строительство было на башкирские деньги и башкирскими руками. Заявления же об «ужасных временах» вполне в духе своего времени, хотя патетический накал явно зашкаливает – ну какие старожилы могли остаться в городе, чтобы рассказать об ужасах строительства? Достаточно посчитать годы. Нельзя не заметить, что автора заметки более всего интересует сад.

Итак, башкирские власти смогли закрепить за собой здание при коммунистах; но коммунисты не смогли сами закрепиться у власти. Пришла власть новая – казачья, и башкирам пришлось вновь пытаться договариваться.

Сразу после оставления города красными, Караван-Сарай был занят казачьими учреждениями, при этом представителям башкирской власти было выделено только 7 комнат на первом этаже. Башкирские представители осторожно заявили о своем желании вернуть «дворец Караван-сарай», но ограничились пожеланием. Затем, 3 октября председатель башкирского военного совета Валидов обратился к 3-му Чрезвычайному Войсковому кругу с просьбой дать согласие на освобождение левой половины Караван-Сарая для размещения там правительства Башкурдистана «в виду отсутствия подходящего помещения».⁵⁴⁵ Союзнику пошли навстречу – тем более, что казачьи власти исторически обходились без этого здания. Постановление Войскового Правительства ОКВ от 2 ноября 1918 года за №1329 объявляло: «С освобождением Войсковым Правительством здания Караван-Сарая последнее перешло в распоряжение Правительства Башкурдистана». В то же время в Постановлении указывалось: «но Правительство Башкирии не предъявило официальных документов, удостоверяющих принадлежность Караван-Сарая со всеми вновь возведенными постройками Башкирии; в виду изложенного Войсковое Правительство [...] Постановило: поручить Войсковому Юриконсульту навести точные справки в исторических документах о принадлежности Караван-Сарая с возведенными в разное время постройками Башкурдистану и затем представить Войсковому Правительству доклад по этому».⁵⁴⁶ Из документа видно, что казачья власть пошла навстречу башкирской исключительно по политическим тактическим мотивам. Но вполне резонно она ставила вопрос о законности претензий.

Когда же в Оренбург вновь пришла советская власть, башкиры вновь стали прикрываться прежним решением – наркомнаца и Ленина.

С 1921 г. в комплексе расположился Башкирский институт народного образования (позднее преобразован в Башкирский педагогический техникум). Все башкирские авторы аккуратно отмечают, что правительство Башкирии тратило средства на ремонт здания под техникум. К 1924 году Башреспублика и Кирреспублика завершили территориальные споры, в результате чего к Киргизии отошли последние анклав, окруженные со всех сторон территорией Оренбургской губернии (напомним, что поначалу, при создании Башреспублики в нее были включены территории компактного проживания башкир, в

⁵⁴⁴ Народное дело. №7. 2.2.1918.

⁵⁴⁵ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп.1. Д.8.

⁵⁴⁶ ГАОО. Ф.Р-1912. Оп.2. Д.20. Л.244.

результате чего образовались эти небольшие анклавы с башкирским населением). Тогда же башкирское правительство согласилось передать здание Караван-сарая КирЦИКу при условии оставления в безвозмездном пользовании Башправительством части помещения, занимаемого Башпедтехникумом. По мнению историка, главными причинами решения было: «родственность башкир с киргизами, исключительное в то время тяжелое экономическое положение Башреспублики, взятие Киргизским правительством на себя обязательства полного ремонта здания».⁵⁴⁷ Есть и иное объяснение: «В 1924 г. в связи с территориальной отдаленностью караван-сарая от Башкирии это здание было передано Оренбургской губернии, входившей тогда в Киргизскую республику».⁵⁴⁸ 8 сентября 1924 г. комплекс постановлением ВЦИКа был передан Кирреспублике - в октябре была создана приемочная комиссия в составе представителей КирЦИКа, ОренГИКа и БССР. Педтехникум остался в ведении Башнаркомпроса.⁵⁴⁹ Казалось бы, все было решено. С 1924 г. Караван-Сарай - собственность КССР, точно так же, как и прочие строения Оренбурга. Теперь, по выходу губернии из состава КССР, все в Оренбурге перестало быть собственностью КССР. Однако, 21 июля 1926 года ЦИК БАСССР вышел с ходатайством во ВЦИК вновь передать Караван-Сарай в ведение БАСССР.⁵⁵⁰ При этом ходатайство было поддержано Председателем ЦИК Казакской АССР Мунбаевым, который по логике вещей вообще уже никакого отношения к происходящему не имел, поскольку губерния ушла обратно в Россию год назад. 23 сентября 1926 г. во ВЦИК был направлен «оренбургский» ответ за подписью председателя горисполкома Каширина. Указывалось, что Караван-Сарай уже был в ведении Башкирии, и теперь здание пришло в запущенный вид, что оно возвращено Казакстаном по ходатайству ОренГИКа. Откликаясь на ставший извечным «аргумент» башкирской стороны о башкирах-строителях, Каширин не без иронии указывал - ведь Ленинград застраивался украинцами, но это не дает оснований к закреплению города за Украинской ССР.⁵⁵¹ 11 ноября 1926 г. Оренбургский горсовет попросил ВЦИК передать Караван-Сарай под «Дворец труда» - вероятно, с целью удалить из здания неудобный техникум. 7 марта 1927 г. постановление 1924 года было оставлено в силе, только Оренбургу перевести куда-нибудь в иное здание башпедтехникум было запрещено.

Не возьмемся утверждать – по причине недостаточности данных – но создается устойчивое впечатление, что с башкирским педтехникумом у города началась своеобразная «холодная война». Дело было, конечно же, не в учебном заведении как таковом или национальности его учеников, а в его статусе: зав. Башпедтехникумом был одновременно представителем БашЦИКа! При нынешнем положении вещей Караван-Сарай, пусть символически, но оставался башкирским, да и власти Башреспублики явно не считали дело окончательно решенным. Со своей стороны, город искал способ вывести техникум из зданий комплекса. В 1927 г. Оренбургский Совет профессиональных союзов решил создать в данном районе большой стадион, объединив два сада - Караван-Сарая и «Карла Либкнехта». Таким образом, здания Караван-Сарая оказывались в самом центре строительства.

---

⁵⁴⁷ Янгузин Р.З. Ук. соч. С.79.

⁵⁴⁸ Калимуллин Б.Г. Ук. соч. С.15.

⁵⁴⁹ Интересно видение этого факта башкирскими историками: М.Кульшарипов ставил в вину, что передача территорий Кирреспублике, а также «башкирского народного дома Караван-сарая» «не была согласована с самим народом» [История Башкортостана (1917-1990-е годы). Уфа: БГУ, 1997. С.85-86.]. Авторы «Истории Башкортостана» объявляют это решение ВЦИКа «противоречивым» - на том лишь основании, что здание было передано еще в 1918 г. постановлением Наркомнаца. [История Башкортостана. 1917-1990-е годы. Уфа: Гилем, 2004. Т.1. С.158.]. Вообще очевидно, что ВЦИК выше, чем отдельный наркомат, но кого интересуют эти нюансы? В определенное время, понятно, достаточно было с придыханием упомянуть, что наркоматом руководил «сам» Сталин, чтобы снять все вопросы; но теперь-то...

⁵⁵⁰ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.897. Л.106.

⁵⁵¹ Там же. Л.189.

Упреждая вопрос – зачем и как можно сделать стадион вместо парка, отметим, что садовая площадь вокруг Караван-Сарая к этому времени была как бы бесхозной: баштехникум не считал сад в своем ведении, губпрофсовет – тоже. В итоге многолетние деревья без надлежащего ухода начали усыхать, решетку сада жители стали ломать и разворовывать, а сама территория, по словам журналистов «Смычки», написавших об этом, служила «случайным проходим отхожим местом, а для хулиганов любимым уголком своеобразных упражнений по физкультуре». По сути сад погибал.⁵⁵² Началась и обработка общественного мнения – в местной «Смычке» «вдруг» появилась большая по объему статья «Караван-Сарай», принадлежащая перу Ф. Могила, одного из партийных руководителей, где в нарушение традиций, здание преподносилось как оплот и символ прежде всего контрреволюции. И хотя никаких выводов не делалось, намек на ненужность сохранения постройки был очевиден.⁵⁵³

И все же, на наш взгляд, все, что затем инициировалось, делалось для того, чтобы затруднить существование учебного заведения в данном месте. Теоретически планировалось сделать к Караван-Сараю подъездные пути от улиц Караван-Сарайской, Цвиллинга, Суринской. Но судя по частоте обращений в горисполком представителей техникума о необходимости построить эти пути, и ответных решений горисполкома эти пути построить, как раз строить их не торопились. Стройка же шла полным ходом, причем проект стадиона оказался утвержден президиумом Губисполкома ощутимо позднее – 6 апреля 1928 г. При этом основным аргументом было заявление, что якобы 80% строительства уже произведено. Интересно посмотреть, что именно было сделано? А по сути дела ломали Караван-Сарай – уже была снесена ограда, образовывавшая полукруг перед минаретом, разобран фонтан. И вот тут БашЦИК устами представителя баштехникума нанес ответный удар. В декабре 1928 г. баштехникум обратился в Оренбургский горсовет с просьбой «загородить братскую могилу, оставленную под катком».⁵⁵⁴

Так началась история с могилой, порожденная проблемой претензий Уфы на Караван-Сарай, но постепенно за десятилетия выросшая в самостоятельную «оренбургскую» проблему.

Во время знаменитого набега казаков 3-4 апреля 1918 г. на Оренбург в здании Караван-Сарая, где помещался Временный Революционный Совет Башкортостана (ВРСБ), погибла часть отряда красногвардейцев по охране зданий «Караван-Сарая» во главе с начальником охраны, комиссаром зданий К.Юлмухамедовым. Так вот теперь стали утверждать, что погибших по просьбе их родственников не стали хоронить со всеми жертвами набега в известной братской могиле, а похоронили около мечети. И вот в процессе подготовки строительства стадиона захоронение якобы оказалось в зоне, предназначенной под каток. Началась новая атака во имя возврата Караван-Сарая «башкирскому народу». Последующие события были явно срежиссированными. Почти сразу прозвучал выстрел, что называется, из главного орудия – 11 января 1929 г. в центральной газете «Правда» вышла статья А.Ландау «Слезы гимназистки». В ней были повторены прежние доводы и добавлено кое-что новое. Автор утверждал, что Караван-Сарай «башкиры из-под палки построили в Оренбурге для своих угнетателей»: «Царский губернатор Перовский, инициатор постройки, шутить не любил. Стоило башкиру, пригнанному на работу в порядке повинности, допустить какую-либо оплошность – его насмерть засекали во дворе Караван-Сарая. Каравансарайские камни цементированы потом и кровью, слезами башкирскими». От Керенского башкиры толку не добились; «Учредительное собрание... не успело, по причине никому неизвестной, заняться обсуждением башкирских требований» и «лишь советская власть пошла навстречу» башкирам. О самой могиле говорилось как бы вскользь – да, был «жестокий бой», были

⁵⁵² Смычка. 1926. 8 июня.

⁵⁵³ Смычка. 1927. 16 октября.

⁵⁵⁴ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

погибшие и вот теперь могилы не стало. Гораздо больше говорилось о проекте стадиона: он-де «носит на себе печать не трезвого и дерзновенного вдохновения», и что составлен он не специалистом, и что строительство начато без согласования. В итоге оренбургским «профпамдурам» (вероятно, имелись в виду щедринские «помпадуры») досталось по полной программе. В статье был интересный момент – что правительство Башреспублики протестует против строительства «по политическим мотивам».⁵⁵⁵ Уже через несколько дней, Г.К. Шамигулов, бывший ранее зав. отделом национальностей Оренбургского губисполкома и теперь проживающий в Киеве, выступает с «открытым письмом к участникам гражданской войны на быв. Оренбургском фронте» под названием «Сохраним памятники революции. Караван-Сарай – историческое памятное место». Обращение подписано «15 января 1929 г., г. Москва». Главное в обращении – оренбургский окрпрофсоюз уничтожил могилу героев революции в Караван-Сарае! Г. Шамигулов призывал всех присоединиться к «требованию Башкирского правительства о восстановлении памятника революции». 27 января письмо публикуется в газете «Красная Башкирия»⁵⁵⁶, 6 февраля – в оренбургской «Смычке».⁵⁵⁷

Оренбургское окрпрофбюро направило в редакцию «Правды» достаточно резкий ответ, где, в частности, объявлялось, что «никакого набега казаков на Караван-Сарай никогда не было». О могиле же было сказано, что ранее не наблюдалось вообще никаких следов захоронения, и что только с началом строительства директор техникума заговорил о ее существовании. Однако, никаких доказательств относительно того, где именно она находится, он не смог привести. В итоге было «без споров» решено, что «в случае подтверждения... наличия могилы» «памятник будет поставлен по указанию на месте могилы». Однако, сообщалось далее, пока никаких доказательств никем не представлено, более того, так и не решено окончательно: если и захоронены где-то здесь люди, то кто они – красноармейцы или белогвардейцы. Тогда же окрпрофбюро обратилось в суд с просьбой сообщить сведения: кто похоронен, сколько их, когда они похоронены, найти свидетелей или родственников. Были разсланы запросы к участникам революционных событий. В феврале Бюро расследований газеты «Правда» попросило ускорить ответ по фельетону «Слезы гимназистки», в июне окрпрофбюро сообщило, что расследование пока продолжается. Есть любопытный документ – выписка из протокола заседания Президиума горсовета от 18 июня 1929 г. «о мероприятиях по увековечению памяти героев гражданской войны». В нем было решено начать работу над проектами увековечения памяти в определенных местах: в перечне есть бывшее юнкерское училище, станция Оренбург-пассажирская, и братские могилы – у «Дворца Труда», на площади Коммунаров и у станции Изобильной.⁵⁵⁸ Как видим, могилы у Караван-Сарая в списке нет. 14 мая Президиум горсовета сделал заключение, что все инициативы, идущие от руководства башпедтехникума, в том числе и разговоры о вновьявленной могиле, связаны прежде всего со стремлением последнего торпедировать строительство стадиона и не отдавать городу караван-сарайского сада. В том же архивном деле наличествует копия «особого мнения» к протоколу заседания фракции ВКП(б) горсовета от того же числа, за подписью зав. Башпедтехникумом и представителя БашЦИКа Абдуллина, где прямо сказано, кто именно утверждает о существовании захоронения: «согласно постановления Юбилейного Съезда Советов Башкирской республики предлагаемое Бюро Башобкома ВКП(б) и фракции Съезда местонахождения могилы в саду Караван-Сарая является неоспоримым фактом».⁵⁵⁹ Иными словами Бюро Башобкома требует признать наличие могилы – и все!

В итоге оренбургские власти пошли на компромисс. Горсовет принял решение «загородить братскую могилу» и горкомхозу было поручено сделать расчеты «по

⁵⁵⁵ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 76. Л. 9-11.

⁵⁵⁶ ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 807. Л. 4.

⁵⁵⁷ Смычка. 1929. 6 февраля. «Запаздывание» Оренбурга кажется нам показательным.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 12.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 15.

постройке памятника на братской могиле красногвардейцев – башкир и татар». Несмотря на то, что ни один из опрошенных не подтвердил наличие могилы, ее решили признать – есть документальное свидетельство ветеранов от 1966 года, что до 1930 года «могила была огорожена штакетником и имела временный обелиск».⁵⁶⁰ Вопрос о том, что находилось под обелиском, не обсуждался, как не обсуждалось вообще место его установки. Острота конфликта спала, тему закрыли, памятник ставить так никто и не собрался.

В октябре 1929 г. БашЦИК высказался за закрытие мечети в Караван-Сарае, поскольку во-первых, педтехникум нуждался «в расширении своего помещения», и во-вторых, мечети не место у образовательного учреждения.⁵⁶¹ Схема взаимоотношений получалась довольно запутанной: вопрос возбуждал БашЦИК, затем он обращался в оренбургский окрисполком с ходатайством о закрытии мечети, но при этом оговаривал условие – здание ее точно переходило к техникуму. Спустя две недели «Смычка» сообщила о разрешении проблемы, но по иной схеме: 31 октября БашЦИК заслушал доклад директора педтехникума, и «основываясь на ряде распоряжений ВЦИК РСФСР, а в частности, на том, что **территория Караван-Сарая принадлежит Башреспублике (!!!!), ЦИК последней постановил закрыть мечеть и передать ее в ведение Башпедтехникума**».⁵⁶² Оренбург попытался решить вопрос по-своему. Вскоре в прессе появилась статья, призывающая использовать здание мечети иначе: «Правительство Башкирии, **владеющее Караван-Сараем**, закрывая мечеть, передало ее башпедтехникуму» - в освобожденном здании нужно сделать специальный музей нацменьшинств, где выставить все, что связано с жизнью «национальностей монгольского происхождения».⁵⁶³ В качестве первых экспонатов предлагалось взять «чудную коллекцию» ковров, ставшую бесхозной после закрытия мечети и переданную «на временное хранение баштехникуму». Идея не «пошла», но Оренбургский горсовет реально передал мечеть педтехникуму под общежитие только в 1932 году, одновременно поставив вопрос перед Главнаукой об исключении ее из списка зданий, имеющих историческую ценность. Педтехникум работал в Караван-Сарае до 1936 г., затем здание было передано военному ведомству.

Времена изменились; теперь дискуссии вести стало просто не безопасно. Но достаточно неожиданно вновь возникла тема могилы. 1 июня 1936 г. в газете «Правда» была помещена заметка «Преступное головопашество», где говорилось, что оренбургский горсовет принял решение построить асфальтированную дорогу, соединяющую центр города с вокзалом. Дорогу провели строго по прямой – почему и пришлось уничтожить все, что мешало ей: ««Мудрыми» строителями уже уничтожена часть сада... и братская могила похороненных в Караван-сарае 7 апреля 1918 семнадцати красных партизан башкир и татар».⁵⁶⁴ Называлась даже дата этого уничтожения - 27 мая. Журналист призывал «проучить» «самодуров из Оренбургского горсовета». Поводом было некое письмо в редакцию из Оренбурга, где сообщалось, что при прокладке проспекта уничтожена могила «татар и башкир жертв дуговского террора». Оренбургские старые большевики стали отрицать существование особого братского кладбища татар и башкир; высказывалось предположение, что около мечети хоронили мулл, или же это были умершие солдаты дуговского татаро-башкирского полка. Интересно, что даже архивное дело, созданное тогда же, называется «С материалами о наличии якобы братской могилы».⁵⁶⁵ В итоге вопрос так и не был разрешен; в сентябре 1940 г. в Чкаловский обком ВКП(б) поступил телефонный запрос от т. Поликарпова из Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В своем письменном ответе секретарь Чкаловского обкома ВКП(б)

⁵⁶⁰ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 76.

⁵⁶¹ Смычка. 1929. 26 октября.

⁵⁶² Смычка. 1929. 19 ноября.

⁵⁶³ Смычка. 1929. 7 декабря.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 3.

⁵⁶⁵ ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 807.

Дубровицкий приводил разноречивые мнения относительно захороненных у Караван-сарая, подводя итог, что «официальных данных об этом мы не имеем».⁵⁶⁶ Судя по всему, вопрос был отложен; для успокоения общественного мнения на другой стороне проложенного проспекта была «сделана небольшая ограда. Никаких надписей не сделано».⁵⁶⁷ Вероятнее всего, все это постепенно исчезло.

Третья по счету протестная волна вокруг мифического захоронения началась в 60-х годах. 20 марта 1966 г. «Комсомольская правда» упрекнула оренбургские власти за то, что памятник «красногвардейцам татарам и башкирам» ставят так долго.⁵⁶⁸ 5 апреля по инициативе старого большевика Б.Ш. Усманова был создан интересный документ – т.н. «свидетельство» «граждан г. Оренбурга» о том, что «в 40 метрах к югу от минарета «Караван-Сарай» были похоронены в отдельную могилу красногвардейцы татары и башкиры павшие от рук дуговских белогвардейских бандитов 4 апреля 1918 года при защите города Оренбурга».⁵⁶⁹ 22 мая пенсионеры Т.Ш. Сабитов, Б.Ш. Усманов и А.В. Яковлев обратились с письмом к председателю совета клуба революционной, боевой и трудовой славы с просьбой, чтобы клуб выступил с инициативой соорудить памятник на могиле: «Мы считаем, что для сооружения памятника лучшим местом участок между зданием будущего широкоэкранный кино и кафе, против планетария, поблизости к самой могиле, или к северо-западу от минарета, около ограды детского парка».⁵⁷⁰ Затем Президиум областного совета Общества охраны памятников истории и культуры 12 сентября 1966 г. постановил «определить место братской могилы...и войти с предложением в Исполком Горсовета о постановке памятника или памятного знака на этой могиле».⁵⁷¹ Совет клуба 30 сентября принял решение «считать факт уничтожения братской могилы .... недопустимым явлением и просить Оренбургский горком КПСС о восстановлении памятного знака».⁵⁷² 10 июня 1967 г. был составлен акт, подписанный комиссией в главе с главным архитектором города, «о выборе места памятного сооружения»: «После осмотра местности, около этой братской могилы нашли подходящее место для сооружения памятника между зданиями кино «Космос» и кафе».⁵⁷³ Наконец, 22 августа в решении горисполкома было записано, что в 1929 году надгробие могилы было разрушено «при реконструкции Паркового проспекта» (отметим, что это – неправда). Потому решено было «восстановить обелиск» до 25 октября 1967 г. «Восстанавливать» не спешили, есть заявление Б. Усманова от мая 1968 г., что с памятником ничего не делают. Но в итоге – сделали; на выбранном месте был установлен памятник – куб, на котором приведены слова Мусы Джалиля «Умирая, не умрет герой, мужество прославится в веках».

Итак, подытожим. История о могиле родилась по иной причине, нежели из стремления увековечить память погибших. Следов могилы не было изначально; никто так и не смог показать ее реальное местонахождение. В 1929 году временный обелиск был поставлен просто так. Дорога к вокзалу 1936 года действительно прошла очень близко к комплексу, как бы срубив его часть. Для успокоения вновь сделали временную (и добавим – «фальшивую») могилу – теперь уже на другой стороне проспекта. Почему фальшивую? А вернемся к «свидетельству» ветеранов – даже если могила и была, то к югу от Караван-сарая. В 1966 г. собственно могила никого не интересовала – из приведенных выше документов видно, что место под памятник выбиралось с архитектурной, эстетической, точки зрения, и лишь потом акценты были переставлены и стали говорить о наличии под установленным памятником захоронения.

⁵⁶⁶ ЦДНИОО. Ф.571. Оп.4. Д.307. Л.1-2.

⁵⁶⁷ Там же. Л.2.

⁵⁶⁸ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 7.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 7-8.

⁵⁷¹ Там же. Л. 13.

⁵⁷² Там же. Л. 14-15.

⁵⁷³ Там же. Л. 16.

А было ли захоронение? В 1929-ом, не смотря на упорные поиски, не было найдено ни одного свидетеля. Не было их найдено и в конце 1930-х гг. Упомянутое «свидетельство» 1966 г. вызывает определенные сомнения – через полвека? Причем документ подписали 20 чел., поровну поделившись на тех, кто «помнит ограду братской могилы», и тех, кто «присутствовал при похоронах». Практически все подписавшие – «мусульмане», русский только один – Яковлев А.Т., 1897 г. р. По возрасту: самый старший свидетель 1890 года, самый младший – 1917-го!⁵⁷⁴ Напомним, что речь шла о событиях апреля 1918-го года. Если могила и была, то вероятнее всего, она должна была бы остаться под асфальтовым покрытием проспекта. Кстати, нет ясности и в отношении того, кто там мог быть похоронен. В газете «Мухбир» («Известия», орган Оренбургского мусульманского комиссариата при губисполкоме) №13 от 15 апреля 1918 г. был приведен список погибших в набег мусульман из семи человек (отметим – не похороненных в определенном месте, но погибших). Г. Шамигулов в том газетном обращении 1929 года писал о 37 похороненных, причем, по его утверждению, погибших как при первом взятии Оренбурга в январе 1918 г., так и при набеге 4 апреля. «Правда» в 1936 г. писала о 17-ти похороненных «красных партизанах». Бывший член ВСРБ А. Алпаров позднее приводил список погибших красноармейцев «на основании найденных и проверенных личных документов, изложенных на страницах газеты «Мухбир»» - к семи названным в газете прибавились комиссар зданий «Караван Сарая» К. Юлмухаммедов и оставшийся неизвестным один из красных охранников – итого 9.

Тем не менее, история с могилой не завершилась. Четвертая протестная волна пришла на 2007 год. В июне началась реконструкция кинотеатра «Космос». Имам-хаттыб мечети У. Гумеров обратился в областной департамент по культуре и искусству с призывом не допустить осквернения могилы мусульман. Потом представители двух молодежных организаций провели акцию протеста против «надругательства над братской могилой». С запросом о «варварстве» обратились к губернатору коммунисты.⁵⁷⁵ В итоге, уже достаточно традиционно, власти пошли на компромисс - и после завершения строительства ничего не отмечающий памятник остался на прежнем месте. А это значит, что тема не закрыта. Вот, из последних сообщений – декабря 2010 года. В телефонном разговоре с губернатором области Ю. Бергом президент Башкирии Р. Хамитов высказал идею передачи башкирской стороне историко-культурного комплекса «Караван-Сарай». Сообщивший об этом событии журналист озвучил позицию губернатора – что Караван-Сарай есть наследие всех народов Оренбуржья.⁵⁷⁶

Глава 12. Народники

«Одним из активных участников народнического движения в крае был М.Д. Муравский. В 1860 г. за участие в революционном движении он был сослан сначала в Бирск, затем – в Оренбург» (1976). «Одним из активных участников народнического движения в крае был М.Д. Муравский (1837-1879). В Оренбург он был сослан в 1860 г. за участие в Харьковско-Киевском революционном кружке» (1988). «Большое воздействие оказывали также политические ссыльные. Так, в 1860 г. в Оренбургскую губернию был сослан Митрофан Данилович Муравский» (1996).

На всем протяжении советского периода важной и постоянной составляющей для всех периодов нашей истории вплоть до великой революции 1917 года был показ постоянного усиления эксплуатации и наступления реакции со стороны царского

⁵⁷⁴ ГАОО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 76.

⁵⁷⁵ В. Моисеев. История в кубе. // Российская газета. 22.1.2008.

⁵⁷⁶ Оренбургский край. 2010. №4. С.34.

правительства и столь же постоянного роста революционного движения. Тезис о том, что революционная деятельность усиливалась постоянно, привлекая все новых и новых участников, побуждал историков к поиску таковых. Особенно много их было найдено – по сравнению с предшествующими периодами - для второй половины XIX века. Основным источником информации были материалы т.н. III Отделения, в принципе в свое время занимавшейся тем же поиском, но с несколько иными целями. За десятилетия был создан массив литературы, и многие моменты приобрели видимость аксиом. Каждый новый исследователь использовал уже существующие публикации, не стремясь к перепроверке данных в архивах. Обращение же к архивам неожиданно выявляет, что здание логических построений, никем уже не оспариваемое, во многом построено на зыбкой основе.

Среди деятелей российского освободительного движения нашего региона на первом месте по значимости стоит Митрофан Муравский, активный участник народничества 70-х гг., накануне реформ 1860-х гг. бывший в ссылке на Южном Урале. Как раз на его примере можно хорошо показать, как происходило создание подобных легенд. Писавшие о деятельности Муравского в 1870-х годах, находили подтверждение его авторитету и опыту, ссылаясь на работы о годах 1860-х; писавшие о 1860-х годах, учитывали, кем он стал в 70-х, и потому не скупилась на похвалы его деяниям раннего периода, стараясь поубедительнее показать его революционную активность уже тогда. Шло как бы взаимное опыление – авторы, ссылаясь друг на друга, создавали единую картину, сходясь в одном – каждое лыко шло в строку – иными словами, чрезмерная революционность не возбуждалась.

Митрофан Данилович Муравский был уроженцем Оренбургской губернии, Бирска или Бирского уезда – точно не известно, как точно не известен год рождения – около 1836 г. Он отправился учиться в Харьковский университет, но проучился недолго, и уже в 1855 году был привлечен по делу Харьковского тайного студенческого общества. Как писалось в докладе председателя особой следственной комиссии сенатора Жданова, «средством к достижению цели полагали, между прочим, распространение либеральных понятий между простым народом и раскольниками, как людьми более других склонных к перевороту, по причине недовольства своим положением... Но уже в то время ясно было заявлено намерение – под видом распространения грамотности готовить простой народ к принятию участия в осуществлении преступных целей».⁵⁷⁷ Насколько в этом был замешан конкретно Муравский, неизвестно, но в пользу того, что он не был активным деятелем общества, говорит наказание. Способ наказания для молодых людей за подобное – т.е. не активную деятельность, но «причастность» - практиковался один: высылка по месту жительства. Ссылка – есть иной, более суровый вид наказания; кроме того, ссылка могла быть только в Сибирь, любые насильственные перемещения до Уральского хребта в XIX веке назывались не ссылкой, но высылкой. Так Муравский вернулся в Бирск. Жить на что-то было надо, почему он и вынужден был заниматься письмоводством в канцелярии уездного мирового судьи. Провинциальное бытие казалось юноше невыносимым, и едва ли не единственной отдушиной для него (как и для многих иных молодых людей той поры) стала переписка. Поначалу со своими товарищами по Харькову, также разосланными по стране, несколько позже с друзьями своих друзей. По содержанию письма далеко выходили за обычные восточки эпистолярного жанра: и по содержанию – адресаты обменивались мыслями, обсуждали общие темы, делились планами; и по объему – некоторые письма сопоставимы с дневниковыми записями (некоторые письма Муравского имели объем до десяти страниц, со вставками типа «на сегодня завершаю, завтра с утра продолжу»)⁵⁷⁸ По сравнению с уездным Бирском Оренбург казался более привлекательным, почему Муравский в итоге добился разрешения переселиться туда и

⁵⁷⁷ Цит. по: Мих. Лемке. Молодость «отца Митрофана» // Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб., 1908. С.281.

⁵⁷⁸ Публикация писем Муравского: Мих. Лемке. Молодость «отца Митрофана». С.279-331.

поступить на службу в Правление области оренбургских киргизов.⁵⁷⁹ У спецслужб той поры были свои методы работы, в частности, регулярная перлюстрация писем. После обнаружения «крамолы» они начинали работать по схеме: арестовывали автора письма, все его бумаги и переписку, затем проводили аресты – на всякий случай – обнаруженных адресатов, изучали их переписку и их корреспондентов и т.д. Несмотря на кажущуюся бесконечность процесса – теоретически цепочка могла не кончиться – конец наступал; не надо забывать, что почтовое сообщение не было таким уже широко распространенным и число корреспондентов было ограничено. Вот в такую цепочку помимо своей воли попал и Муравский, оказавшись третьим в неведомой ему игре – адрес его корреспондента был найден у одного арестованного, и в итоге в сентябре 1862 г. в Оренбург пришел приказ об аресте Муравского и его бумаг и доставке таковых в столицу, разумеется, без каких-либо объяснений. Приказ был исполнен. Муравский ряд месяцев провел в тюремной камере, регулярно вызываемый на допрос – причем ни он не видел за собой вины, ни жандармы не знали, о чем его спрашивать. Потому следствие не смогло доказать его «подрывной деятельности». Но видимость активности поддерживалась, бумаги писались, процесс шел. В конце концов его следовало отпускать, но Муравский сам сделал жандармам подарок – на последнем допросе он вдруг сделал громкое заявление: «В последние три или четыре года, я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и все ныне существующие власти) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа и что единственное средство к перемене существующего порядка, остается, по моему мнению, путь насильственной революции».⁵⁸⁰ Можно представить себе облегчение, которое испытали жандармы... Муравскому было предложено собственноручно написать это, он написал... и месяцы, проведенные в тюрьме, оказались не ошибкой властей. Несколько позже, 20 января 1863 г., он попытался смягчить ситуацию, «добавив, что никаких действий или попыток действовать в духе своих убеждений он не предпринимал, а составил только теоретическое мнение, которого держится и теперь и которое может переменить».⁵⁸¹ Но было поздно. Поступок сей – мы имеем в виду заявление – был неумел во всех смыслах: он подставил самого себя, в итоге загремев на каторгу, и подставил своих же товарищей. Теперь, как корреспонденты такого серьезного революционера, были арестованы Манассеин в Казани, Ефименко в Красноуфимске, Праотцев и Распутин в Каргополе, Гаршина, Спасский и Воронков в Санкт-Петербурге. Иначе говоря, он и сам сломал свою жизнь, и ощутимо испортил ее другим.

В 1863 году его приговорили к лишению всех прав состояния и каторжным работам в Восточной Сибири сроком на 8 лет. Кстати, работы он отбывал в Нерчинском округе вместе с Н.Г. Чернышевским. На каторге отбыл около шести лет, потом был переведен на поселение.

В ноябре 1871 г., по освобождении, Муравский вернулся в Оренбург. Был письмоводителем контрольной палаты, находился под строгим негласным надзором полиции. Как утверждают некоторые оренбургские историки, с 1870 г. в Оренбурге существовал гимназический кружок самообразования, который с 1872 г. стал революционным народническим (т.н. «кружок оренбуржцев») и тогда же к нему присоединился Муравский. В 1874 г. ряд «оренбуржцев» участвовал в «хождении в народ», в том числе был и Муравский, прошедший в июле-августе от Оренбурга до Челябинска 1200 км. 11 сентября 1874 г. Муравский был арестован в Челябинске, предан суду (по делу «о пропаганде в империи») – он же знаменитый народнический процесс «193-

---

⁵⁷⁹ М. Лемке в примечании указывал: «на высшем разряде».

⁵⁸⁰ Из всеподданнейшей докладной записки Г.И. о ходе дела высочайше утвержденной в Спб. Следственной комиссии. Т.1. 21 октября 1862 г. [ГАРФ. Ф.95. Оп.1. Д.437. Л.91.]

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф.95. Оп.1. Д.437. Л.177.

х») и осужден на 10 лет каторжных работ. Умер 6 февраля 1879 г. в Ново-Борисоглебском центре Тамбовской губернии.

Вот такая биография. А теперь: как ее можно приукрасить. Исходный тезис таков – видный деятель времен «хождения в народ» «начинал» еще в 1850-х гг. Конечно же, в «бирской ссылке» он не сидел – просто не мог сидеть! – сложа руки. Он действовал. Любопытно отметить, что источников по «бирской ссылке» почти нет – только подборка писем самого Муравского, опубликованных М. Лемке в 1908 г. Так вот выдергивая, что называется, «с кровью», цитаты из писем и «дожимая» комментариями до «нужного» вывода, историки активно лепили легенду.⁵⁸² Приведем только несколько примеров. Так, Муравский писал, что «мысль о воскресной школе явилась у учителя здешнего уездного училища Петрова».⁵⁸³ Г. Вульфсон утверждал, что Муравский был организатором революционного кружка в Бирске, создателем воскресной школы для «легального воздействия на умы» крестьян. Преувеличена была информация о кружке. Вульфсон писал: «Муравский... начал сколачивать свой кружок из учителей местного уездного училища. Вскоре к кружку присоединились еще два-три представителя разночинной интеллигенции». На самом деле, у Муравского написано: «До сих пор собрания училищного штата (для краткости я буду называть училищным кружком не только учителей, но и коротких знакомых)». Очевидно, что сам Муравский «кружком» называл круг лиц, причастных к школе и литературным вечерам, вовсе не вкладывая в понятие «кружка» того смысла, который хотел бы видеть историк. Другой автор трудов Муравского в правление области оренбургских киргизов объяснял исключительно стремлением его «ознакомиться с положением казахов», а уж никак не материальными нуждами.

Понятно, что на определенном историческом промежутке нашего прошлого высказывать сомнения в революционности тех, кого официально полагали революционером, было опасно для жизни. Но потом, когда ситуация смягчилась, обнаружился уже такой пласт публикаций, причем в одном ключе, что никто не отваживался вступить в дискуссию с таким количеством авторитетов.

Исследователи очередного исторического этапа сразу базировались на готовых построениях предшественников, в свою очередь, стараясь шагнуть еще дальше. Неудивительно, что вскоре двадцатилетний Муравский оказался лидером (вариант: одним из основателей) первой «Земли и Воли», что резко повышало его революционный статус. Перекидывая своеобразный мостик в 70-е годы, авторы активно использовали прозвище Муравского той поры – «отец Митрофан».⁵⁸⁴ В литературе установилась традиция называть Муравского «отцом Митрофаном» на всем протяжении его жизни. Обычно

---

⁵⁸² Всех не перечислишь; отметим несколько работ, на которые мы ссылаемся. В целях экономии места не будем давать построчные ссылки. Вульфсон Г.М. Использование разночинцами-демократами легальных возможностей для революционной работы // Из истории Татарии. Казань, 1965; Он же. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974; Орлова С.А. М.Д. Муравский в революционном движении 60-70-х гг. XIX века (К проблеме эволюции идеологии и тактики революционной демократии). Пермь, 1973; Ковалева И.Н. Демократическое движение молодежи России в период первой революционной ситуации. М., 1987; Галиев В.З. Ссылные революционеры в Казахстане: вторая половина XIX в. Алма-Ата: Казахстан, 1978; Рабинович Я.Б. Ревнителю прав народных: очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х - начале 80-х годов XIX века. Пермь, 1989.

⁵⁸³ Лемке М. Ук. соч. С.302.

⁵⁸⁴ Г.Арсеньев в монографии о В. Манассеине заявлял, что последний якобы «в своей работе...руководствовался инструкциями своего высшего «центра» - «отца Митрофана» [Арсеньев Г.И. В.А. Манассеин (Жизнь и деятельность). М., 1951. С.19]. Я.И.Линков утверждал, что Муравский был инициатором («душою») и организатором кружка в Бирске. ««Отец Митрофан» обменивался опытом», - писал он: «давал советы» членам Казанской тайной организации, ставил «практические задачи» [Линков Я.И. Революционная борьба А.И.Герцена и Н.П.Огарева и тайное общество «Земли и Воли» 1860-х годов. М., 1964. С.148, 204].

авторы объясняли прозвище глубоким почтением, которое молодые революционеры якобы испытывали к нему. Поясним прозвище несколько позднее.

О значительной организационной работе Муравского сообщала даже академическая обобщающая монография «Революционная ситуация в России в середине XIX века»: Муравский якобы «пытался организовать в широком масштабе постоянно действующую почту из преданных революционерам и революции почтальонов, предварительно привлекая их в качестве учеников в воскресные школы».⁵⁸⁵ Основанием для столь далеко идущего вывода стал факт единичного посещения Муравским почты – причем сам Муравский писал своему корреспонденту примерно так: сейчас относит на почту для тебя письмо и подумал, что хорошо было бы договариваться с надежными людьми на почте, с тем, чтобы письма наши избегали бы угрозы перлюстрации.

Конечно, подобное стоило бы доказывать – но историки ограничивались сентенциями, типа: «если на основании всего вышесказанного нельзя утверждать формальной принадлежности М.Д.Муравского к «Земле и Воле» 60-х годов, то характер его практической деятельности в указанный период, круг связей ... убедительно свидетельствуют...»⁵⁸⁶ А в «бирской ссылке» он не много не мало «разработал и начал осуществлять широкий план революционно-пропагандистских действий по подготовке народного восстания».⁵⁸⁷ Когда же дело доходило до аргументов, то называть их так было просто неловко. Судите сами: «Мы не можем категорически утверждать, что революционные разночинцы-преподаватели воскресных школ знакомили своих учащихся с прокламационной литературой, однако известно, что у этих учителей была дома нелегальная литература, и, возможно, что с этой литературой знакомились некоторые ученики...когда приходили на занятия...к этим учителям домой».⁵⁸⁸ Пожалуй, самым эффективным «доказательством» можно назвать следующее заявление: отсутствие документальных доказательств и есть доказательство высокого мастерства революционера – опытный конспиратор Муравский не оставлял ни одной компрометирующей бумаги.⁵⁸⁹

Факты неумолимо свидетельствуют, что в начале 1860-х гг. будущий народник 1870-х Митрофан Муравский не имел как бы «полагающегося» ему интереса к крестьянству. В письмах его абсолютное большинство новостей – узнаваемых от одних корреспондентов и передаваемых другим – новости университетской жизни. Есть характерное свидетельство в письме Завадскому от 10 октября 1861 г.: «о польских панихидах в Питере, Москве и Киеве, о восстании крестьян Казанской губернии [знаменитые Безднинские события!], о панихиде казанских студентов и о прочем, вы уж, верно, знаете, – да и не время писать. **Все это ничто** в сравнении с последней новостью, с этим первым явлением драмы, с наступившим уже **наконец столь долго ожидаемым настоящим делом, целью** [подчеркнуто нами – Д.С.]: закрытием петербургского университета и последствия этой необдуманной шалости».⁵⁹⁰ Вот эту цитату никто из мифологизаторов, конечно же, не использовал.

Как уже отмечалось, считается, что по возвращении Муравский присоединился к т.н. оренбургскому народническому кружку. Кружок самообразования действительно был, и входили в него гимназисты и гимназистки: П. Орлов, Л. Щиголов, Д. Аитов, Е. Малышевич, С. Аронзон, Мария и Юлия Решко, П. Блударев и др. Собирались они в доме гимназиста Сергея Голоушева, чей отец был начальником губернского жандармского управления. После окончания гимназии в 1863 г. некоторые молодые люди отправились в столицу, где в Петербургской медико-хирургической академии они объединились в

⁵⁸⁵ Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С.162.

⁵⁸⁶ Орлова С.А. Ук. соч. С.89-90.

⁵⁸⁷ Ковалева И.Н. Ук. соч. С.31.

⁵⁸⁸ Вульфсон Г.М. Разночинно-демократическое движение ... С.211.

⁵⁸⁹ Орлова С.А. Деятельность М.Д. Муравского в период создания «Земли и Воли» 1860-х годов // Исследования по истории Урала. Вып. II. Пермь, 1972. С.40. Вполне сопоставимо: отсутствие в египетских пирамидах проводов свидетельствует, что египтяне знали радио.

⁵⁹⁰ Лемке М. Ук. соч.. С.297-298.

землячество, получившее потом неофициальное название кружка «оренбуржцев».⁵⁹¹ Последний факт, могущий считаться установленным – некоторые из этих молодых людей приняли участие в «хождении» 1874 г. и были осуждены по процессу «193-х».

Далее: о сомнениях, додумываниях и просто фантазиях. М.Н. Ефименко полагает, что народнический кружок существовал в 1872-1874 гг. на базе гимназического кружка самообразования, имевшего место быть в 1870-1872 гг. Простой подсчет показывает, что создавать его должны были восьмиклассники. А у Ю.С. Зобова было иное видение. Именно он ввел в местную историографию сюжет о местных народниках, разрабатывал его и углублял. В учебном пособии 1988 г. он писал, что Муравский в 1871 г. вошел в народнический кружок, «организованный незадолго до этого С.С. Голоушевым».⁵⁹² Затем произошла корректировка: кружок именно под влиянием Муравского приобрел революционный характер.⁵⁹³ Даже забавно, что вариант, зачем дети собирались вместе – учить уроки (напомним – кружок самообразования!) - не рассматривается никем. Зато: «кружковцы вели жаркие споры о борьбе против несправедливости и насилия, за социальное освобождение трудового народа».⁵⁹⁴

М. Ефименко связывает переход кружка на народнические позиции также с приходом туда Муравского, но в 1873 г. Но даже если принять дату 1871 год - что получается? Муравский вернулся в Оренбург в ноябре 1871 г., так что знакомство, даже если бы было, не могло произойти раньше. И что же это за знакомство? Тридцатипятилетний мужчина общается с подростками-девятиклассниками? Не вкладывая в это модного сегодня подтекста, обратим внимание на то, что Муравский не мог так просто и так быстро познакомиться с гимназистами, не мог посещать их «горячие споры о нуждах народа». Он никак не мог ходить в дом начальника ГЖУ. Напомним, что он был под строгим негласным надзором – а что это значит? А это значит, что за его передвижениями и контактами велся постоянный контроль и соответствующие бумаги регулярно ложились на стол ... начальнику ГЖУ С. Голоушеву. Неужели кто-то будет утверждать, что последний не обратил бы внимания и не принял бы соответствующих мер, имея место визиты каторжанина к его сыну? Если же кому охота подсочинить что-нибудь в духе уже названных выше писаний – ну вроде того, что Муравский был опытный революционер – заметим, что Оренбург был город небольшой и все было как на ладони. Так что особой конспирации тут не получалось. Мы знаем по архивным делам, как в начале XX века филеры определяли круг членов местных революционных организаций. На все требовалось около недели. За подозреваемым ходил филер, потом он ежедневно сдавал детальный рапорт – кто с кем и когда общался. Анализ частоты контактов почти сразу очерчивал основное ядро организации, прочее же – дело техники.

Мы склонны считать, что никакой особой революционности у ребят не было, как не было тесного сотрудничества с Муравским и всего прочего. Вероятнее всего, с народническими идеями они познакомились позже, в столице. У нас также нет убедительных доказательств, как и у иных версий, но наша более логична. Другое дело, что если ее принять, то рушится тезис о том, что после отъезда группы на учебу в столицу, «оставшуюся в Оренбурге часть кружка» возглавили Муравский и П. Орлов – а это, в свою очередь, уничтожает версию о революционном кружке гимназистов. Тот факт, что некоторые из оренбуржцев приняли участие в «хождении в народ» в 1874-м, вовсе не доказательство их готовности к революции в 1871-м. Уместно напомнить слова известного историка Н. Кареева: ««После» еще не значит «вследствие»».⁵⁹⁵

⁵⁹¹ Некоторые краеведы так называют этот самый кружок самообразования в Оренбурге.

⁵⁹² История родного края. 1988. С.53-54.

⁵⁹³ Зобов Ю.С. Революционно-демократическое движение в Оренбурге. // Оренбург. Челябинск: ЮУКИ, 1993. С.80; История Оренбуржья. 1996. С.120.

⁵⁹⁴ Зобов Ю.С. Революционно-демократическое движение... С.80.

⁵⁹⁵ Кареев Н. Историка (Теория исторического знания). Петроград, 1916. С.111.

Но даже убежденные сторонники версии о революционности провинциальных ребятишек отмечали, что каких-либо особых действий за оренбуржцами не отмечалось – все сводилось к спорам и обсуждениям. Имеющееся в распоряжении исследователей эпистолярное наследие является более источником по их мировоззрению, взглядам; так что неудивительно, что они привлекали и привлекают больше внимание философов.⁵⁹⁶ Из реальных действий можно назвать «хождение в народ» в июле 1874 года некоторых «оренбуржцев»: С. Голоушев, М. Веревочкина, П. Орлов, сестры Решко. Но и эти немногие оказались разочарованы увиденным: С. Голоушев, в частности, жаловался на непродуктивность деятельности.⁵⁹⁷ Большинство «оренбуржцев» отошло в дальнейшем от революционной борьбы. И это тоже показатель.

Несколько особое место в «хождении» 1874 года занимает самостоятельный «поход» Муравского. Он добился перевода из Оренбурга в Челябинск, куда и отправился своим ходом, преодолев за два месяца значительное расстояние. Историки утверждают, что он прошел 1200 верст и свое путешествие он «использовал для «хождения в народ»». ⁵⁹⁸ Отметим, что по данным жандармов пройдено было 420 верст.⁵⁹⁹ Маршрут следования М. Муравского известен достаточно подробно – из Оренбурга на протяжении почти 2-х месяцев он сам делал записи в записной книжке, позже изъятой при аресте.⁶⁰⁰ Начатое следствие способствовало тому, что легенда о выдающемся революционере получила продолжение. Создается впечатление, что легенду эту начали создавать сами власти, а еще точнее – жандармы. Внимательнейшим образом они перепроверили все контакты Муравского. Специально командированный в Оренбург подполковник Владимирский просил губернатора, чтобы за всеми лицами, упомянутыми в книжке, «имелось негласное наблюдение и даже обыски, если будут сведения о получении этими лицами от Муравского каких-либо книг или записок».⁶⁰¹

Жандармы крайне преувеличивали значимость Муравского и возможную эффективность его пропагандистского воздействия – собственно розыск не дал практически никаких результатов. Однако факт пристального внимания со стороны карательных органов был использован советскими историками.

Если же свести воедино и обобщить все данные о том, что делал Муравский, то картина складывается достаточно бедная. В разных селах он именовал себя по-разному – учителем (с. Куроедово), польским мятежником (Преображенский завод), «хохлом, ищущим места в винном погребе» (х. Сарабильский), отставным солдатом, идущим в Челябинский уезд на родину (д. Упары), мешанином, едущим в Челябинск на должность (д. Петровка). В отдельных селах вел беседы: так, в д. Слоновке рассказывал о том, что во многих будто бы местах крестьяне выгнали своих священников и совершенно отказались

---

⁵⁹⁶ Историки, выборочно их используя, делали порой весьма обзывающие выводы без должной аргументации. Так, Ю. Кизин достаточно голословно утверждал, что «оренбуржцы» якобы были сторонниками М. Бакунина: «Большинство «оренбуржцев» намеревались немедленно поднять крестьянство на восстание». [Кизин Ю. П. Революционная пропаганда народников среди крестьян Южного Урала // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII - начале XX вв. Уфа: БФАН, 1981. С. 101.]

⁵⁹⁷ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 738. Л. 3.

⁵⁹⁸ Кизин Ю. П. Из записной книжки революционера. // Археография Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 133.

⁵⁹⁹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 77. Почему-то никто не хотел просто посчитать: два месяца – это 60 дней; если принять 1200 верст, то получается по 20 верст в день. При этом он и напивался в отдельных селах, и оставался на несколько дней и т.п. Вопрос риторический – как можно преодолеть такое расстояние пешком?

⁶⁰⁰ Записная книжка была опубликована в 1976 г. Ю. Кизиным в сборнике «Археография Южного Урала» [С. 134-139.] Публикатор утверждал, что по «походу» Муравского сведения ограничены – в распоряжении историков есть только два письма Муравского и сообщение начальника Оренбургского ГЖУ. Теперь же прибавлялась публикация записной книжки. [Там же. С. 133.] Однако историк умолчал о двух жандармских донесениях, имеющих в Госархиве Оренбургской области. Текст записной книжки почти ничего не дает версии о якобы проводимой Муравским большой пропагандистской работы. А вот донесения как раз ставят под сомнение эту версию.

⁶⁰¹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 73-73 об.

от них. В другом селе в кабаке уверял сидельца, что новая воинская повинность будет для крестьян тяжелее прежней и что начальство теперь «сожмет народ». В Ташле расспрашивал о сельской школе и советовал «похлопотать у общества, чтобы оно согласилось взять учителем гимназиста Оренбургского гражданской гимназии Шиманского». Кое-где он пытался читать вслух книги, несколько экземпляров подарил, в одном случае попытался расплатиться книжкой за провоз. Есть возможность, сопоставив данные, установить, какими книгами он располагал: несколько «сказок», среди них - сказка о 4-х братьях, книжка про то «как жилось крестьянам у помещиков», «Летопись рабочего движения», «Что делается на родине», «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. В д. Сосновке он провел два дня, работая с крестьянами в поле, а вечером читал им книжку. Допрошенный позже крестьянин Веденеев заявил, что «не помнит ничего из услышанного, так как от усталости спал во время чтения». В целом же в его действиях больше авантюризма, нежели серьезной организационной работы. В Преображенском заводе он на полном серьезе изучал окрестности, утверждая, что «по причине его местности (горы, скалы, леса) должно со временем сделаться центром военных действий, штаб-квартирой». Идея подкреплялась словами местного жителя, что «людей, имеющих ружья и хорошо стреляющих, в здешних околицах множество».⁶⁰² Даже первое задержание его произошло потому, что в Преображенском заводе, напившись в кабаке, он «стал бранить крестьян». Возмущившимся мужикам он вдобавок заявил, что он – «польский мятежник». Услышав о таком, волостной староста решил, что спокойнее всего будет его на время арестовать. Освободили его через день.

Когда по следу Муравского прошли жандармы, это вызвало определенное оживление среди крестьян, объясняемое историками как едва ли не как сочувствие ему. Мы склонны видеть в нежелании крестьян вести беседы о Муравском, давать показания не столько проявление солидарности с ним, сколько нежелание связываться с полицией. Так, Веденееву и его брату Муравский оставил две книги. В дальнейшем Веденеев скрыл от жандармов само посещение, но крестьяне «уличили их». Веденеевы объяснили, что молчали «со страху» и книги сразу сожгли. У крестьян Муравский оставил сложное впечатление о себе: от удивления до подозрения и непонимания. Исключительной по сути была реакция хозяйки квартиры в Преображенском заводе, где останавливался Муравский. Пришедшим его арестовывать сотским она шепнула: «вы этого человека не задерживайте, и не обижайте: это ведь переодетый жандар, царский посланец, - его царь послал узнавать, не обижают ли где господу крестьян, - теперь вы обгадите его, - смотрите, как бы он после того в колпак вам не насрал». Один из сотских, не особо удивясь, отреагировал просто: «Э, так нужно предупредить об этом старшину».⁶⁰³ По большому счету и сам Муравский не обманывался относительно мужиков, с которыми ему доводилось общаться, именуя их в своих записях «жопеями» - «перво-» и «второстепенными».⁶⁰⁴

Из всех лиц, контактировавших с Муравским и определенных жандармами, пострадал только бывший учитель народной школы с. Куроедово Алексей Акимов, собственно и пригласивший Муравского приехать к нему в село. Оттуда Муравский и отправился в свой поход. Акимов был 9 октября 1874 г. арестован «по подозрению в участии в обществе народной пропаганды». Никаких прямых обвинений против него сделано не было, тем не менее он был выслан.⁶⁰⁵

Советские авторы всячески стремились доказать, что агитация находила в среде крестьян широкую поддержку. Система доказательств революционного воздействия народников на массы оставалась прежней – авторы все также строили свои рассуждения на предположениях и догадках. Так, Г. Сапаргалиев и В. Дьяков откровенно писали, что

---

⁶⁰² Там же. Д.4. Л.67.

⁶⁰³ Там же. Л.66 об. – 67.

⁶⁰⁴ Там же. Л.66 об. – 67.

⁶⁰⁵ Там же. Л.67.

«трудно сказать, насколько широко велась такого рода пропаганда соратниками Муравского и какова была действенность этой пропаганды». Тем не менее, они заключали, что «не исключено, что она [пропаганда] оказала влияние даже на возникновение «бунта» казачества в Уральской области».⁶⁰⁶ Стремясь доказать эффективность воздействия революционеров, авторы оспаривали даже заявления источников из самой народнической среды. Цитируя свидетельство, что народники «не получали отдачи»⁶⁰⁷, они тут же подчеркивали, что «сказанное не означает, что народническая пропаганда не находила отклика в деревне».⁶⁰⁸

Авторы той поры старались использовать все факты, которые можно было использовать в интересах доказательства своих выводов. Так, уже после ухода М. Муравского в августе 1874 г. в Оренбурге была обнаружена листовка. Ю. Кизин заключал, что «весьма вероятно, что это было делом лиц, связанных с Муравским».⁶⁰⁹ В обобщающей книге «Оренбург» было сделано тоньше – о листовке просто упоминалось в главе, рассказывавшей об оренбургских народниках, и это неизбежно наводило на мысль об их причастности к этому изданию. В учебнике 1996 г. Ю.С. Зобов еще более усилил связь фактов: сразу после рассказа о том, что оренбургские народники знакомились с идеями марксизма и I Интернационала, говорилось: «В Оренбурге в августе 1874 г. распространялась прокламация народников за подписью «Агенты революционного интернационального общества»».⁶¹⁰ Приведенная далее цитата обращения «агентов» к «гражданам оренбургским» подтверждала местное происхождение. Нами установлено, что упоминаемые рукописные прокламации были предметом следственных мероприятий, но жандармы не установили никакой связи между ними и местными народниками.⁶¹¹ Отсутствие очевидных доказательств авторы компенсировали рассуждениями и косвенными свидетельствами. Так, тезис о том, что «настроение неудовольствия было весьма распространенным», подкреплялся исключительно тем доводом, что «крестьяне спокойно выслушивали такие высказывания» - при этом речь шла о случае, когда агитатор назвал царя антихристом.⁶¹² В заслугу крестьянам-участникам бесед с пропагандистом ставилось то, что «во время допросов жандармами [они] стремились всячески выгородить его, или уклонялись от ответов на вопросы незнанием, непониманием или забывчивостью».⁶¹³ В целом же, даже весьма благосклонно настроенный автор был вынужден признать, что «практически вся пропаганда... свелась лишь к изучению жизни народа и отдельным беседам об улучшении жизни крестьян».⁶¹⁴

Любимым моментом многих авторов было подчеркивать «особенность» «хождения в народ» в Поволжье и Южном Урале – поскольку это «места Разина и Пугачева».⁶¹⁵ Свидетельства А.С. Пушкина, посетившего Оренбуржье в 1833 году, о крестьянах, хорошо помнивших события полувековой давности, вроде бы подкрепляли эти

---

⁶⁰⁶ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1971. С.184-185. В мае-июне в Уральской области имели место беспорядки из-за введения нового военного положения 19.3.1874 об обязательной воинской повинности. Оно встретило «пассивную оппозицию» старообрядцев, «сильный ропот» - в мае-июне многие не явились на сборы. Весной 1875 г. 100 казаков в наказание было препровождено на жительство на Аму-Дарью. Это вызвало волнение и «на всякий случай» из Саратова в Уральск был переведен 1-й батальон Кутайского пехотного полка. [ГАОО. Ф.21. Оп.1. Д.4. Л.129.] В донесении из Оренбургского ГЖУ отмечалось: «В Оренбурге ходят слухи, что Уральские беспорядки имеют связь с обществом народной пропаганды, что весьма возможно». [ГАОО. Ф.21. Оп.1. Д.3. Л.74.]

⁶⁰⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.1. 1870-1875 г. М., 1964. С.278.

⁶⁰⁸ Сапаргалиев Г., Дьяков В. Ук. соч. С.187.

⁶⁰⁹ Кизин Ю. Революционная пропаганда... С.189.

⁶¹⁰ История Оренбуржья. 1996. С.123.

⁶¹¹ Сафонов Д. Листковая печать в Оренбурге. // Архивы Урала (Екатеринбург). №1. 1996. С.213.

⁶¹² Сапаргалиев Г., Дьяков В. Ук. соч. С.187.

⁶¹³ Кизин Ю. Ук. соч. С.106.

⁶¹⁴ Там же. С.106.

⁶¹⁵ Кизин Ю. Ук. соч. С.97.

рассуждения. Однако с достаточной уверенностью можно сказать, что на всем протяжении XIX века, не говоря уж о более позднем времени, не отмечено ни одного крестьянского свидетельства, упоминания о тех событиях. И это достаточно объяснимо – даже по официальной статистике, не учитывающей «самоходов», в период между VIII и IX ревизиями (1830-1850 гг.) произошло значительное (50,6%) увеличение крепостного крестьянского населения в крае, переселенного сюда помещиками. О пугачевщине если и вспоминали, то представители иных сословий: угрожал новой пугачевщиной оренбургский помещик, протестовавший против реформы 1861 г., народник Муравский в 1874 г. говорил о своих надеждах найти поддержку революционерам на «пугачевских» горных заводах и т.п. Пугачевщина осталась в исторической памяти, но только не крестьян региона.

И, наконец, как обещано – о происхождении прозвища. На деле, никто в «сыновья» Муравскому не записывался. Еще в 1925-1926 гг. в энциклопедическом словаре «Гранат» были опубликованы биографии и автобиографии деятелей революционного движения. Там в автобиографии С.Ф. Ковалика есть любопытное упоминание о Муравском, вместе с которым автор был осужден по процессу 1877 г. Он, в частности, писал: «Я наблюдал случаи, когда заключенный пытался проверить, не было ли ошибок в прежней деятельности, не только лично его, но и партии. Иногда, - конечно, редко – дело кончалось созиданием для будущего какой-нибудь новой программы, не находящей большей частью ни одного последователя. Я был всегда противником таких новых пророков. У нас в централке начался несколько подобный процесс с самым старшим из нас – Муравским, или, как мы называли его, отцом Митрофаном. Он почувствовал потребность веры и создал целую религию с богом во главе... Наш тюремный священник благоговел перед Муравским и, когда он умер, на похоронах сказал перед уголовными арестантами, что умерший – святой, которому нужно помолиться, чтобы он и нам приуготовил царствие небесное...»⁶¹⁶ Вот так и тогда Муравский и стал «отцом». Комментарии излишни....

Глава 13. Первая революция и наш край

«Большим политическим событием в 1906 г. в Оренбурге была демонстрация у беловской тюрьмы, в которой долгое время в тяжелых условиях томились политические заключенные.... В это время со стороны прибывших к тюрьме казаков раздались выстрелы. Казаки стали избивать демонстрантов нагайками. Два человека было убито, пять ранено. 25 мая состоялись похороны убитого возле тюрьмы рабочего М.Н. Золотухина» (1976). «Тюрьмы Оренбурга были переполнены. 22 мая состоялась политическая демонстрация у Беловской тюрьмы, где несколько месяцев в тяжелых условиях томились руководители Оренбургской группы РСДРП. На демонстрантов обрушились казаки, пустившие в ход ружья, пушки, нагайки. Рабочий-революционер М.Н. Золотухин был убит, многие ранены» (1988). «Тюрьмы Оренбурга были переполнены. 22 мая состоялась политическая демонстрация у Беловской тюрьмы, где несколько месяцев в тяжелых условиях томились революционеры. На демонстрантов обрушились казаки, пустившие в ход ружья, шашки, нагайки. Рабочий М.Н. Золотухин был убит, многие демонстранты ранены» (1996). «Тюрьмы Оренбурга были переполнены... На демонстрантов, пытавшихся проникнуть на тюремный

---

⁶¹⁶ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С.104.

двор, обрушились казаки, пустившие в ход оружие. Рабочий М.Н. Золотухин был убит, многие ранены» (2008)⁶¹⁷

Из всех сюжетов, связанных с событиями первой русской революции 1905-1907 гг. в Оренбуржье, отраженных в краеведческой литературе, наиболее значительным, даже можно сказать – знаковым – является один: расстрел у т.н. беловской тюрьмы. Дело в том, что иных ярких примеров «непримиримой борьбы населения края с царской «бюрократией»» просто нет. Так что в любой книге и брошюре по событиям 1905-1907 гг. в крае обязательно есть упоминание о том, что было 22 мая 1906 г.

В советской историографии события этого дня получили однозначную оценку: преступные царские власти нанесли подлый удар по революционным массам Оренбурга, пролив кровь честного революционера. Крайнюю позицию занимал сборник мемуаров Оренбургского Истпарта 1925 г., озаглавившего материал об этом происшествии не много ни мало, как «оренбургская гапоновщина».⁶¹⁸ Для любого, мало-мальски сведущего в истории, параллель с событиями «Кровавого воскресенья», была очевидна, как очевидны были по аналогии и причины, и последствия происшедшего.

Описание событий было дано уже тогда же, в 1906 году, в местной демократической прессе, и потому, на первый взгляд, трудно обвинять советских историков в неверной оценке произошедшего - но увы! - накрепко утвердившееся во всех исторических книгах и учебниках по истории края изложение расстрела далеко от реальности.

Все началось с протеста группы крестьян из крестьянского союза, руководимого С. Блиничкиным. Этот союз возник в конце 1905 г. в с. Спасском. 29 декабря к нему присоединились крестьяне х. Нижне-Аскарковского 1-й Усерганской волости Орского уезда. Их союз возглавил крестьянин А.Шильцов. 9 января 1906 г. Шильцов под вымышленным предлогом был вызван в волостное правление и там арестован. Окольными путями арестованного вывезли в Оренбург. В Спасское была введена казачья сотня. С.Блиничкин и М. Абрамов отправились в город к прокурору с жалобой на «самоуправство» властей и требованием освободить Шильцова и тоже были арестованы.

Крестьянские вожаки сидели вместе с руководителями местных социалистических групп. 10 декабря 1905 г. местное управление получило телеграмму из Департамента полиции с приказом «приступить к ликвидации социал-революционных и социал-демократических организаций».⁶¹⁹ Аресты прошли в течении суток, и арестованы были практически все руководители и активисты подпольной организации РСДРП: Гансбург, Джембурия, Потеряхин, Славин, Харламов, Мордовин, Бочкарев и организации ПСР: Ососков, Дик, Добронравов, Чернов, Чернышов, Евдюков, Яфаров. Объединение всех этих людей в один коллектив, пусть и арестованных, имело серьезные последствия. О таковых хорошо сказано в сборнике «1905 год»: крестьяне «дошли «горбом» до революции», а в тюрьме «получили хорошую учебу».⁶²⁰ Как позже писал об этом сам А. Шильцов, «там от с.р. и от с.д. кое-чего много понял, как с какой подлостью из бедного народа эти все наши начальники пьют остаток крови».⁶²¹ Заключение затянулось, обвинение за беспорядки в Спасском не предъявлялось. Видимо есть резон в суждении газеты «Оренбургский край», что делалось это намеренно, дабы воспользовавшись вынужденным отсутствием крестьянских вожаков, побыстрее замирить Спасское. Все ходатайства их адвокатов оставались без ответа. 16 мая 1906 г. решено было начать голодовку протеста. Крестьян долго отговаривали - и товарищи по заключению, и администрация тюрьмы - начальник даже разрешил провести сходку заключенных, чтобы

⁶¹⁷ В трех последних случаях (1988, 1996 и 2008 гг.) – автор один.

⁶¹⁸ 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925. С. 52.

⁶¹⁹ ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д.61. Л. 120.

⁶²⁰ 1905 год в Оренбургской губернии. Оренбург, 1925. С. 64.

⁶²¹ Цит. по: Большаков Л.Н. Ваш друг Лев Толстой. Челябинск, 1978. С. 15.

общественным мнением повлиять на упорствующих. Но все оказалось тщетно - крестьяне забаррикадировали дверь камеры половицами с пола, выбросили в окно все продукты, оставив только ведро воды. На второй день их голодовки к ним присоединились эсеры С. Ососков и В. Дик, на третий – эсеры Н. Колчанов и С. Дезорцев, на четвертый - социал-демократы.⁶²²

23 мая в Зауральной роще около 7 часов вечера по инициативе социалистов был собран митинг учащейся молодежи и рабочих, на котором звучали призывы идти и просить арестованных прекратить голодовку. Воодушевленные люди с пением революционных песен, «Марсельезы», с непрерывными криками «ура», направились к тюрьме. По дороге толпа стала расти, к ней стали присоединяться любопытствующие и сочувствующие. Во главе колонны шли Виктор Бялоблочкий и жена политзаключенного С. Ососкова Людмила.

Несколько слов о тюрьме. Для большинства наших земляков беловская тюрьма 1906 г. и тюремное здание в районе набережной реки Урал (совр. Беловки) есть одно и то же. На самом деле, это разные здания. Сегодня существующее есть продукт советской эпохи. В начале XX в. тюремное здание в Оренбурге было маленьким и в достаточно плохом состоянии – переписка о выделении средств на ремонт растянулась на годы. Вот почему в условиях начавшейся нестабильности, когда число политических арестованных превысило два десятка человек, а содержать их вместе с уголовными было неправильно, местные власти арендовали у купца Белова дом, естественно, в жилой части города. Дом имел некоторые нужные элементы – вместительный двор, крепкий забор, большие комнаты, кухню. Так что рассуждать о «тяжелых условиях» заключения можно лишь в том смысле, что люди ограничены в передвижениях. В остальном жилищные условия были даже получше, чем в обычной тюрьме. Как впрочем, и режим содержания. За годы революции было совершено несколько попыток побегов - трижды снаружи рылись подземные ходы (дважды – успешно, прямо в комнату/камеру, с побегом заключенных в итоге). Еще более дерзкий побег был совершен боевиком эсеровской организации Николаем Козубенко. В теплое время года во дворе происходили свидания с арестованными, продолжавшиеся по несколько часов, бесконтрольно и без какого-либо учета – когда наступало время, всех пришедших просто выпроваживали за ворота. Николаю товарищи тайком принесли женское платье, а когда всех стали выгонять, то он набросил платье на себя и спокойно вышел вместе с остальными за ворота. С беловским домом связана еще одна интересная история, о которой сообщила местная газета «Голос Оренбурга» в заметке «Оригинальная свадьба»: «г-н О-ков, заключенный по политическому делу» был приведен в тюремную церковь св. Варвары церковь «из «Беловки»» под конвоем 6 казаков. Его невеста «только что из Тульской губернии, ех-мусульманка».⁶²³ Вкратце история была такова: Загра Шаги-Ахметова была выдана за бухарского купца. Последний не только был значительно старше ее, но был пьющим и склонным распускать руки. За два месяца до рождения ребенка Загра бежала от мужа и в итоге оказалась в Туле, где поступила на фельдшерские курсы. Чтобы по закону расторгнуть ненавистный брак, она крестилась вместе с родившимся ребенком Искандером. Родня мужа, как и ее собственная, восприняла происшедшее – крещение и развод – крайне враждебно, и когда Загра-Людмила привезла сына на время к матери в Оренбург, та запретила с ним видаться, угрожая вернуть законному отцу. Новые друзья и коллеги из Тулы попытались Людмиле помочь и похитили ребенка во время прогулки с бабушкой с тем, чтобы вернуть его матери. В итоге, втянутая в историю полиция, вникнув во все происходящее, вмешиваться отказалась. К делу подключились родственники и мусульманское духовенство. Резонанс в городе был значительный. Узнав обо всем этом, Сергей Ососков, не будучи даже ранее знакомым с Людмилой, как истинный рыцарь, предложил ей заочно руку и сердце – новый брак безусловно

⁶²² ЦДНДНОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

⁶²³ Голос Оренбурга. 1906. 9 февраля.

становился для нее гарантированной защитой. Вот только «жених» сидел в беловском доме... Как читающий это повествование уже понял – брак в итоге был заключен, хотя жених на тайнстве был в кандалах, и «молодые» виделись только пятнадцать минут... Главное, что малыша, над которым всерьез довлела угроза похищения и увоза в Бухару – «Загретка» (ни в одном документе или свидетельстве нет упоминания нового имени Искандера после крещения; все мемуаристы называли его только «Загренок») – новоявленный муж его матери смог защитить. Несколько недель малыша укрывали в беловском доме – у нового отца; Ососков сам варил ему кашку, постоянно гулял во дворе, без преувеличения вся т.н. беловская тюрьма стояла, что называется, на ушах, подчиненная режиму дня ребенка. У дома Белова было явное преимущество – крепкий забор и охрана, в данном случае препятствующие вторжению извне.⁶²⁴ И только когда сложился план побега эсеров, мальчика, под предлогом ухудшения здоровья Сергея, передали матери, обратно «на волю». Известное шествие к т.н. «тюрьме» было последним по времени событием, в котором как бы засветилась Людмила Ососкова. Больше упоминаний о ней мы в источниках не встречаем; есть косвенные намеки, что вскоре она вернулась в Тверь; данных о последующей жизни нет никаких. Есть о Сергее: 4 августа он бежал, перебрался в Туркестан, где возглавил эсеровский Туркестанский областной комитет. Был организатором экспроприации Чарджоуского казначейства на 317 тыс. руб.; был опознан и арестован в Асхабаде в марте 1908 г., судим в Ташкенте и вскоре повешен.

У «Беловки» кто-то (личность не установлена, но вероятнее всего В. Бялюблочский) обратился к политзаключенным, столпившимся у зарешеченных окон: «Товарищи, мы все пришли просить вас прекратить голодовку, храните ваши дорогие жизни - они нужны еще для дела свободы!». Зазвенели выбитые стекла окон, арестованные высовывали руки, приветствуя собравшихся. Охранявшие тюрьму казаки попытались преградить толпе дорогу. Толпа же напирала, слышались крики: «ребята, наша берет!» и «бей казаков». И тут прозвучали выстрелы - в результате чего урядник Пастухов был ранен в стопу ноги. Охрана тюрьмы дала залп - шесть выстрелов поверх голов, чтобы испугать собравшихся. Подчеркнем еще раз: залп был неприцельным, но кровь все же пролилась - на месте были убиты молодой рабочий Мирон Золотухин и мещанин И.Т.Скоков. Последний просто проходил по улице с женой, нес самовар - две пули пробили его. Скоков умер у дверей редакции газеты «Степь», на руках журналистов, пытавшихся его перевязать. И это были, к сожалению, не единственные жертвы. Через несколько минут отхлынувшая было толпа вернулась; появился взвод казаков; в воздухе засвистели камни; выхватив пашки, казаки начали разгонять всех. Казачьи патрули рассыпались по городу и вскоре в городскую больницу были доставлены еще трое пострадавших: казак В. Миляев шел с рыбалки, стал пререкаться с патрульными - и в больницу поступил в безнадежном состоянии: пулей - через рот - пробита голова, сломана челюсть. Рыбный торговец М. Гончаров подвергся нападению группы пеших и конных казаков, почти насмерть забивших его ногами и нагайками - старика буквально отбил помощник пристава 2-й части и доставил умирающего в больницу. Слесарь железнодорожных мастерских П. Цибульский (Цибельник) вступил в спор с патрулем около Караван-Сарая и получил удар пашкой: отсечен нос, рассечена щека. Кроме них, было еще несколько человек, пострадавших более легко, и потому скрывшихся.

Если с пострадавшими на первый взгляд ясно, то совсем не ясно с тем, как и почему все это произошло?

Дело в том, что мы располагаем несколькими версиями случившегося. Официальная версия, так сказать, «для внутреннего пользования», опубликованная на следующий день в «Оренбургской газете», утверждала, что будто бы на митинге в Зауральной роще был пущен подписной лист и объявлено «жить не будем, но тюрьму

---

⁶²⁴ Кстати, никто и никогда не высказывался в том смысле, что жестоко помещать несчастного ребенка на несколько недель в тюрьму; напротив, все считали это лучшим вариантом. Так что условия содержания в беловском доме были все-таки приемлемыми, а те, кто пишет сегодня иначе, просто не понимают вопроса.

разобьем». Объяснения, почему для разбития тюрьмы нужно обязательно подписываться, не давалось. Утверждалось, что никакие уговоры на хулиганствующую толпу не действовали, она попыталась напасть на казаков, спокойно несущих службу, были даже выстрелы - и лишь тогда, наводя порядок, казаки действительно несколько превысили свои полномочия. Практически сразу же эта версия была раскритикована и отвергнута левой печатью. Показательно, что ее создатель, редактор «Оренбургской газеты» С.Сафонов, и не настаивал. Будучи по совместительству официальным агентом СПбТА, он почти сразу же передал туда уже скорректированную версию события: толпа якобы неожиданно с криком «ура» бросилась на штурм тюрьмы и только тогда казаки охраны были вынуждены дать несколько залпов для наведения порядка и законности. Интересно, что ни одна оренбургская газета данной информации телеграфного агентства не повторила - значит, не верили?

Расстрела в собственном смысле слова не было. Представьте - толпа стоит практически под самыми стенами, охрана стреляет - первый раз практически в упор - а среди убитых случайный прохожий в стороне, на долю которого пришлось две пули из шести.

Никоим образом не снимая вину с казаков, разъезжавших по городу и творивших безобразия, и с тех, по чьей вине, двое - с умыслом или нет - были убиты, надо признать - происшедшее не было намеренной провокацией властей, но явным превышением власти. Казалось бы тогда же, по горячим следам, легко было бы установить истину - и власти могли бы очистить себя от тяжких обвинений. Но судя по всему, в выяснении случившегося не был заинтересован никто - и даже они. Очень похоже, что случайное кровопролитие власти решили занести в свой актив борьбы с крамолой - как раз в это время в правительстве верх брали сторонники решительных действий.⁶²⁵ Удивительно, что никто не побеспокоился об мало-мальски приемлемом объяснении случившегося.

Дело было отдано на откуп левым, создавшим свою версию и записывавшим абсолютно все в ее актив, в том числе и пассивность властей. Признание того, что все случившееся есть лишь превышение полномочий конкретными представителями власти и возможное привлечение их к ответственности не устраивало левых. Они предпочли увидеть целенаправленную провокацию («гапоновщину»), заранее подготовленное преступление. В считанные дни версия обрела жизнь и обросла удивительными подробностями. О событиях 22 мая подробно писали две газеты: «Степь» и «Оренбургский край». «Оренбургский край» хотя бы предпринял попытку выяснить, что же было на самом деле, обратившись на следующий день к читателям: «Редакция открыта для всех очевидцев, желающих выяснить подробности избиения безоружных граждан». «Край» заключил, что «если в происшедшем и есть частица преступной воли мелкого полицейского чиновника, то главная вина - невежество, тупость и преступная халатность слуг старого порядка» и требовал суда над виновными. Но так было недолго. Верх взяла газета «Степь». Она постоянно, из номера в номер, дополняя рассказ новыми и новыми подробностями, эмоционально живописала умышленную подготовку расправы помощником полицмейстера Волженцевым. По утверждению «Степи», именно он отдавал приказы казакам, крича «бей их, руби, коли», запретил слушать собственных офицеров и казаки при этом якобы ему подчинились. Любопытно, что 26 мая Волженцев через прессу привел доказательства, что как раз в момент залпа у тюрьмы его еще не было и что он подъехал чуть позже. Но позиции «Степи» это не изменило. «Степи» суд был уже не нужен - виновные уже были «обнаружены». Основную роль в сотворении мифа сыграл журналист А.Бурлак, кстати, беспартийный. Именно им были написаны эмоциональные

---

⁶²⁵ Из речи генерала Таубе перед казаками 14-го полка: «Я благодарю вас, детки, за дело у тюрьмы. Вы вели себя выше всякой похвалы. Я не ошибся в казаках 14-го полка, они поддержали Оренбургское войско. Все берите с них пример, я награжу их; о их храбрости я доведу до сведения государя, я выхлопочу им медали, я отпускаю их в отпуск на месяц. Выдать им наградные деньги!» [Революционное движение в Оренбуржье. Сб. док-тов и мат-лов. Челябинск: ЮУКИ, 1982. С.162-163.]

статьи «Как их убили», «Как их оклеветали». Досталось от него и адвокату политзаключенных Клиентову, за то что тот не пришел на митинг и тем самым «подтолкнул» собравшихся к более решительным действиям. Никакие оправдания Клиентова, что он просто ничего не знал о митинге, не брались в расчет.

«Степь» и создала миф о погибшем революционере Золотухине. Если «Оренбургский край» сначала говорил о том, что «двое из наших братьев убито... только за то, что случайно (!) были в мирной толпе»⁶²⁶, то «Степь» говорила только о революционере Золотухине; все сводилось только к нему. Объяснение тому - в публикациях «Степи», именовавшей его не иначе, как «первой в Оренбурге кровавой жертве правительственного зверства и произвола казацкой темноты». Из двух погибших под требование рабочего-мученика подходил только один.⁶²⁷ Было объявлено о сборе средств на похороны (собрали 109 руб. 36 коп. и на памятник «первому в Оренбурге борцу за свободу» (78 руб. 49 коп.). Номер газеты от 26 мая вышел весь в траурной рамке - это был день похорон Золотухина. Похороны несчастного парня превратились в политическое мероприятие. По свидетельству «Степи», собрались тысячи «товарищей и граждан» (по иным данным до 10 тысяч чел.). Гроб несли по улицам «товарищи рабочие» на руках. Соблюдался полный порядок «по инструкции, данной местной социал-демократической и другими организациями». Несли 16 венков - от партийных групп, казаков, рабочих различных предприятий, жителей города. «Степь» процитировала надписи на всех венках, дав очень характерный комментарий: «надписи на лентах прекрасно отражали революционное настроение, охватившее **теперь** весь народ» (подчеркнуто нами - Д.С.). Различие подхода к случившемуся видно даже по надписям на лентах: если эсеры, редакция «Оренбургского края», рабочие лесопилки говорили о погибшем, как о жертве, то социал-демократы говорили иначе: «Товарищу борцу за свободу» (рабочие Ташкентских железнодорожных мастерских), «Священную память погибших в строю без слез мы сумеем хранить» (Оренбургская группа РСДРП), «Их имена с нашей песнью победной станут священны миллионам людей» (от редакции «Степи»). Над могилой говорились прочувственные речи, ораторы призывали собравшихся «учиться у холодного трупа любить свободу», немало доброго было сказано о Золотухине, в частности, что он «обладал отзывчивым и любвеобильным сердцем». Все это производило бы должное впечатление, если бы не одна деталь: тело Золотухина поступило в морг как тело неизвестного и опознан он был спустя три дня - газета «Оренбургский край» еще 24-го сообщала «убит молодой человек, личность не установлена»⁶²⁸, а на следующий день она же уточнила, что погибший «только что приехал в Оренбург к своим родственникам».⁶²⁹ Его действительно практически никто в городе не знал. Для журналистов «Степи», это, конечно же, не было тайной, но они настойчиво проводили свою линию.

Сегодня однозначно ответить, что же на самом деле произошло у стен тюрьмы 22 мая, трудно и практически невозможно. В рассказах свидетелей множество противоречий, расхождений и просто вранья. Вот, например, какую сцену описывал корреспондент «Оренбургского края» 24 мая: двое казаков, «позвякивая затворами ружей, стали стрелять в ошеломленную толпу». «Офицер, бывший тут же, закричал на них: «Что выделаете?» Но, как продолжал журналист-очевидец (!?), «казаки продолжали рубить (!?) публику».

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, мы имеем дело с умышленным провоцированием конфликта со стороны левых. Первый выстрел прозвучал все же из толпы - многие свидетели показали на В. Бялоблоцкого. Сам Виктор сделал в прессе 24 мая заявление, интересно построив фразу, смысл которой сводился к тому, что

⁶²⁶ Оренбургский край. 1906. 24 мая.

⁶²⁷ Интересно, что более никто и никогда не вспоминал о прочих людях, пострадавших тогда же: Миляеве, Цибулькине, Гончарове...

⁶²⁸ Оренбургский край. 1906. 24 мая.

⁶²⁹ Оренбургский край. 1906. 25 мая.

он не стрелял, поскольку у него оружия нет. На суде 28 ноября, куда он был привлечен по обвинению в организации беспорядков, и он сам, и его адвокаты опровергали причастность именно Бялоблочкого, тем самым выходило, что факт выстрела вообще не оспаривался. Бялоблочкий получил лишь три недели тюрьмы, поскольку одиннадцать свидетелей поручились, что он был безоружен. Но как нам сегодня известно, именно он был руководителем Боевой дружины Оренбургской группы РСДРП. Уже 23 мая по городу ходил упорный слух, что виной всему социал-демократы, спровоцировавшие ответный казачий огонь. Мы располагаем рядом свидетельств, говорящих о том же.⁶³⁰ Как писала в те дни газета «Степь»: «Можно только сожалеть о неосторожности устраивать безоружные демонстрации, т.к. их время прошло». Видимо, весь поход к тюрьме и попытка открытой конфронтации с властями имели целью ускорение политического воспитания масс. Очень не хочется верить, что стрельба была нужна для обретения героя-мученика. Вероятнее всего, определенные силы лишь использовали сложившуюся стихийно ситуацию. И хотя кое-кто полагал, что время мирных демонстраций «прошло», остается радоваться, что никто не отважился тогда толкнуть людей на вооруженные демонстрации.

Для полноты картины: о том, что было потом с протестующими узниками «Беловки». Через восемь дней после начала голодовки, 24 мая, власти дрогнули и выпустили крестьянских вожаков «до суда». Следствие по их делу завершилось лишь в феврале 1907 г.: суд не нашел в действиях крестьян повода для преследования - не принимать же всерьез суждение губернатора, что союз незаконен, как «без надлежащего разрешения возникший».

Группа эсеров, как уже упоминалось выше, бежала 4 августа. Ососкову с воли принесли два револьвера, он набросился на надзирателя и отнял у него табельное оружие и ключи от комнат-камер. Затем он обошел все здание, предлагая бежать с ним всем желающим. Таковых нашлось еще трое. Внезапно вырвавшись на двор, Ососков ранил казака-часового. Беглецы залезли на крышу сарая и оттуда – на улицу. Прикрывая уходящих, Ососков открыл огонь по караульному помещению. Впрочем, караульные, наученные опытом мая, при первом же выстреле решили, что это снова штурм тюрьмы, почему поспешно забаррикадировались, не помышляя о преследовании. Достаточно скоро все беглецы были арестованы – за исключением Сергея, но об его судьбе уже говорилось. Социал-демократы отказались бежать все, вскоре были судимы, получили небольшие сроки с зачетом предварительного заключения и в массе своей были освобождены в 1907 году.

Глава 14. В Оренбурге установлена советская власть!

«Утром 18(31) января 1918 г. отряды Красной гвардии вошли в Оренбург. Население с ликованием встретило своих освободителей» (1976, 1988). «18 января 1918 г. красногвардейские войска вступили в Оренбург» (1996). «Отказавшись от защиты города, А.И. Дутов в ночь на 18 января (1 февраля) 1918 года покинул Оренбург, сопровождаемый охраной из 7 человек. Утром в город вошли отряды С.Д. Павлова» (2008).

---

⁶³⁰ Один из активистов Оренбургской группы РСДРП Д. Наранович позднее, в воспоминаниях, достаточно неприязненно отзывался о работавшем тогда в организации меньшевике Бусыгине. Кроме прочего, он упоминал и о расстреле 22 мая, утверждая, что «это также была отчасти Бусыгинская затея», тем самым косвенно признавая причастность организации к происшедшему [ЦДННОО. Ф.6002. Оп.1. Д.30. Л.8.]. Среди воспоминаний коллекции Истпарта есть мемуары А Шильцова, одного из участников голодовки в тюрьме. Он наблюдал за происходившим из окна. Как само собой разумеющееся он писал, что кто-то из толпы выстрелил казаку в ногу, после чего все и началось; правда, он приписывал выстрел некоему провокатору. [ЦДННОО. Ф.7924. Оп.1. Д.60. Л.5.].

В нашей оренбургской истории есть эпизоды, изложение которых стало хрестоматийным – на протяжении десятилетий в рассказе не менялось практически ничего и потому несколькими поколениями наших земляков они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. К такому принадлежит и рассказ об установлении в городе советской власти. Уже и советской власти нет, а герои этой власти по-прежнему преподносятся всем именно как герои.⁶³¹

Т.н. «советская власть» в Оренбурге была установлена 18 января 1918 года после того, как в город вошли красногвардейские отряды. Реальные события тех дней совершенно не соответствовали романтизированной картине, которая была позднее создана в литературе и широчайшим образом растиражирована: действия спаянных дисциплиной и идейностью отрядов Красной гвардии под командованием чрезвычайного комиссара П.Кобозева, уполномоченного представителя законной Советской власти, против мятежников.

Сразу же властью – сначала в городе, а затем и по губернии - объявил себя Военно-Революционный комитет, орган совершенно нелегитимный и скорее всего самозванный. И хотя мемуаристы (А. Коростелев, например) утверждали, что ВРК приступил к работе сразу по занятии города, т.е. с 18-го, впервые публично о своем существовании ВРК заявил только 23 января. В советской историографии однозначно указывалось, что это якобы приступил к исполнению своих обязанностей «прежний» комитет, созданный в ноябре 1917-го для руководства вооруженным восстанием под предводительством С. Цвиллинга. Это должно было подчеркивать «мятежный» характер дутовского выступления с одной стороны, и легитимность советской власти – с другой. Понятно, что и первоначальный ВРК никак не был легитимным: создан он был лишь 1/5 состава пленума совета, да и создан был для восстания, а не руководства городом. Но все же была хоть какая-то видимость демократии. В противном случае «новый» ВРК не имел никаких аргументов в пользу того, что создан был по воле трудящихся. Раз Комитет оказался прежним, то по идее прежним оставался и его руководитель – С. Цвиллинг. Именно так, как о само собой разумеющемся, писали советские авторы. Между тем, сначала ВРК возглавил чрезвычайный комиссар П. Кобозев. В пользу этого – мемуарные свидетельства. Так, Н.Багров писал: «После освобождения Оренбурга от белых начали создавать руководящий орган. Был создан Военно-Революционный комитет. Первое время председательствовал тов. Кобозев П.А., а затем – Цвиллинг».⁶³²

Структура Комитета складывалась, что называется, «на ходу», постоянно усложняясь через создание новых отделов и структур по мере возникновения в таковых необходимости. Эта структура никогда нигде официально не закреплялась, даже в собственных протоколах. Нигде и никогда не давались данные по персональному составу. Первые заявления ВРК были вообще анонимны. Газета оренбургских социал-демократов «Рабочая заря» спустя несколько дней после занятия города с долей ехидства писала о «неведомом» ВРК, о том, что ничего не известно о его составе, целях, действиях.⁶³³

Раз власть объявлялась «советской», то ВРК был обязан передать власть Совету сразу по его созданию. Однако, губернский Совет как совет «Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов» формировался постепенно: городской рабочий совет возник 27 января, казачий съезд прошел 1 февраля, крестьянский планировался на 15 февраля, и потом было решено отложить его до 25-го, затем возникла идея созвать в один день 25 февраля губернские съезды крестьянский и казачий, а потому собрать в этот же

---

⁶³¹ Небольшое уточнение: в пособии 2008 г. вообще нет о советском строительстве; следом за параграфом «События 1917 года...» идет сюжет, вынесенный в заглавие следующего параграфа – «Гражданская война на территории губернии», уместившийся на пяти страницах. ВРК при этом вообще не упоминается. Но, «исчезнув» из пособия, сюжет не исчез из региональной историографии.

⁶³² ГАОО. Ф.2837. Оп.1. Д.136. Л.39.

⁶³³ Рабочая заря. №17. 21.1.1918.

день областной съезд рабочих депутатов Оренбургской губернии и Тургайской области.⁶³⁴ Так ВРК продлил свои властные полномочия более чем на два месяца. И хотя 25 марта 1918 г. на 1-м Оренбургском губернском съезде Советов рабочих, крестьянских, казачьих и мусульманских депутатов было объявлено, что «виду избрания губернского комитета ВРК ликвидируется»⁶³⁵, члены ВРК остались во власти. Все 25 комиссаров ВРК вошли в новый исполком.

Это не мешало ВРК публично заявлять, что власть советов – это прежде всего власть «всех бедняков, всех обиженных, угнетенных и обездоленных».⁶³⁶ Все работы советского периода однозначно говорили: ВРК действовал в рамках решений Совета народных комиссаров; все принимаемые Советским правительством декреты и постановления публиковались местных «Известиях». Если же проверить это утверждение, сравнив официальное издание «Декреты Советской власти»⁶³⁷ и местные газетные публикации, то получается следующая картина. За тот период, пока в Оренбурге существовала «советская» власть, центром было издано 638 документов – из них в Оренбурге стали известны (опубликованы, даны в пересказе, на них есть ссылки или отсылки, упоминания) – 154, что составляет лишь 24% общего числа. Конечно, мешали объективные трудности. Так, публикации документов за октябрь 1917 г. – начало 1918 г., никак не могли появиться ранее 18 января (прихода «красных» в Оренбург). Кроме того, существовал определенный разрыв во времени, связанный с доставкой газет: если накануне мировой войны газеты приходили из столицы в Оренбург с опозданием примерно в две недели, то теперь, как показывают подсчеты – проходило не менее трех; что достаточно объяснимо. Отдельные декреты были опубликованы в Оренбурге со значительным опозданием от трех до пяти месяцев.

Неизвестными оренбуржцам остались такие важные документы, как декрет о мире, об уничтожении сословий, о революционных трибуналах, положение о рабочем контроле, о создании Высшего совета народного хозяйства, декрет о суде №2, об организации управления казачьими областями. До сегодняшнего дня оренбургские авторы повторяют мысль о том, что советская власть в Оренбурге стала активно проводить в жизнь декрет о земле. Но нет **ни одного** свидетельства в пользу того, что декрет был кому-либо известен или как-либо использовался. Доказательством его воздействия считается факт раздела земли крестьянами. Однако известно, что декрет был написан с учетом насущнейших стремлений крестьян, и потому для своих решительных действий крестьяне далеко не всегда нуждались в легитимации таковых через декрет или какой-либо иной нормативный акт. Декрет о земле в Оренбурге опубликован не был, как не был опубликован и декрет о социализации земли.

Так что, хотя ВРК, особенно поначалу, постоянно подчеркивал, что осуществляет волю Совета Народных Комиссаров, на деле этой самой воли в Комитете должным образом и не знали. Потому пробелы успешно заполнялись собственным правотворчеством. Среди наиболее значительных - о суде, о революционном трибунале, о рабочем контроле, и, наверное, самый яркий пример - о земле.

Член губисполкома Маслов в воспоминаниях 20-х годов с гордостью говорил о «своем оренбургском земельном законе», принятом на первом губернском съезде Советов: мы «были отрезаны от центра и не имели никаких инструкций, за исключением основного закона о социализации земли».⁶³⁸ Получается, что текст закона о социализации был получен; но его не сочли нужным доводить до масс. Текст «оренбургского» закона не

---

⁶³⁴ Известия Оренбургского военно-революционного комитета. №20. 28(15).2.1918

⁶³⁵ Вестник Народное дело. №9. 27(14).3.1918.

⁶³⁶ Известия Оренбургского военно-революционного комитета №2. 24.1.1918.

⁶³⁷ Декреты Советской власти. Т.1. 26 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: ГИПЛ, 1957. 626 с.; Т.2. 17 марта – 10 июня 1918 г. М.: 1959. 686 с.

⁶³⁸ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.27.

сохранился⁶³⁹; по свидетельству того же Маслова, «в этом законе говорилось, что земля, кому бы она не принадлежала, без всякого выкупа принадлежит тому, кто будет на ней работать. Земля делится по едокам, на землю имеют право все, кто ее обрабатывает, независимо от пола и национальности. Этим законом предусматривалось наделение землей, так называемых разночинцев или иногородних, живших среди казачьего населения, что особенно не нравилось казакам, против чего они восставали. В этой резолюции-законе предусматривался порядок разрешения земельных споров, регулирование и руководство сельским хозяйством в губернии».⁶⁴⁰ В обращении к крестьянам в «Известиях» от 12 мая говорилось: «Революция 25-го октября 1917 г. и Оренбургский Губернский Съезд Советов с 27 февраля по 12 марта 1918 г. всю землю отдали в руки хлеборобов. **Революция и съезд** дали вам закон о земле основной и дополнительный».⁶⁴¹ Эпизод с земельным законом не был чем-то исключительным - напротив, это было проявление четкой позиции большевистского руководства Оренбурга, открыто заявленной на губернском съезде. Была принята соответствующая резолюция, в которой, в частности, говорилось: «Губернский Съезд Советов, предоставляя широкий простор Революционному творчеству на местах, призывая к самодеятельности самоорганизации местных советов и всего пролетариата и беднейшего крестьянства».⁶⁴²

Практически все «советские» деятели в Оренбурге соответствовали оценке Маслова: «мы, волей пролетарской диктатуры долженствующие власть у руля советского строительства, почти абсолютно все никогда не бывшие у руля правления, никогда не были администраторами-организаторами. Более того, абсолютное большинство из нас малограмотно».⁶⁴³ Иными словами, эти представители маргинального слоя населения действовали по своим собственным представлениям упрощенного большевизма.

Уместно поставить вопрос: как именно собиралась действовать эта «советская» власть и как в реальности она действовала. Ранее так вопрос ставить было бесполезно – конечно же, власть на местах действовала так, как указывали в центре. Теперь же - вполне уместно. Мы можем попытаться определить, как она в реальности действовала, исходя из конкретных шагов. И здесь выясняется, что определяющим фактором было наличие в Оренбурге «революционных добровольческих отрядов»⁶⁴⁴, тех самых, которыми 18 января была установлена «советская» власть.

Активный участник событий А. Закурдаев в неопубликованной рукописи «Борьба за власть» (1926 г.) приводил подробный перечень частей и состава красной гвардии, наступавших на Оренбург: 1) самарский отряд рабочих до 300 чел. – из добровольцев, «стойких революционеров», под командованием т. Гавриленко; 2) смешанный из рабочих Мотовилихи и Самары – 300 чел., командир Камышев; 3) «Черная гвардия» - отряд самарских анархистов, 150 чел., командир Каврасик; 4) «большой Бузулукский», «разнохарактерный»: небольшая кавалерия из Сызрани, 200 чел. Бузулукского гарнизона, 150 – Бузулукская красная гвардия; 5) артиллерия, которой командовал Ходаков; 6) 40 чел. технического вспомогательного поезда (командир Федотович); 7) авиация (два аппарата системы Фарман); 8) 60 чел. военно-полевого поезда; 9) 200 чел. добровольцев из Казани и Казанского гарнизона; 10) смешанный Челябинский – 300 чел. под командованием Елькина – солдаты Челябинского гарнизона и железнодорожные

⁶³⁹ Маслов: «Я сожалею, что не сохранился экземпляр этого закона, который был выпущен особой брошюрой. Было бы весьма интересно посмотреть, как преломилась и отразилась большевистская политика советской власти по аграрному вопросу в губернии, где организовывалась советская власть в окружении белогвардейски-реакционного казачества, при ожесточенной борьбе с контрреволюцией и отрезанности от центральной власти советов» [Там же. Л.27.]

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №70. 12.5.(29.4.) 1918.

⁶⁴² СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д. 233. Л. 37-38.

⁶⁴³ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д. 233. Л.28.

⁶⁴⁴ Известия Оренбургского военно-революционного комитета №1. 23.1.1918

рабочие.⁶⁴⁵ 5 января в Самаре прибыл летучий северный отряд матросов из Москвы, под командованием мичмана Павлова – 600 чел. Все названные группы, по мнению мемуариста, были идейны – даже о самарских анархистах было сказано, что они «были с нами солидарны за свержение буржуазной банды». Казалось бы, при таком подробном повествовании данным должно быть полное доверие. Но есть основания для сомнений в точности – поскольку есть свидетельства и об иных отрядах. Так, П.Кобозев, которого трудно заподозрить в предвзятости, упоминал о том, что первоначально единственной боевой частью, которую он смог привлечь из Сызрани было 120 гвардейских царских улан.⁶⁴⁶ А.Коростелев писал о необходимости уплатить деньги Ташкентским красногвардейцам.⁶⁴⁷ В оренбургской прессе упоминался «I-ый Северный Революционно-партизанский отряд имени Российской Федеративной советской Республики».⁶⁴⁸ 2 июня казачий Съезд объединенных станиц обсуждал мирное предложение от штаба «Железно-Дисциплинированного полка Коммунаров, 3-го полка Социалистической армии Рабоче-Крестьянского правительства и Союза Социалистов-Революционеров».⁶⁴⁹ В мемуарах В.Г.Климентьева есть рассказ о проходе на Оренбург вооруженного эшелона (!) максималистов и анархистов, возглавляемого некоей Марусей: ««нам необходимо во что бы то ни стало без задержки отправиться в Оренбург, чтобы помочь властям навести порядок» - заявила начальник отряда».⁶⁵⁰ Авторитетный историк гражданской войны Н.Е.Какурин в своей работе «Как сражалась революция» (1920-е годы) цитировал внутреннюю сводку Московского областного комиссариата по военным делам от 24 апреля 1918 г.: «присылаемые отряды в Оренбург не соответствуют назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд в количестве 500 человек берет контрибуцию с казаков и делит ее между собою».⁶⁵¹ Есть упоминания об отрядах, прибывавших и позднее – так, во второй половине мая в город прибыл сводно-уфимский отряд под командованием М.В. Калмыкова.⁶⁵² Что их всех объединяло, какие лозунги ими провозглашались, теперь установить практически невозможно.

После т.н. «установления Советской власти в Оренбурге» в городе первые дни было явное безвластие – это под пером историков было «установление», а на деле: неконтролируемые аресты, обыски, расправы с «контрреволюционерами». Позднее, в газетной публикации 1927 г. А.Коростелев весьма выразительно определял первую неделю «самой горячей» - лишь к концу ее «утихли первые всплески революционной волны».⁶⁵³ Разношерстные отряды, якобы входившие в группу Кобозева, на деле подчинялись только своим командирам.

В итоге «город был переполнен» (А.Коростелев). Эскадры на улицах, находящихся в полной бесконтрольной власти вооруженных людей, были массовым явлением. Мы располагаем только одним, но впечатляющим, документом – выпиской из журнала № 3 медицинского совещания врачей оренбургского военного госпиталя от 23 января 1918 года: «Около 10 часов вечера в госпиталь явились вооруженные

---

⁶⁴⁵ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф.7924. Оп.1. Д.180. Л.56-59. Но есть и иные данные – у М.Д. Машина [Машина М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1984. С.64-65.] и А.В. Ганина [Ганин А.В. Атаман Дутов. 2007. С. 138-140.]. Расхождения более чем возможны – вероятнее всего, никто тогда никого не учитывал – для этого нужна сильная власть, а ее как раз не было.

⁶⁴⁶ За власть Советов. С.29.

⁶⁴⁷ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.2 об.

⁶⁴⁸ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №63. 27.4.(14.4.)1918

⁶⁴⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.1912. Оп.1. Д.7. Л.51-52.

⁶⁵⁰ Филиал ГАОО в г. Бузулуке. Ф.389. Оп.1. Д.10. Л.73.

⁶⁵¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. 1917-1918 гг. М.:ИПЛ, 1990.

⁶⁵² Баландин. Воспоминания уральского партизана (1918 г.). // Пролетарская революция. 1926. №8(55). С.164.

⁶⁵³ Смычка. 1927. 7 ноября. Кстати, в переиздании этой статьи «С.М.Цвиллинг как революционер» в сборнике воспоминаний 1957 г. эта фраза была опущена.

люди...Прежде всего они обратились к дежурному писарю с требованием указать, где находится приемная книга, кто из наших (большевиков) больных лежит в госпитале. Неудовлетворившись его ответом, они потребовали к себе дежурного врача. Угрожая разстрелом, один из этой компании, назвавшись Лашневичем, то комиссаром, то членом Северного летучего отряда, то Ташкентского, стал требовать, чтобы он указал ему, где лежат юнкера, офицеры. Получив ответ, что если юнкера и офицеры и лежали в госпитале, что часть их давно уже эвакуирована, частью разъехалась из города, потребовал, чтобы врач обошел с ними отделение госпиталя. Заставив врача под страхом расстрела идти впереди, они пошли во 2-е хирургическое отделение, где были допрошены большая часть больных, как русских, так и военно-пленных, бывших там на излечении: хорошо ли с ними обходятся врачи, сестра, фельдшер: всем ли довольны. Не получив здесь благоприятный ответ, они отправились дальше и вошли во 2-е венерическое отделение, сказав по дороге, что ему известно, как в этом госпитале травят солдат. Войдя туда с криком есть ли здесь казаки, потребовали, чтобы они выстроились и вышли к стене, причем угрожая разстрелом кричали, что шли-ли они против большевиков и услышав от них, что мы казаки вместе с вами, стали опрашивать больных, недовольны ли они чем-нибудь они. Узнав, что они получают мало хлеба и из прачечной они получают грязное белье, тогда он (Лашкевич) стал кричать на врача и грозить расстрелом за такие непорядки. Когда же врач указал, что он как врач не понимает в грязном белье или в том, что дают мало хлеба, и что этим ведает командный комитет – то крикнув на врача «молчать не разговаривать», а одному из бывших при нем, по видимому военнопленному обратился «взять на мушку» - и потребовал привести председателя командного комитета госпиталя. Пока ходили за председателем они направились дальше и пошли в офицерское отделение. Здесь опять под страхом расстрела требовали чтобы дежурный врач указал, где находятся юнкера и офицеры и узнав, что в одной из палат лежат два тяжелых больных юнкера (с туберкулезом) они направились в эту палату, говоря по пути, что с ними сейчас расправятся. На уговоры врача, что это хронические больные, на фронте не участвовали – «комиссар» крикнул на врача «молчать не разговаривать» иначе расстрел. Войдя в эту палату, они сначала осмотрели одного больного умирающего юнкера и, найдя, что у него остались кости да кожа, подошел к другому тяжело больному и стал советоваться со своими спутниками, зарубить его или нет. После того как один из них сказал, что и этот скоро умрет, они вышли из этой палаты. Отсюда зашли в соседние помещения - отделения для арестованных. Застав здесь одного больного (военно-пленного), он стал требовать, на каком основании этот больной лежит здесь, а не со всеми больными, и несмотря на указания врача, что это больной сумасшедший, каковых невозможно помещать в общие палаты, тем не менее, «комиссар» приказал немедленно перевести его в офицерское отделение, «где много свободных мест»... На указания фельдшера, что этого больного лихорадит и ему назначена диета, «комиссар» взял руку больного и с локтевой ее стороны стал с видом знатока считать пульс, после чего с апломбом заявил, что в настоящее время пульс у больного 120 в м. и температура, по видимому, 38 или выше - сказал «ничего подобного» и пошли дальше. Отсюда пошли в кожное отделение, где между прочим оказалась гитара, на которой им было приказано сыграть вальс... После этого «комиссар» приказал приготовить ему лошадь и пока готовили лошадь, зашли опять в канцелярию, где заседал командный комитет, которому были указаны некоторые дефекты, как например, в комитете много членов, мало врачей, после чего были увезены на вокзал. Дежурному врачу на прощание было сказано, как хотелось бы убить доктора, только нет с собой револьвера; некоторые не могут видеть крови, а он – де любит и хладнокровно смотрит на кровь».⁶⁵⁴

В принципе существуют еще несколько свидетельств об этом же, но достаточно обрывистых: так, В.Климентьев вспоминал об отряде Маруси: «В Оренбурге... этот отряд

⁶⁵⁴ ГАОО. Ф.2418. Оп.1. Д.47. Л.1-2. Орфография и стиль подлинника.

слишком увлекался «покупкой» разных вещей в магазинах и уклонялся от получения боевой задачи».⁶⁵⁵ А.Коростелев писал: «Затем большую тревогу доставляли нам анархисты. ... Они в городе начали захватывать отдельные склады, особенно винные частные склады, стали захватывать особняки, вооружились, а в некоторых местах и устроились довольно недурно, видимо они ставили себе задачей жить прилично».⁶⁵⁶ И вот свидетельство Маслова: «Наиболее надежными и наиболее революционными были, по моему, отряды матросов, несмотря на то, что они были заражены анархизмом. Они вели наиболее энергичную работу, они себя показывали храбрецами, но вместе с этим, они – то и были, пожалуй, самыми развязными по отношению к кое-каким безобразиям. Я хочу указать на один факт. Во время одного из заседаний Губернского Исполнительного Комитета – высшего органа власти – вбегает в зал заседания один из матросов, вооруженный с ног до головы, ударяет по столу председателя и начинает обкладывать руганью, как только может, и когда председатель А.А. [Коростелев] стал говорить, чтобы он был поосторожней, что это заседание губисполкома, и когда выяснилось в чем дело, то оказалось, что ему не понравилось, что заседания проходят без часовых у дверей».⁶⁵⁷ Другой момент: около часу в общежитие членов Губисполкома стали ломиться в дверь неизвестные люди. Члены Исполкома, которые все были вооружены винтовками, собрались отбивать атаку. Началась перестрелка. А когда выяснилось, то оказалось, что это наш небольшой отряд матросов пришел искать белогвардейцев».⁶⁵⁸

Победившие казачий «мятеж» добровольцы сами обеспечивали себя пропитанием, жильем, трофеями. Казачья уральская газета «Яицкая воля» приводила рассказ «интеллигентной особы, которой волей-неволей пришлось пережить в Оренбурге все время владычества красногвардейцев до 20 июня включительно и по тому быть свидетельницей всех тех ужасов, какие в тот период времени ширились красногвардейцами над городом и краем»: «Параллельно с обысками производилась реквизиция, которая носила все признаки грабежа. Для реквизиции хотя и были выработаны известные правила определяющие что можно брать и чего нельзя, но красногвардейцами бралось все, что им нравилось: деньги брались до последней копейки, ценности в виде украшений отбирались безусловно, хотя по выпущенному им правилу можно было реквизировать золотые вещи лишь весом более 14 золотников; мука отбиралась свыше 10 фунтов; ткань отбиралась вся. Но кроме этих предметов отбирались и вещи, казалось бы, не подходящие к реквизиции, как например, ночные горшки, детские салазки и др. Таким образом, под видом реквизиции, происходил обыкновенный грабеж, после которого все награбленное вывозилось и выносилось и продавалось на местном рынке; вслед за этим рынок оцеплялся новым отрядом красногвардейцев и все награбленное и уже проданное вновь отбиралось».⁶⁵⁹

В принципе, добровольцы стали теперь вроде как и не нужны – задача была выполнена, но в то же время избавиться от них было рискованно – «противник ведь только отступил, но не был разбит, следовательно, надо было его преследовать, уничтожить его живые силы. В то же время у нас не было таких сил, с которыми мы могли бы преследовать далеко отступающих белогвардейцев. Территория тогда была очищена в радиусе верст на 35 не больше, а уже дальше сил, у нас не хватало. Конечно, хватит тех сил в количестве 2 тысяч вооруженных человек, которые у нас были и из которых к тому же некоторую часть составляли рабочие, которые должны были пойти к станкам, этих сил хватить не могло» (А.Коростелев).⁶⁶⁰ Мемуарист рассказывал об Оренбурге в мае: «В Оренбург приехали

⁶⁵⁵ Филиал ГАОО в г.Бузулуке. Ф.389. Оп.1. Д.10. Л.73.

⁶⁵⁶ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.3.

⁶⁵⁷ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.39 об.

⁶⁵⁸ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.29. Обратим внимание на деталь: «членов исполкома» - значит, происходило это никак не ранее 25 марта, когда исполком был создан. «Советская» власть в городе с января; два месяца спустя ходят и ищут белогвардейцев?

⁶⁵⁹ Яицкая воля. №148. 8(21).8.1918.

⁶⁶⁰ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.2.

днем. Столица Оренбургских казаков представляла настоящий военный лагерь. Оренбургский гарнизон состоял из отрядов боевых организаций и красногвардейцев. Город был на осадном положении, так как вблизи оперировали отряды казаков. Части, несущие гарнизонную службу должны были быть в любую минуту готовы к боевым действиям. С наступлением темноты на улицах можно было встретить большие наряды конных и пеших патрулей; каждый стоявший в городе отряд считал своей обязанностью выслать патруль; связь между частями была слаба и это часто приводило к перестрелкам между патрулями, а на окраинах города перестрелка с казаками была постоянным явлением. В эту перестрелку ввязывались пулеметы, а иногда и бомбометы; на несколько выстрелов со стороны казаков караулы отвечали ураганным огнем, который с трудом удавалось остановить. Ружейная трескотня, мелкая дробь пулеметов была привычна обитателям Оренбурга. Только с наступлением света наступала как будто обыденная жизнь... Городскую жизнь днем ничто не нарушало. Только количество похорон даже на первый взгляд говорило, что город живет не совсем обычной жизнью. Днем производились похороны убитых за ночь в перестрелке и привезенных с передовых постов».⁶⁶¹

Так что понять, почему ВРК приходилось с отрядами «боевых организаций» мириться, можно; впрочем, они в довершение ко всему были просто сильнее местных красногвардейцев. Но выход искать было надо.

Одним из путей было издание разного рода приказов по дисциплине – но это было неэффективно; другой – попытка создать единый управляющий центр. Выстраивание собственной военной власти началось ВРК не позднее 28 января. Тогда Комитет назначил Ходакова «командующим всеми Военно-Революционными войсками Оренбургской губернии». Пояснялось, что его распоряжениям должны подчиняться все воинские части и Красная Гвардия.⁶⁶² Явно имелись в виду прежде всего те отряды, которые имели своих командиров ранее, до Оренбурга. Именно их и пытались поставить под контроль – поскольку своими войсками губерния никак не располагала. И, наконец, третий путь – создание собственных вооруженных сил с тем, чтобы не зависеть от пришлых. До конца апреля с газетных страниц звучали призывы к добровольцам. С середины мая заговорили о мобилизации. Формируемые добровольческие отряды поначалу именовались «легионами». Весьма показательны слова Маслова: «Два слова о наших красных отрядах – легионах периода 1918 года. Некоторые товарищи говорили, что наши отряды состояли в большинстве из отбросов, из темного элемента. Такое мнение было абсолютно неправильно. Правильнее будет, если мы скажем, что в отрядах были лица далеко не из честного элемента и даже с уголовным прошлым, и мы звали в отряды всех, кто желает бороться за советскую власть, мы нуждались в то время, в первую очередь в количественном составе вооруженных сил, а при массовом наборе, особенно в условиях когда служба в отрядах подвержена ежедневным возможностям вооруженной борьбы с белогвардейцами, неизбежно должна попадать часть людей не только чуждых, но и вредных для Красной армии. Этот элемент зачастую совершал непозволительные действия. Было много случаев грабежей, насилий, были случаи совершенно невинных расстрелов. Это, конечно, позорило славное имя красногвардейцев, но вместе с этим эти отряды героически сражались с бело–бандитами. Сколько было случаев, когда наши отряды почти целиком отдавали свою жизнь на советских позициях. Наши красные отряды, несмотря на имеющиеся в рядах нечестных и даже вредных элементов, сыграли огромную роль. За ними остается громадная заслуга в деле борьбы с белогвардейщиной в Оренбургском крае. Без этих отрядов, в окружении белогвардейским казачеством, было бы невозможно или крайне тяжело вести борьбу за укрепление советской власти».⁶⁶³ И

---

⁶⁶¹ Баландин. Воспоминания уральского партизана (1918 г.). // Пролетарская революция. 1926. №8(55). С.164-165.

⁶⁶² Известия Оренбургского военно-революционного комитета. №6. 28.1.1918.

⁶⁶³ СОГАСПИ. Ф.3500. Оп.1. Д.233. Л.29.

далее он замечал: «Из всех этих отрядов, наиболее надежным был отряд матросов – Павловского, но они были в высшей степени озорные». Определить, какие бесчинства совершали пришлые «добровольцы», а какие «свои» красноармейцы, сложно, да и нет смысла, ибо независимо от того, кто конкретно был виноват, в целом это создавало нездоровую атмосферу погруженного в бессмысленный и бесконтрольный террор города.

Косвенно это подтверждается теми же приказами и распоряжениями ВРК и военно-революционного штаба (ВРШ). Значительное число приказов (преимущественно ВРШ) так или иначе касавшихся дисциплины – есть показатель. Внимательное ознакомление с документами позволяет увидеть те отрицательные моменты, которые были характерны для занятого красными города: «не редко наблюдаются случаи посещения воинскими чинами Красной Армии и гвардии Российской Федеративной Советской Республики кинематографов и театров, не покупая билетов на места, а занимают таковые бесплатно»⁶⁶⁴; «за последнее время участились случаи быстрой езды по городу как на автомобилях, велосипедах, так и на лошадях»⁶⁶⁵. Так, заявление ВРК, что «всякое вторжение» в здания гимназий военного ведомства, «а также нападение и оскорбление их питомцев на улицах строго воспрещается и будет преследоваться», говорит прежде всего о том, что таковое имело место.⁶⁶⁶ Приказы свидетельствуют: «Участились случаи насилия красно-армейцев над военно-пленными»⁶⁶⁷; «наблюдаются случаи, и весьма частые, что красноармейцы гуляя по городу в местах большого скопления публики, носят за поясом бомбы».⁶⁶⁸ Практически постоянно повторялись призывы пресечь «бесцельные и ненужные по городу выстрелы»; «не делать ни одного выстрела без надобности»; «прекратить навсегда стрельбу в воздух ...с целью озорства»; прекратить стрельбу по проводам.

Констатировались как массовое явление «самочинные обыски и аресты», «реквизиции домов и жилых помещений», «начальниками некоторых отрядов, оперирующих на фронте, накладываются на население контрибуции и производятся всевозможные реквизиции и конфискации». Серьезной проблемой стало бесконтрольное пьянство – судом трибунала угрожали за «появление на улицах и в общественных учреждениях в нетрезвом виде» (одновременно угрожая трибуналом владельцам предприятий «за продажу, укрытие и допущение распития спиртных напитков» (2 марта). А 10 апреля в приказе ВРШ вновь говорилось недопустимости «появления на улицах красно-армейцев и красно-гвардейцев в пьяном виде и производства ими в таком виде самочинных обысков и арестов». Обращает внимание, что теперь кары объявлялись не этим красноармейцам, что было бы логично, но «лицам, занимающимся тайной торговлей спиртных напитков», «шинкарям» - т.е. запретить торговлю и потребовать «имеющиеся спиртные напитки немедленно сдать в ближайшие участки Военно-Народной охраны» казалось легче, нежели обуздать стихию красноармейцев, усилив дисциплину. То же было и позднее - раздавались угрозы за «злоупотребления при выписке спирта не врачами и не для нужд медицины», расстрелом грозили «лицам, замеченным в продаже спиртных напитков, а также владельцам тех гостиниц и ресторанов, где будет производиться пьянство» – но никак не пьющим красноармейцам. В мае Штаб фактически признал, что самосуды на улицах «имеют место чуть ли не каждый день». Ласково назвав таковые «печальным явлением», совершающимися «по большей части под влиянием опьянения»,

---

⁶⁶⁴ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №67. 5.5.(22.4.) 1918.

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ Известия Оренбургского военно-революционного комитета. №6. 28.1.1918.

⁶⁶⁷ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №68. 10.5.(27.4.) 1918.

⁶⁶⁸ ГАОО. Ф.2418. Оп.1. Д.29. Л.3.

Штаб приказывал виновных «преследовать как врагов народа и революции и немедленно передавать полевому суду».⁶⁶⁹

Кто творил все эти бесчинства? Вовсе не белые или казаки – местная пропаганда и не пыталась обвинять их. Творили те, кто находился в городе – т.е. «красные». Понятно, власти пытались объясниться – так на чрезвычайном съезде трудового казачества 1-го округа 2 мая 1918 г. Кичигин разъяснял, что «под флагом большевиков зачастую совершают преступные деяния разные вооруженные темные личности с уголовным прошлым...»⁶⁷⁰ Даже если допустить такое, то получается, что большевики не имели сил пресечь преступную деятельность подобных «темных личностей».⁶⁷¹ Достаточно показателен в этом смысле т.н. приказ №4 по I-му Северному Революционно-партизанскому отряду. В нем сообщалось о расстреле командующего отрядом и его помощника. В вину было поставлено: «1) угрозы членам военных Штабов г. Оренбурга разгоном и расстрелом; 2) оскорбление, брошенное всем товарищам руководителям Советской власти; 3) снятие бриллиантовых сережек с расстрелянной контрреволюционерки; 4) угрозы товарищам красноармейцам отряда расстрелом» и т.д.⁶⁷² Самое показательное – что приговор был вынесен по приговору «всех товарищей красноармейцев отряда», но не органов местной Советской власти. А между тем, было обязательное постановление ВРШ еще от 4 апреля: «Лица, уличенные в грабежах, воровстве, пьянстве, будут караться смертной казнью».⁶⁷³ Создаваемые легионы достаточно скоро были распущены – недели хватило, чтобы «некоторые красноармейцы – легионеры бежали, захватив с собою имеющиеся у них оружие и мандаты, благодаря чему в настоящее время являются случаи самочинных обысков, арестов, реквизиций и убийств».⁶⁷⁴

Бесчинства пришлых «добровольцев» усугублялись террором и карательными экспедициями, которые осуществляла сама власть, именовавшая себя «советской».

Важным подспорьем в деле снабжения советских войск были контрибуции, взимаемые с ближайших населенных пунктов – казачьих станиц. Дело в том, что Оренбург был как бы окружен территорией казачьего войска. Постепенно контрибуции из единичных фактов превратились в едва ли не повседневную практику. Начиная с февраля месяца из города по окрестным станицам совершались рейды для установления «советской власти» на местах – специальные отряды формировались из рабочих предприятий Оренбурга.

В ультиматумах Военно-Революционного Штаба к казакам звучали наиболее жестокие и незаконные угрозы: станицы будут «без выяснения и разбора виновных и невиновных, сметаться с лица земли силою оружия революционных войск»⁶⁷⁵; «расстреливать артиллерийским огнем и снарядами и удушливыми газами за все нарушения станицы и поселки... За все нарушения или убийства красногвардейца и

⁶⁶⁹ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №79. 24(10).5. 1918.

⁶⁷⁰ ГАОО. Ф.2990. Оп.1. Д.201. Л.47.

⁶⁷¹ Они просто вынуждены были воспринимать их как нечто разумеющееся: так, П.С.Демин вспоминал: «Ко мне пришли, имеющие новостройские клички «Халим», «Желток» и «Седой», которые были выпивши и вооружены. Они сообщили, что на ул. Дегтярной, недалеко от меня, скрывался казак-дуговец, которого надо взять... На площади около Брагиной мельницы пьяные «красногвардейцы» – Халим, Седой, Желток хотели расстрелять [его]». [Сафонов Д.А. Набег казачьих партизан на Оренбург 3-4 апреля 1918 г.: опыт исторической реставрации. // Историко-литературный альманах «1743». Вып.5. Оренбург, Оренбургская губерния. 2006. С.78.]

⁶⁷² Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. №63. 27.4.(14.4.)1918.]

⁶⁷³ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета... №45. 4.4. (22.3.) 1918.

⁶⁷⁴ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета... №69. 11.5. (28.4.) 1918.

⁶⁷⁵ Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета... №48. 10.4.(28.3.)1918.

нападение будет караться расстрелом всей станицы и поселка; за одного убитого будет убито сто человек».⁶⁷⁶ И эти угрозы действительно были исполнены.

«Советские» отряды вели себя в Оренбурге как оккупанты на чужой территории, как временщики, заведомо знающие, что им тут не оставаться. Жестокости красных в отношении казачества, стремление последних освободить центр казачьего войска – Оренбург, привели к тому, что большевики не обрели поддержки за пределами города. Насильственное снабжение за счет окрестных деревень и станиц не могло продолжаться вечно; все ценное, что можно было взять в городе – было взято. Так что нет ничего удивительного в том, что когда политическая ситуация в регионе изменилась – в конце мая при помощи чехословаков советская власть пала в Челябинске, Троицке, Самаре, Бузулук – то «добровольческие отряды» стали покидать город, по сути разбежаться в разные стороны: часть на Орск, часть – на Актюбинск. Город был просто оставлен – разоренный, расстрелянный, ограбленный....

Глава 15. «Мятеж» и «диктатура» атамана Дутова.

«Временное правительство, напуганное ростом революционного движения, принимало меры к собиранию контрреволюционных сил. С этой целью в Оренбургскую губернию был направлен участник корниловского мятежа монархист полковник Дутов...» (1976) «Временное правительство, напуганное ростом в стране революционного движения трудящихся масс, принимало меры к сплачиванию контрреволюционных сил. С этой целью в Оренбургскую губернию, где значительную часть населения составляло казачество, был направлен участник корниловского мятежа полковник Дутов...» (1988) «Наказной атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов в приказе №816 объявил, что принимает на себя всю полноту власти «в силу совершенной недопустимости власти большевиков»» (1996). «Установление военной диктатуры.... Свержение Временного правительства и арест его членов в ночь с 25 на 26 октября в Петрограде А.И. Дутов и его единомышленники расценили как узурпацию власти «преступным и совершенно недопустимым» путем....» (2008)

Утверждение о том, что в октябре 1917 г. атаман Оренбургского казачьего войска А.Дутов поднял мятеж против Советской власти, который был в итоге подавлен, в итоге приобрело силу общеизвестной истины. Огромное количество публикаций по данной теме служило тому убедительным доказательством. Усомниться в этом казалось просто нелепым, многие факты от частого повторения приобрели значимость аксиом, а те моменты, которые могли бы вызвать недоуменные вопросы, было «не принято» замечать - например, никому в голову не приходило попытаться объяснить, как в условиях установленной Дутовым «террористической диктатуры» большевики продолжали действовать, приняли участие в выборах в Учредительное собрание и одержали там ошугимую победу. Местная советская историография намеренно игнорировала отдельные факты. Исходя из двух надуманных положений - о четком разделе всего общества на революционные и контрреволюционные силы и об оценке любого несогласия с действиями большевиков как «мятеже» - она рисовала упрощенную схему.

История «дутовского мятежа» против советской власти складывалась постепенно и потому в исторической литературе можно выделить несколько этапов. Поначалу использовалась следующая схема. Так, Вл.Булах (1928) писал, что «в бурные дни конца 1917 года» в Оренбург прибыл Дутов «с готовой программой действий» и быстро

⁶⁷⁶ Вестник Народное дело. №15. 3.(21).4. 1918.

организовал «Комитет спасения родины и революции», который «рабочие правильно называли его «комитетом спасения контр-революции».⁶⁷⁷

Не без участия Ф.Попова (1934) в литературе утверждается полу-презрительная кличка режима, установленного в Оренбурге – «дутовщина». При би-полярной схеме изложения событий гражданской войны: красные-белые, «белыми» однозначно и безусловно стали оренбургские казаки: «На одной стороне баррикады стоял пролетариат», на другой было «казачество, главным образом его верхушечная часть, руководимая монархическим офицерством во главе с атаманом Дутовым и боровшаяся за восстановление старых дореволюционных порядков».⁶⁷⁸ Выходило, что Дутов с самого начала был знаменем контрреволюции, и он же установил диктатуру, подняв казачество на мятеж против законной власти. В своих суждениях автор отталкивался от суждения И.В.Сталина о казачестве, как «исконном оружии русского империализма».⁶⁷⁹ В последующих работах настойчиво стала проводится мысль, об изначальной роли Дутова, как лидера контрреволюции, каковая роль отводилась ему уже летом 1917-го.⁶⁸⁰

В дальнейшем в литературе нового поколения - конца 50-60-х гг. и далее – наблюдался, как не странно, определенный регресс. Новые южноуральские работы весьма уступали прежним представительностью цитируемых источников из «белого» лагеря, исчезали имена - как казачьих командиров, так и красных, подробности, точные цифры и многие иные детали, сюжет в целом резко упрощался. Упрощение доводилось до такой степени, что впору было говорить о вульгаризации темы.

У южноуральских авторов по-прежнему определяющим оставался тезис о том, что Дутов якобы с самого начала затевал контрреволюцию. Е. Дударь в своей монографии об установлении Советской власти в Оренбургском крае (1967) утверждала, что едва ли ни с лета 1917 г. «задача подготовки оренбургского казачества к роли палача и душителя революции была возложена на полковника Дутова - активного участника корниловского мятежа».⁶⁸¹ О «махровом реакционере и монархисте» Дутове несколько позже писал А. Борисов (1968), заключая, что «Дутов стремился к тому, чтобы, сделав Оренбург центром оренбургского, уральского и сибирского белого казачества, создать контрреволюционный фронт по линии Саратов-Самара-Уфа-Троицк-Челябинск, затем вместе с донским и кубанским казачеством двинуться на Москву, свергнуть власть Советов и восстановить власть буржуазии».⁶⁸² Так оценивали происшедшее М.Д. Машин (1984)⁶⁸³ и Л.И. Футорянский (1993, 1996, 1998).⁶⁸⁴ Конечно же, так писалось и в местных учебниках.

Достаточно традиционно режим, установленный Дутовым, определялся в литературе как «диктатура». Видимо, создателем этого тезиса следует считать Ф.Попова. В 1934 г. он считал, что диктатура была «введена» приказом КОМУЧа №2 от 4 июля.⁶⁸⁵ Позднее, в 1937 г., он стал говорить, что введение смертной казни Дутовым в июле 1918 г.

⁶⁷⁷ Булах Вл. Как рабочие защищали Оренбург от белых. М.: Военный вестник, 1928. С.3.

⁶⁷⁸ Попов Ф. Дутовщина. Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. М.-Самара: Средневожск. краевое изд-во, 1934. С.5.

⁶⁷⁹ «Кто же другой мог быть оплотом денкиноско-колчаковской контрреволюции, как не исконное оружие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие, - казачество, издавна эксплуатирующее нерусские народы на окраинах?» («Правда», №293, 27 декабря 1919 г. Цит. по: Ф. Попов. Дутовщина... С.6.)

⁶⁸⁰ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. Самара, 1937. С.17-19. Отдельный параграф назывался: ««Особоуполномоченный» по подготовке контрреволюции».

⁶⁸¹ Дударь Е.И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 - июнь 1918 гг.) // Ученые записки Оренбургского гос пед. ин-та. Вып.24. Оренбург: ОГПИ, 1967. С.52.

⁶⁸² Борисов А.Я. За власть Советов // Орденосное Оренбуржье. Челябинск: ЮУКИ, 1968. С.135,137.

⁶⁸³ Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1984. С.19.

⁶⁸⁴ История Оренбуржья. Учебное пособие. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1996; Оренбург. Челябинск: ЮУКИ, 1993; Футорянский Л. Обострение гражданской войны и причины создания местных органов ВЧК. // На защите интересов России. Оренбург: Оренбургская губерния, 1998.

⁶⁸⁵ Попов Ф.Г. Дутовщина... С.78.

«фактически» объявляло военную диктатуру «кучки черносотенного офицерства».⁶⁸⁶ В определениях он, учитывая время написания работ, совершенно не стеснялся: «небывалый по своей дикой жестокости режим», режим, «какому мог позавидовать любой царский вешатель», «зверский режим», «бешеный террор», «террористическая диктатура военномонархического типа».⁶⁸⁷ Определение «террористическая диктатура» использовал Л. Футорянский, в одном случае фиксируя ее установление в июле 1918 г.⁶⁸⁸, а в другом - осенью 1917 г.⁶⁸⁹ По его убеждению, дутовская власть держалась «на бешеном насилии».⁶⁹⁰

Изоощряясь в придумывании ярлыков, исследователи совершенно не учитывали, что такой политический режим, как диктатура (как и любой иной политический режим), имеет определенные признаки и только наличие таковых дает основание для соответствующего вывода. Справедливости ради отметим, что попытки сделать это были: «Введение военного положения в Оренбурге, начавшиеся аресты, применение вооруженных сил для изъятия «излишков» хлеба в селах и станицах - все это свидетельствует, что дутовская власть была диктатурой, носила террористический характер».⁶⁹¹ Вроде бы объяснение понятия есть; но достаточно задуматься, чтобы понять, что оно, что называется, «палка о двух концах»: коммунисты в Оренбурге также ввели военное положение, также имели место аресты, продотряды силой отнимали хлеб - и тогда либо советскую власть следовало также называть террористической диктатурой, либо нужно признать неудачность аргументации. Потому-то авторы и были вынуждены игнорировать все факты, не «вписывающиеся» в «кровавую» диктатуру.

Начиная с периода перестройки стали появляться и иные точки зрения, хотя авторов более интересовала личность самого атамана, нежели режим им созданный. В. Войнов (1990)⁶⁹² и А.В. Ганин (2002, 2005, 2006)⁶⁹³ оценивали Дутова как лидера антибольшевистского движения. В. Войнов заменил термин «мятеж» на «восстание», определение, если так можно сказать, более «благородное», но оценку сути деяний оставил прежней. Дутов по-прежнему был однозначной фигурой контрреволюции, но весьма яркой, причем монархистом. «Что заставило атамана Дутова поддержать адмирала Колчака?» - задавал автор вопрос. И сам же отвечал: «Ответ один: общий политический идеал - самодержавие со всей его атрибутикой».⁶⁹⁴ Солидарный с Войновым А. Ганин заключал, что Дутов «достоин искреннего уважения потомков ... за свою бескомпромиссную борьбу с большевиками с 1917 г. и до самой смерти».⁶⁹⁵ Внесли свой вклад в обсуждение и мы, в свое время опубликовав статьи о своем видении т.н. дутовского «мятежа».⁶⁹⁶

⁶⁸⁶ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж... С.108.

⁶⁸⁷ Там же. С.81, 119, 121, 122, 185.

⁶⁸⁸ См.: Оренбург. Челябинск: ЮУКИ, 1993.

⁶⁸⁹ История Оренбуржья... С.175.

⁶⁹⁰ Футорянский Л.И. Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Оренбург, 1968. С.4.

⁶⁹¹ История Оренбуржья... С.175.

⁶⁹² Войнов В. Атаман Дутов и трагедия Оренбургского казачества // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск: ЮУКИ, 1990. С.72-73.

⁶⁹³ Ганин А.В. Тургайский поход и антибольшевицкое повстанческое движение в Оренбургском казачьем войске (апрель-июнь 1918 г.) // Антибольшевицкое повстанческое движение. Белая гвардия. Альманах №6. М.: Посев, 2002; Ганин А.В. Антибольшевицкое движение в Оренбургском казачьем войске: краткий исторический очерк // Казачество России в белом движении. Белая гвардия. Альманах №8. М.: Посев, 2005; Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. (автор использует такое написание слова - «антибольшевицское»)

⁶⁹⁴ Войнов В. Ук. соч. С.78.

⁶⁹⁵ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов... С.129.

⁶⁹⁶ Сафонов Д.А. Легенда о «казачьем мятеже». // 1973. Историко-литературный альманах. Вып.1. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С.35-62; Он же. Легенда о казачьем мятеже. // Урал в панораме XX века. Екатеринбург: изд-во «СВ-96», 2000. С.127-134.

Однако, создается стойкое впечатление, что для определенных авторов наличие новых аргументов прошло незамеченным: в последнем учебнике родного края 2008 г. мы по-прежнему встречаем главу «Установление военной диктатуры»⁶⁹⁷ и читаем о «диктаторе-атамане».⁶⁹⁸

Что ж, повторим наши доводы. Мы убеждены, что осенью 1917 года в Оренбурге никакого «мятежа» не было. Ведь что такое «мятеж»? Выступление против законной власти, иначе говоря, по сути своей противозаконное, несправедливое деяние. Если исходить из посылки, что власть Советов установилась легитимно, то все в порядке. Советские и пост-советские авторы были просто убеждены в этом, не утруждая себя доказательствами (логика рассуждений - «а как же иначе?») Но стоит взглянуть иначе, усомниться в ее легитимности... и мятеж против нее «исчезает». Но даже если принять версию о незаконности действий А.Дутова против законной власти, все равно, случившееся не «вытягивает» на мятеж. Точно так же, диктатурой это назвать сложно. Обратимся к фактам.

События Февраля серьезно повлияли на казачество региона - отречение императора разрушило централизованное управление казачьими войсками. Однако достаточно скоро на смену понятной растерянности пришли самостоятельные инициативные действия. В середине апреля Войсковой Круг обсудил два важнейших вопроса - о введении в войске самоуправления и земельный. На нем впервые был избран, а не назначен, как всегда делалось ранее, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Им стал генерал-майор Н.П. Мальцев. Земельный вопрос был решен вкуче с иными аспектами казачьей собственности. Это нашло отражение в чеканной формуле, принятой на Чрезвычайном Войсковом Круге в сентябре, что Оренбургское казачество имеет «право на свои земли, недра и прочие угодья». На этом же Чрезвычайном Круге дальнейшее развитие получило войсковое самоуправление. Атаманом был избран А.И. Дутов, бывший ранее председателем Совета Союза казачьих войск, активный сторонник сохранения самобытности казачества и его свобод. Ему же принадлежала идея создания своеобразной казачьей федерации, территориального союза казачьих войск (т.н. Юго-восточный союз).

Поначалу А.Дутов поддерживал Временное правительство, называл А. Керенского «светлым гражданином земли русской». Однако уже к лету наступило разочарование - разочарование и в личности «светлого гражданина» и в той политике, которую проводило Временное правительство. Когда главнокомандующий армией Л.Г. Корнилов совершил поход на Петроград, полагая в интересах государства установление военной диктатуры, то председатель союза казачьих войск А. Дутов, не принимая непосредственного участия в этом, достаточно демонстративно оказался осуждать «мятежного» главкома. Как он сам рассказывал об этом позже, на Войсковом Круге: «Ваш покорный слуга был вызван к министру-председателю и там мне, чуть не под угрозой заключения в тюрьму, было предложено подписать бумагу, в которой Корнилов и Каледин назывались изменниками». «Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу», патетически воскликнул он под бурное одобрение собравшихся.⁶⁹⁹ Временное правительство теперь совершенно не пользовалось уважением у А.Дутова - достаточно обратиться к его выступлениям, например, на Войсковом Круге. Но даже такой, А.Дутов, как и иные казачьи атаманы, был Временному правительству нужен - в казачьих частях власть рассчитывала найти себе опору. Вскоре атаман был назначен главноуполномоченным по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области на правах министра. На

---

⁶⁹⁷ История Оренбургская. Часть 1: С древнейших времен до 1920 года. / Злобин Ю.П., Поляков А.Н. Оренбург: Оренбург. лит. агентство «ОРЛИТ-А» 2008. С.210.

⁶⁹⁸ Там же. С.212. Впрочем, там немало и иных крайне устаревших тезисов, доказанно не имеющих под собой фактического обоснования: например, что Дутов получал от Антанты «щедрую военную и финансовую помощь» или что Дутов подписал приказ №2 о введении военного положения [Ук. соч. С.214]. И то, и иное положение – неправда.

⁶⁹⁹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 1 окт.

этом этапе отношения с губернскими структурами, в первую очередь губкомиссаром Архангельским, у Дутова были достаточно прохладными. И это объяснимо: губкомиссар был всецело на стороне Временного правительства. Именно Архангельский регулярно телеграммами сообщал «компромат» на атамана. И все же, когда в столице произошли знаменитые события 25-26 октября, Архангельский обратился за помощью к атаману.

Достаточно традиционно в литературе существовало утверждение, что приказом №816 от 26 октября 1917 г. атаман Дутов «объявил войну» советской власти. Лучшим контрдоводом может быть внимательное чтение полного текста приказа. Вообще публиковался он неоднократно; потому совершенно непонятно, как могли некоторые авторы «вычитывать» из него это самое «объявление войны»: «В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном и братском союзе с правительствами других казачьих войск, Оренбургское Войсковое Правительство окажет полную поддержку существующему коалиционному Временному Правительству. В силу прекращения связи с центральной Государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое Правительство, ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и телеграфной связи, с 20-ти часов 26-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в войске. Войсковой Атаман Полковник Дутов».⁷⁰⁰ Причины решения разъяснились в «обращении к населению», подписанном губернским комиссаром Временного правительства Н.В.Архангельским, войсковым атаманом А.И.Дутовым, председателем губернского комитета Общественной безопасности А.Константиновым, городским головой В.Барановским, председателем Центрального союза Чередниченко, председателем губземуправы А.Смысловым, прокурором суда С.Кичиным и начальником гарнизона полковником Терлецким: «Вчера у губернского комиссара состоялось совещание по поводу циркулирующих по городу слухов о выступлении большевиков. В результате заседания было выработано следующее обращение к населению: «В виду распространяющихся по городу темных слухов, в виду призыва некоторых лиц к захвату власти, погромам и грабежу доводится до сведения граждан города Оренбурга, что всякие попытки создать беспорядки, откуда бы они не исходили, будут подавляться в корне, беспощадно, не останавливаясь ни пред какими мерами. В тот момент, когда мы стоим у порога Учредительного Собрания, и весь русский народ может и должен сказать свое свободное слово, определить основы всей своей жизни, захват власти не может быть допущен. Всякие демонстрации, уличные митинги, карточные игры, игра в орлянку и другие азартные игры на улицах и площадях запрещаются».⁷⁰¹

В тот же день местная фракция большевиков распространила заявление, осудившее «выступление своих петроградских коллег» и предупреждающее, что «в Оренбурге они не намерены выступить впредь до получения указаний центрального комитета большевиков».⁷⁰²

Объединенный Совет на своем заседании 28 октября также не признал происшедшего в Петрограде переворота и поставил вопрос о создании «Комитета спасения Родины и Революции». Голосование по данному вопросу дало следующие результаты: «за» - 203, «против» - 63, 3 человека воздержались.

Нужно сказать прямо - предпринятые меры имели в виду в первую очередь большевиков, но не были антибольшевистскими (т.е.контрреволюционными) по своей сути. Россия ждала Учредительного собрания, выборы которого были уже близки. В этих условиях любые дестабилизирующие действия рассматривались большинством как вред

⁷⁰⁰ Оренбургский казачий вестник. 1917. 27 окт.

⁷⁰¹ Оренбургский казачий вестник. 1917. 27 окт.

⁷⁰² Оренбургский казачий вестник. 1917. 28 окт.

делу демократии - была ли это попытка военного переворота Л.Корнилова, или же выступление большевиков. Советские авторы, исходя из тезиса о том, что большевики «имели право» на захват власти, игнорировали эти соображения. 28 октября губернский комиссар Архангельский передал Дутову всю военную власть на гражданской территории губернии. Таким образом, особенно поначалу речь шла только о необходимости поддержания стабильности в губернии. Власти края достаточно демонстративно заявили о своей безоговорочной поддержке идеи грядущего Учредительного собрания, что подтверждается, помимо деклараций, фактом организации выборов, состоявшихся в ноябре. До созыва Учредительного собрания легитимной полагалась власть Временного правительства. Отсюда события в Петрограде воспринимались как явление в достаточной мере случайное, и, безусловно, проходящее. Потому в губернии продолжали функционировать все государственные структуры, издаваться от имени и во исполнение решений Временного правительства распоряжения и т.п.

Практически с первого же дня принятия Дутовым военной власти на гражданской территории губернии разделись крики о «диктатуре». Выступая в городской Думе 28 октября Дутов отмечал: «имя мое на всех перекрестках определенно произносится как имя какого-то диктатора» и потому призывал «разрешить недоразумение разом». Им было сделано, по сути, программное заявление: «Казачья программа такова: казачество поддерживает Временное Правительство, казачество стоит за федеративную республику, казачество ждет Учредительного Собрания и прилагало и приложит все усилия к тому, чтобы оно открылось в определенный срок, казачество за порядок и спокойствие граждан и не допустит погромов и грабежей». ⁷⁰³ Тогда же он дал объяснения, почему на улицах везде видны казачьи части – что, вероятно, и дало пищу для громких заявлений: «Когда на совещании у губернского комиссара возник этот вопрос [о поддержании правопорядка], то оказалось, что поручить охрану жителей было некому. Те лица, которые возглавляли воинские силы и присутствовали на этом совещании, заявили, что они не могут поручиться за свои части. Тогда я от имени казачества заявил, что я могу поручиться за казачество в том, что если бы даже большевики и выступили в Оренбурге, порядок будет сохранен казаками...». Действительно, казаки заняли правительственные учреждения, вокзал, депо – но это было вызвано сведениями о намерении местных большевиков перейти к активным действиям. Вновь вернувшись к больному вопросу, Дутов продолжал: «Здесь раздавались голоса о диктатуре, но ее нет и о ней не может быть и речи. Хотите этому верить, хотите нет, но я заявляю вам здесь это открыто. Мы предлагали взять власть с гарантией на порядок, нам этого не дали. Мы сочли для себя долгом встать на защиту вашей жизни, вашего имущества. Город находится не на казачьей территории, но мы ваши соседи и считали братским долгом защищать вас». ⁷⁰⁴ В итоге городская Дума по сути единогласно (при трех воздержавшихся) выразила доверие Дутову. Для советской, ошутимо ангажированной, историографии, мнения думцев были, разумеется, не аргумент; гораздо весомее звучали мнения местных большевиков. В условиях военного положения была закрыта большевистская газета «Пролетарий» - при этом в типографии был рассыпан набор третьего номера. По свидетельству ее редактора А.Коростелева, повод к акции дала передовая с политической оценкой текущих событий и роли в них меньшевиков и эсеров. Установленная Дутовым власть в крае определялась как военная диктатура. ⁷⁰⁵ Так суждение Коростелева стало определяющим. Между тем, конечно же, использовать можно любой термин, любое определение. Проблема в том, что в отношении правовых терминов, особенно самых распространенных, не поощряется излишняя самостоятельность и вариативность. Понятие «диктатура» имеет вполне определенные признаки, собственно, и дающие основание определять так конкретный политический режим. Если же мы рассмотрим факты, то обнаружим, что в действиях Дутова как раз

⁷⁰³ ГАОО. Ф.41. Оп.1. Д.26. Л.280 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л.281 об.

⁷⁰⁵ Пролетарская революция в городе Оренбурге. Оренбург, 1927. С.55.

отсутствуют необходимые элементы, позволившие бы нам однозначно квалифицировать установленный режим именно так.

Став фактическим хозяином губернии, А. Дутов вовсе не стремился воспользоваться этим. Он достаточно демонстративно интересовался делами исключительно войсковой территории. Начался процесс фактического обособления войска. В отношении прочих территорий губернии лишь принимались меры по поддержанию там порядка в ожидании созыва Учредительного собрания.

Идея казачьей автономии, что называется, витала в воздухе, и уже достаточно давно. Особенность ОКВ как военно-административной единицы заключалась в том, что в военных вопросах оно подчинялось наказному атаману, а в делах гражданских - уездным и общегубернским властям в лице губернатора. Несмотря на видимый дуализм управления сохранялось единоначалие - атаман и губернатора был один и тот же человек. После падения самодержавия среди казачьих лидеров родилась идея превращения войска в нечто среднее между простой административно-территориальной единицей и национальной автономной территорией. Не ставя вопрос о выходе из состава России, не поднимая темы создания «казачьей» государственности, они вели разговор о суверенитете, т.е. полновластии в пределах войска. Уже в сентябре Хозяйственное правление Уральского казачьего войска обратилось во Временное Правительство с ходатайством о переименовании войска (в Яицкое), отмечая при этом, что войском уже «возбужден вопрос о полном отделении территории уральского казачества от Уральской области».⁷⁰⁶

Отделение (или правильнее - обособление) территории ОКВ от прочей части губернии уже к декабрю 1917 г. было свершившейся реальностью. Сам А.Дутов, не отказываясь от возложенных на него постов, упорно принимал сторону казачества. Как главноуполномоченный, он потребовал сдачи излишков, а как атаман, заявил, что «не позволит нарушать интересы казаков» и потому казачья территория сдавать хлеб продкомитету не будет. Речь шла не об саботировании собственного призыва, но о нежелании подчиняться гражданским властям губернии, в частности, продкомитету. Было заявлено намерение «везти хлеб со своими провожатыми и только для своих частей на фронте». Угроза была реализована - на заседании Оренбургского губпродкомитета, состоявшемся 7 декабря, вопрос о том, как теперь исполнять наряды на поставки хлеба, оказался в центре внимания. В частности, К.К.Саковский указывал, что «со станции «Сара» до нового урожая должны были доставить 100 т. пудов, но теперь, с выделением казачьей территории (!), на этот хлеб нельзя рассчитывать».⁷⁰⁷ Уместно обратить внимание, что фраза «выделение казачьей территории» прозвучала как очевидный собеседникам факт.

Неопределенность, возникшая в Оренбурге, долго сохраняться не могла. В итоге шаткое равновесие, установившееся было в крае, вскоре было нарушено с появлением в Оренбурге Самуила Цвиллинга. Он приехал 4 ноября, представившись чрезвычайным комиссаром Оренбургской губернии от СНК. Он заявил о прекращении полномочий прежнего комиссара, что было, в общем-то, резонно, если бы не одно «но» - губкомиссар уже передал власть. В итоге вопрос о власти встал остро.

Большевистская организация пошла на конфронтацию. Началось активное подталкивание рабочих масс к вооруженному захвату власти. Уже 6 ноября был разработан план восстания с опорой на 104, 105 и 238 полки. Город заволновался, все ожидали скорого выступления. Состояние тревожности и неопределенности было массовым - в учебных заведениях, занимавшихся во вторую смену, 6-го ноября после первого урока занятия были прекращены и ученики распущены по домам.⁷⁰⁸ Это не могло не обеспокоить Дугова, остававшегося на тот момент сторонником ожидания созыва Учредительного собрания. В городе были усилены караулы, введены казачьи разъезды.

⁷⁰⁶ ГАРФ. Ф.1791. Оп.6. Д.196. Л.111б.

⁷⁰⁷ РГАЭ. Ф.1943. Оп.3. Д.205. Л.31.

⁷⁰⁸ Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 12 ноября.

Позиция Цвиллинга вызывала естественное недоумение, поскольку и II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил еще 28 октября «образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное Рабочее и Крестьянское правительство». По логике вещей, основной задачей было «дотерпеть» до приближающихся выборов, и потому насильственно заменять власть, также декларирующую о готовности уйти после выборов, вроде бы и не было необходимости.

Поскольку наша задача – привести факты относительно «мятежа» и «диктатуры», а не об общем ходе событий ноября 17-го, изложим последующие события конспективно, поскольку общую хронологическую канву можно прочесть в любой книге.⁷⁰⁹ Итак, с целью ослабления влияния большевиков на массы их политические конкуренты решили изъять наиболее активных, хотя бы на время, из политической жизни. Были закрыты партийная газета «Пролетарий», большевистский клуб. В ночь на 7 ноября были арестованы руководители Совета, одновременно являвшиеся руководителями большевистской организации - всего 6 чел. Как показали дальнейшие события, вариант этот был самым проигрышным. В ответ забастовали рабочие мастерских и депо. Оренбургский совет рабочих депутатов и центральный стачечный комитет выступил с заявлением, где акценты были переставлены – объявлялось, что лидеры Совета арестованы «только за то, что разоблачили открыто перед всем народом контрреволюционные действия Дутова и его шайки».⁷¹⁰ Конфронтация усиливалась и развязка наступила 14 ноября, когда на пленуме Совета С. Цвиллинг призвал к немедленному созданию Военно-Революционного комитета и взятию власти. В ответ Комитет спасения родины и революции распорядился об аресте заговорщиков и 25 наиболее активных деятелей заговора были разосланы по станицам. Для советской историографии было обязательным утверждение, что сделано это было исключительно для последующей расправе над ними руками казаков. Однако, оно ничем не подтверждалось; напротив, существовала инструкция Дутова атаманам станиц и поселков, куда были высланы большевики, где четко было написано: «Препровождаемые, проявившие себя в г.Оренбурге, как руководители большевиков, призывавшие к неподчинению Временному правительству и подготовлявшие вместе с другими большевиками вооруженное выступление солдат, направлены, по приказанию Войскового атамана, в вашу станицу. Уверенный в оренбургских казаках, Атаман приказывает содержать препровождаемых до суда под строгим надзором, не допуская ни побега их, ни каких-либо к ним посетителей. Содержать в теплом помещении, кормить так, как едят и сами казаки – не богато, и не голодно, не допускать над ними никаких недостойных казаков насилий. Писать можно им разрешить, но все письма направлять через Войскового Атамана... Охраняя их целостность, вы покажете себя гражданами-казаками, верными приказу Войскового Атамана, а содержанием их у себя вы окажете большую услугу всему населению г.Оренбурга, который при них изо дня в день живет под угрозой междоусобицы. Войсковое Правительство примет меры, чтобы эта тягота не была для вас очень долгой и чтобы перевести арестованных в другое место. Пока же содержите их у себя, как указано: строго, но по человечески». И документ этот был широко известен современникам, поскольку он был опубликован на страницах «Оренбургского казачьего вестника» №74 от 9 ноября 1917 года. Опубликован – но советскими авторами проигнорирован.

Кроме того, авторы игнорировали и свидетельства непосредственных участников происходившего. Между тем, Е. Дегтярев вспоминал, что партийная делегация явилась к Дутову с требованием предоставить им возможность обследования «наших арестованных» и... так называемый «диктатор» не только не отказал, но выдал двум большевикам мандат

⁷⁰⁹ Заинтересовавшегося нашим видением происходившего отсылаем к нашей недавно вышедшей книге: Сафонов Д.А. Цвиллинг: легенда и реальность. Оренбург: Оренбургская губерния, 2006.

⁷¹⁰ Пролетарская революция... С.34.

и даже предоставил автомобиль, на котором те объехали станицы, где были размещены арестованные и составили протокол о плохих условиях содержания - «кто жил в деревне, тот знает, что из себя представляет арестантская камера - это просто чулан безо всяких приспособлений» - потребовав перевода арестованных в городскую тюрьму.⁷¹¹ О комиссии сообщали и иные мемуаристы - Марков, Агарков.⁷¹² Есть еще свидетельство, Григорьева: «После ареста я решил сходить в тюрьму (!), хотелось посетить товарищей. Думаю, как это сделать? Пошел к Барановскому за пропуском. Он сначала в пропуске отказывал, но после долгих переговоров разрешил. Прихожу в камеру к тов.Кичигину...»⁷¹³ Партийное руководство решило скрыть от рабочих факт переговоров с Дутовым.⁷¹⁴

Комитет спасения родины и революции, а точнее Дутов, добиваются частичного успеха – удается разоружить гарнизон, на который рассчитывали большевики. Солдаты охотно сложили оружие и мирно разошлись. Но были и серьезные неудачи: не удалось прекратить стачку, в ночь с 12 на 13 декабря из тюрьмы бежали арестованные большевики.

26 ноября прибывшая из Бузулука делегация рабочих была принята председателем СРК В.И. Лениным. Так совпало, что в этот же день в «Правде» было опубликовано обращение Совнаркома «ко всему народу», объявлявшее казачьи области (в том числе Южный Урал) на осадном положении и запрещающее «какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания». Еще одним совпадением было то, что в этот же день, когда оренбургские большевики были на приеме у Ленина, прося у него военной помощи против Дутова, в Оренбуржье начались выборы в Учредительное собрание (26-28 ноября).

В мемуарах неоднократно акцентировалось, что большевики вынуждены были действовать в тяжелейших условиях: вот например, заявление Ицковича: «К нам применялись разные репрессивные меры, вплоть до пуль».⁷¹⁵ Звучит, но ни одного конкретного примера репрессий никто из авторов так и не привел. Из всех свидетельств, приводимых в сборниках воспоминаний, если отбросить общие заявления о «репрессиях», «насилии» и проч., только в воспоминаниях Григорьева есть конкретный факт: «Дутов арестовал из товарного цеха двух рабочих Семенова и Волкова, отправив их в вагон. Приспешники Дутова над ними издевались так, что тов. Волков сошел с ума. Ночью кто-то отмычкой открыл их вагон с целью выпустить, но тов. Волков окончательно помешался и не хотел идти, Семенову пришлось его тащить, таким образом им удалось бежать».⁷¹⁶ Получается, что помешательство «тов. Волкова» заключалось в нежелании бежать. То, что власти пытались помешать большевистской агитации (закрытие партийного клуба, разгоны митингов, аресты литературы) не подлежит сомнению, но прочее - явная выдумка, опровергаемая итогами выборов.

Достаточно убедительным доказательством являются результаты выборов. Из 11-ти депутатов по списку №8 (РСДРП (б)) прошли А. Коростелев, С. Цвиллинг, С. Чуцкаев.

Официально опубликованных итоговых данных нет, а разрозненные публикации промежуточных позволяют получать варианты. По нашим данным, основывающимся на газетных публикациях («Оренбургский казачий вестник», «Южный Урал») получается, что в станицах большевики получили 11%, Оренбурге - 58%, Орске - 35%, Илецкой

---

⁷¹¹ Там же. С.28.

⁷¹² Там же. С.38,46.

⁷¹³ Там же. С.34.

⁷¹⁴ Там же. С.39.

⁷¹⁵ Там же. С.24.

⁷¹⁶ Там же. С.34.

Защите - 35%.⁷¹⁷ Риторический вопрос – что же это за диктатура, которая позволяет победить своим основным противникам?

Отстаивавший идею казачьей самостоятельности Дутов имел мало сторонников, что убедительно показал Войсковой круг в середине декабря 1917 г. Именно осведомленность об этом подтолкнула чрезвычайного комиссара П. Кобозева направить 20 декабря в Оренбург ультиматум: «Именем рабоче-крестьянской революции, именем народного правительства в лице Народных комиссаров, я, комиссар Кобозев, предлагаю вам немедленно прекратить бесполезное упорство в непризнании государственной власти, ввергшее уже Оренбург во все ужасы анархии: безнадежье [безденежье], случаи голода, пьяные погромы, бессмысленные кровавые расправы, унесшие уже сотни человеческих жизней, пожары, уничтожающие Оренбургские кварталы. Если через 24 часа Вы добровольно не передадите захваченную Вами власть в надежные руки Совета раб[очих], солд[атских], кр[естьянских] и жел[езно]дорожных депутатов, то я принужден буду воинской силой восстановить народоправство в Оренбурге и спасти город от окончательной гибели».⁷¹⁸ Ответа, естественно, не было.

«Воинская сила» Кобозева начала движение 22 декабря. Не встречая противника, красные дошли до станции Новосергиевка. Следующая - Платовка - находилась под контролем Дутова. Однако, казаки, не вступая в бой, отступили к ст.Переволоцк, затем к Сырту. Обе стороны были очень слабы, и в равной степени не владели информацией о противнике. Осознавая свою слабость, каждая сторона ожидала подвоха. Первый бой произошел у Сырта, после чего бежали до Бузулука. Проиграв тактически, Кобозев оказался все же хитрее - незадолго до отхода он распорядился телеграфировать «во все стороны о нашей победе». Известие о якобы случившемся разгроме казаков пришло в Оренбург раньше их самих и еще более взбудоражило население. Ф.Попов в свое время, со ссылкой на газету «Южный Урал», писал: «Насколько сильна была ненависть пролетарских элементов к дутовщине, можно судить хотя бы по такому факту. В начале января 1918 года на улице неизвестный солдат, как подчеркивала эсеровская газета, «при пассивном отношении собравшейся публики», сорвал погоны с проходившего офицера».⁷¹⁹ Ему казалось, что это проявление «ненависти к дутовщине»; нам же кажется, что это, в первую очередь, проявление того безвластия, которое все более и более усиливалось. Дутов сделать уже ничего не мог.

23 января (нового стиля) началось новое наступление красных. По мере их продвижения усиливалась паника в Оренбурге - утром 17-го началась эвакуация - уезжали учреждения, крупные коммерсанты, офицеры, жители Форштадта. К вечеру город опустел. В ночь на 18 января (1 февраля) А.Дутов покинул Оренбург. Даже авторы весьма хвалебной книги «Александр Ильич Дутов» не осмелились скрыть, что атаман покинул город только с поручиком Гончаренко и 6 казаками охраны.⁷²⁰ Несколько дней спустя была разослана знаменитая радиограмма «Всем. Всем. Всем»: «Оренбург занят советскими властями окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся». Практически сразу победители стали создавать легенду о своей блестящей и окончательной победе над мятежниками.

Вернемся к «мятежу». СНК в своем декрете говорил о восстании – в предписании главному комиссару Черноморского флота 26 ноября (9 дек.) упоминались «вожди

⁷¹⁷ Подсчитано нами по: Оренбургский казачий вестник. №90. 30.11.1917; №93. 3.12.1917; №106. 20.12.1917; №109. 23.12.1917; Южный Урал. №64. 30.11.1917; №65. 1.12.1917; №68. 5.12.1917; №69. 6.12.1917; №85. 29.12.1917.

⁷¹⁸ Гражданская война в Оренбургском крае. Чкалов: обл. изд-во, 1939. С.25-26.

⁷¹⁹ Попов Ф. Дутовщина. М.-Самара: Средневожжск.краевое изд-во, 1934. С.53.

⁷²⁰ Александр Ильич Дутов. Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего войска. Генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи, и проч., относящиеся к деятельности Войскового Атамана. [Оренбург, 1919.] С.11.

контрреволюционного **восстания**» - «Каледины, Корниловы, Дутовы».⁷²¹ 26 ноября в «Правде» было опубликовано обращение Совнаркома «ко всему народу», объявлявшее казачьи области (в том числе Оренбуржье) на осадном положении и запрещавшее «какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания». Показательно, что обращение СНК о «восстании» появилось 26 ноября – в день, когда в Оренбуржье демократично начались выборы в Учредительное собрание. Сам Дутов на тот этапе наотрез отвергал обвинения в «мятеже». Позднее, в декабре, он издал специальное воззвание: «Я ставлю первый вопрос: в чем мятеж Дутова? Мятеж его, как члена Войскового Правительства, должен был быть осужден самим Войсковым Правительством или же быть признанным мятежом всего Правительства. Я, как член Войскового Правительства, вхожу в Комитет спасения Родины и Революции, действия мои всегда вытекали из постановлений этого Комитета. Значит, мы имеем дело с мятежом всего населения города Оренбурга, т.к. члены Комитета спасения Родины и Революции являются выразителями мнения всего Оренбурга. Так существует мятеж? Каковы его признаки? Полное спокойствие в городе, никаких эксцессов, жизнь идет нормально, все учреждения работают, магазины торгуют, увеселения существуют и мирная покойная жизнь протекает в городе. Где же насилия, где грабежи и погромы? Где пьяный разгул и беспринципная разнузданность? Ничего этого нет. Весь мятеж - полный порядок и нормальная жизнь».⁷²²

Единая партийная линия требовала от советских историков показа мощи контрреволюционных сил и Дутов, как один из лидеров, надолго занял соответствующее место в литературе. Достаточно неожиданно советские историки получили поддержку от эмигрантских авторов, также поднимавших на щит отдельных деятелей «белого» движения. Так, например, И.Акулинин в работе, названной достаточно показательно - «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» (1937) - прямо писал, что начало этой «борьбе» было положено приказом Дутова о взятии власти 26 октября.⁷²³ Потребность эмиграции в своих героях как нельзя лучше вписалась в концепцию советской историографии. Вдобавок ко всему легенду о бескомпромиссном борце с большевизмом создавал и сам Дутов, по ходу дела – достаточно упомянуть очевидно заказную панегирическую книгу «Александр Ильич Дутов». Она была издана в начале 1919 г. якобы «согласно пожеланий, выраженных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового круга Войска Оренбургского, партизанами отряда Атамана Дутова». Книга завершила на тот момент создание легенды о «героическом» атамане - в соответствующем ключе излагалась его биография, приводились речи и заявления. Так что в обеих концепциях Дутов стал знаменем антибольшевистского движения. Штамп утвердился и начал жить самостоятельной жизнью, лишь под разным названием: у одних – как восстание, у других – как мятеж. Но при полярности оценок все сходилось на мнении, что это началось продуманно и организовано с самого начала – подготовка ли антисоветского мятежа⁷²⁴ или «подъем знамени антибольшевистского сопротивления».⁷²⁵

Создается устойчивое впечатление, что авторы, даже современные, вроде бы свободные от идеологических шор прошлого, все же не могут расстаться с установками той поры, воспринимая их как безусловную данность, не пытаясь взглянуть по-новому. Возьмем тезис об изначальной антибольшевистской направленности, «сопротивлении»

⁷²¹ Декреты Советской власти. Т.1. 26 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: ГИПЛ, 1957. С.160. В данном случае «Дутов» выступает явно как собирательный образ. Авторы пособия 2008 г. заявляют, что СНК якобы объявил действия Дутова «контрреволюционным мятежом», причем ссылки, конечно же, не дают.

⁷²² Оренбургский казачий вестник. 1917. 3 декабря.

⁷²³ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай: Слово, 1937. С.34.

⁷²⁴ См., напр., Е.Дударь (1967): с лета 1917 г. «задача подготовки оренбургского казачества к роли палача и душителя революции была возложена на полковника Дутова - активного участника корниловского мятежа» [Дударь Е.И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 - июнь 1918 гг.) // Ученые записки Оренбургского гос. пед. ин-та. Вып.24. Оренбург: ОГПИ, 1967. С.52.].

⁷²⁵ Ганин А.В. Атаман Дутов... С.113.

Дугова. Да, позднее он говорил именно так; да, позднее в постановлениях было подобное⁷²⁶ - но все это было позднее. Неужели можно ответственно утверждать, что в октябре 1917-го атаман видел и понимал и суть происходящего и будущие последствия? Его упоминания этого периода о грядущем Учредительном Собрании вовсе не являются безусловным свидетельством в пользу подлинных воззрений атамана. Поддержание правопорядка – вот что было определяющим; до выборов в Учредительное Собрание – также определенный временной рубеж. Правопорядок, о котором идет речь, вовсе не обязан был быть времен империи или Временного правительства. По нашему убеждению, определяющей для атамана была возможность для войска легитимно обрести автономию; и произойти это должно было в рамках существующих правовых границ. Потому Дутов был менее определен в вопросе за какую власть он выступает, но более определен в отношении того – чего он безусловно не приемлет. Он выступил против захвата власти большевиками: против **захвата** власти? или захвата именно **большевиками**? И это не игра в слова, а достаточно принципиально. Не с большевиками, как с партией (и тем более с их идеями), боролся поначалу Дутов, а с безвластием, которые они несли; по сути Дутов выступил бы против любых сил, дестабилизирующих положение и привносящих хаос, независимо от того, какое бы название не носили силы, подобное осуществляющие.

Позволим себе некоторое допущение – предположим, что вооруженное выступление в Оренбурге готовили бы не большевики, а эсеры, или еще лучше – крайние монархисты. Стал ли тогда атаман принимать подобные меры? – мы уверены, что стал бы; и не по идейным основаниям, а потому, что дестабилизация положения вредила его планам; а его планы известны – обособление войска.

Для тех, кто не согласен с нашим тезисом, предлагаем ответить на простой вопрос: а что конкретно отторгало Дугова от большевиков - идеи коммунизма? Ликвидация эксплуатации человека человеком? Власть трудящимся? Землю тем – кто ее обрабатывает? А может быть – коллективные органы власти – Советы? А ведь многое из названного для казаков с их демократическими институтами вроде Круга вряд ли было неприемлемо. Конечно, если безоговорочно принять старый тезис, что Дутов контрреволюционер и монархист, то ответить можно коротко – все вышперечисленное. Но не следует ли сначала попытаться доказать его монархизм и контрреволюционность? Причем не вообще – а именно на момент рассматриваемых событий. А с этим, как мы уверены, трудно.

Глава 16. Гражданская война: создание мифа

Гражданская война - один из важнейших элементов в концепции «советской» истории нашей страны. Пришедшие в 1917 году к власти коммунисты практически сразу задекларировали, что с Октябрьской революции начинается революция мировая, знаменующая начало создания «нового» мира и, соответственно, завершение прежнего этапа развития человеческого общества. Все, бывшее до этого рубежа, было объявлено лишь предысторией человечества. Так что внимание к началу новой эпохи было достаточно объяснимым и более чем значительным. Потому неудивительно, что гражданская война (наряду с «Великой Октябрьской... революцией») заняла совершенно особое место в политике, идеологии, образовательном и воспитательном процессах. За десятилетия «советской» истории это историческое событие перестало быть объектом научного изучения, превратившись в нечто большее - в символ, жестко и бесповоротно утвердившийся в общественном сознании россиян. Причем именно символ, а не элемент исторической памяти. События гражданской войны активно использовались как

---

⁷²⁶ Из постановления Войскового Правительства 7.5.1919: «По открытии заседания Войскового Правительства был заслушан доклад Начальника Войскового Штаба: с Октября 1917 г. войско встало с оружием в руках против советской власти...»

своеобразные примеры, иллюстрации, доказательства великого служения ее героев делу коммунизма, величайших подвигов во имя счастья всего человечества. На самом же деле все это служило одной задаче – утверждению искаженной картины мировосприятия, внушению обществу ложных идеалов, извращенных представлений о добре и зле, чести и достоинстве. Это просто ужасно – что гражданская, т.е. внутренняя, братоубийственная война – была сделана предметом особой гордости и даже основой для воспитания подрастающего поколения.

То совершенно особое место, какое в нашей «советской» жизни занимала эта война, дает, на наш взгляд, основание определять ее как явную мифологему. И хотя, казалось бы, время прошло, и гражданская война ушла в историю, стала прошлым, как, скажем, война 1812 года и может волновать разве что историков-специалистов, на деле эта война по-прежнему с нами. Пройдите по улицам городов, посмотрите внимательно на памятники, почитайте повнимательнее таблички с названиями улиц, обратите внимание на мемориальные доски... И убедитесь, что память жива.

В истории создания и становления мифа «гражданская война» можно выделить несколько этапов. Первый назовем условно «создание легенды». Это первые десятилетия «советской» власти, когда и стала создаваться собственно история гражданской войны. Поначалу эта война историков не интересовала – хотя заметим, и историков-то особо не было; старым кадрам тема была внове, а новые кадры историков-«марксистов» еще не выросли. Интерес был иной, политический – после окончательного установления новой власти необходимо было идеологически верно обосновать необходимость и неизбежность столь резких исторических перемен. Источниковая база была по понятным причинам достаточно слаба, потому повествования строились преимущественно на зыбком фундаменте воспоминаний участников. Естественно, это была история победителей, где «наши» были умны, смелы, отважны и изобретательны, а «не наши» были носителями качеств со знаком «минус». Поначалу, конечно же, цельной картины никак не возникало; поправим сами себя – не история победителей, но истории победителей – получалась своеобразная мозаика, из большого количества разных эпизодов и случаев, в зависимости от рассказчика.

Сбором печатных и рукописных материалов с 1920 г. занялись т.н. Истпарты – комиссии по истории октябрьской революции и РКП (б), которые функционировали под идеологическим контролем окружных комитетов ВКП (б). Наиболее массовыми и поэтому доступными источниками по истории гражданской войны были мемуары участников событий. Издание мемуарной литературы по теме начинается сразу после революции, еще в ходе гражданской войны. Первые воспоминания по проблеме появлялись в периодических изданиях и носили агитационно-пропагандистский характер. В силу незнания особенностей исторической науки, ее содержания, и целей, нехватки кадров, к воспоминаниям с самого начала относились не как к историческому источнику, а как к самой истории. Отсюда и частая совместная публикация мемуаров, документов и первых исследовательских статей, как материалов – и источников – одного типа. Ходовая фраза в газетной публикации – «написано на основе воспоминаний и материалов Истпарта» – сообщала о методике. Поскольку основной задачей было не гарантировать историческую точность описываемых событий, но дать связный рассказ, основное внимание уделялось простой логике повествования.

В Оренбуржье в 1920-е годы накопление информации шло достаточно бессистемно: некоторое количество заметок мемуарного характера в местной прессе, а также два сборника. Оренбургское бюро Истпарта было первоначально создано в декабре 1922 г., а потом снова в сентябре 1925 г. – иными словами, в нашем крае нормальной работы Истпарта поначалу не было. В 1921 году губком ВКП (б) организовал издание книги «Страничка революционной борьбы Оренбургского пролетариата», выпуск 1-ый; и,

как оказалось, единственный.⁷²⁷ Цель издания была сформулирована слесарем Оренбургского депо, членом партии с 1918 года, А. Здобновым: «Мы не историки, но как рабочие и участники всех кровопролитных битв, стремимся для будущего истории несколькими штрихами запечатлеть всю ту колоссальнейшую революционную борьбу, каковую на своих плечах вынесли рабочие, окруженные воинственным реакционным казачеством и голодными степями». В ней было несколько рассказов – например, А. Здобнов давал краткую хронологию политических событий и гражданской войны в крае в период с января 1918 года до полного разгрома армий адмирала Колчака. Некоторые материалы имели мемуарный характер – например, А. Коростелев в заметке «Первая стычка» рассказывал о своем аресте, как главного редактора газеты «Пролетарий» и последующем допросе у А.И. Дутова. Кроме того, в сборник вошли революционные стихи, сочиненные местными авторами-рабочими, вроде Л. Пальмина - «Не плачьте над трупами», и перепечатки из газет.⁷²⁸ Немного позднее, в 1924-м, увидел свет другой сборник - ««Орлес» на страже революции (очерки и воспоминания)».⁷²⁹ Инициатива принадлежала культкомиссии завкома этого завода. Здесь также было некоторое количество воспоминаний, стихотворений местных рабочих⁷³⁰, а также краткие биографии павших рабочих «Орлеса»: отдельными списками «рабочие командиры», «рабочие подростки», «рабочие стрелки». Уровень и стиль воспоминаний можно оценить даже по одной, но показательной, цитате: «Часто вспоминаю я моменты не так давно минувших дней, все картины прошлой тирании и грубого насилия, который творила буржуазия над угнетенным рабочим классом: все театры, собрания, балы, маскарады, устраиваемые в роскошных зданиях, к которым ежеминутно, с началом вечерней зари, подъезжали пышные экипажи, автомобили. Их них выходили с сознанием своего достоинства господа положения, со своими дамами, одетыми с ног до головы в золото и бриллианты. Все это устраивалось с целью разврата и удовлетворения разнузданной прихоти. Справляя свои пышные пиры, они забывали и даже не хотели вспоминать о рабочем классе, который,

---

⁷²⁷ Страничка революционной борьбы Оренбургского пролетариата. Вып. 1., Оренбург, 1921.

⁷²⁸ Причем речь идет о публикациях периода войны, так что идейная заостренность и агитационный накал в них был достаточно высок. Пример: «Под конвоем пьяного, едва державшегося на ногах казака я шел через двор в подвал, а кругом такие же пьяные озверелые станичники кричали: «Куда ты его ведешь? Пришиби его здесь». Но вот и подвал, охраняемый кучкою казаков. - «Что, станичник, еще большевика привел». «Да, - отвечает мой конвойный заплетаящимся языком, - и, похоже из самых ярых». «Ну, так запороть его нагайками. Заходи в подвал». Повинуясь, и в подвале мне прежде всего бросается в глаза жуткая картина: на полу лужи крови, две женщины – полунагие и с растрепанными волосами – лежат в углу: обе исполосованы нагайками, не то до смерти, не то до бесчувствия, да так и брошены; кругом на нарах лежат и сидят несколько мужчин разного возраста и разных профессий, все избиты, у некоторых на теле страшные, рваные, никогда не виданные мною прежде, кровоточащие раны - следы нагаек. [...] И на каширинца посыпался град нагаечных ударов. Уже после пятого удара несчастный лежал на полу, а через минуту вся одежда на нем была разорвана и из страшных рубцов на спине ручьями лилась кровь. Однако палачи, не смущаясь, спокойно повернули свою жертву на спину и снова посыпались удары. Избиваемый давно уже был без сознания. Я не мог смотреть дальше на дикую расправу. Мне сделалось дурно. Очнулся я от звуков выстрела. Казаки тащили мертвого каширинца за ноги из подвала по каменной лестнице и один из них стрелял из револьвера в труп. Во дворе открыли люк выгребной ямы и бросили туда труп. При этом старший из палачей, потирая руки, с видимым удовольствием сказал: «Сегодня это уже седьмого отправляю в штаб Цвиллинга.» [Абрамов. Еще о дутовских палачах. // Коммунар. 1919. 25 марта.] Интересно, что во время гражданской войны в России появился эвфемизм «отправить в штаб к Духонину», что означало «убить», «растрелять». Но происхождением он был из «красной» среды.

⁷²⁹ «Орлес» на страже революции. (Очерки и воспоминания). Оренбург, 1924. 81 с.

⁷³⁰ «Венок на могилу рабочих «Орлеса»». «Здесь пятьдесят простых имен, // Безвестных в миллионном списке - // Но перед трауром знамен // Все имена равны и близки. // Народный вождь или рядовой, // Простой орлесовец иль Ленин - // В кровавой схватке мировой // Их подвиг тайно равноценен. // Красуясь-ж, скромный мавзолей, // Напоминая нашим детям, // Как бились в зареве степей // Родные деды в лихолетье. // Глубоко врезал я топор, // Гляжу вперед и горд, и силен. // Шуми, шуми, сосновый бор - // Ведь, я хозяин лесопилен». Ник. Комаров.

день и ночь, не разгибаясь, ковал своими мозолистыми руками неистошимый, как они мнили, капитал» (А.Беляев).⁷³¹

В 1924 г. существовавшее тогда Военно-научное общество КССР (напомним, что в тот момент Оренбург был столицей Кирреспублики), «учитывая колоссальную важность выявления периода 17-20 гг.», выделило инициативную комиссию по сбору материалов гражданской войны в составе А. Успенского, Ф. Агафонова, В. Булаха. В опубликованном в газете их обращении говорилось: «В КССР почти нет трудов героического периода 17-20 гг. Время идет. Забываются яркие эпизоды революционной борьбы, теряются документы, труды. Участники забывают отдельные факты, имена деятелей революции. Разбросано, разрознено, почти у каждого участника прошлого революционного периода, имеются труды, документы, яркие воспоминания. Говорить о важности собирания материалов, подытоживая периода гражданской войны 17-20 гг. не приходится. Это ясно. Это настоятельная необходимость».⁷³² Но частые административные перемены мешали нормальной организации процесса.

Определенным стимулом к созданию и публикации воспоминаний стали празднования юбилеев революции и гражданской войны. Первым таким событием стало десятилетие октябрьской революции. В 1927 году усилиями Истпарта в Оренбурге появилось юбилейное издание «Пролетарская революция в Оренбурге. X лет». Это была публикация стенограмм выступлений активных участников революционных событий в Оренбурге на вечерах воспоминаний, проводимых Истпартом. Достаточно необычным – по сравнению с тем, что было дальше – было то, что по одному вопросу (сюжету) высказывались несколько человек, причем могли быть и имели место некоторые несоответствия. Воспоминания эти отражают предфевральский и октябрьский периоды, с конца 1916 г. и заканчиваются апрелем 1918-го.⁷³³ Среди обсуждаемых сюжетов были: рабочее движение в Оренбурге накануне Февральской революции; Февральская революция; образование советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов; выборы в городскую Думу, «зачатки большевистской организации»; аресты большевиков; Октябрьская забастовка; «работа стачечного комитета»; организация Красной гвардии и побег большевиков из тюрьмы; начало гражданской войны; борьба с дутовщиной и набег белогвардейцев на Оренбург 4 апреля 1918 года. Если сравнивать с мемуарами более позднего времени, то эти воспоминания были самыми интересными – потому что были искренними. Можно только согласиться с составителями книги, писавшими в предисловии, что «сборник этот представляет собой колоссальную историческую ценность, уже потому, что автором его является коллектив непосредственных участников Великий революции. Книга эта ценна, главным образом, и потому, что товарищи, речи которых помещены здесь не являются патентованными ораторами, или людьми учеными. Прежде всего минувшие дни вспоминали те, кто прошел суровую школу жизни, потомственные пролетарии: кузнецы, литейщики, котельщики, токаря, столяры, строгальщики и т. д., имеющие рабочий производственный стаж 10, 20 и даже 40 лет». Кроме того, прямая речь отличается от письменной; в данном же случае записывалось все так, как говорилось. Поэтому данная публикация и уникальна и ценна. Ценна не только и не столько сообщаемой информацией, но передачей «духа» времени: ибо особо интересно не то, **что** говорилось, а то, **как** это говорилось. Собственно этим они и были страшны. Благородство красных в условиях гражданской войны – порождение пропаганды опять-таки более позднего времени; на начальном же этапе жестокость и непримиримость к противнику были даже предметом особой гордости. Пример: «Путинцев: На другой день

⁷³¹ «Орлес» на страже... С. 48. Интересно, конечно, где именно в Оренбурге наш мемуарист мог наблюдать подобные картины...

⁷³² Советская степь. 1924. 1 февраля.

⁷³³ В будущем планировалось осветить работу партии и рабочих масс в 1918 году и последующие за этим годом периоды гражданской войны и голода в Советской Республике. Но идея реализована не была.

тов. Дегтярев подносит мне газету «Рабочее Утро» с заметкой - письмом Чельшева П., об отречении его от большевизма. Мы постарались эту газету в гущу массы не пустить. По прошествии 3 дн. назначили суд над Чельшевым П. На суде участвовали: я, секретарь Губкома Акулов, Георгий Коростелев, Печалов, секретарь нашего районного комитета Главных мастерских. Тов Чельшев в свое оправдание написал целую статью, плакал, просил прощения, говорил, что он измучен, истрепан, и т. д. и т. п. Мы ставили вопрос перед ним, - а если бы эта статья попала на фронт, она могла бы произвести там разложение, с чем он согласился. Мы трое настаивали на его расстреле, а четверо: Акулов, Коростелев, Мутнов, четвертого не помню, стояли на том, чтобы его наказать: исключить из партии и послать на фронт, восстановить к себе доверие, что было и сделано». ⁷³⁴ Естественно, далеко не все, что рассказывали выступавшие, было абсолютно точно и правдиво – искажения были и умышленные, и неумышленные. ⁷³⁵

В начале 1930-х годов устраивались вечера воспоминаний Оренбургского землячества в Москве. Там собирались люди, далеко не последние во время обсуждаемых событий, знавшие происходившее не понаслышке. Они готовили доклады, использовали личные документы, при этом любой из присутствующих мог дополнить или уточнить детали. Однако, стенограммы так и остались не востребованными в фондах архива Советской Армии и Института марксизма-ленинизма при ЦК партии. А спустя несколько лет они стали вообще неактуальны: и по причине превращения многих рассказчиков во «врагов народа», и по причине создания общей истории войны, не нуждающейся в подобного рода уточнениях.

История войны в целом выстраивалась постепенно, эпизодами, через не всегда удачные попытки связать воедино разрозненные куски, установить хоть какую-нибудь логику повествования. Это и не удивительно, поскольку занимались этим в массе своей непрофессиональные историки. Первые опыты имели место на региональном уровне – происходило конструирование относительно целостного повествования, где главным было понятность такового; в целом это было своеобразным синтезом документов, рассказов, воспоминаний и, конечно же, просто додумываний. Разрозненные эпизоды были оформлены в одно целое после того, как проблемой занялась центральная власть. Дело написания стало делом партийным, т.е. государственным. Как известно,

⁷³⁴ Речь идет о ситуации в 1919 году. [Пролетарская революция в Оренбурге. X лет. С. 52]

⁷³⁵ Из письма старого большевика Д. Саликова (март 1965 г.): «Товарищ Анпилогов пишет об организации рабочей Красной гвардии в 1917 году: «Владеть оружием почти никто не мог, пришлось приступить к учёбе. Учёба проходила в степи около боен, по вечерам и ночью, а для предосторожности расставляли патрули. Командиров для обучения выбирали из своей среды. Вместе с военной учёбой приходилось приводить и партийную работу, раздавать им прокламации и читать газеты. Однажды с учёбы я пришел в 2 часа ночи». (Сборник «Пролетарская революция в городе Оренбурге». Оренбург, 1927 г., стр. 46). Во-первых, это не правда. Во-вторых, как можно учить людей ночью, в степи, в темноте правильно стрелять в цель, если человек первый раз берёт в руки винтовку. Он не видит ни цели, ни мушки на стволе. А как же можно разобрать в темноте винтовку и пулемёт, показать и объяснить название и действие каждой части и опять собрать. Ведь этому то пионер и не поверит. В-третьих, автор называет степь, а это не степь, а площадь между железнодорожной станцией и Главными железнодорожными мастерскими (теперь паровозоремонтный завод) расстояние между ними, примерно километр, теперь эта площадь заселена. В-четвёртых, как же можно было вечером и ночью проводить военную учёбу, если город объявлен на военном положении. Тем более здесь, около железнодорожной станции, кругом были в то время белогвардейские посты. При том казахи белогвардейские конные патрули не только разъезжали по улицам города, но они и за город выезжали, даже и на улицы Красного городка, бывшая Нахаловка, в ночное время. Курс военной учёбы это ведь не одно занятие. А белогвардейцы никого не видели и никого не поймали. В-пятых, свободное хождение людей по улицам города прекращалось в 9 часов вечера, комендантский час. В-шестых, как это можно при этом положении, чтобы красногвардейцы с винтовками могли свободно ходить в 2 часа ночи с учёбы домой? А разве штаб Красной гвардии мог бы позволить такие ночные занятия. В-седьмых, во время учёбы раздавали прокламации и читали газеты. И всё это ночью? Военную учёбу мы действительно проходили, но не ночью, не в степи и не в глубоком снегу на морозе, а днём по 5 человек как указал штаб Красной гвардии, в рабочих квартирах на окраинах города. Ведь мы в то время не работали, а бастовали. Вот здесь, днём мы разбирали и объясняли части винтовки и пулемёта и опять их собирали». [Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 1017. Л. 32.]

применительно к исторической науке, советские вожди предпочли сначала создать концепцию, единственно верную в идеологическом плане, и лишь потом предложили историкам своими работами подтвердить таковую. Внутри общей концепции истории страны были как бы под-концепции отдельных важных исторических периодов. Гражданская война, конечно же, никак не могла быть выпущена из внимания.

В дальнейшем этой темой в регионе больше занимались в Самаре – напомним, что Оренбуржье вошло в Средне-Волжский край, и центром его была как раз Самара. В первой половине 30-х гг. вышли две книги – «Поезд смерти» и «Дутовщина». Обе они способствовали дальнейшему обобщению разрозненных фактов в единое повествование (особенно «Дутовщина») – в каждой обязательно была вводная статья. Концепция совершенствовалась, поскольку оба издания были подготовлены одним человеком – Ф.Г. Поповым. Важным и обязательным элементом повествования стал достаточно длинный рассказ о жестокостях белых. Собственно, «Поезд смерти» был весь посвящен раскрытию темы антигуманности белой власти. Например, в разделе «Кровавые дни» были собраны авторизованные рассказы «Живыми закапывали в землю», «Зверства Дутовских палачей», «В подвале контрразведки», ««Демократические» истязатели», «Никому не было пощады» и др.⁷³⁶ Вторая книга была посвящена прежде всего борьбе с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае.⁷³⁷ По сути излагалась целостная история «дутовщины»: от «анализа» ее социальных корней, до разгрома. Это уже было цельное авторское повествование с широким использованием свидетельств отдельных лиц, приводимых без ссылок или каких-либо иных указаний источников. В отдельном разделе – ««Дутовский» правопорядок» – живописались зверства казаков: «Кровавая месть», «Расправы с пленными», «В столице кровавого атамана», «Карательные отряды в деревне». В 1938-м появляется первая «оренбургская» книга – «Варвары» Г. Кузнецова.⁷³⁸ Как написала в рецензии «Оренбургская коммуна», «это была первая попытка оренбургского издательства дать материал по гражданской войне в крае». Во введении к книге говорилось: «Книга «Варвары» **составлена тов. Кузнецовым по воспоминаниям очевидцев и своим наблюдениям.** В записках, из которых состоит эта книга, отражена борьба казаков-фронтовиков, красногвардейцев и партизан против белоказачьих и дутовских отрядов за Советы в Оренбургской области в 1917-1919 годах. Фактический материал, **являющийся основанием записок**, показывает, как разворачивалась классовая борьба, и проходил процесс расслоения оренбургского казачества и крестьянства. Разоблачение контрреволюционной роли церкви, борющейся крестом и мечом против советской власти, неслыханные зверства кулаков и белогвардейцев нашли в записках свое отражение». Газета писала, что «в основу брошюры взяты эпизоды гражданской войны в Краснохолмской станице»: «Перед опубликованием рукопись брошюры обсуждалась на собраниях бывших партизан и красноармейцев станицы Краснохолмской и получила с их стороны одобрение».⁷³⁹ Основной акцент книги понятен из названия – ряд глав посвящен «неслыханным зверствам».⁷⁴⁰

⁷³⁶ Поезд смерти. Истпарт Средневолжского крайкома ВКП (б). Москва-Самара: Средневолжское краевое государственное издательство, 1933. Составитель: Попов Ф.Г. При дальнейших переизданиях «оренбургские» страницы были выпущены – Оренбургская область была отделена, и материал потерял актуальность.

⁷³⁷ Дутовщина (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). Истпарт Средневолжского крайкома ВКП (б). Москва – Самара: Средневолжское краевое издательство, 1934. Составитель Попов Ф.Г. В 1937 г. книга была переиздана в Куйбышеве, с некоторыми изменениями и добавлениями отдельных новых моментов, усиливающих эмоциональный настрой.

⁷³⁸ Кузнецов Г. Варвары. Оренбургское книжно-журнальное издательство. Оренбург, 1938.

⁷³⁹ Оренбургская коммуна. 1938. 3 октября.

⁷⁴⁰ Приведем несколько примеров: «Кулаки, рыча, лезли к Панову. Каждый норовил ударить. Всего искровянили. Вместо глаз у него зелено-красная масса. Сплевающая кровью, Панов шатался, как пьяный. ... Опять засверкали шашки. Посыпались удары. Отлетали руки, части ног, уши, голова. Изрубили тело в кусочки» [С.13-14.]. Выпорол фронтовиков 25-50 ударами розог: «Нестерпимая боль хватала сердце. Ночами особенно жутко. Душераздирающие вопли нарушали зловещую тишину.... Некоторые не

Здесь мы не говорим о публикациях иных регионов, и об общесоюзных – в принципе схожих и по методике создания, и по итоговым целям, и по манере работы с источниками, и по акцентированию внимания на злодеяниях белых. Главное, работа велась в одном направлении, и созданные где-то за десятилетие местные работы смогли создать основу, сделавшую возможным создание обобщающего труда. Концепция такого, как уже говорилось выше, была создана раньше. В итоге она была закреплена сначала в «Истории гражданской войны» (1936), а затем известном «Кратком курсе истории ВКП (б)» (1938). Ее наиболее характерные признаки: четкая расстановка позиций по каждому элементу повествования; крайне упрощенная схема видения событий, с делением всех и вся на два лагеря – свои/чужие; четко определен круг тем и сюжетов, дозволенно входящих в сюжет «гражданская война». Как следствие этого, началась поголовная проверка существующих публикаций на предмет соответствия; следствие чего: умалчивание, исчезновение – имен, событий, сюжетов, корректировка существующих текстов и суждений. Появление каких-либо иных фактов, иного видения происходившего, иного суждения о чем-либо становилось в условиях усиливающегося террора в принципе невозможным. Обществу была навязана единственно верная версия происходившего.

Завершился поиск и в Оренбуржье. В 1939 г. вышла книга «Гражданская война в Оренбургском крае: по воспоминаниям участников гражданской войны и документам. / Составил и подготовил к печати А. Борисов» [Чкалов: Чкаловское областное издательство, 1939]. Это был первый полный и связный рассказ о событиях гражданской войны в крае от кануна революции до 1921 года (составной частью был включен даже т.н. «Сапожковский мятеж»). Соблюдалась хронологическая последовательность изложения. И конечно же, он полностью соответствовал «Краткому курсу». Акценты были не то, чтобы поставлены, а жестко вбиты; безвариантно были поименно определены герои революции и ее враги. Оказавшиеся в 30-х гг. «врагами народа» делатели оренбургской революции исчезли из рассказа. Отдельные главки выглядели как мемуарные повествования, воспоминания в целом по тексту цитировались весьма широко, хотя и без ссылок, разумеется. В целом отличить, где явно воспоминания, а где рассказ, основанный, в том числе на воспоминаниях, достаточно сложно. Позднее, ветераны не раз и не два указывали на минусы этой книги, разоблачали ее недостатки и авторские фантазии в ней⁷⁴¹, но все это было значительно позднее, когда стало возможным об этом говорить,

---

выдержали – скоро умерли» [С.19.]. Пьяные казаки громят библиотеку: «Эй, станичники, смотрите... борода, как у козла, должно быть комиссар, – показывая на портрет Некрасова, кричал казак. – Во как его... – и он с силой ударил портрет об пол. Другой станичник отбивал «чечетку» на портрете Пушкина» [С.25.]. «Свидетельство» старосты с. Домбаровки Е.К. Шевченко: «Жандарин кулаком свалил меня с ног и начал бить сапогами в грудь и бока. Потом приказал мне встать. Я с трудом поднялся. Он и говорит: «Две минуты даю на размышление, не скажешь – пристрелю». – «Хоть сейчас стреляйте, никого не знаю я». – «Не знаешь», – и револьвером ударил меня в голову. Я упал. Что дальше делал со мной офицер, не помню. Весь в крови, я очнулся в снегу, во дворе волостного правления» [С.44.]. «Свидетельство» В.Е. Голошапова, председателя троцкого уездного земельного комитета: «Били солдата чем попало, били до смерти и бросили в кучу трупов; затем принялись истязать мальчика; ломали ему руки и ноги, наконец, сбили череп и бросили в ту же кучу трупов... Избиение солдата и мальчика так подействовало на меня, что я лишился сознания и уже не помню с этого момента, что было. Меня начали бить, но кто и чем не помню. Придя в сознание, я увидел, что нахожусь в виденной мною ранее куче трупов без верхней одежды, в одном нательном белье, босой. Затем я снова лишился чувств... Помимо избиений белогвардейцы еще вырезали куски кожи с мясом на моих пятках. У казака Егорова я пролежал 5 суток, после чего тронулся в путь» [С. 157]. Интересно, что воспоминания Голошапова были опубликованы ранее в «Известиях военно-революционного комитета» (31.1.1918). Повторяя о пришедших на его долю «нечеловеческих страданиях» он, тем не менее, так и не сообщил, что же предметно ему сделали плохого (кроме вот этого непонятного срезания кожи с пятки), но подробно перечислил стоимость отобранных казаками вещей.

⁷⁴¹ Например, мнение старого большевика Д. Саликова о знаменитом побеге оренбургских большевиков из тюрьмы, в котором он принимал участие (письмо 1965 года): «Наш побег был настоящим боевым, революционным подвигом, и не случайно его называли «блестящим». А товарищ Борисов Андрей Яковлевич и Иван Иванович Евдокимов [надзиратель в тюрьме, объявленный в книге главным помощником

бежавших] извратили, опошили и испохабили побег своим грубым и гнусным враньём в сборнике «Гражданская война в Оренбургском крае», стр. 56-70 (Чкалов-Оренбург 1939 г.). Кто знает царскую и белогвардейскую тюрьму, тот не может верить Борисовскому вранью, а за ним это водится. В названном сборнике сказано что нас, мужчин, разместили в двух камерах (Сбор. «Гражданская война в Оренбургском крае», стр. 58, 1939 г.). Это не верно. У нас была одна камера. Следующее извращение: «Вскоре после ареста был избран комитет для организации побега из тюрьмы, в состав комитета вошли три человека: Цвиллинг, Абрамович, Мартынов» (там же, стр. 60). Никакого Комитета мы не выбирали. А тем более в начале ареста у нас и мысли не было о побеге. Тогда мы надеялись на силу стачки рабочих Евдокимову очень хочется показать себя активистом первой категории по подготовке организации побега, и он пишет: «Сведения о четвёртом казачьем полку я передал товарищу Цвиллингу. Товарищ Цвиллинг очень заинтересовался съездом казачьего круга» (там же, стр.61). В тот момент не только Евдокимов никаких сведений не передавал товарищу Цвиллингу, но и его самого беспартийного надзирателя Евдокимова никто и не знал. [...]Евдокимов ударился в гнусную провокацию, он пишет: «Выбранный комитет установил регулярную связь со штабом Красной гвардии. Был установлен контакт с сочувствующими надзирателями». Во-первых, нас никто не выбирал, во-вторых, никаких контактов с поремщиками мы не имели и не хотели иметь. [...] Евдокимов так и рвётся в роль «вождя» и главного организатора побега из тюрьмы. Он пишет: «План побега разработан до мельчайших подробностей. Ознакомили меня с ним» (Там же, стр. 64). Евдокимов продолжает: «Внутренняя охрана не была особенно опасной, так как значительная часть надзирателей сочувствовала большевикам, а та часть, которая была на стороне Дутова, не представляла большой силы и когда не была разоружена и обезврежена. (Там же, стр. 64). Евдокимов непрошенный наш «попечитель», покровитель и «великий организатор», он всё знает и во всём помогает нам, хотя ничего не знает кроме одного вопроса, который под «страхом смерти» был задан ему. Он хвастается: «Когда о плане побега сказали мне, я обратил внимание на то, что серьёзным препятствием может стать военный караул Главной тюрьмы. Он состоит из 50 человек, преимущественно, офицеров. Тогда был составлен второй вариант побега через оранжерею. По второму варианту нужно было проникнуть в оранжерею через единственную калитку и перелезть через стену». (Там же, стр. 64). Никакую оранжерею мы не видали. Мы во дворе через высокую лестницу, оторванную от сеновала, бежали через стену на Водяную улицу, тогда она так называлась. Врун продолжает: «В ночь на 13 декабря получили хлеб (это было 12 декабря - Д.С.) началась деятельная подготовка. Я отнёс в оранжерею лестницу, по которой беженцы должны были перебраться через стену. Калитку закрыл только на защёлку, повесил замок, но не замкнул его, а с делал только видимость того, что калитка заперта. (Там же, стр. 65). Ничего подобного не было, Евдокимов в этот день, 12 декабря, когда мы бежали, не дежурил. Иначе он был бы нами арестован, как все, кто дежурил. А лестница, которую якобы Евдокимов принёс, она была такая, что её трое несли от сеновала к тюремной стене. Она была высокая, 8-10 метров, как тюремная стена. «В этот день союз пищевиков прислал в тюрьму мясо, а Соня Бажанова принесла мясорубку». (Там же, стр. 65). В то время наши женщины были умнее, чем Борисов и Евдокимов, они не мясорубку принесли в тюрьму, а мясо, пропущенное через мясорубку. Бред Евдокимова продолжается: «Было предложено как можно дольше затягивать приготовление беляшей к ужину, чтобы караул к моменту бегства заснул». (Там же, стр. 65). Трезвый человек может ли поверить такому сумасбродству. Ведь белогвардейцев и надзирателей было в помещении около 20 человек. Могли ли они на службе все уснуть в 8 часов вечера, когда мы бежали? Ведь мы же не сонных их всех разоружали, арестовывали и запирали. [...] «Обреев, Судаков и Фурсов не устояли перед жирными беляшами. Запасный караул, видя, что начальник мирно разговаривает с большевиками и угощается, успокоился. Караульные составили винтовки один за другим в угол и задремали, а некоторые заснули. «Беляши готовы! – раздалась команда Фурсова, - открыть камеры для получения ужина». Двери камер №2 и №3 открылись и в коридоре показался товарищ Цвиллинг, он сказал: «Можно раздавать». Он ударил в поверочный звонок. Это значит настало время действовать». (Там же, стр. 66). Трудно сказать кто больше с ума сходил, Евдокимов или Борисов? Получается, что мы сидели не в тюрьме врагов, а в комнате отдыха при советской власти. С врагами мы разговариваем как с друзьями, угощаем их беляшами. Фурсов командует открыть двери камер. Всё это грубейшее враньё, камера у нас была одна. Мы добились того, что дверь нашей камеры не запирают на замок. Никакого поверочного звонка у нас не было и товарищ Цвиллинг не ударял в поверочный звонок. Евдокимов изобретает: «Обреева и Фурсова вместе с военным караулом втолкнули в надзирательную комнату, которую я умышленно оставил открытой». (Там же, стр. 67). Мы заперли всех не в надзирательную комнату, а в кладовку с дровами. И, что якобы, мы поставили им огромную миску беляшей. (Там же, стр. 67-68). Это враньё, этого не было. «В эту ночь, к счастью для большевиков, в главной тюрьме дежурил надзиратель Навоженин, который знал о плане побега. Как только стало известно о плане побега из второго отделения тюрьмы приехал человек, Новоженин умышленно скрылся во дворе». (Там же, стр.68). [...] «Последним делом большевиков была порча электрических и телефонных проводов. После победы отделение тюрьмы ввелось во мрак». Что ни слово, то враньё. Электричество мы не портили и не могли. Телефонный провод обрезать было поручено мне - это нам на пользу. А оставить без света - мы сами вызвали бы тревогу, опасную для себя. Вот весь комплекс гнусного и бездарного «художества» Борисова и Евдокимова о революционном боевом подвиге оренбургских большевиков при побеге из белогвардейской тюрьмы».

т.е. с середины 50-х гг. А до этого времени, все, что выходило по теме революции и гражданской войны в крае, полностью соответствовало данному изданию. Впрочем, и то, что позднее середины 50-х, тоже. Партийные органы принимали к рассмотрению гневные письма и заявления ветеранов, рассматривали их, выносили нужные решения о восстановлении справедливости – но все оставалось по-прежнему.⁷⁴² И получалось так потому, что никто не желал брать на себя ответственность за пересмотр концепции. Этап второй - «утверждение легенды». Этот период охватывает все последующие десятилетия «советского» периода нашей истории. В это время легенда фактически уходит из сферы истории, из книг и публикаций непосредственно в общество. Идет активное строительство собственно мифологемы, где историческая правда в принципе никого уже не интересует: гражданская война - что угодно, но не трагедия. Скорее это противостояние добра и зла, где в итоге вполне закономерно побеждает «добро». При этом носителями «добра», безусловно и однозначно, являлись «красные», а силами «зла», соответственно, «белые». При этом полутонам и сомнениям места не было в принципе - настойчиво проводилась мысль, что в гражданскую вся Россия, все российское общество однозначно и безусловно разделилось на два лагеря, каждый сделал свой выбор, соответственно между «добром» и «злом», и мы, нынешнее поколение советских людей - потомки, конечно же, победивших «красных», т.е. представителей «добра». При этом курс первого периода подвергается некоторой корректировке: так, мемуары 20-30-х годов при переиздании подвергаются идеологической правке - интересно, что при существовавших правилах издания исторических источников таковые в отношении мемуаров никак не соблюдались; редактора смело правили и переписывали значительные объемы текстов; разумеется, не в стилистическом, но политическом плане. Показательно, что исчезают примеры жестокости «красных», которыми поначалу даже гордились прежние рассказчики. Теперь «красные» - верх гуманизма и человечности; жестокость свойственна только «белым». Акцентирование внимания на последнем становится обязательным элементом по сути любого повествования о гражданской войне. Впрочем, это не единственная характерная черта, обязательно отмечаемая у «белых»; в принципе присутствует весь набор отрицательных черт, как-то: пьянство, аморальность и т.п.

---

⁷⁴² Так, в начале 1950-х гг. вышла книга «мемуаров» о боевом отряде «Джигиты Чилекты» написанная, как утверждалось, ее командиром С. Жантауровым: 1-ое издание в Москве, 2-ое весной 1952 г. в Чкалове. Ряд ветеранов Чкалова и Орска выступили с заявлениями, что такого отряда совершенно не существовало в природе и не было такого боевого командира. А.П. Марковский, персональный пенсионер союзного назначения с 1927 г., член КПСС с 1918 г., бывш. командир РККА 1918-19 гг., писал в заявлении в обком партии, что «по нашему заявлению в части нашего коллективного протеста против лжекниги» в Чкалов специально приезжал из ЦК партии инструктор ЦК, который проверял архивные данные в Оренбургском областном гос. архиве. Расследование показало, что родственники автора «числились баями, имущество движимое и недвижимое было у них отобрано, старший брат Жантауров органами советской власти был репрессирован, а о «писателе» Жантаурове и следа не нашли». В итоге редактору первого издания книги ЦК вынес выговор, а Жантаурову «категорически было запрещено писать подобные небылицы». [...] Тогда же, в 1952 г., Оренбургской гор. бытовой комиссией п/п [персональных пенсионеров] старых большевиков был поставлен вопрос перед Чкаловским обкомом КПСС об изъятии из библиотек лжекниги Борисова и Жантаурова, призвать к порядку коммуниста-самозванца «командующего» М.Краснощекова и изъять из музея фотокарточки Краснощекова, Жантаурова, М.Постниковой, других подобных им лиц. Это было записано в протоколе быт. комиссии №6 от 5 июля 1952 г. и передано обкому КПСС, секретарю т. Корчагину, перед Облсполкома Жукову. [...] Второе решение бытовой комиссии в части Краснощекова, Борисова, Жантаурова и музея было подано 5 сентября 1952 г. секретарю Чкаловского обкома КПСС т.Шурыгину на 8 отпечатанных страницах за подписью 15 старых большевиков. [...] 5/1-58 г. мною, П.Левашовым, Н.К.Балденковым было написано на 9-ти печатных страницах опровержение в газету «Чкаловская коммуна» на самозванца М.Краснощекова, книги Борисова и Жантаурова и на извращение Борисовым экспозиции музея. Редакция газеты «Чкаловская коммуна» этого опровержения не пропустила». [ГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 165. Л. 1- 21.] Книга осталась в библиотеках.

Идет процесс активного наступательного внедрения в сознание людей нужных идей и оценок. Процесс подкрепления сориентирован был прежде всего на молодое поколение. По сути никто особо не стремился доказать истинность тех или иных событий - молчаливо предполагалось, что, как описано, так оно и было. Написанное в революционных газетах или рассказанное в воспоминаниях коммунистов изначально не подвергалось источниковедческой критике или перепроверке – использовалось как безусловная истина. Налицо героизация прошлого и, соответственно, обеление содеянного. На протяжении нескольких поколений видение гражданской войны в нашем обществе было по сути единым и безвариантным. Этого удалось добиться через уничтожение носителей «иногo» знания, через практически полную изоляцию людей от альтернативных источников информации и, конечно же, через агрессивное, наступательное внедрение «своего» видения. Видение это можно назвать квази-религиозным: был создан своеобразный пантеон мучеников и героев гражданской войны. Достаточно кощунственно религиозная схема была подменена политической: непогрешимость партийного вождя, верность ему и его делу «апостолов» - членов Политбюро, придание партийным документам значимости сакральных текстов и т.д. При таком подходе мученики были логичны и более чем необходимы. В итоге такой список был создан: в него вошли «герои гражданской войны», погибшие «до срока» - до времени поиска врагов среди своих. Это и Щорс, и Азин, и Чапаев, и Котовский, а для Оренбуржья – Цвиллинг. При ином раскладе, останься они живы, более чем вероятно, ждала бы их судьба прочих «делателей» революции, ставших в свое время врагами народа и исчезнувших на десятилетия из официальной истории. Но теперь, мертвые, они стали не опасны, и потому активно использовались официальной пропагандой на все 100%. За десятилетия возник огромный массив литературы - от научных исследований до детских книжек – причем внутренне совершенно взаимосвязанный; расхождений или несостыковок в повествовании не было в принципе, да и не могло быть.

Быть причастным к гражданской войне стало почетно и выгодно. Приведем без комментария один любопытный документ: «Протокол совещания красногвардейцев Орской организации 1917-1918 гг. 10 мая 1948 года. Повестка дня: Рассмотрение фотокарточки организаторов Советов, Красной Армии гор. Орска и Орского уезда. ... Слушали информацию тов. Марковского А.П., который сообщил, что на фотокарточке красногвардейцев Орских большевиков 1917-1918 годов 1) Акаскин Никита Васильевич, 2) Чикин Андрей Дмитриевич, 3) Киселев Ефим Иванович совершили государственное преступление и осуждены, в связи с этим предлагает снять их с общей фотокарточки Орских большевиков, а т.т. Ермакова А.С., Ермакова С.Р. и Брудастых Г.А., как участников революционной деятельности 1917-1918 г.г., считает достойными включению в общую фотокарточку Орских большевиков красногвардейцев».⁷⁴³ Так и постановили... Голосованием собрания старых большевиков определяли, кто из них может считаться участником, например, обороны Оренбурга, а кто нет; кого стоит считать командиром того или иного отряда, кого нужно поместить на музейный стенд, а кого убрать с него... Статус активного участника давал многое – и прежде всего возможность претендовать на бóльшую пенсию, да и на многие иные выгоды – сведение счетов, например.⁷⁴⁴

⁷⁴³ Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 975. Л. 4.

⁷⁴⁴ Для примера несколько ситуаций, изложенных в обращении уже упомянутого ранее А.П. Марковского в Чкаловский обком партии: «В последнее время мне стало известно, что Крымским областным отделом социального обеспечения получены компрометирующие меня заявления из г.Орска, Кувандыка и Оренбурга, подписанные Орско-Оренбургской группой, в числе которых: Краснощеков М.М., Борисов А., Брудастов Г., Бородин., Миронников П.А. и др., и Кувандыкской группой, в числе которых Фролов А., Булгаков Г., Диуцкий, Корякин и Литвиненко. Указанная группа лиц, часть из которых незаслуженно называют себя бывш. красногвардейцами-большевиками, в своих клеветнических заявлениях делают попытку взять под сомнение мое активное участие в гражданской войне, принизить мою роль красногвардейца-командира и даже пытаются оклеветать меня, старого большевика и члена КПСС с 1918 г. [...] 10/V-52 г. Краснощеков М.М. в пакете ко мне на квартиру прислал справку, составленную от его имени

Оживление скрытой борьбы пришлось на середину и вторую половину 1950-х – режим помягчел, и стало возможным оспаривать то, что вчера обсуждению не подлежало, и в связи с приближающимся юбилеем революции и гражданской войны стали обращать особое внимание на ветеранов. Они стали очень востребованы, приглашаемы на разного рода политические мероприятия: встречи поколений, пионерские сборы, комсомольские собрания, митинги и проч.⁷⁴⁵

Особую активность в Оренбуржье в этот период развил А. Борисов, выросший от учителя истории в техникуме до директора областного краеведческого музея. И оно же создатель универсальной версии происходившего. В эти годы писал он много, преимущественно в газеты; неоднократно призывал к увековечению памяти героев гражданской войны. При его активном участии в круг героев гражданской войны в

как бывш. «главнокомандующего» Орским и Актюбинским фронтами. В этой справке он дает высокую оценку моему участию в гражданской войне и превозносит меня чуть не до небес. Вместе с этой справкой была отдельно написана им записка, в которой он просил меня зайти к нему на работу для личных переговоров в гостиницу, где он работал в качестве директора. 15/V-52 г. я зашел к нему на работу. В своем кабинете он меня спросил: «Андрюша, ты мою справку получил?» Я ответил: «Да» и задал ему вопрос: «Михаил Миныч, а зачем ты ее прислал, ведь я у тебя ее не просил и она мне совершенно не нужна, да и твоя подпись на ней, как главнокомандующего – липа! Персональную пенсию я давным давно получаю с января 1927 г. без таких липовых справок, а по представлению Реввоенсовета СССР за подписью заместителя народного комиссара по военным и морским делам и пред. реввоенсовета Уншлихта. Так что, Михаил Миныч, напрасно ты сам себя и меня затрудняешь. Ничего она мне не дает и не даст. Так как главкомом Орского фронта в 1918 г. был не ты, Михаил Миныч, а Левашов А., а ты, Михаил Миныч, был тогда никем».[...] На этот мой разговор, происходивший в кабинете Краснощекова 15/V-1952 г. Краснощеков ответил мне «Да, Андрюша, все это было так. Пойми, Андрюша, ведь теперь время изменилось и это было давно». Он сказал: «Ты, Андрюша, не дури, Левашов ведь враг народа и его нет и не будет, он изолирован и расстрелян, как враг народа, а это вот моя справочка пригодится тебе, Андрюша. Ты вот что, сынок Андрюша, больше не бузи против меня, а поддерживай меня, у меня связи здесь большие с большими работниками, мы с тобой останемся старыми друзьями и тебе будет лучше». [...] В 1951-52 гг., когда я был председателем бытовой комиссии п/п [персональных пенсионеров] в г.Чкалове, ко мне Брудастов не раз приходил с просьбой, чтобы дать ему характеристику на предмет получения п/пенсии. Я ему категорически отказал и не дал такой характеристики. Я ему прямо в глаза говорил: «Георгий, ты это не заслужил. В отрядах Красной гвардии ты не был, как красногвардеец 1918 г. в Актюбинске ты ушел со старшим братом и все время находился в обозе на ротных кухнях, ел кашу, подносил воду и дрова. За это п/пенсии не дают. Отступил ты, как многие другие малыши, со своими родителями. а что ты все пишешь и болтаешь – это все ложь. В комсомоле ты тогда не состоял, да и его у нас тогда не было до июня 1919 г., а был союз молодежи, в котором ты также не состоял. А вот откуда у тебя появился союзный комсомольский билет за №1? Первые номера должны были получить те товарищи, которые вступили в комсомол первыми на первом комсомольском съезде, проходившим в Москве в октябре м-це 1918 г. под руководством т. Свердлова. А ты на съезде не был и также не был ни в Москве, ни в Ленинграде, так что билет №1 у тебя по-моему, - это липа». Брудастов тогда мне ответил по-приятельски: «Не всякий сумеет себе сделать билет №1». [ГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 165. Л. 1- 21.]

⁷⁴⁵ Только по страницам одной газеты за один неполный год: «Слет ветеранов гражданской войны» [Чкаловская коммуна. 1957. 28. апреля.]; Обращение к молодежи фестиваля одного из тех, «кто стоял у колыбели создания ленинского комсомола в Оренбурге, гостю из Москвы, тов. Кабаеву» [Чкаловская коммуна. 1957. 2 июня]; на городском слете юных ленинцев в Чкалове после приветственного слова секретаря горкома КПСС слово предоставлено «старому большевику т. Шутову»: «Рассказав о героической борьбе трудящихся за установление Советской власти, он призывает ребят дорожить честью пионерского красного галстука». [Чкаловская коммуна. 1957. 8 июня]; Ново-Троицкий горком комсомола совместно с Домом пионеров провел вечер встречи трех поколений пионеров: «С теплой речью и воспоминаниями выступил бывший пионер первого поколения ленинской детской организации секретарь парткома ОХМК В.Н. Лавров. Воспоминаниями из истории пионерской организации поделился директор дома пионеров коммунист М.Р. Гинце [Чкаловская коммуна. 1957. 10 октября]; создается дружина ветеранов революции [Чкаловская коммуна. 1957. 11 октября]; на митинге в Адамовке выступили участники гражданской войны старый коммунист А.С. Яловой, Литвицкий и Уткин [Чкаловская коммуна. 1957. 27 октября]; прошло городское собрание ветеранов [Чкаловская коммуна. 1957. 27 октября]; на открытии памятник Ленину в Адамовке выступил участник трех революции Камнев [Чкаловская коммуна. 1957. 1 ноября]; прошла встреча с организаторами комсомола [Чкаловская коммуна. 1957. 5 ноября]; в Орском пединституте прошла встреча с ветераном гражданской войны – его рассказ записан и опубликован в газете преподавателем М. Шешиним [Чкаловская коммуна. 1957. 27 октября] и т.п.

Оренбуржье вернулись имена некоторых ранее репрессированных и, казалось, совершенно забытых деятелей. Именно им был создан «окончательный» список оренбургских участников, чьи портреты помещены в экспозиции музеев Оренбурга и Орска.⁷⁴⁶

Где-то с середины 50-х годов, к 40-летнему юбилею революции, на местах предпринимались попытки собрать мемуары еще живых участников и современников событий - поскольку в 30-х гг. этот процесс после задекларирования концепции был прекращен за ненадобностью. В Оренбурге этой работой занялся А. Борисов. На адрес музея стали поступать достаточно бесхитростные, порой малограмотные тексты, но некоторые достаточно любопытные. Музей обменивался копиями мемуаров с областным архивом, где велась аналогичная собирательская работа. В музей же редакция областной газеты передавала приходящие письма подобной же тематики. Поскольку большинство оренбургских главных действующих лиц времен революции погибло в годы «большого террора», то теперь в руки исследователей попадали мемуары второ- и третьестепенных участников. Над автором каждого мемуара неотвратимо и ощутимо довлела эпоха – оценки происходившему много десятилетий назад он давал не те, которые, может быть, у него в свое время были, а те, которые **положено**: рабочие все были настроены революционно, все большевистские вожаки были исключительно нравственные идейные люди, все белые проявляли звериную злобу и жестокость и т.п. Авторы активно использовали информацию и речевые клише из соответствующей литературы.⁷⁴⁷ Авторы легко присочиняли и события, и свое участие в них. Например, М.Н. Григорьев прислал «Воспоминания о 1901 году»: В мае около почты около Караван-сарая собрались рабочие «всего города». Был выброшен красный флаг с лозунгом «Долой царя». Кто-то из черной сотни выстрелил, казаки стали избивать нагайками и резиновыми палками и шашками, некоторые казаки и жандармы стали стрелять из винтовок. «Казаки, жандармы и полиция били нас беспощадно. Мне Григорьеву М.Н., был дан удар нагайкой по спине. Даже у меня лопнула рубаха и кровь брызнула ручьем. Но мы в то время были отважны и не боялись смерти от опричников-казаков». Полицмейстер Бабин приказал «рассеять демонстрантов» – и казаки и жандармы «всячески убивали окровавленных рабочих... Но рабочие грозили кулаками и посылали проклятия царской власти и разбежались во все стороны».⁷⁴⁸ В другом его сочинении – «Очерк о моей революционной работе» -

---

⁷⁴⁶ Из заявления в обком КПСС ветерана А.П. Марковского 1956 г.: «Борисов, пользуясь своим служебным положением, на политико-революционном стенде вывешивал фотографии своей жены М.Постниковой, своих близких друзей и других незаслуженных личностей, как революционных лидеров в борьбе против дутовщины».[ГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 165. Л. 1.]

⁷⁴⁷ К.Емельянов описывал восстание в феврале 1918 г. против отряда Красной гвардии, занявшего Илек: «По сигналу внутри Илека поднялась вся контрреволюционная нечисть. С вилами, топорами, пешнями; всем, чем могли бы убивать, выбегала она на улицы, врывается в дома, убивая спавших красногвардейцев, зверски расправлялась с иногородними, топила живыми в прорубях Урала». [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.171. Л. 49.] С.Л.Рукавицын в «Воспоминаниях комиссара 439 рабочего стрелкового полка 49 дивизии» рассказывал о борьбе с уральскими белоказаками: «ураганный огонь» пулеметов, если смерть кого-либо из наших – то геройская. Красноармеец берет за пулемет и скашивает более 150 белоказаков - «Белоказаки оставляют на поле боя более 100 [затем в тексте исправлено на «многие сотни»] убитых и раненых, около 50-ти человек попадает в плен». [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.171. Л. 18, 23.]. А. Назарова «Воспоминание об участии в гражданской войне при обороне г.Оренбурга в 1919 году»: «В конце апреля 1919 года белогвардейцы подошли вплотную к г.Оренбургу. Вокруг г.Оренбурга ежедневно шли упорные кровопролитные бои. Стоявшие на близком расстоянии от города белогвардейские орудия ежедневно обстреливали город, два снаряда разорвались на площади вблизи дома, где мы жили, а по селам и деревням, занятым белогвардейцами, свирепствовали белогвардейские банды, арестовывали по малейшему подозрению, избивали плетью и шомполами, выгоняли на мороз раздетыми и разутыми, рубили шашками, били прикладами, насиловали женщин и девушек, расстреливали без суда и следствия мужчин и женщин, детей поднимали на штыки, поджигали дома, сжигали села и деревни. Ежедневно, то с одной то с другой стороны города были видны зарево пожаров, это горели села и деревни, подожженные белогвардейцами. Оренбург продолжал героически обороняться». [ГАОО. Ф. 2900. оп. 1. Д. 172. Л. 10.]

⁷⁴⁸ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.168. Л. 36-37.

встречаются обороты: «Рабочий класс устал от утомления и угнетения»; «Кровь в этот день лилась ручьями не повинных женщин, детей, рабочих»; во время Октябрьской стачки в Оренбурге «вся полиция была поставлена на ноги, казаки и жандармы, полиция нас окружила и стала избивать нагайками и пустила в ход сабли и пули и было много ранено и убито. Рабочие видя такую страсть, страстно стали разбегаться, окровавленные»; «9 января 1905 г. мы, рабочие мастерских, узнали, что рабочих в Петербурге расстреляли – бросили работу и стали срывать царские флаги и портреты со зданий».⁷⁴⁹ Уместно указать, что ни в 1901 г., ни 9.1.1905-го ничего подобного описанному в Оренбурге не происходило. Пользуясь ситуацией, спросом, стали появляться новые рассказчики, присочинявшие многие детали известным событиям и даже совершенно неизвестные, приукрашивая свои заслуги в революционном движении.⁷⁵⁰ Но были и очень интересные с исторической точки зрения. Не все уловили новые веяния, а, может, и не видели ничего особенного в том, что писали откровенно о том, что еще в 30-х гг. было предметом гордости – твердости и непримиримости к врагам – как они ее понимали. Например, М. Гирин весной 1918 г. руководил отрядом по установлению власти Советов в населенных пунктах вдоль железной дороги. В башкирском кантоне, сообщал он, «нами взято было мулла, поп русский и остальные десять человек из буржуазии, которым зачитывали приговор к расстрелу, которые были направлены в Оренбург. Во главе которой был тов. Кузнецов Ново-Троицкий, но не представилась возможность их довести до Оренбурга ввиду набега, который вернулся обратно и доложил что люди израсходованы».⁷⁵¹ Сходный момент у М.Н. Григорьева - история с разоблачением сыщика в период первой революции: «Тогда мы решили его передать одному проверенному товарищу работнику депо Никифорову Тр. Сем. и отвести, куда следовало. По большевистски (раньше мы говорили – списать...) он его взял и увел по назначению».⁷⁵² Еще более впечатляет короткий и спокойный рассказ Князева: «Я, бывший красногвардеец-партизан гражданской войны 1917-1919 года сражался в боях против банды генерала Дутова. Хорошо знаю последнюю участь помощника Дутова, генерала Дашкина. Мы его захватили в плен на Оренбургских берегах, когда он ехал вооружать на остров «Муйнак» Аральское море ссыльных казаков. Были захвачены нашим Челкарским отрядом, куда был слит в 1919 году первый северный полк, командовал Жеребьев Андрей, генерал Дашкин с

⁷⁴⁹ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.168. Л. 42, 45.

⁷⁵⁰ Еще несколько примеров. А.С. Гирин в «Автобиографии», на деле написанной его братом по причине неграмотности, сообщал о своем героическом прошлом: во время стачки 1917 года стачечный комитет предложил ему «украсть явочную книгу, где были записаны адреса машинистов для того, чтобы нельзя было вызывать машинистов к дутовским поездам». Брат писал о нем: «Гирин Алексей малограмотный человек, а также политическом, как другие, но был преданный коммунист советской власти и не могло быть от него контрреволюционных выступлений, кроме его слабости к выпивке - вот и вся его беда, если были его контрреволюционные выступления, то мы три брата коммунисты, которые участвовали с начала до конца в гражданской войне сумели». [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.168. Л. 11.] Или не менее показательные «воспоминания» некоего С. Иванова «Как 12-летний Сережа участвовал в забастовочном движении». Это был рассказ о себе, только от третьего лица – как рассказчик участвовал в забастовке в мае 1916 г., когда рабочие громили магазины и Сережа принимал участие «наравне со взрослыми». Несколько цитат: «у власти стояли наемники царского правительства – жандармерия и полиция»; казаки «беспощадно хлестали нагайками кого попало, однако рабочие очень упорно не сдавались». Сережа кинул в казака камень со второго этажа и сбил его с седла - «обозленные этим казаки стали применять холодное оружие». Так продолжалось несколько часов – «в конце концов, обессиленные казаки были вынуждены применить огнестрельное оружие». Собственно это весь рассказ; еще несколько страниц текста – цитаты Ленина и рассуждения о роли рабочих и задачах революции. [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.169. Л. 2-6.]. Не менее фантазийный рассказ И. Табанакова, как он, телеграфист Бузулука, якобы помог большевикам 25 октября 1917 г. связаться с Питером и услышать призыв не допустить контрреволюционных войск в столицу: «это первое, что я мог вложить в общее дело. Дело рабочего движения, - подумал я». [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.171. Л. 61-67.] Или воспоминания Л. Чекурина, также писавшего о себе с третьим лицом: «Был случай, товарищ Чекурин один бросился на неприятеля, забрал из их рук пулемет, белогвардейского офицера, не смотря на то, что сам был ранен, одного зарубил». [ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.171. Л. 68.]

⁷⁵¹ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.168. Л. 20.

⁷⁵² ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.168. Л. 50.

обозом вооружения, боепитания и обмундирования. Дашкин ехал в карете, запряженной тройкой лошадей в сопровождении сотни казаков. Когда они поравнялись с нами, с судна «Комунар» был ураганный огонь по белогвардейцам, сопровождающий из орудий на шрапнели. Сопровождающие не приняли боя, покинув своего генерала, а обоз ускакал обратно; но мы в количестве пяти человек подъехали к карете, предложили сдаться и обезоружили сидящих. Генерал Дашкин ехал с женой, сыном – поручиком 25 лет, и дочерью девяти лет. Находились они на нашем судне «Коммунар». По приказу командования Туркестанского фронта мы возвращались в Аральск. По решению большинства генерала Дашкина бросили живьем в море, а сына-поручика подбросили в воздух, застрелили из нагана и он тоже потонул в море. Жену с малолетними детьми привезли в Аральск».⁷⁵³ Некоторые же авторы, похоже, учитывали требования времени: так, бывший помкомандира полка Д. Лемясов сообщал: «Наши разведчики на берегу реки Илек задержали казачьего полковника Степанова, злейшего врага рабочих и казаков-фронтвиков, занимавшегося заготовкой фуража. Пять казаков, сопровождавших его, отказались его защищать и сдали оружие нашим разведчикам. Полковник Степанов был доставлен на ст. Яйсан, где был в то время наш штаб. Здесь он окончил свою карьеру».⁷⁵⁴ Последнюю фразу можно понять по-разному. А вот воспоминания из другого времени, из 1947 года – Н. Лебедева: «В одном из боев под Яйсаном, утром, при большом тумане, наша разведка захватила одного белого генерала и двух с ним казаков-ординарцев, которые заплутали от своих частей и попали в руки нашей разведки. Генерал оказался из одной из карательных частей белой армии, который был доставлен в штаб к Командующему Туркестанским фронтом т. Зиновьеву, когда, получив все требующиеся от него данные, красногвардейцы потребовали устроить ему самосуд и Командующий вынужден был передать его в распоряжение красногвардейцев, и генерал тут же на площади ст. Яйсан был сожжен на костре, а ординарцы остались служить у нас в армии».⁷⁵⁵

Как потом оказалось, значительная часть собранного оказалась невостребованной и осталась в архивных коллекциях. В итоге том оренбургских мемуаров был издан в 1957 году⁷⁵⁶, но какой! Он начинался большой развернутой статьей А. Борисова, излагавшей концепцию и ход событий. А далее шли в хронологической последовательности, соответствуя введению, отдельные воспоминания – по сути как дополнительный, иллюстрирующий объявленные выводы, материал. Из недавно присланного было задействовано крайне мало – но все привлеченные авторы имели «проверенные» биографии, важные посты в описываемый период, приличный революционный партстаж. Были воспроизведены отдельные публикации 20-х годов, к тому моменту, почти недоступные и неизвестные, и только сопоставляя тексты, мы можем констатировать, что они подвергались серьезной правке – под концепцию и повествование составителя сборника. Впрочем, не они одни – жестко редактировались и «новые» тексты. Сохранилась рукопись сборника, где по машинописному тексту идет редакторская правка. И дело было не в стилистических изысках, а, скорее, политических. Иными словами, не вновь появившиеся мемуары подкрепили уже существующую в литературе концепцию, но концепция определяла содержание таковых. Историческая правда никого из власть предержащих не интересовала, концепция в корректировке не нуждалась, а лишние новые факты или даже шприхи могли лишь повредить отлакированной и достаточно апробированной схеме. Член КПСС с 1906 года, Дмитрий Павлович Саликов писал в обком партии в 1965 году: «Хотя очень жаль терять время и писать опровержения на

⁷⁵³ ГАОО. Ф. 2900. оп. 1. Д. 172. Л. 48.

⁷⁵⁴ Лемясов Д.Я. 1-й Советский оренбургский трудовой казачий полк (воспоминания красного партизана). ГАОО. Ф.2900. оп.1. Д.171.Л.156.

⁷⁵⁵ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.175. Л1-16.

⁷⁵⁶ За власть советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов: Чкаловское книжное издательство, 1957. Составители А.Я. Борисов и А.Г. Мартынова.

бутафории некоторых авторов, в оренбургских революционно-исторических сборниках, но нельзя оставлять их без исправления, ибо они испохабили революционные исторические, боевые подвиги оренбургских рабочих и большевиков. Они грубо извратили характер революционного движения, стратегию и тактику борьбы, факты и эпизоды революционных событий и бесцеремонно опошлили политическое достоинство большевиков и рабочих. У одних авторов имеются мелкие невинные ошибки. Они сами в революционном движении в Оренбурге не участвовали, но пользовались материалами неполноценными, и вследствие этого они повторяли и повторяют чужие ошибки. Другие авторы - принимали участие в событиях, как рядовые члены партии, но они не были в составе руководящего партийного актива и потому мало что знали из основных и главных стратегических соображений, подробностей планов и тактики практического их выполнения. Наша вина и ошибка в том, что мы, руководящий партийный актив, ничего не писали по этим вопросам, своевременно и подробно. А когда нас уже не стало в Оренбурге, то те товарищи решили проявить свою «мудрость» и «всезнайство» и в угаре восторга забыли о логике и чувстве партийного долга и моральной ответственности за извращение фактов и допущенную похабщину. Они с азартом пустились в легкомысленную, нелепую демагогию и вредную фантазию, и бахвальство. Необходимо очистить революционную историческую литературу от старых засорений и не допустить новых. Эти бахвальщики не только искажали и извращали исторические факты, но и себя не забывали в корыстных целях. Они приписывали себе революционные боевые заслуги и подвиги, которых у них не было. Другие присваивали партстаж подпольщиков, которого не имели».⁷⁵⁷

В этот же период активно формировались легенды о выдающихся борцах за светлое будущее; повествования приобретали беллетризованную форму, использовались схожие лексические формулы: белые, естественно, «зверствуют», красные «героически» «борются за светлое будущее».

Одной из таких легенд стала Мария Корецкая, разведчица, естественно, героически, погибшая за пролетарское дело. Сразу отметим, что никаких документальных источников об ее подвиге нет. Однако, написано о ней немало. Вот как излагал историю Марии Корецкой А. Борисов: «Судьба оставшихся [в Орске] тревожила каждого бойца и командира. Тогда-то и получила Мария Корецкая боевое задание: узнать, что делается в городе, разведать силы врага, связаться с отрядами Красной гвардии, отступившими в Орск и Верхне-Уральск. Днем и ночью пробиралась через вражеские посты смелая разведчица. Добралась до Орска. Её приход ободрил красногвардейцев орской группы: дело в том, что белые распространяли слухи, что красноармейские части в Актюбинске якобы полностью уничтожены. Собрав здесь нужные сведения и передав их командованию войсками в Актюбинске, она двинулась к Оренбургу. На пути в поселке Хабарном её случайно схватили белоказаки. Они зверски мучили её, пытались узнать о силах и вооружении наших подразделений. На последнем допросе Маруся Корецкая решительно сказала: «Вы несете рабство народу, а я сражаюсь за свободу. Ничего вам от меня не узнать!» После этих пламенных слов её расстреляли».⁷⁵⁸ А вот эта же история, рассказанная другим автором несколько лет спустя: «В августе 1918 года молодую коммунистку Марию Корецкую вызвали в штаб. Ей предложили пойти на разведку из Актюбинска через Орск в Оренбург, где надо было выяснить, каковы силы белых, установить связь с красными отрядами, отступившими к Верхне-Уральску, которыми командовали В. Блюхер и Н. Каширин. Без колебаний отправилась она в путь. Прошла через линию фронта, села, занятые врагом. В Орск доставила важные сведения и принесла братский привет от красноармейцев Актюбинского фронта. Прошло несколько дней. Теперь дорога - на Оренбург. Вскоре ей повстречался отряд белоказачков. Офицер

⁷⁵⁷ Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 1017. Л. 12.

⁷⁵⁸ Борисов А. Их именами. // Южный Урал. 1957. 27 марта.

приказал направить ее в штаб белогвардейцев, в поселок Хабарный. Допросы, жестокие пытки - все было пущено в ход, чтобы раскрыть, кто она, куда и зачем направлена. Мария не выдала военной тайны. Гордо, с презрением смотрела изувеченная девушка в лицо палачам, когда ее вели на расстрел. Юная героиня без страха встретила смерть».⁷⁵⁹

Обратим внимание на несколько моментов. Задание, полученное разведчицей: «разведать силы врага, связаться с отрядами Красной гвардии». Она дошла до Орска, получила сведения и... В первом варианте – она как-то переправляет полученные сведения в Актюбинск; во втором – наоборот, доставляет сведения в Орск. А потом они зачем-то едет в Оренбург, хотя задания такого ей никто не давал. Почему-то ее останавливает казачий отряд. В первом случае палачей интересуют силы и вооружения красных, во втором – «кто она, куда и зачем направлена». Уместно задать вопрос – а откуда авторы узнали о происшедшем? Провале и аресте? Пытках и допросе? Казни, наконец? И, конечно же, последних словах? Между тем, есть один документ – в коллекции мемуаров, собираемых музеем, на нем пометка: ««Рукопись, вероятно, прислана для сборника о гражданской войне 1939 г. издания, но не прошла». Автор не указан; из текста можно узнать только, что рассказчик «был начальником склада оружия и боеприпасов». Так вот он писал, что «Карецкая» Мария пала жертвой «неумелой организации посылки в разведку»: «Наш отряд стоял в Орске, окружен со всех сторон белоказаками, и слабая окраина была белоказаками участка от дороги на Актюбинск до конного завода. Вот в эту-то трещину и пробралась в первых числах августа М. Карецкая к нам в Орск, забыв, что она должна быть строго засекречена, но она даже не переделалась. Я в это время был начальником склада оружия и боеприпасов, занимал особый дом с надеждой каменной надворной постройкой, принадлежащей в то время крупному скототорговцу. Двор и склады под строгой охраной, поэтому остановиться Карецкой у меня от взоров внешних было вполне уместно, но т. Карецкая оставила свои дорожные вещи, примерно часов в 17-ть, в самый разгар свободного и приятного хождения публики по городу, без всякой маскировки отправилась в штаб, куда совершенно не следовало показываться ей. Я, фронтовик, имею некоторый опыт выполнять секретную боевую задачу, осмеливался повлиять на Карецкую, советовал в штаб не ходить сейчас, а что нужно, могу сделать я, а ночью можно сходить, я мог дать пропуск, т.к. город был на осадном положении, затем переодеться и вообще изменить свою внешность. В нашем распоряжении были хорошие парикмахеры. Карецкая была одета в белом парусиновом платье приличного покроя, в красных азиатских [азиатских] расписных ичигах, кудри у ней природные, Так что внешностью Карецкая могла б старика разорить на подарки. В этом костюме она въехала в Орск и в нем пошла в штаб, и на другой день утром в нем же выехала из Орска. Сходила Карецкая в штаб, договорились, и добро в отдельной уютной комнате спала последнюю ночь. Утром штабом была мобилизована лошадь с тарантасом у обывателя Орска, недружелюбно настроенного и большевикам; на толчке (барахолка) разыскали возницу кучера совершенно незнакомого, не изученного, татарина и представили к штабу, где и усадили Марию Карецкую с ее походным вещами. Всякий наблюдающий за отъездом Карецкой мог бы определить, что человек едет на секретное боевое задание выполнять, а скорее или в свашки [свахи], или на зубок, т.к. Лопина (экономка штаба) с поспешностью заботливой матери на дорожку всыпала горяченьких кокурок и Карецкой и кучеру татарину. Не хватало в отъезде Карецкой еще бубенцов, и уместно еще бы сфотографироваться. Маршрут, направление, поездки был дан на Сару, через Орский выселок в двух километрах от Орска, его занимали белоказаки, вернее прямо в лапы белых банд. С какими доказательствами направлялась Карецкая к дутовцам? Правда она имела у себя документ якобы едет из Ташкента, что она много лет не видела родственников в Оренбурге, но ведь этот документ для детей дошкольного возраста, а для взрослых, да еще в особо сложной военной обстановке, когда каждый способен

---

⁷⁵⁹ Футорянский Л.И. Дела вечно живые. Комсомол и молодежь Оренбуржья в годы гражданской войны. Челябинск: ЮУКИ, 1968. С. 19.

придаться за малейший пустяк к своей собственной родной матери, этот документ не может иметь ни малейшего внушения. Отъезжая т. Карецкая, прощаясь с товарищами, я еще раз попытался запротестовать против такого способа отправки, предлагая т. Кривцову и другим, задержать Карецкую, изменить ей внешний вид, представить ей возможность идти на окраину города, и там самостоятельно или нанять частную подводку у крестьянина, или идти пешком, да не прямым направлением, а в сторону, пусть это будет долго, томительно, но вернее к цели, но и это ценное предложение не приобрело успеха, а только озлобило людей, не дававших себе отчета. Коляска с Карецкой помчала, доехали до выселка и врезались в цепи дутовцев, их остановили. Как и следовало ожидать, первый вопрос: Откуда едешь и где взял красавицу? Кучеру медлить с ответом не было нужды, отвечает коротко и всем понятно, наша едет бит из Орска, а девка штаб давал. Слезай, - приказывает офицер татарину, - ты ехал, теперь до штаба нашего пешком пойдешь, а большевистскую красавицу повезет наш молодец. Повезли Карецкую насильно на хутор, а затем в штаб белых. Очевидцы, позднее наши пленные рассказывали, что Карецкой серьезного допроса в штабе не было, т.к. в жилах офицерской сволочи забилося половое влечение к Карецкой, и она подвергалась варварству и попыткам к изнасилованию. Здесь Карецкая поняла, что и позор и смерть неизбежны, разрывает на себе платье, выхватывает браунинг, подвязанный на всякий случай под левой грудью, но действовать браунингом ей не удалось, т.к. обнаглевшее офицерство чувствовало в Карецкой мужественного стойкого борца за дело рабочего класса, и били из наганов в Карецкую первые. Так погибла от неумелой организации разведки, стойкая и решительная большевичка Мария Карецкая, ее мужество и отвага будет долго служить примером молодому поколению Сталинской эпохи.⁷⁶⁰ Заметим, что в данном тексте есть хоть какое-то объяснение источника информации: «очевидцы, позднее наши пленные». Текст 1939 года! – А. Борисов его не мог не видеть; но не захотел. Что действительно непонятно, это зачем он исправил написание фамилии.⁷⁶¹ А самое непонятное во всем этом – почему писавшие не читали предшественников: ну хотя бы в деталях можно было бы согласоваться – так ведь нет.⁷⁶²

---

⁷⁶⁰ ГАОО. Ф.2837. Оп.1. Д.149. Л.1-3. Стиль и орфография документа.

⁷⁶¹ Пример не единственный. Так видоизменена была фамилия Цвиллинг. В документах дореволюционной поры фамилия его писалась с одной «л». Точно также фамилия воспроизводилась в оренбургских газетах 1917-1918 гг. Но впоследствии однозначно утвердилось написание «Цвиллинг». Когда это произошло – трудно четко определить. Отметим, что еще в 1923 г. в Оренбурге был завод им. Цвиллинга, выпускавший стенную газету «По заветам Цвиллинга». [Оренбургский рабочий. 1925. 5 авг.]. В «Протоколах шестого съезда РСДРП(б)» (М., 1934) фамилия также писалась «Цвиллинг». Впрочем, не только фамилия - в официальных документах дореволюционного периода он писался Самуил бер Мовшев Цвиллинг.

⁷⁶² И чтобы доказать, что легенда, родившись, живет очень долго – две цитаты с оренбургских сайтов из сегодняшнего Интернета. «Отважная разведчица Мария Петровна Корецкая была схвачена белоказаками в с. Хабарное и расстреляна 4 августа 1918 г. Памятная стела сооружена на средства, заработанные комсомольцами ЦРМО-2 ОХМК (Орско-Халиловского металлургического комбината) на комсомольских субботниках. Ее открытие состоялось 10 июня 1969 г. Памятник изготовлен из металла, автор проекта Г.Н. Настич, самодеятельный художник, участник Великой Отечественной войны, работник доменного цеха ОХМК. На гребне холма, за посёлком Хабарное, возвышается **девятиметровый** монумент с факелом на вершине; на серебристой табличке из нержавеющей стали надпись – «Разведчице Марии Корецкой». Горожане чтут память о разведчице. Средняя школа №17 города Новотроицка с гордостью носит имя Марии Корецкой. В дни празднования 30-летия города одной из улиц Новотроицка было также присвоено имя Марии Корецкой». [http://www.orenobl.ru/hist_dostopr/paml.php] «С другой стороны Новотроицка на гребне холма возвышается **десятиметровый** монумент с факелом на вершине. На серебристом фоне четко выделяется надпись: «Разведчице Марии Корецкой». В суровом августе восемнадцатого года из Актюбинска, куда отступили из Оренбурга красные войска, в осажденный дутовцами Орск пришла разведчица Мария Корецкая. Она сообщила защитникам города о готовящемся наступлении дутовцев и, получив данные о положении в Орске, отправилась в далекий Оренбург. Идти по большаку было рискованно, и Мария пробиралась по проселкам. Но и там повсюду подстерегали ее казацкие заставы. Марии не раз удавалось обвести казаков вокруг пальца, но потом произошло неожиданное - ее узнал один оренбургский казак. - Вяжи ее, - крикнул он, - это же Манька Корецкова, самая что ни на есть оренбургская комиссарша. Марию пригнали в Хабарный, где размещался белогвардейский штаб. Много дней глумились

А вот другой, не менее показательный пример. 15 октября 1907 г. в г. Томске братья Вениамин и Самуил Цвиллинги, угрожая револьвером, ограбили аптеку Ковнацкого, завладев 75 рублями. На следующий день они были задержаны, судимы временным военно-окружным судом в г.Томске и 14 января 1908 г. приговорены: Вениамин Цвиллинг по ст.ст. 1629, 1632 УН и ст.279 СВП к лишению всех прав состояния и смертной казни, а Самуил (Шмуль-Берк) Цвиллинг к заключению в тюрьме на двенадцать лет с последствиями, указанными в ст.139 Уложения о наказаниях уголовных (испр. изд. 1885 г.). Официальная советская историография утверждала, что Самуил (партийная кличка «Вениамин») провел «экс» самостоятельно и был приговорен к смертной казни, замененной потом, «под воздействием прогрессивной общественности» на пять лет тюрьмы. При этом никто из писавших тогда об этом так и не удосужился разобраться, по какой статье Уложения о Наказаниях возможна столь мягкая замена смертной казни. Но еще интереснее, что и как писали советские авторы. В 1938 г. Гурьев пишет: к смертной казни; «за малолетством виселица заменена пятью годами тюрьмы»⁷⁶³. В 1939-м С.Догadin: «за выдающуюся революционную работу» приговорен к смертной казни.⁷⁶⁴ Далее, в 1957-м: П.Мещеряков: оба несовершеннолетних «юных революционера» были осуждены к смертной казни⁷⁶⁵; А.Мартынова: к смертной казни.⁷⁶⁶ Б.Мещеряков в 1969-м: «Вскоре «правосудие» определило неслыханную «меру пресечения» - смерть через повешение».⁷⁶⁷ П.Десятерик: «суд приговорил молодых революционеров к смертной казни через повешенье. Принимая во внимание несовершеннолетие Самуила суд заменил ему смертную казнь на 12 лет тюремного заключения. Такой жестокий приговор вынесен не столько за нападение на аптеку, сколько за принадлежность братьев к РСДРП».⁷⁶⁸ Отметим появление этого голословного и юридически неграмотного суждения о якобы воследовавшей каре за принадлежность к партии. Л.Футорянский в 1996-м писал: «за активное участие в агитационной работе среди рабочих и попытку экспроприации средств для организации Цвиллингу грозила смертная казнь, замененная в 1908 г. 15-летним тюремным заключением».⁷⁶⁹ Затем, в работе 1998-го года, срок оказался иным: «смертная казнь...была заменена...пятилетним тюремным заключением».⁷⁷⁰ Еще через два года автор вновь резко увеличил срок: «осужден на 15-летнее тюремное заключение за

белоказаки над захваченной разведчицей, требуя рассказать о красных войсках, находящихся в Орске. До боли стиснув зубы, Мария молчала. ... И вот стоит она у склона горы в разорванной белой кофточке с крепко стянутыми за спиной руками перед строем дутовцев. Спокойно смотрит, разведчица в глаза палачей, ни тени страха на ее лице. В двадцать два года не хочется думать о смерти, даже если она рядом, в нескольких шагах. Бородатый что-то скомандовал, и в ее глаза глянули холодные и безжалостные дула винтовок. Тогда, гордо подняв голову, она крикнула казакам: «Всех не перестреляете! Все равно наша возьмет!» Она хотела еще что-то сказать этим обманутым Дутовым людям, но залп оборвал ее слова...» [<http://bsa.ucoz.ru/index/0-5>] В обоих случаях есть прямая речь, неизвестно как и откуда услышанная рассказчиками. Хотите узнать, откуда взялись подробности по белую кофточку и т.п.? очень просто. В книге «Дела вечно живые» на странице 20 помещена репродукция рисунка художника Тельнова – полная выдумка, но на картинке Мария стоит именно так, как тут описано. И казак, кстати, бородач. Вот так легенда сама себя и подпитывает.

⁷⁶³ Гурьев Н. Памяти С.М. Цвиллинга. К 20-летию со дня гибели. // Оренбургская коммуна. 1938. 1 апреля.

⁷⁶⁴ Догadin С. Гибель отряда Цвиллинга. // Гражданская война в Оренбургском крае: по воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Чкалов: Чкалов.обл. изд-во, 1939. С.106.

⁷⁶⁵ Мещеряков П.В. Солдат революции С.М.Цвиллинг. // Солдаты революции. Из жизнедеятельности участников Октября и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск: Челябинск. кн. изд-во, 1957.

⁷⁶⁶ Мартынова А. С.М.Цвиллинг. // Чкаловская коммуна.1957. 27 августа.

⁷⁶⁷ Мещеряков Б. Правительственный комиссар (о С.М.Цвиллинге). М.:изд-во полит. лит-ры, 1969.

⁷⁶⁸ ГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.85.Л.5.

⁷⁶⁹ История Оренбуржья (1996). С.192.

⁷⁷⁰ Футорянский Л.И. Самуил Моисеевич Цвиллинг. // Евреи в Оренбургском крае. Оренбург: Димур, 1998. С.51.

попытку экспроприации».⁷⁷¹ Что мы видим? Появление в 90-х годах новых любопытных «подробностей», вероятно, ускользнувших от предшественников: появляется невероятный срок в 15 лет (и добавим – исчезает и вновь появляется); совершенное ограбление названо невинно «попыткой экспроприации» и едва ли не основной причиной приговора оказывается агитационная работа. Все это – фальсификация. Из общего ряда писавших неожиданно выбивается П.Мещеряков (1957), говорящий о двух братьях: Самуил осужден к 5 годам, брат – 6-ти годам каторги.⁷⁷² Все прочие из двух братьев сделали одного, приписав все Самуилу. Вениамин, а точнее – Борис – ибо «Вениамин» была его партийная кличка - жил еще долго; мы встречаем его имя в 1933 г. в списках членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.⁷⁷³ Кстати, в его биосправке приводились правильные данные относительно суда и приговора. Но позднейших создателей мифа это, судя по всему совершенно не волновало.⁷⁷⁴ Годами тюрьмы все разбрасывались более чем щедро. Мы обнаружили копию приговора в Центре документации, присланную после запроса из Чкалова начальником архивного отдела УВД по Томской области Тимошевым еще 31.12.1948(!) года.⁷⁷⁵ После такого все, кто писал иначе в последующие годы, выглядят несколько странно.

И еще одна показательная история. Даем по тексту монографии 1968 года: «Во второй половине ноября 1918 года в агитотдел Туркестанской армии пришли молодые крестьяне из района Темира. Они просили организовать у них боевую часть для борьбы с дутовцами. Агитотдел направил в село агитатора И. Бронштейна, члена РКП (б), которому не исполнилось и двадцати лет. Несколько суток, не зная сна и отдыха, ездил по селам юный агитатор. Ночью в Темир ворвалась шайка дутовских бандитов. Они сняли караул, расстреляли многих бойцов отряда, а к молодому агитатору отнесли с особым «вниманием». Пытали его долго. Но он стонал только тогда, когда терял сознание. Избитого до полусмерти выбросили из избы. Трещал мороз. - Ну ты, поворачивайся, - рывкнул на арестованного здоровенный казачина и со всего маху огромным сапожищем саданул в лицо. Юноша, валявшийся на снегу, в одном нижнем белье, босой, на этот раз застонал - удар был неожиданным. Конец веревки, которым был связан парнишка, казак прикрепил к седлу своей лошади. Группа пьяных белоказачков гоготала. Через несколько минут казаки уже были на конях. Кровавый след тянулся за шатавшимся на привязи, еле поспевавшим за лошадей юношей. Через каждую версту казаки останавливали коней и вбивали в тело пленника несколько гвоздей. Вскоре он уже не слышал их дикого звериного хохота. Пятнадцатая верста стала для него последней. Он умер, как погибали тогда сотни молодых бойцов за дело пролетарской революции».⁷⁷⁶ История, как видим, трагическая; подробностей более чем достаточно. Не будем задавать неудобные вопросы – только один: откуда известно, что смерть наступила именно на 15-ой версте? Ясное дело, этот эпизод имел под собой какое бы то ни было основание; но какое? Более чем вероятно, мемуары. Но чьи – не палачей же в самом деле. И после упорных поисков мы натываемся на краткое упоминание в книге «Страничка революционной борьбы Оренбургского пролетариата» (напомним, 1921 года): «Союз пекарей потерял в этом бою 10 чел. убитых и несколько раненых; наш союз потерял 1 убитого, не дешево досталось это и казакам, настал день похорон. Он совпал с приездом к нам представителей главного штаба тов.

⁷⁷¹ Футорянский Л.И. Цвиллинг. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академия, 2000. С.587.

⁷⁷² Солдат революции... С.9. Сюда же следует отнести и П.Десятерика, но его труд остался неопубликованным.

⁷⁷³ Борис Цвиллинг был арестован в 1905 г. за работу в организации РСДРП в Черемхове. Был агитатором РСДРП в Екатеринбурге до конца 1907 г. Арестован в Томске в конце 1907 г. После революции – член ВКП(б). [Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник. М., 1933. С.691.]

⁷⁷⁴ И нельзя сказать, что они не знали или не могли знать об этой публикации. Б.Мещеряков (1967) даже ссылался на этот справочник.

⁷⁷⁵ ЦДНИОО. Ф.6002. Оп.1. Д.322. Л.121.

⁷⁷⁶ Футорянский Л.И. Дела вечно живые. Челябинск: ЮУКИ, 1968. С. 19, 21.

Г. Коростелева., Здобнова и тов. Бронштейна, погибшего в последствии в одном селе, где по поручению штаба и партии вел агитацию, казаки забили ему в пятки гвозди и голого гнали по морозу, потом уже повесили».⁷⁷⁷ Все. Больше нет нигде ни слова. Так что вышеприведенная яркая картина – увы! – лишь фантазия; и отнюдь не злодеев-казаков. Позднейшие авторы – историки и журналисты – безудержно сочиняли: подробности событий, диалоги, даже посмертные слова. В 60-х гг., в районе полувекового юбилея революции, когда вновь поднялась волна публикаций по теме, стало модным публиковать в прессе заметки о погибших героях революции. И все они, чуть ли не в обязательном порядке, в последний момент выдавали историческую фразу.⁷⁷⁸ А затем эти подробности и слова «вдруг» появлялись в научных работах, со ссылкой на газету или журнал, и тем самым входили в круг исторических источников.

Установленное единообразие в учебниках и научных трудах подкреплялось многим, в том числе памятниками, число которых возросло неимоверно, по сравнению с дореволюционным периодом: монументы, мемориальные доски, надгробия над братскими могилами. Стремление «красных» еще в годы гражданской войны устраивать захоронения своих сторонников не в традиционных местах, а обязательно в центре городов и иных населенных пунктов, даже языческим назвать трудно. Созданная традиция, идущая вразрез со всеми существовавшими обычаями нашего народа, получила продолжение и впоследствии, когда, начиная с 20-х гг., шли перезахоронения «героев». Только в Оренбурге таких официально было четыре. Первая – на углу Паркового проспекта и ул. Цвиллинга. В ней похоронены красногвардейцы, погибшие в здании бывшего юнкерского училища во время набега на Оренбург казаков. В 1925 году был поставлен небольшой каменный памятник и мемориальная доска с надписью: «Слава борцам, погибшим за рабочее дело в набег белогвардейских дутовских банд на Оренбург 4 апреля 1918 г.». В 1950-м был поставлен современный памятник. В парке им. Ленина были похоронены красногвардейцы, погибшие в конце 1918 – начале 1919 гг. при взятии Оренбурга частями Красной армии, наступавшими с Актюбинского фронта. Точных данных о похороненных – даже их количества – нет. Известны лишь имена некоторых (Тризна, Конарейкин). В дальнейшем утверждалось, что все погибшие красногвардейцы-железнодорожники. В 1921 г. в эту могилу был захоронен умерший «красный артиллерист» Ходаков. В 1934 г. по завещанию К.Н. Котова его тоже захоронили в эту же могилу. Первоначально на могиле была поставлена разбитая пушка, привезенная с фронта. В 1931 г. поставлен существующий памятник. Третья могила – на территории лесозавода. Там захоронены красногвардейцы – рабочие завода «Орлес», погибшие в 1917-1919 гг. На обелиске написаны их имена. И, наконец, четвертая находится на Парковом проспекте, напротив Караван-Сарая. По нашим данным это фальшивая могила.⁷⁷⁹ Братские могилы стали культовыми сооружениями режима, активно включенными в общую пропагандистскую работу: возложение венков, прием в пионеры, почетный караул.

Тем же целям служило массовое переименование городов и улиц. Примеров с уничтожением исторических названий городов и иных населенных пунктов можно, к сожалению, привести множество. Впрочем, такого рода названия давались и новостройкам. Среди «новых» названий немало созданных по имени участника гражданской, причем достаточно часто даже не по имени, т.е. настоящему имени, а по прозвищу, кличке. Только два примера: Сергиев Посад, переименованный в Загорск в честь В. М. Лубоцкого (Загорского), и город Гай в Оренбургской области, названный в 1959 г. как писалось тогда – «по фамилии героя гражданской войны Г.Д. Гая», участвовавшего в подавлении восстания оренбургских казаков. При этом не скрывалось, что настоящее его имя было Гайк Бжишкянц. Уничтожение исторической памяти в

⁷⁷⁷ Н. Иванов. Краткий очерк революционного движения Оренбургских рабочих и в частности рабочих колбасно-консервных заводов г. Оренбурга // Страничка... С. 83.

⁷⁷⁸ К сожалению, нам известен не один пример подобных писаний.

⁷⁷⁹ Подробнее об этой могиле см. в главе «Караван-Сарай: символ и памятник архитектуры».

названиях улиц с параллельным утверждением «новой» памяти шло в нашей стране по сути постоянно, начиная с 20-х годов и по 80-е включительно. Например, в г. Оренбурге в 1970-х годах из 740 улиц более ста пятидесяти носили имена деятелей коммунистической партии и международного революционного движения, «героев борьбы за Советскую власть». Из этого числа 46 улиц было названо в честь участников революции и гражданской войны именно в Оренбурге и области. При этом о многих не было и сегодня нет никаких биографических данных, не известны и подробности революционной деятельности, в значительной части случаев все ограничивается самыми общими фразами о «героической гибели за власть Советов».⁷⁸⁰

Огромную, едва ли не исключительную роль, сыграло кино, пожалуй, самый сильный фактор воздействия на общественное сознание. За десятилетия было создано значительное число фильмов на героико-революционную тему, которые не только и не столько просвещали зрителя об исторических подробностях гражданской войны, сколько на эмоциональном, едва ли не подсознательном уровне, вгоняли в сознание нужные оценки. Эффект художественного воздействия позволял идти от конкретного, даже намеренно шаржированного, образа к обобщениям. Сколько сотен тысяч детей просмотрело (и не раз!) хотя бы такой фильм, как «Неуловимые мстители»? Садист-казак, пьяница-поп, тупой белый офицер индивидуальны, но одновременно аккуратно доводилась мысль об их типичности. (Так и хочется спросить – сколько сотен тысяч детей смотрят этот фильм и сегодня?) При этом отметим, что многие фильмы были сделаны действительно умело, качественно, и производили очень сильное впечатление. В целом же, в киноискусстве данный период нашей истории был ощутимо романтизирован. Симптоматично, что впоследствии в киноведческой литературе даже появился термин для обозначения фильмов подобного рода – «истерн», по аналогии с «вестерном»: скачки, стрельба и многое иное подобное, но главное – крайне простая схема борьбы «хороших» парней против «плохих».

Качественные изменения наступили (или могли наступить) с началом перестройки. Помимо прочего, в эти годы стало утверждаться новое видение истории. Серьезные надежды были связаны с открытием архивов, приходом альтернативного знания из-за рубежа и т.п. Однако реальность оказалась не такой радужной – процесс утверждения нового знания шел тяжело и где-то болезненно. По ряду причин решающее слово в исторической науке оставалось за теми, кто десятилетиями говорил по-старому. Да и новое знание не могло возникнуть по мановению волшебной палочки. Так что требовалось время. Потому «правда» пробивала себе дорогу медленно. Действительно, постепенно стали появляться работы, где история гражданской войны давалась по-новому, раскрывались ранее закрытые сюжеты. Можно ли это было считать разрушением мифа? Думается, что нет, только своеобразным приступом к таковому, подготовкой. Кроме того, разрушение мифа не означало автоматического начала одновременного процесса созидания нового. Печально, но новое знание в итоге осталось прерогативой десятков и сотен историков, так и не внедрившись в сознание масс.

По идее, начинать надо было со школы, с работы с подрастающим поколением. Но нужно признать, что особенно поначалу, на школьном уровне, изменения происходили самым неудачным образом – через замену знаков: на смену «хорошим» «красным» пришли «хорошие» «белые». Затем пришло компромиссное решение: наряду с «красной» составляющей войны стали говорить о «белой». Однако на практике, школа по-прежнему излагает гражданскую войну с одной позиции, победителей, разве что, как дань времени, изъязвляя уничижительные отзывы об их политических противниках.

Сама по себе посылка, декларируемая методистами, что надо дать детям две точки зрения, привести аргументы обеих сторон и они сами для себя решат, что истинно и справедливо, хороша, но реализуема ли? Миф утверждали силой, жестко и

---

⁷⁸⁰ Подробнее см. главу «Переименования в Оренбуржье»

бескомпромиссно, подкрепляли новыми и новыми приемами на протяжении десятилетий – так возможно ли его разрушить в считанные годы? Воспроизведение мифологем обеспечивалось аппаратом управления государством. Любая аппаратная мифологема официально транслировалась в системе образования, политического просвещения и средств массовой информации. Как показывает опыт, при восприятии навязываемой мифологемы гражданами государства ее составляющие могли восприниматься по-своему; скажем, на словах, публично поддерживаться, на деле, в более узком кругу – оспариваться или как минимум корректироваться. Приходится признать, что как раз применительно к гражданской войне особого расхождения между официальной линией и восприятием ее нашими людьми уже не наблюдалось. Теперь государство перестало транслировать данную мифологему – но в обществе знание о войне осталось на основе школьного объема знаний. Получается, мертвый хватает живого: массовая мифология продолжает жить. По сути, люди сами не хотят знать правду – ибо жить так, при давно устоявшихся представлениях в принципе комфортнее. Вспомните недавние дискуссии, например, о фильме «Адмирал» – сколько было возмущенных заявлений о недостойности личности Колчака, причем авторы ссылались на примеры, внедренные им советской школой, советскими книгами и пропагандой. В определенном смысле мы имеем дело с нежеланием людей пересматривать усвоенное в школьном возрасте. Вот почему на резкое неприятие наталкиваются инициативы переименования улиц, города и поселки и сегодня переполнены знаками и символами «победившей» стороны. Приходится констатировать, что на современном этапе мы наблюдаем своеобразную инерцию существования мифологических компонентов. Распад прежнего «общественного сознания» оказался не столь быстр, как этого можно было ожидать.

Глава 17. Переименования в Оренбуржье.

Географические названия есть памятники истории и культуры народов. Их трагедия заключается в нематериальности – существующие столетиями, они могут быть уничтожены, образно говоря, одним росчерком пера по каким-либо конъюнктурным политическим соображениям. Неоправданное уничтожение географических названий – такой же вандализм, как уничтожение памятников, церквей и иных объектов материальной культуры. Конечно, вечно названия не существовали, и со временем они могли меняться.

В Оренбуржье до начала XX в. особых переименований не было. В 1900 г. началось строительство Ташкентской железной дороги. Когда линия вчерне была готова, и намечались станции, инженеры путей сообщения предложили дать таковым «русские» названия: Меновой двор – «ст. Татищева», ст. Донгуз – «ст. Гоголя», ст. Маячная – «ст. гр. Толстого», ст. Чашкан – «ст. Достоевская», ст. Ак-Булак – «ст. Карамзина», в планах были еще Грибоедовская, Добролюбовская, Владимир Мономах, Илья Муромец, Добрыня, Микула Селянинович, Адмирал Корнилов, Адмирал Нахимов. Но вскоре это было признано неудобным, так как такие названия плохо усваивались «туземным» населением и казаками, почему станции достаточно быстро переименовали по местным названиям.⁷⁸¹

Первые попытки политических корректив названий пришлось на мировую войну. Как известно, с ее началом в 1914 году в чрезмерном патриотическом угаре власти уничтожили немецкую составляющую названия столицы страны, переименовав город из Петербурга в Петроград. Подобная инициатива не могла пройти незамеченной на местах. Некоторые казачьи офицеры поставили тогда же перед войсковым начальством вопрос о необходимости вслед за столицей переименования города и войска по той причине, что

⁷⁸¹ Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. 1908 год. Составлено Н. И. Бодровым-Повираевым. Б.м. С.133-134.

«они имеют чисто немецкое происхождение». Группа казачьей интеллигенции, в которую входили известный собиратель и знаток казачьего фольклора А.И. Мякутин, историк-краевед есаул М.Л. Юдин, выдвинула несколько предложений по поводу возможных названий города. В память о вкладе сенатора И.И. Неплюева в освоении Южного Урала предлагалось назвать его именем столицу края. По мнению А.И. Мякутина, название «Неплюевск» было более созвучно душе русского человека, чем чужеземное «Оренбург». Самым серьезным образом обсуждались предложения переименовать город в «Усть-Самарск» либо «Самаро-Уральск». В ответ ряд казачьих же офицеров поставил встречный вопрос – как тогда будет называться казачье войско? «Неплюевским»? «Самароуральским»? В ответ Мякутин и его сторонники предлагали именовать войско «Верхнеуральским» или «Заволжским казачьим войском».

Впервые о необходимости изменить название Оренбурга заговорили на заседании Оренбургской городской Думы 10 сентября 1914 г. Как заявил тогда городской голова В.Н. Ладыгин, на его имя и на имя многих гласных поступает масса заявлений «о желательности переименования г. Оренбурга русским наименованием». Сам он полагал «весьма желательным дать Оренбургу какое-либо другое соответствующее название». В итоге Дума решила «согласиться принципиально на переименование гор. Оренбурга, причем для выбора наименования вопрос этот передать в Школьную комиссию».

27 октября 1914 года на заседании Школьной комиссии выступил председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В. Попов. Он сообщил, что не находит «никаких веских оснований к переименованию города, а наоборот, признает необходимым ходатайствовать перед образованной в Петрограде особой комиссией по переименованию городов об оставлении за Оренбургом его названия, так как с этим названием «тесно связаны понятия о целом Оренбургском крае». Был заслушан специальный доклад об историческом происхождении названия города. Из доклада следовало, что корень слова «Оренбург» - «Орен» - турецкого происхождения, «бург» же слово немецкое. В возникшей после этого дискуссии оформились два подхода. «Ура-патриоты» заявляли, что «из доклада видно, что название города связано с немецкой культурой», а на самом деле, «наш край нисколько не связан с немецкой культурой». Вину за название они возлагали на ... герцога Бирона – «Россия тогда находилась под влиянием «барона» и он что хотел, то и делал. Читать про те времена и то содрогаешься». Оренбургский старожил Н.А. Середа объявил, что «если Оренбург будет называться Ориенград или Ориендар, то он ничего от этого не потеряет». Со своей стороны он предложил в честь императрицы, давшей городу привилегии, назвать его «Анноград» или «Аннодар». Но все же нашлись здравомыслящие люди, совершенно справедливо считавшие, что «с заменой названия Оренбург на новое, понятие об этом крае, имеющем свое историческое прошлое, - исчезнет. Никакая война не может уничтожить следов того влияния, какое оказал Запад, вообще, и Германия, в частности, на развитие культуры России, что, однако, не помешало русским сохранить свою самобытность».

Поступило много предложений с названиями. Собрание остановилось на следующих названиях: Яицк, Приуральск, Елизаветдар, Оренград, Славно-Георгиевск и Новогеоргиевск, Славянск. По окончании заседания один из присутствующих не без ехидства заметил, что если уж выбирать новое название, да такое, чтобы отражало особенность города, то почему бы еще не прибавить еще два варианта - «Пыльград» и «Грязыград», которые были бы очень подходящими.

Поскольку в итоге комиссия так и не смогла прийти к единогласному решению при выборе нового названия для города, то она постановила выбор названия предоставить городской Думе.

По предложению губернатора 12 апреля 1915 г. состоялось заседание «особой комиссии о переименовании г. Оренбурга». Местная «Оренбургская жизнь» опубликовала его стенограмму. Голосование показало – да, переименовать; но как именно – единства по-прежнему не было. Кстати, чуть позже, в том же периодическом издании было

напечатано сообщение: «Городской управой получено письмо, в котором автор пишет, что узнав об образовании в г. Оренбурге комиссии для разработки вопроса о переименовании г. Оренбурга, предлагает переименовать город, назвав его Трезвославль, Единомысль. Советград, Воеслав, Ратислав и Щитоград».

И, наконец, в апреле 1915 г. городская Дума единогласно «определила»: «Название города не изменять...»

О данной попытке переименования города сегодня достаточно известно – но значительно менее известно, что попытки уничтожить «немецкое» название имели место и позже. Так, в апреле 1918 года в исполком обратился «гражданин» Черносивитов с предложением о переименовании Оренбурга, как немецкого названия. Его вариант был – «Орьгород».⁷⁸² Отметим, что в газетной заметке говорилось «вновь обратился» - значит, он предлагал это и раньше. Очередная попытка датируется 1924-м годом. Теперь инициатором стал некий И. Сергеев. Его вариант был – «Красноянварьск». Почему именно январь, он объяснял так: смерть Ленина была в январе, 18 января 1918 года – установлена советская власть в городе, 21 января 1919 года красные вновь вошли в Оренбург, 9 января 1905-го года началась революция.⁷⁸³

Потом пришла эпоха «советских» переименований. В советский период в нашей стране шло массовое уничтожение исторической памяти народов, происходили массовые переименования. В основе лежал исключительно идеологический подход. Почти сразу началось удаление названий, образованных от слов «царь», «император», «князь», связанных с фамилией «Романов», с другими царскими именами.

В 1926 г. городская власть Оренбурга заявила намерение переменить «названия почти всех улиц и площадей» города. Это не было чисто местным решением, в газете отмечалось, что именно в Оренбурге «эта перемена запоздала против других городов». В газетном обращении со знаковым заголовком «Берегите революционные завоевания» говорилось: «Городская масса населения только тогда вберет в себя эти завоевания революции, когда она воочию увидит их начертанными на каждом углу... Старые устои очень стойки, и, дабы их разбить, нужно им противопоставить планомерное и упорное разрушение их революционным тараном... Наши дети, впитав эти названия, что называется, с молоком матери, со временем будут относиться к старым названиям с таким же ироническим интересом, с каким мы относимся к словам «царь», «князь», «офицер» и т.п.».⁷⁸⁴ Интересно отметить, как автор обращения предлагал разрешить проблему - через «сознательный бойкот прежних названий... как в разговоре, так и в переписке», но при этом признавал - «этот результат будет через годы». Вероятно, теми же мотивами руководствовались «казаки-колхозники» станицы Царь-Никольская Тепловского района, решив в 1936-м году изменить название станицы – назвав ее именем Степана Разина.⁷⁸⁵

Названия, отражавшие дореволюционные исторические реалии как идейно вредные уничтожались, а взамен насаждались новоделы. Это были либо безликие названия типа «Советский», «Красный», «Комсомольский», «Октябрьский» и т.п., либо по именам небольшой кучки партийных функционеров. В соответствующей литературе отмечается, что, называя города своими именами, большевики были далеко не первыми: так, как пишут, при Александре Македонском восемнадцать городов назывались Александрия, при Цезаре его именем было названо 22 города. Но, во-первых, это были императоры, а во-вторых, они давали свое имя только вновь создаваемым городам. Большевики через замену уничтожали историческое прошлое. Первые же переименования произошли в трудном 1918-м: село Талдом было переименовано в Ленинск, а поселок Иващенко

⁷⁸² Известия Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1918. 13 апр. (31 мая).

⁷⁸³ Советская степь. 1924. 29 января.

⁷⁸⁴ Смычка. 1926. 4 августа.

⁷⁸⁵ Оренбургская коммуна. 1936. 27 ноября. Можно только удивляться, как **такое** старое название смогло сохраниться до таких лет.

(совр. Чапаевск Самарской обл.) – в Троцк. К 1941 году переименовано было 42 крупных города страны, причем двадцать получили имена вождей и близких к ним (Горького, Чкалова). Количество переименованных поселков и малых городов было просто огромно. Из памятника истории названия превращались в нечто временное, способное меняться снова и снова – как например, Гатчина стала сначала Троцком, а потом, после того, как Троцкий оказался «иудушкой» и «агентом гестапо» - Красногвардейском. Кое-кто из «старых большевиков» в итоге оказался «врагом народа», и потому названия опять менялись. Так, в нашем крае 1-ый Исаево-Дедовский уездный съезд Советов 15 августа 1922 г. принял решение о переименовании района в Каширинский⁷⁸⁶, в честь участников гражданской войны казаков братьев Кашириных. Это и произошло 5 декабря 1923 г. А в роковом 1937-м, когда братья пошли под карающий топор сталинского режима, райцентр получил свое современное «оригинальное» название: 25 декабря Каширинский район переименован в Октябрьский, село Каширинское – в село Октябрьское.⁷⁸⁷

Стала создаваться новая, лишенная исторического содержания, география. Сегодня кажется абсурдом существовавшая в реальности Сталинабадская область с районами: Ворошиловабадский, Кагановичабадский, Кировабадский, Куйбышевский, Микоянабадский, Молотовабадский, Октябрьский, Орджоникидзебадский, Сталинабадский. В качестве еще одного примера, можно упомянуть город Фрунзе, столицу Киргизской ССР – в киргизском языке не было звука «ф» и потому получалось, что киргизы не могли даже верно произнести название собственной столицы.

В прессе той поры постоянно звучала мысль о том, что то или иное переименование осуществлено-де по «просьбе трудящихся» - что было, конечно же, неправдой. Разрушение исторической памяти шло не бесконтрольно, а организованно и регламентировалось высшими органами советской власти – ВЦИК и ЦИК СССР. За период 1923-1936 гг. было принято 12 декретов и постановлений, определявших правила переименования. Постановление ЦИК объявляло о прекращении с 1 июня 1936 г. переименований городов, райцентров, местечек и станций. Но они все равно продолжались. Корректировка произошла значительно позже - Указ Президиума Верховного Совета СССР 11 сентября 1957 г. требовал прекратить присвоение объектам имен общественных деятелей при их жизни – позволяя делать это после смерти.

Из крупных переименований в нашей области отметим прежде всего неудавшуюся попытку 1937 года. 22 февраля президиум Орского горсовета путем опроса своих членов принял постановление №23, где говорилось, что «учитывая желание трудящихся города и новостроев увековечить память покойного Григория Константиновича Орджоникидзе, выраженное в резолюциях митингов, посвященных его смерти, переименованием города Орска в город имени Орджоникидзе и желание рабочих и ИТР Никельстроя о присвоении строящемуся в г. Орске никелевому комбинату имени Серго Орджоникидзе, президиум горсовета полностью поддерживает это ходатайство трудящихся и просит Оренбургский облисполком возбудить ходатайство перед правительством о переименовании Орска в город им. Орджоникидзе и о присвоении строящемуся никелевому комбинату имени Орджоникидзе». Под текстом постановления стояли подписи членов президиума. Однако, 2-й секретарь горкома ВКП (б) А.Е. Цвилюховский наложил резолюцию, адресованную председателю горсовета: «Г. Бондовский. Такое дело опросом не решается». Причина, разумеется, не в неверном механизме принятия решения. Руководство города, не улавливая закулисных веяний, которые, вероятно, улавливал партийный секретарь, заспешив, невольно попало в щекотливую ситуацию. В последние месяцы жизни над Орджоникидзе сгустились тучи – многие его ближайшие сотрудники были арестованы. Сам Орджоникидзе, по официальной версии, 18 февраля покончил с собой; после XX съезда стали говорить, что он был убит по приказу Сталина. Собственно, на этом все и

⁷⁸⁶ Степной путь. 1922. 29 сентября.

⁷⁸⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1938. № 7. С.48.

закончилось. Впрочем, память о Г.К. Орджоникидзе все же увековечена. 27 февраля 1937 года президиум Орского горсовета назвал его именем улицы Милютина.⁷⁸⁸

Иным путем было проведено переименование Оренбурга – с организованной и явно одобренной «сверху» инициативой. 16 декабря 1938 года газета «Оренбургская коммуна» опубликовала правительственное сообщение о гибели Героя Советского Союза В.П. Чкалова при испытании нового самолета. Спустя несколько дней курсанты и командиры Оренбургского авиационного училища предложили увековечить его имя в названии города: «Во всех подразделениях оренбургского авиационного училища имени К.Е. Ворошилова состоялись собрания и митинги курсантов, красноармейцев, командиров и политработников, посвященные светлой памяти великого летчика нашего времени. Героя Советского Союза - Валерия Павловича Чкалова. С особенной теплотой вспоминали курсанты и командиры погибшего на боевом посту богатыря-летчика, народного героя, воспитанника оренбургского училища... Выступавшие товарищи предложили ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР об увековечении памяти В.П. Чкалова, переименовав город Оренбург в город Чкалов».⁷⁸⁹ Уже на следующий день в редакцию поступили резолюции митингов и собраний трудящихся более тридцати предприятий, учреждений и учебных заведений города, поддержавших это предложение. На самом деле В. Чкалов в Оренбургском летном никогда не учился – он осваивал курс боевого применения авиации в Серпуховской высшей школе воздушного боя в 1923-1924 гг. В конце 1927 года эта школа была перебазирована в Оренбург. Осенью 1928 года из Ленинграда сюда была переведена и Высшая военная школа летчиков-наблюдателей – вот эта объединенная школа и стала называться Третьей военной школой летчиков и летчиков-наблюдателей имени К.Е. Ворошилова. 17 декабря областная газета пояснила просто: Чкалов учился в авиашколе имени Ворошилова в 1924 г., «когда авиашкола находилась в г. Серпухове».⁷⁹⁰ Впрочем, основу этой легенде заложил, как ни странно, сам Чкалов – точнее, не он сам, а, правильнее сказать, таковую заложили от его имени. В той же «Коммуне», 4 августа 1937 г. было помещено письмо Чкалова к курсантам, командирам и политработникам оренбургской школы летчиков – «школы, питомцем которой являюсь и я».⁷⁹¹ Что письмо было сочинено не самим известным летчиком, а в отделе пропаганды, ясно из его содержания, призывавшего становиться «сталинскими соколами». Выскажем предположение – и только его, поскольку не располагаем ни малейшими доказательствами: письмо, судя по тексту, написано всего через три дня после завершения знаменитого перелета в США, однако там нет ничего такого, чтобы хоть как-то объясняло потребность летчика вот так срочно обратиться к курсантам, и именно в Оренбурге. Может быть, уже тогда готовилось присвоение имени выдающегося «сокола» какому-нибудь городу – а, учитывая биографию Валерия Павловича, подходил только Оренбург, но подходил он условно. Вот эту-то условность в виде переноса училища в итоге и ликвидировали, однозначно утвердив Чкалова, как соученика оренбуржцев. Может быть, переименование готовилось при живом человеке, а его внезапная гибель только упростила ситуацию. В отличие от «орского» случая, в данном никаких проволочек не наблюдалось – напротив, удивительна скорость согласования вопроса во всех нужных инстанциях. Практически сразу же (25 декабря) было принято постановление президиума Оренбургского облисполкома и бюро обкома ВКП (б) «О ходатайстве перед Президиумом Верховного Совета СССР о переименовании г. Оренбурга в г. Чкалов и Оренбургской области в Чкаловскую».⁷⁹² Указ о переименовании города и области был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. Калининым **на следующий**

⁷⁸⁸ Орская хроника. 2003. 2 сентября.

⁷⁸⁹ Оренбургская коммуна. 1938. 16 декабря.

⁷⁹⁰ Оренбургская коммуна. 1938. 17 декабря.

⁷⁹¹ Оренбургская коммуна. 1937. 4 августа.

⁷⁹² Оренбургская коммуна. 1938. 26 декабря.

день - 26 декабря 1938 года.⁷⁹³ В резолюции общегородского митинга трудящихся г. Чкалова, посвященного увековечению памяти знаменитого летчика, говорилось: «Мы, трудящиеся города Чкалова, ... обещаем по-чкаловски оправдать славное имя стахановским трудом и выполнением всех заданий партии и правительства». Интересно, что название района, райцентром которого был Оренбург и стал Чкалов, продержалось чуть дольше: президиум облисполкома своим решением от 5 января 1939 г. переименовал Оренбургский сельский район в Чкаловский.⁷⁹⁴ И, кстати, это было не единственное переименование в честь выдающегося летчика: 31 декабря 1938 г. президиум уже Чкаловского облисполкома удовлетворил ходатайство рабочих и служащих Заглядинского зерносовхоза о переименовании его в совхоз имени В.П. Чкалова.⁷⁹⁵

И, наверное, последнее по времени крупное переименование города в пределах нашей области (если, конечно, не считать обратного переименования Чкалова в Оренбург – но об этом дальше) приходится на май 1945 года. Тогда рабочий поселок Илецкая Защита был преобразован в город районного подчинения, с новым названием - Соль-Илецк.⁷⁹⁶

На заключительном этапе сталинского режима топонимика как страны, так и нашей области практически не менялась. Послевоенные перемены затронули прежде всего страны «народной демократии», где прокатился вал переименований по советской схеме. Тогда и там утверждалось, как казалось, едва ли не навечно, имя Сталина - например, древний город Варна в Болгарии стал городом Сталиным.

Но пришел XX съезд КПСС, «разоблачивший» «культ личности». Имена Сталина и его ближайших соратников, признанных партийной пропагандой соучастниками преступлений, стали исчезать с карт. В общесоюзном масштабе это было появление Волгограда, а, скажем, в местных, региональных масштабах – прежде всего переименование колхозов. Существовавшие впоследствии колхозы «имени XX партсъезда», «имени XXII партсъезда» раньше, как правило, носили имя кого-нибудь из сталинского окружения. В качестве примера: в октябре 1957 г. решением исполкома Чкаловского облсовета по Сорочинскому району переименованы: колхоз имени Маленкова – в колхоз «Прогресс», колхоз имени Буденного – в колхоз «Заря», колхоз имени Ворошилова – в колхоз «Светлый путь», колхоз имени Андреева – в колхоз имени Фурманова.⁷⁹⁷ И еще один: в 1950 году в результате реорганизации и переименований образовался колхоз имени Молотова, вобрав в себя колхозы имени Молотова и имени Чкалова Новосултангуловского сельсовета, сельхозартель «Ирек» Курбанаевского сельсовета и часть артели «1 Мая» Асекеевского сельсовета. В 1957 году колхоз имени Молотова был переименован в колхоз «Победа».⁷⁹⁸

Осенью 1961 года по стране началось искоренение имени Сталина из названий населенных пунктов: 11 сентября на основании решения облисполкома Сталинский поссовет Новоорского района был переименован в Привольный сельский совет.⁷⁹⁹ 15 ноября на основании решения Илекского райисполкома и приказом по совхозу №137 мясосовхоз имени Сталина переименован в зерносовхоз «Привольный».⁸⁰⁰ 16 ноября облисполком обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой о переименовании с. Ворошилово Северного района в с. Октябрьское, поселков отделений №№ 1, 3, 4 совхоза им. Сталина Илекского района в села Луговое, Песчаное, Степное и поселка Сталинского Шарлыкского района в поселок Озерный.⁸⁰¹ Колхоз имени Сталина

⁷⁹³ Оренбургская коммуна. 1938. 27 декабря.

⁷⁹⁴ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 1. Л. 101.

⁷⁹⁵ Социалистический маяк. 1939. 10 января.

⁷⁹⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1945. № 33 (360).

⁷⁹⁷ Колхозный труд. 1957. 25 октября.

⁷⁹⁸ На земле Асекеевской. 75-летию района посвящается. Бугуруслан, 2004. С. 129.

⁷⁹⁹ ГАОО. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 11.

⁸⁰⁰ Моя добрая милая родина: из истории Илекского района. ГУП «РИД «Урал»», 2006. С. 230.

⁸⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 868. Л. 45, 328-329.

Сорочинского района переименован в сельхозартель «Маяк».⁸⁰² И это далеко не единственные примеры... На наш взгляд, самым впечатляющим решением местных властей следует считать решение Медногорского исполкома №289 от 13 ноября 1961 г., по которому скульптура И. Сталина была просто заменена на скульптуру С. Орджоникидзе.

Процесс затронул и названия улиц. Так, в Оренбурге, улица Сталина стала Амбулаторной, улица Молотова – Астраханской, Ворошилова – Партизанской. Существовавший в 1952-1961 гг. проспект Сталина сегодня известен любому оренбуржцу как Парковый проспект.

Сложнее было с теми названиями сталинской поры, прототипы которых оставались в числе героев советской эпохи. К таковым относился и Чкалов, почему все инициативы на возвращение городу прежнего имени, наталкивались на стену. Вернуть историческое имя удалось в декабре 1957 года. Тогда был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании Чкаловской области в Оренбургскую область и г.Чкалов в г.Оренбург»: «Учитывая пожелания и просьбы трудящихся, в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям», переименовать Чкаловскую область в Оренбургскую и г. Чкалов в г. Оренбург». Апокриф связывает переименование с повышенной активностью тогдашнего первого секретаря обкома партии Корчагина, настойчиво ратовавшего за возвращение. Легенда утверждает, что ему удалось пробить нужное решение в одном пакете с решением о переименовании Мордово-Боклинского района якобы по причине неблагозвучности перевода названия последнего. Легенда на то и легенда, что проверке не подвергается; во всяком случае, просто укажем, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.1.1957 г. был упразднён Секретарский район и его территория была присоединена к Сок-Кармалинскому району, в свою очередь переименованному в Северный. Районный центр Северного района с. Сок-Кармала стал селом Северным. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.3.1958 г. Мордово-Боклинский район был переименован в Аксаковский, а его центр с. Мордовская Бокла - в с. Советское.⁸⁰³

Однако, волна послесталинских переименований и возвращений названий оказалась не последней. Последним громким начинанием следует считать попытку переименования города Новотроицка. «Городу Новотроицку – другое имя» - под таким заголовком 20 декабря 1964 г. в «Комсомольском племени» было опубликовано письмо группы читателей. Чем уж не угодил им город, созданный в апреле недавнего 1945 года, объяснить сложно – возможно, все было не так уж и просто, поскольку в качестве нового варианта предлагался «Стальск» или «Сталегорск». Параллели со Сталиным были очень ощутимые. Письмо вызвало дискуссию на страницах газеты. Причем ряд корреспондентов высказывался за «Сталегорск». Но были и иные варианты. Так, студентка Оренбургского педагогического института Т. Круглянцо, возражала против «Сталегорска», потому что это имя, по ее мнению, похоже на Медногорск, Магнитогорск, Усто–Каменогорск. «Стальск» ей тоже не по душе, потому, что звучит мягко для такого крупного промышленного центра Оренбуржья: «Мое предложение – дать городу молодому, растущему, сильному, гордое имя Стальгород». Участник гражданской войны, член КПСС с 1919 года, А.Супрун, проживавший в Новотроицке, писал: «Я за то, чтобы изменить название города, но только не на «Стальск» или «Стальгорск». Металл – есть металл. Но главное – человек. Город вырос благодаря завоеваниям Октября, и, я считаю, что мы не имеем права забывать о тех, кто отдал жизнь ради этого. Поэтому я предлагаю назвать город в память красной разведчицы – Карецкогорск [Марии Карецкой] или Каширинск – память революционеров братьев Кашириных». Электросварщик листопрокатного цеха

⁸⁰² Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 772. Л. 182.

⁸⁰³ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 434. Л. 239.

ОХМК В. Краснов предлагал «Стальбург», охранник Новотроицкого ГПТУ–27 П.Васильченко «Стальград», работница зерносовхоза «Маяк» Соль–Илецкого района Г.Матвеева - Дивносталыск или Мартеногорск, орчанин В.Сучков предлагал присвоить Новотроицку имя старейшего геолога Оренбуржья Рудницкого - Рудницк, а студент Новотроицкого строительного техникума А.Сафонов придумал Комсомольск–на–Урале. По свидетельству газеты, в редакционной почте было только одно письмо, в котором автор - мастер локомотивного депо станции Орск В. Пегов – был против переименования: «В подтверждение своей правоты авторы статьи, которая была опубликована в газете, выдвигают неубедительные аргументы. Они говорят, что слово «Новотроицк» называет нежелательные религиозные ассоциации. Следуя этому принципу, нужно тут же переименовать и Архангельск и Николаев (не Николай ли угодник?). А сколько в стране мест, в названии которых присутствует религиозный оттенок?»

Обсуждение в прессе продолжалось и позднее. Поступили десятки писем с предложениями. Меньшинство было за то, чтоб не трогать название. «К имени Новотроицк все привыкли, поэтому переименовать город считаю нецелесообразным. Другое дело, когда Акмолинск изменили на Целиноград. Слово «Акмолинск» означат «город голодных степей». Конечно, таких городов не должно быть», – так написал в редакцию студент СХИ Н. Хаеров. Такого же мнения были З. Уткина из Саракташа, инженер ЖКО ОХМК А.Бугаков, один из первых строителей города И.Д.Акулов, слесарь АТК–11 М.Гурьев, А.Хрякин из Гая, инженер И.Шелкоплясов, А.Федченко из Новосергиевского района, В. Моргунов из Новотроицка.

Прочие предлагали варианты. Так, мастер ГПТУ-27 М.Алифанов и инструктор Новотроицкого ГК КПСС В.Филатов считали целесообразным вместо названия города изменить название комбината – на Новотроицкий металлургический комбинат. Конструктор ЮУМЗ Н.Рафиков приводил иной довод: название менять нет смысла, поскольку в скором времени город сольется с Орском и примет его название.

Больше всего писем пришло с предложением назвать город – Рудницк. Краевед Б.Коростин из Оренбурга даже предложил присвоить Новотроицку новое название 14 апреля 1965 года, когда городу исполнится 20 лет. Секретарь комсомольской организации ОТК ОХМК Н.Фролов, фрезеровщица Н. Иноземцева, пенсионер А.С. Дьяченко предложили назвать город – Подозоровск в честь героя–матроса Филиппа Подзорова, рабочие доменного цеха ОХМК – Соловьев, Крутилин и другие, пенсионер Загорянский, электрик Петручун, пультовщица Г.Дерябина считали наиболее удачным – «Южноуральск». Машинист В. Лашков голосовал за «Город юности» или «Огненные зори», электрослесарь ТЭЦ Ю. Галеев придумал на выбор тоже сразу несколько названий: «Добрый», «Радостный», «Степной». Среди прочих предложений: «Чапаев», «Цветущий», «Миргород», «Приветинск», «Юнгород», «Уралгород», «Зарница», «Цветиград», «Металлург».⁸⁰⁴ К счастью, обсуждение ограничилось страницами молодежной областной газеты.

Менялись в советские годы и названия районов области (тем более, что создана она была, напомним, в 1934-м). В поисках оптимального варианта районирования и создания условий для экономического развития границы районов изменялись. Упразднился район – исчезало его название. О судьбе Секретарского района и последующем переименовании райцентра в 1958 г. говорилось выше. А 3 апреля 1959 года Президиум Верховного Совета РСФСР упразднил ряд районов: Аксаковский, Андреевский, Буранный, Гавриловский, Державинский, Екатериновский, Ивановский, Красно-Партизанский, Ново-Покровский, Павловский, Покровский, Свердловский, их территории переданы соответственно в состав Бугурусланского, Курманаевского, Соль-Илецкого, Саракташского, Бузулукского, Сакмарского, Люксембургского, Асекеевского, Халиловского, Переволоцкого, Новосергиевского, Тоцкого районов.⁸⁰⁵ Затем в июле 1959-го был упразднен

⁸⁰⁴ Комсомольское племя. 1965. 1 мая.

⁸⁰⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 469. Л. 65.

Зиянчуринский район, его территория вошла в Буртинский и Кувандыкский районы. Спустя некоторое время наступил период деления территорий: в феврале 1963 г. Белозерский район по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР был разделен на Октябрьский и Шарлыкский районы, Мустаевский - на Илекский и Новосергиевский районы. В январе 1965 г. был образован Беляевский район, куда вошел Буртинский район. Впрочем, происходили переименования без территориальных изменений: Халиловский район в ноябре 1960 г. был переименован в Гайский в связи с переносом райцентра в Гай; в феврале 1963 г. Чкаловский район стал Оренбургским по причине переименования районного центра, в декабре 1966 г. Люксембургский район переименован в Красногвардейский.

Еще одним своеобразным показателем эпохи стали названия колхозов – типичных порождений нового времени. Мы располагаем списком колхозов области на 1939 год – список многозначителен и поучителен. Безусловно преобладало название «имени Сталина» - 37 (!) колхозов, к коим можно приплюсовать еще четыре «Путь Сталина». Такие были почти в каждом районе; при этом пальму первенства держал Сорочинский район, где «колхозов Сталина» было аж пять. Имени «Ленина», «Ульянова», «Ильича» даже суммарно все равно было меньше. Затем по убывающей шли: имени Буденного, Ворошилова, Кирова, Калинина, Молотова. Достаточно много было имени Чапаева. Имена местных деятелей революции почти не было: по одному Цвиллинга и Персианова. Показательно, что оба погибли в годы гражданской; прочие же «творцы» оренбургской революции были практически все к рассматриваемому времени репрессированы. Зато была масса «красных» колхозов - т.е. когда в названии первое слово было «красный». Тут и: восток, партизан, луч, боец, животновод, пахарь, шахтер, остров, путиловец, Салмыш, фронт, юг, нива, поляна, долина, ударник, волна, Байкал, казак, Украина, отрог, доброволец, муравей, кавалерия, авангард, пламя, колос, летчик, меринос, трудовик, комбайн... Сюда же можно прибавить «восточный» вариант «Кзыл-»: Флаг, Юлдуз, Жулдуз, Чулпан, Маяк, Тугай, Октябрь... Наблюдался ряд «путей»: «Путь правды», «Путь к коммунизму», «Путь к социализму», «Путь Ильича». Интересно отметить и названные по датам: годовщинам революции - «13-й год Октября», «14-й год Октября», «15-й год Октября», «16-й год Октября», и просто по датам революционного календаря: 8 марта, 9 января, 12-е декабря, 5-е декабря, 1-е мая, 1-е августа, 1-е октября.

Назовем еще несколько наиболее выразительных названий: «Поднятая целина» (Андреевский район), «Быстрый пахарь» (Александровский), «Культурный пахарь» (Бугурусланский), «3-я большевистская весна» (Бугурусланский), «Волна революции» (Бузулукский и Ивановский), «Земля навечно» (Домбаровский), «Уголок Ленина» (Екатериновский), «имени Шефа» (Курманаевский), «Владимирская искра» (Ново-Покровский), «Всемирное пламя» (Ново-Покровский), «Красный мордовец» (Ново-Покровский), «Ленинские дни» (Октябрьский), «Труд-Культура» (Павловский), «20-й Мюд» (Покровский), «Броненосец «Потемкин»» (Пономаревский), «Крестьянин-трудолик» (Тепловский), «Луч свободного труда» (Тепловский), «имени 3-го райсъезда Советов» (Шарлыкский).

Так уж получилось, что нам в руки попал список 1939-го года; а вообще названия менялись и до, и после 1939-го; причем мотивы изменений были самые разные. Так, например, члены колхоза «17-го партсъезда» (Троицкий сельсовет Бугурусланского района) на общем собрании 13 февраля 1934 года переименовали его в честь героического болгарского коммуниста, чье имя не сходило со страниц газет из-за знаменитого Лейпцигского процесса - в колхоз имени Димитрова.⁸⁰⁶ И наоборот: в 1935 году существовал колхоз им. Тухачевского Бугурусланского района⁸⁰⁷, разумеется, не переживший 1937-го года – процесса над маршалом Тухачевским и другими генералами. В 1930-х годах в Кувандыкском районе Верхне-Бескужинский колхоз получил имя А.М.

⁸⁰⁶ Родные просторы. 1999. 26 января.

⁸⁰⁷ Оренбургская коммуна. 1935. 9 февраля.

Дударева, погибшего в гражданскую войну командира Кувандыкского красногвардейского отряда. Бывший красногвардеец А. Марковский, претендующий сам на славу командира этого отряда, обвинил детей и близких Дударева, занимавших серьезные посты в районе, в том, что они-де «пользуясь отсутствием старых руководителей революционного движения по Кувандыку 1918-1919 гг.» и, злоупотребив служебным положением, добились присвоения колхозу этого имени. Обратим внимание на время, когда это происходило. Организованного письма от «старых революционеров» хватило, чтобы в 40-х гг. колхоз переименовали на имени Чкалова.⁸⁰⁸ А вот история посложнее: в феврале 1928 г. в селе Новоякупово Абдулинского района был образован колхоз «Кызыл почмак» (Красный уголок). Над ним взяла шефство Абдулинская МТС им. ОГПУ, поэтому некоторое время он назывался колхоз им. ОГПУ, а в дальнейшем был переименован в колхоз имени В.И. Ленина.⁸⁰⁹ У некоторых колхозов цепочка имен была еще более длинной – например, в Илецком районе на территории Озерского сельсовета был в 1929 г. создан колхоз «Единоличник», в январе 1930 г. он был переименован в колхоз «Мясомолочный», в 1935 г. стал им. Кирова, с 1948 г. - «Большевик», а с 1950 г. переименован в колхоз «Борьба за мир».⁸¹⁰

Вообще проследить историю названий конкретных колхозов в нашей области очень сложно: они переименовывались, укрупнялись и разукрупнялись, при этом название одного могло стать названием нового, объединенного колхоза: например, в январе 1957 г. колхоз «Заря» и колхоз имени Чкалова Сорочинского района объединились в один колхоз «Заря»⁸¹¹; в 1959-м колхозы: им. Степана Разина, «Красный Партизан» и «Советская Россия» были объединены в колхоз «Советская Россия», а с 1963 года он стал колхозом «Правда»⁸¹²; в 1960 г. колхозники двух соседних артелей Чкаловского района – им. Куйбышева и им. Чапаева - объединились в один колхоз – имени Куйбышева.⁸¹³

В 1950-х годах наблюдалась тенденция укрупнения коллективных хозяйств: из нескольких - одно новое. Например, в Новоорском районе в июле 1950 г. колхозы «Путь к коммунизму», «Красный Восток» и колхоз им. Молотова объединились в один им. Молотова; колхозы «Ора» и им. Жданова в колхоз им. Чкалова, колхозы им. Ворошилова, «Путь к социализму», «Победа», 18-го партсъезда – в колхоз им. Ворошилова.⁸¹⁴ А в октябре 1950 г. в том же районе колхозы «Красная Пресня», им. Кирова, им. Куйбышева, колхоз «Ударник» были реорганизованы в колхоз им. Ленина.⁸¹⁵ Процесс ускорился с 1959 г., после указания XXI съезда КПСС об укрупнении общественных хозяйств колхозов. Явление стало повсеместным; отследить все перемены, повторимся, крайне сложно. В качестве иллюстрации – несколько данных только по одному Сорочинскому району. Артель имени Кирова объединилась с колхозом «14-я годовщина Октября» в колхоз имени Кирова. Члены колхоза «Заря» приняли в свою семью колхозников сельхозартели «Расцвет». Колхозники колхоза «Победитель» объединились с членами сельхозартели «Светлый путь».⁸¹⁶ Колхоз «Ленинец» Спасского сельсовета присоединен к совхозу имени Войкова.⁸¹⁷ В 1960-м произошло объединение колхоза «Путь к коммунизму» и колхоза «Красный Артиллерист». Образован колхоз «Путь к коммунизму».⁸¹⁸ А уже в 1961 г. произошло разукрупнение колхоза «Путь к коммунизму»

⁸⁰⁸ Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 1025. Л. 247-248.

⁸⁰⁹ Абдулинская летопись. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. С.63.

⁸¹⁰ Моя добрая милая родина. С.87, 205.

⁸¹¹ Колхозный труд. 1958. 5 января.

⁸¹² Архивный отдел администрации Грачевского района. Ф. 21. Оп. 1. Историческая справка.

⁸¹³ Южный Урал. 1960. 13 марта.

⁸¹⁴ Новоорский районный архив: Ф. Р-37. Оп.1. Д.1. Ф.75. Д.51. Л.24,31.

⁸¹⁵ Филиал ГУ ГАОО г. Орска. Ф.Р-222. Оп.1. Д.78.

⁸¹⁶ Колхозный труд. 1959. 15 февраля.

⁸¹⁷ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 766. Л. 83-84.

⁸¹⁸ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 767. Л. 95-96.

- из него выделена 3-я бригада (село Николаевка).⁸¹⁹ Вскоре в селе Николаевка был образован колхоз имени XXII-го партсъезда.⁸²⁰ В 1963 году колхоз «Путь к коммунизму» переименован в колхоз «Восток».⁸²¹

В период освоения целины ставка делалась прежде всего на совхозы, почему кроме объединения стала меняться и организационная форма: на базе колхозов «Красная кавалерия», «Заветы Ленина», «Авангард», «14 лет Октября» создан совхоз «Еленовский» Ясенского района⁸²²; решением областного Совета депутатов трудящихся на землях колхозов «Красный Октябрь», «Энбекши», «им. Сталина» и производственной базе Ащebutакской МТС организован совхоз «Солнечный».⁸²³

Почему меняли названия колхозов (и совхозов)? Почему вообще меняли – объясняется просто: в основе всегда лежала политика, случайностей здесь никак не было и не могло быть. Другое дело, почему заменяли то или иное конкретное название на вполне конкретное другое. В этом случае ответ иногда лежит как бы на поверхности, а иногда найти разумное объяснение сложно. Так, мы не беремся объяснить, почему в 1963 году в Сорочинском районе понадобилось переименовывать колхоз имени Калинина в колхоз имени Крупской.⁸²⁴ Или: зачем в декабре 1976 года совхоз ордена Трудового Красного Знамени «Соль-Илецкий» Оренбургского района стал называться совхоз ордена Трудового Красного Знамени «Коммунист».⁸²⁵ Впрочем, в последнем случае, можно высказать версию, что новый вариант звучал более достойно для совхоза-орденоносца.

Но в отношении многих иных случаев ответ, что называется, лежит на поверхности. Сюда же можно отнести уничтожение имени Сталина в 1961 г. Особо следует отметить политическое чутье руководителей Сорочинского района, которые при объединении сельхозартели имени Фурманова и имени Красной Армии Баклановского сельсовета в один крупный колхоз, присвоили ему имя Н.С.Хрущева.⁸²⁶ На тот момент Хрущев возглавлял партию только три месяца. Не случайно и решение облисполкома о переименовании колхоза «Рассвет» Акбулакского района в колхоз им. К.Е. Ворошилова в апреле 1970 г.⁸²⁷ Возвращение Ворошилова в круг тех, чье имя можно было присваивать, было знаковым моментом – во время борьбы с «антипартийной группой» Молотова и Кагановича он также был наказан лишением имени в различных географических названиях. Теперь же своеобразное «возвращение» можно было расценивать как признак «тихой» реабилитации.⁸²⁸

Кроме того, убирались названия, потерявшие свою актуальность – как например, в августе 1961 г. был переименован совхоз «Пролеткульт» Бугурусланского района. Новый вариант – совхоз им Фурманова.⁸²⁹ Конечно, Пролеткульта не существовало уже несколько десятилетий, и само название могло только вызывать недоуменные вопросы.

Нарастающая из десятилетия в десятилетие героизация Великой Отечественной войны не могла пройти мимо топонимики. В 1963-м «с целью увековечивания памяти Александра Матросова» его именем назвали совхоз «Платовский» Новосергиевского района.⁸³⁰ В 1976 году совхоз «Гумбетовский» Октябрьского района получил новое название «в целях увековечения памяти земляка, жителя села Нижний Гумбет Героя

⁸¹⁹ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 772. Л. 128-129.

⁸²⁰ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 772. Л. 132.

⁸²¹ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 776. Л. 120-121.

⁸²² Архивный отдел администрации Ясенского района. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

⁸²³ Домбаровский муниципальный архив. Ф.13. Историческая справка.

⁸²⁴ Муниципальный архив Сорочинского района. Ф. 1. Д. 776. Л. 126.

⁸²⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1734. Л. 137.

⁸²⁶ Колхозный труд. 1953. 19 июня.

⁸²⁷ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1433. Л. 365..

⁸²⁸ И еще пример: в декабре 1973 г. в Бузулуке улица Крестьянская была переименована в улицу К.Е. Ворошилова

⁸²⁹ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 909. Л. 47, 369-373.

⁸³⁰ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1059. Л. 24, 166-168.

Советского Союза С.А. Попова».⁸³¹ В 1977 г. по тем же мотивам было принято решение о переименовании колхоза «Мирный труд» Шарлыкского района в колхоз имени А.И. Родимцева.⁸³²

И, наконец, происходили переименования по очевидной необходимости – из-за неудачно звучащего «старого» названия. Мы отмечаем таковые с хрущевской «оттепели», когда, вероятно, стало возможным поднимать подобные вопросы. Так, в январе 1958 г. Президиум Верховного совета РСФСР переименовал населенные пункты Александровского района: пос. Плешаново в пос. Малые Горки, хутор 2-й Холодковский в пос. Зеленая Роща, хутор 4-й Холодковский в пос. Подгорный, хутор 5-й Холодковский в пос. Крымский, хутор 6-й Холодковский в пос. Заречный, хутор 7-й Холодковский в пос. Буранный.⁸³³ В 1961 году переименованы населенные пункты Соль-Илецкого района: с. Дурнеевка в с. Дружба, с. Мертвецовка в с. Трудовое, с. Мертвые Соли в с. Боевая Гора⁸³⁴; Троицкого района: хутора Новая Америка в с. Рудное, хутора Старая Америка в с. Междуречье⁸³⁵; села Грязный Иртек Ташлинского района в село Заречное.⁸³⁶ В сентябре 1963 г. облисполком принял решение о переименовании сел Орского района: Верхне-Киембай в село Рассвет, Керуембай в село Восток.⁸³⁷

Возникали коллизии и иного рода. Так, в связи с тем, что при укрупнении районов в Бугурусланском районе стало два села с одним наименованием Красногорское, являющихся центрами одноименных сельсоветов, было решено в октябре 1963 г. село Красногорское Красногорского второго сельсовета переименовать в село Каменогорское.⁸³⁸ Иной вариант: возникновение новых населенных пунктов, например, на целине. Ряд поселков в Адамовском районе поучили названия: поселок центральной усадьбы совхоза «Адамовский» стал поселком Целинным; поселок центральной усадьбы совхоза «Буруктальский» - Гостеприимным; поселок центральной усадьбы совхоза «Восточный» - Восточным; поселок центральной усадьбы совхоза «Комсомольский» - Комсомольским; поселок центральной усадьбы совхоза «Озерный» - Озерным; поселок центральной усадьбы совхоза им. XIX партсъезда - поселком Степным; поселок центральной усадьбы совхоза «Тобольский» - Тобольским; поселок центральной усадьбы совхоза «Шильдинский» - Совхозным. В Асекеевском районе поселок центральной усадьбы совхоза им. Чкалова стал поселком Чкаловским; поселок центральной усадьбы совхоза «Красная Горка» - Красногорским.⁸³⁹ Или в 1970 году, когда разъезд №20 и Обгонный пункт №202 Оренбургского отделения Южно-Уральской железной дороги были переведены в разряд грузовых станций, то потребовалось их назвать – почему облисполком принял решение ходатайствовать перед Министерством путей сообщения СССР о присвоении в первом случае названия «железнодорожная станция Стремительная», во втором - «железнодорожная станция Беловка».⁸⁴⁰

Как нам кажется, повествование будет неполным без специального рассказа о переименованиях в городах, и прежде всего, в главном городе области - Оренбурге. Напомним, что еще в середине XIX века почтовые адреса писались специфически - вспомните, как надписал свое письмо Хлестаков в «Ревизоре»: «Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо». И это в столице; что уж говорить о провинциальных городах. В Оренбурге вплоть до начала XX

⁸³¹ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1715. Л. 286.

⁸³² ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1769. Л. 174.

⁸³³ Южный Урал. 22. 01. 1958.

⁸³⁴ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 897. Л. 38, 419-452.

⁸³⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 897. Л. 38, 453-464.

⁸³⁶ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 861. Л. 44-45, 305-310.

⁸³⁷ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1054. Л. 37-38, 279-288.

⁸³⁸ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1055. Л. 69, 442-443.

⁸³⁹ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 901. Л. 75-76, 568-574.

⁸⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1853. Л. 155.

века лучшим ориентиром было не указание улицы и номера дома, а указание его владельца – в доме такого-то, и всем становилось ясно. Названия если и рождались, то на местном, бытовом уровне. Как утверждается, впервые вывески с названиями улиц в Оренбурге появились в апреле 1858 г.⁸⁴¹ В систему они были приведены по требованию Городового положения 1870 г. О переименовании улиц в Оренбурге заговорили на заседании городской Думы 19 октября 1878 г. Тогда же было решено «поручить управе пересмотреть список улиц и переулков, название неупотребительные заменить на более известные и улицам одноименным дать названия новые. Списки улиц и нумерацию домов занести в особую книгу, к которой приложить план города». 8 марта 1879 г. увидело свет окончательное распоряжение о переименовании улиц по представленному городской управой проекту. Средства на доску было решено расходовать «по мере надобности» из «экстраординарных сумм». Тогда же было постановлено «опубликовать новые названия» и несколько экземпляров раздать полицейским, а также «просить полковника Кричинского лично обязать извозчиков непременно твердо знать наименование улиц и переулков, чтобы взявший извозчика седок не был без толку возим по городу, если он сам хорошо не знает расположения городских улиц».⁸⁴² Особых изысков в названиях не наблюдалось; центральная улица Оренбурга носила «редкое» название «Губернская».

Но при этом наименований улиц, и тем более, переименований, по политическим мотивам практически не было. Да, одной из улиц было присвоено имя губернатора А.П. Безака, но не как губернатору – многие иные такой чести не удостоивались - а как почетному гражданину Оренбурга. В центральной части города, условно определяемой пределами ранее существовавшей крепости, была 41 улица, шесть из них были названы по названиям храмов и мечетей, 6 по видам торговли.

Перемены начались при Советской власти. Наверное, самым первым переименованием было уничтожение исторического названия казачьей станицы «Форшгадт». После приснопамятного набега казаков на Оренбург в апреле 1918 года, и ответного разгрома Форшгадтской станицы, красные переименовали станицу в достаточно странно звучащий «Оренпосад». Конечно, досталось и его улицам. Академик Б. Пиотровский в своих воспоминаниях писал, что в 1917 г. он жил на центральной улице города Оренбурга - Атаманской⁸⁴³, ставшей потом улицей Парижских Коммунаров. Видимо, подвела память – жила их семья действительно на главной улице – но Николаевской, а Атаманская – это главная улица как раз Форшгадтской станицы.⁸⁴⁴ Атаманской пробыла она при большевиках очень недолго, в 1919 г. в посаде было принято решение о переименовании четырех улиц и площади – «не желая далее продолжать название улиц в посаде в честь бывших дома Романовых а также фамильных генерал-губернаторов, как Могутова и Подурова» возбудить перед губернским отделом управления вопрос о переименовании Атаманской в Советскую, Могутовской в Ленинскую, Подуровской в Карла Маркса, Наследницкой в Красноармейскую, Форшгадтскую площадь в Красную площадь.

Первые переименования улиц в Оренбурге пришлось также на 1919 год – и, на наш взгляд, здесь инициатива была местной. Появилась ул. Потехина, погибшего в 1918 г. во время набега белоказаков на Оренбург. В память погибшего большевика Володарского была переименована Северовосточная улица. Два названия были заменены по понятным мотивам: улица, названная в честь губернатора П. Эссена стала улицей Стеньки Разина, ул. Шоттовская – Крестьянской (Шотты – местные помещики, в начале XX в. один из фамилии был членом Государственного Совета). Еще одно название 1919-го - переулок Матросский, о котором была создана легенда, не подтверждаемая ни одним документом,

⁸⁴¹ Оренбуржье. 1998. 15 апреля.

⁸⁴² ГАОО. Ф.10. Оп. 2. Д.41.

⁸⁴³ Пиотровский Б.М. Страницы моей жизни. Спб.: Наука, 1995. С. 20.

⁸⁴⁴ Вероятно, стоит указать, что казачья станица к этому времени практически срослась с городом. В путеводителе 1908 г. упоминалось, что разделяет их площадь «Безнавания».

только заявлением мемуаристов 1957 года: «Белые ворвались в дом Панкратова, где был расположен отряд матросов, и стали их сбрасывать с 4-го и 5-го этажей. Впоследствии переулок, где погибли матросы, был переименован в Матросский».⁸⁴⁵ В ноябре 1919 года решением губисполкома Бердинскую улицу переименовали в Пролетарскую.⁸⁴⁶ И, конечно же, не стало Николаевской, обретшей «редкое» название «Советская». Новое внедрялось самым активным способом, в том числе и через названия. В 1924 году, в выходящем в г. Оренбурге журнале «Искусство и жизнь» был помещен стихотворный фельетон: «Раз прохожего старуха / Повстречала на пути / - Объясни, - туга на ухо, / Где бы почту мне найти? / Отошел манером рака / И ответил: «вот смотри – / По Советской до Рабфака, / От Рабфака до Рабкри. / От Рабкри дойдешь до Кино, / Там Профобр и Пищевик, / После Тино будет Пино, / Дальше Коц, Епо и Гик. / От Комхоза до Сельхоза, / Губсоюза, Промбюро, / Чрез Губздрав до Совнархоза / От Нарпита до Губфо. / Там любой тебе расскажет – / Полчаса ходьбы отсель - / Попроси, тебе покажет / Где Нарсвязь или Почтель?» / На прохожего старуха / Смотрит словно на чуму. / Что-то слышится для уха / Непостижное уму. / И подумала смиренно: / - Нет, мне с ним не сговорить. / Это немец, иль блаженный, / Надо русского спросить».⁸⁴⁷ Сатира направлена на злоупотребление сокращениями названий советских учреждений, но обращает на себя внимание то, что рассказчик ориентируется не по улицам, а по зданиям учреждений. И в самом деле – старое держалось крепко, особенно в памяти оренбуржцев. Потому-то с ним и нужно было бороться. Тему переименований поднимали неоднократно: так, в марте 1923 г. в местной газете «Боец» было помещено письмо некоего Н., выразившего неудовольствие, что до сих пор в городе существуют как названия «бывшая духовная семинария», «Александровский госпиталь», «Константиновские казармы» - пора забыть уже и Константина, и семинарию поповскую и Николая»; «не роднее было бы если бы эти казармы носили имена вождей Красной Армии?» - спрашивал он.⁸⁴⁸

Серьезный удар по топонимике Оренбурга был нанесен в 1926 году. В пользу того, что мероприятие было подготовленным, а не стихийным, говорят факты: переименованию подверглись прежде всего центральные улицы с историческими названиями.⁸⁴⁹ Новые варианты были совершенно типовыми – на деле подобные же обрели многие и многие города по стране: имени Ленина, Маркса, Энгельса, Люксембург, Бебеля, Лассаля, Плеханова, КИМа (Коммунистического интернационала молодежи), красного казачества, 1 мая, 8 марта, 9 января, Всесоюзная, Бухарина, Рыкова. Томского, Ворошилова, Халтурина, Воровского, Пугачевская, Спартаковская, Чичерина, Фрунзе, Герцена, Коммуны, Рылеева. Из новых названий 1926 года стоит отметить два: ул. Тимирязева – в честь естествоиспытателя и ул. Уральская. В последнем случае абсолютное большинство

⁸⁴⁵ В.Ковалев, Т.Саликов, И.Мастрюков. «Набег белогвардейцев на Оренбург 4 апреля 1918 года» // За власть Советов. Сб. восп. Чкалов: Чкалов. кн.изд-во, 1957.

⁸⁴⁶ Еременко В. Страницы летописи Бердской. Оренбург: ИПФ «Вестник», 2005. С. 100.

⁸⁴⁷ Искусство и жизнь. 1924. №2.

⁸⁴⁸ Боец. 1923. 3 марта.

⁸⁴⁹ Существует единственный рассказ об этом: «Город готовился к X годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В кабинете председателя Оренбургского городского Совета К.Н. Котова собрались активные борцы за Советскую власть: А.Е. Левашов, И.А. Кривцов, Г.И. Занузданов, М.Е. Постникова, С.И. Бажанова, А.И. Данилов, М.Ф. Путинцев и другие. Левашов спросил Котова: - Ты, Костя, стал советским городским головой, а почему чтишь эксплуататоров? Не поняв, в чем дело, Котов недоуменно пожал плечами. – Как так? – А вот так! Почему в городе улицы носят имена губернаторов, купцов, а имен красногвардейцев, которые погибли за власть Советов, нет? Котов быстро вынул из стола план города, растелил его и пригласил всех присутствовавших: - Ну, конкретно предлагайте... Часа через полтора у Котова был список двух десятков улиц, которым давались новые названия. Они были обнародованы накануне Октябрьского праздника». [Скутин И. Славные имена оренбургских улиц. Челябинск, ЮУКИ. 1972. С.4.] Документального подтверждения описанной картине нет, как нет подтверждения диалогу. Более чем понятно, что вся эта история – вымысел. Еще деталь: по рассказу выходит, что переименовали улицы к десятой годовщине, а все справочники в один голос утверждают, что произошло это в 1926-м.

наших земляков полагает название географическим понятием, а на деле оно было дано в честь 28-го Уральского стрелкового полка, воевавшего в 1919 г. с казаками, т.е. тоже политическое. Единственная странность – Тимирязев. Примерно в это же время в городе появляются улицы Сталина, Молотова, Дзержинского, Фурманова, Чапаева, Льва Толстого.⁸⁵⁰ При этом никого не смущало, что присваиваются имена благополучно живущих вождей. Тогда же, в 1926 г. одной из улиц было дано имя Якова Розенберга, комиссара «Жлобинского отряда». Это был печально известный отряд из тех, полуанархических, полу-бандитских, «помогавших» устанавливать в Оренбурге «власть Советов». Авторитетный историк гражданской войны Н.Е. Какурин в своей работе «Как сражалась революция» (написанной в 1920-х гг.) цитировал внутреннюю сводку Московского областного комиссариата по военным делам от 24 апреля 1918 г.: «присылаемые отряды в Оренбург не соответствуют назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд в количестве 500 человек берет контрибуцию с казаков и делит ее между собою».⁸⁵¹ Кстати, улица этого «героя» есть в городе и сегодня. Было и иное «местное» творчество – ограничивавшееся в основном переулками. Так, в память погибших по время знаменитого «набега» казаков ночью 3-4 апреля 1918 г. на Оренбург их именами назвали несколько улиц.⁸⁵² Вообще погибших было около двухсот человек. Так, переулок Грабовский получил название по имени токаря главных железнодорожных мастерских. Любопытно, что у мемуаристов имя его давалось по разному: и Болислав Гробовской, и Борислав Грабовский. Но все сходились в одном – в героической смерти: он принял «участие в бою на станционной платформе, изгоняя белую банду и в этой горячей схватке героически пал». Однако, есть свидетельство гораздо более четкое – когда казаки дали первый залп по вагонам с красноармейцами, из одного из них выпал убитый наповал токарь.⁸⁵³ Удостоились названия улицы также комиссар Самуил Соломонович Гринберг (т.н. Гринбергский переулок); Петр Рыбак (ул. Рыбаковская), С.Ф. Григорьев (Григорьевская ул.), И.П. Гугучкин (Гугучкинский пер.).⁸⁵⁴ Кстати, появилась и особая улица «4 апреля».

Вторую группу удостоенных составили погибшие рабочие завода «Орлес» (И.А. Иванов, В.И. Авдеев, Н.С. Алексеев, И. Чуносков); главных железнодорожных мастерских (И.М. Малышев (расстрелян в дутовской тюрьме), И.О. Малов (погиб в бою под Орском), А.М. Дмитриев (погиб от руки террориста⁸⁵⁵), А.П. Зимин (убит наемниками белогвардейцев), В.М. Леушин (погиб в бою с белогвардейцами в районе станицы Каменно-Озерной), Н.Е. Трофимов (расстрелян в дутовской тюрьме), Я.М. Кокин (активный участник первой русской революции и гражданской войны), И.Д. Урюпин (погиб в бою с белогвардейцами под селом Нежинка), Е.П. Дубицкий (погиб в Ташкенте

⁸⁵⁰ Авторы путеводителя 1985 г. во всех этих случаях аккуратно указывали - названо «примерно в 1928 г.». [Ю. Д. Гаранькин, В. В. Дорофеев, А. Н. Жилин. По Оренбургу: [Справочник]. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985.] Не имея оснований спорить со специалистами, все же выскажем предположение, что появились эти имена на карте города одновременно с прочими. Кампания есть кампания.

⁸⁵¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. 1917-1918 гг. М.:ИПЛ, 1990. В октябре 1918 г. атаман Дутов, выступая на Круге, особо указал: «Знаменитый Жлобинский отряд весь уничтожен. Осталось только семь человек» [Александр Ильич Дутов. Б.г., б.м. С.65.].

⁸⁵² Первым был, как указывалось выше, Г.А. Потехин.

⁸⁵³ Ради экономии не станем давать точные отсылки к публикациям. Желающим перепроверить эти сведения рекомендуем обратиться к нашей работе «Набег казачьих партизан на Оренбург 3-4 апреля 1918 г.: опыт исторической реставрации». // Историко-литературный альманах «1743». Вып.5. Оренбург, Оренбургская губерния. 2006. С.47-88.

⁸⁵⁴ Подробностей о жизни и гибели этих людей почти нет; только И. Скутин утверждал, что С. Григорьев умер от ран в начале декабря 1918 г. [Ук. соч. С.42.], а И. Гугучкин погиб в отряде Цвиллинга в апреле 1918 г. в районе Соль-Илецка [Там же. С.43].

⁸⁵⁵ Вариант: у И. Скутина: «9(22) мая 1918 г. ... погиб от руки бесчинствующего анархиста» [Ук. соч. С.46]. Никаких иных данных нам об этом случае найти в архивах не удалось: что за анархист, почему он «бесчинствовал» - ни данных, ни даже намеков нет.

во время контрреволюционного мятежа).⁸⁵⁶ Все они были упомянуты в общем списке - т.н. «Братской могиле», приведенном в сборнике воспоминаний «Пролетарская революция в г. Оренбурге в 1917 г.»⁸⁵⁷ Вот только в списке было 79 имен, и почему именно эти люди были определены в качестве достойных сохранить имя в названии улиц города, объяснений нет. О некоторых не осталось практически никаких данных, ни дат рождения, ни даже отчества: например улица Чуносова – по имени Ивана Чуносова (?-1919), или ул. Немовская – Никиты Немова (?-1918). Что они сделали, и сделали ли что вообще, неизвестно; молчали современники, молчали мемуаристы, архивы молчат; известно только то, что погибли и, конечно же, «геройски».⁸⁵⁸

Автор книги о названиях оренбургских улиц И. Скутин указывал в 1972 г., что из 740 улиц Оренбурга более ста пятидесяти носят имена деятелей нашей партии и международного революционного движения, героев борьбы за Советскую власть.⁸⁵⁹ По нашим расчетам на 1976 год, например, именами участников революции в именно Оренбурге и Оренбуржье было названо 46 улиц: здесь и первые комиссары, и те, кто под пером советских историков, стали легендами, мало соотносимыми с реальностью.

В то же время следует отметить, что особенно поначалу новые названия улиц часто оставались на бумаге. В 1926-ом году газета «Смычка» писала, что «большинство учреждений» в переписке «упорно» употребляют старые наименования улиц, что таблички со «старыми» названиями улиц красуются практически везде.⁸⁶⁰ Так, еще в конце 1934 г. областная газета подняла вопрос, что теперь, раз Оренбург стал областным центром, уже не приемлема картина с отсутствием табличек, указателей улиц: на одних углах указатели отсутствуют, на других написано неразборчиво, а на третьих рядом две – со «старым» и «новым» названиями.⁸⁶¹ В январе 1935 г. к теме вновь вернулись: «на улице именуемой уже много лет именем Девятого января, красуется надпись – «Введенская» - и таких примеров немало!»⁸⁶². В качестве иллюстрации приводился диалог: «Гражданин, скажите, пожалуйста, как пройти на Орскую улицу? – Не знаю, тоже вот Пролетарскую ишу...»

Вновь к теме газета вернулась в мае: сообщив, что председатель горсовета встречался с ударниками почтового дела, пожаловавшимися на трудности в работе: «в Оренбурге много одноименных улиц и переулков, и, наоборот, есть целые улицы без названий».⁸⁶³ Прошел месяц, но никаких перемен, заключала газета - в старом центре табличек со старыми названиями больше, чем новых.⁸⁶⁴ И это действительно было так: только в Кировском районе нужно было поменять 1600 устарелых табличек.

Справедливости ради, кое-что делалось. Так, в декабре 1934 г. президиум горсовета постановил переименовать улицы, имеющие одинаковые названия как в городе, так и в пригородных частях: В городе: Каретный переулок переименован в Челюскинский, Татарский – в Горьковский, Школьный – в Луна4чарского, Пионерская линия – в Самарскую линию. В Оренпосаде: Пер. Банный – в Огородный, Володарского – в Шмидта, Степная улица – в Колхозную. В Пугачах: ул. Каширинскую и Лермонтова – в Лермонтова, Садовую – в

⁸⁵⁶ В скобках даны пояснения из путеводителя 1985 г. Иной информации нет.

⁸⁵⁷ Оренбург, 1927. С.80-82.

⁸⁵⁸ Вообще, такая героизация была явно повсеместна. Несколько примеров. В Соль-Илецке – улица Сорокинская. Цитируем статью краеведа: «В апреле-мае 1919 года Илецк снова заняли белые. Илецкому стрелковому батальону, который был сформирован после ухода на борьбу с Колчаком 275-го Илецкого полка, пришлось защищать станицу Нежинскую под Оренбургом. Во время яростной артиллерийской перестрелки Г.В. Сорокин погиб при прямом попадании снаряда в землянку. Георгий Васильевич Сорокин погиб на боевом посту. Но память о нем осталась. Его именем названа улица». [За коммунистический труд. 1989. 21 октября.].

⁸⁵⁹ Скутин И. Славные имена оренбургских улиц... С.3.

⁸⁶⁰ Смычка. 1926. 4 августа.

⁸⁶¹ Оренбургская коммуна. 1934. 22 декабря.

⁸⁶² Оренбургская коммуна. 1935. 16 января.

⁸⁶³ Оренбургская коммуна. 1935. 5 мая.

⁸⁶⁴ Оренбургская коммуна. 1935. 26 мая.

Гоголевскую, Пугачевскую – в Ломоносова. В Карачах: ул. Степную – в Актюбинскую, Кооперативную – в Восточную. В Красном городке: ул. Красноармейскую – в Кирова, Тупой пер. – в Ломаный, ул. Володарского – в Магнитогорскую. В Ситцевой: ул. Нижегородскую – в Тракторную. В Новой Стройке: пер. Первомайский – в Молокова, Челябинский проезд – в Школьную улицу.⁸⁶⁵

Дело заключалось не только в нерадивости городских служб – новые названия не находили поддержки в обществе. Показательны публикации в местной прессе этих лет.⁸⁶⁶ Автор заметки с показательным заглавием «Имена, которые нельзя забывать» указывал, что есть в городе улицы, названные в честь Г.В. Зиновьева, командовавшего 1 советской армией, освободившей Оренбург, первого председателя Цвиллинга – «но о нем почти не слышали или даже совсем не слышали молодежь и новые жители города». Еще один пример: улица Водопьянова – «но мало кто помнит это имя – местного рабочего-пекаря, героически погибшего в борьбе с белоказаками». Чтобы исправить дело, корреспондент предлагал горкомхозу установить в начале соответствующих улиц мемориальные доски.

Реально городские власти подтолкнула необходимость подготовки к проведению переписей населения. В этой связи развернулись работы по приведению в порядок нумераций домов и наименований улиц.⁸⁶⁷ Только теперь из года в год тянущиеся разговоры о необходимости замены табличек со старыми названиями улиц перестали быть только разговорами; хотя и теперь процесс шел медленно, неторопливо. Как бы заодно, горсовет поменял названия некоторых улиц – причем мотивы перемен не сообщались: Дмитриевский переулок стал переулком им. Димитрова, улица Кислицина – стал ул. Мичурина, «бывшая улица Левашева» – в улицу Героя Советского Союза Бабушкина.

В декабре 1938 г. прозвучал тревожный сигнал: в Кировском районе проводилось большое индивидуальное строительство трудящимися жилых домов – до 500; возникли новые улицы, но горсовет до сих пор не установил названий.⁸⁶⁸

То, что новая власть стала менять скучные и невыразительные прежние названия, может было и хорошо. Беда только в том, что новые варианты были также далеки от совершенства: на смену безликой «Николаевской» пришла не менее тусклая и невыразительная «Советская» улица.⁸⁶⁹ Некоторые названия вызывают даже удивление – так в районе форштадта областного центра до 1980-х годов существовала «улица Красная площадь».⁸⁷⁰ Точного и всестороннего анализа процесса перемен названий улиц Оренбурга советской поры не сделал еще никто; известный знаток города В.В. Дорофеев неоднократно указывал на мешающие этому информационные пробелы в документации. Но общегосударственная тенденция имела место и здесь.

Следующий этап переименований пришелся на конец 30-х гг., только теперь уже не по необходимости замены прошлого, но корректировке нового. По мере того, как прежние вожди становились врагами народа, менялись и названия. В 1936 году улица Томского стала Оренбургской, в 1937-м Бухарина - Лесной, ул. Рыкова – превратилась в Николая Островского⁸⁷¹, в 1938-м улица Цюрюпы стала Ломоносова; потому же и улица Милютина в Орске стала Орджоникидзе. Как сообщала пресса, переименования проводились «в соответствии с требованиями трудящихся». Стали исчезать и имена местных вождей -

---

⁸⁶⁵ Оренбургская коммуна. 1934. 11 декабря.

⁸⁶⁶ Оренбургская коммуна. 1935. 18 апреля.

⁸⁶⁷ Оренбургская коммуна. 1938. 23 ноября.

⁸⁶⁸ Оренбургская коммуна. 1938. 20 декабря.

⁸⁶⁹ По данным Интернета, на сегодняшний день улица Советская – четвертая по популярности по стране. [<http://news.mail.ru/society/4414729/>]

⁸⁷⁰ Определенная логика имела место: это была когда-то Войсковая площадь, потом, естественно, стала Красной в 1919-м, а после застройки получилась «улица-площадь». Вот только в 1936-м она называлась площадью Студенческой.

⁸⁷¹ Забавная деталь: в газетном сообщении о переименовании «крамольное» имя даже не упоминалось; сказано было просто – «улица от Караван-Сарайской до новой школы будет носить имя писателя-орденоносца» Островского. [Оренбургская коммуна. 1937. 27 марта.]

тогда же, в 1938-м, улица Кислицына стала улицей Мичурина, переулок Янсоновский – Саратовским, ул. Каширинская – улицей «12 декабря», в честь оренбургских большевиков, бежавших из дутовской тюрьмы 12 декабря 1918 года.

Еще одна новация 30-х годов – посмертные переименования: в 1935 году появляется улица Кирова, 1936-м – Горького, 1937-м – улица Пушкинская⁸⁷² и Орджоникидзе, в 1938-м – Чкалова.

В июне 1936 года был утвержден разработанный горсоветом план районирования города Оренбурга. Создавались три района: Кагановический, Кировский и Ежовский.⁸⁷³ Позднее, 18 марта 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Оренбурге и Орске районы были упразднены: на тот момент в Оренбурге они назывались Дзержинский, Железнодорожный и Кировский, в Орске – Ленинский и Советский.⁸⁷⁴ А еще через некоторое время, в июле 1965 г., вновь восстановлены – «для улучшения руководства хозяйственным и культурным строительством» – по-новому были проведены границы, и названия их стали иными: Ленинский (из бывших Дзержинского и Кагановического районов), Центральный (из Кагановического и Кировского районов) и Промышленный (из Железнодорожного района).⁸⁷⁵ В 1975 году Промышленный и Центральный районы были разукрупнены и был создан четвертый район, с не менее оригинальным названием – Дзержинский.⁸⁷⁶ В Орске районы были также воссозданы – указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 марта 1972 г. были образованы Ленинский, Октябрьский и Советский район.⁸⁷⁷

И позднее, в 1960-х-1980-х годах, на карте города Оренбурга появлялись новые и новые имена «активных борцов за советскую власть», почему-то ранее не отмеченных. Наверное, они были не менее достойны своих предшественников; вот только официальные комментарии по-прежнему оставались крайне скупы на подробности: Черкасовой улица (1967) – «сельская учительница, медсестра, комиссар санитарного отряда, участвовавшего в борьбе против банд Дутова»; Свободина переулок (1971) – «комиссар отряда Красной гвардии, председатель ревтрибунала дивизии»; Скороходова улица (1982) – «в 1919 году заготавливал хлеб для Петрограда и Москвы и был расстрелян петлюровцами». Эти новые названия появлялись взамен существовавших. По подсчетам краеведов, в период 1976-1982 гг. было переименовано 48 улиц. Среди них были и удачные варианты – например, когда заменялись названия типа «Тракторная 2-я» или «Тепловозная 2-я»; и странные: улицу «Дружбы» переименовали в улицу «Содружества», а «Уфимскую» улицу – в «Дружбы»; и достаточно забавные: «Тупой» переулок поменял название на «Замкнутый».

Разумеется, замены старых названий происходили повсюду. В станице Берды главная, как тогда говорили, «лицевая», улица называлась Большой. Параллельно ей шла улица Средняя. При новой власти главная стала улицей Ленинской, а вторая – улицей Кирова. После того, как в 60-х поселок был включен в черту города Оренбурга, пришлось ликвидировать похожие названия улиц: Ленинская стала улицей Восстания, Кирова – улица Салавата Юлаева.⁸⁷⁸ И еще из замен: Самарская стала Пугачевской, Уфимская – Кавалерийской, Подуровская – К. Маркса. Или вот в Соль-Илецке: улица Оренбургская ранее была Струковской, Крюковская – Татарской, Цвиллинга – Наследовской, Разина – Разбойной, Володарского – Кладбищенской, Персиянова – Екатерининской, Пушкина – Почты, Советская – Воскресенской.⁸⁷⁹

⁸⁷² Уместно напомнить, что 1937 год стал беспримерным годом, отмечающим годовщину смерти поэта.

⁸⁷³ Оренбургская коммуна. 1936. 26 июля; 1936. 29 июля; 1936. 9 августа.

⁸⁷⁴ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № II. Ст. 140; Южный Урал. 1960. 20 марта.

⁸⁷⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1188. Л. 13, 494-497.

⁸⁷⁶ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1667. Л. 13.

⁸⁷⁷ Южный Урал. 1972. 4 апреля.

⁸⁷⁸ Еременко В. Страницы летописи Бердской. Оренбург: ИПФ «Вестник». 2005. С. 100.

⁸⁷⁹ Илецкая Защита. 2003. 25 декабря.

Очень условно можно говорить о двух волнах переименований (хотя на деле их было больше, в зависимости от тех или иных политических кампаний в стране). Но все же основные две: первая – уничтожение «старых», дореволюционных названий – когда важнее было не качество нового названия, а сам факт замены старого. И вторая, приходящая на 60-70-е годы, когда «нормальные» и «правильные» с политической точки зрения названия стали менять на более политически заостренные, более знаковые. Примеров тому – масса. В Бердах с 1957 года улица А.М.Горького стала носить имя реабилитированного маршала В.К.Блюхера, а бывшая Кооперативная, одна из первых, заасфальтированных в поселке летом 1963 года, – имя летчика-героя Николая Гастелло.⁸⁸⁰ 15 апреля 1961 г. в г. Орске площадь Строителей была переименована в площадь имени Юрия Гагарина.⁸⁸¹ В 1964 г. в Орске улица Параллельная была переименована в имени Подзорова. Еще одна улица получила имя Д.Ф. Соколова – члена орской красной гвардии в 1917 г. и потом «активного участника строительства молодого индустриального Орска».⁸⁸² В мае 1975 г. двум улицам, не имевших названия в поселке завода тракторных прицепов г. Орска, были присвоены имена Героев Советского Союза Андреева Анатолия Михайловича и Шелухина Николая Прокофьевича.⁸⁸³ В мае 1979 г. улица Магаданская г. Орска переименована в улицу им. Героя Советского Союза Аркадия Петровича Чернышева.⁸⁸⁴ 27 декабря 1972 г. в городе Медногорске улица Бульварная переименована в улицу имени В.И. Ленина.⁸⁸⁵ 26 декабря 1973 г. в Бузулуке улица Крестьянская переименована в улицу Климента Ефремовича Ворошилова.⁸⁸⁶ В Оренбурге было то же самое. В 1961 г. с целью увековечивания памяти Т.Г. Шевченко одной из улиц г. Оренбурга присвоено имя великого украинского Кобзаря.⁸⁸⁷ В апреле 1961 г. исполком Оренбургского городского Совета принял решение переименовать Нежинское шоссе в проспект имени Юрия Гагарина.⁸⁸⁸ 29 апреля 1961 г. исполнилось 75 лет Н.И. Свободину – старейшему коммунисту Оренбуржья с 56-летним стажем. Потому его именем и был назван переулок.⁸⁸⁹ В 1963 году улица Нижегородская стала «имени Терешковой».⁸⁹⁰

К новым временам перестройки областной центр сохранил мизерное количество «прежних», досоветских, исторических названий – всего около двадцати. Утверждают, что ставший в перестройку мэром Оренбурга Г. Солдатов издавал распоряжение о возвращении улицам исторического центра Оренбурга исконных имен. Но в 1992 г. было сообщение, что сменивший Г. Солдатов новый мэр отменил это распоряжение.⁸⁹¹ Так что всё осталось по-прежнему. Позиция городских властей сегодня известна: нам не нужны никакие переименования. И аргументы звучат достаточно весомые: и экономического плана – во сколько обойдутся такие замены; и политического – горожане не одобряют. В общем-то никто и не призывает демонстративно поменять имена «красных героев» на аналогичные «белых». От подобного политического инфантилизма, мы, вроде бы, ушли. Но если задуматься над воспитательным моментом – в отношении подрастающего

⁸⁸⁰ Еременко В. Страницы летописи Бердской... С. 99.

⁸⁸¹ Филиал ГАОО в г. Орске. Ф. Р-1. Оп. 8. Д. 8. Л. 126 - 127.

⁸⁸² Южный Урал. 1964. 10 октября.

⁸⁸³ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1673. Л. 24.

⁸⁸⁴ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1853. Л. 158.

⁸⁸⁵ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1551. Л. 236.

⁸⁸⁶ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 4. Д. 1597. Л. 187.

⁸⁸⁷ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1005. Л. 33.

⁸⁸⁸ Южный Урал. 1961. 28 апреля.

⁸⁸⁹ Южный Урал. 1961. 28 апреля.

⁸⁹⁰ Вот как об этом повествовалось в газете: «На состоявшейся на днях сессии Оренбургского городского Совета группа депутатов-ткачих шелкокомбината выступила с предложением переименовать... - Валя – бывшая ткачиха, - говорили депутаты, - Давайте отметим беспримерный подвиг – полет в космос первой женщины в мире. Нижегородская улица ведет к строящемуся гиганту шелковой промышленности. Предлагаем дать ей имя нашей «Чайки»». [Южный Урал. 1963. 10 июля.]

⁸⁹¹ Вечерняя провинция. 1992. №3.

поколения - что мы можем им ответить на прямой вопрос - а почему улица названа в честь этого человека?

Глава 18. События, изменившие оренбургскую историю. Варианты.

Сентенцию «история не знает сослагательного наклонения» любят у нас повторять к месту и не к месту, и историки-специалисты и просто любители. В самом деле, рассуждать что могло бы быть, если бы... кажется достаточно бесплодным – поскольку в итоге, как известно, произошло то, что произошло. И все же наряду с объективными факторами, всегда наличествует ряд факторов субъективных, могущих в итоге серьезно повлиять на происходящее. «Итоговая» версия в конце концов откладывается в истории: книгах, воспоминаниях, учебниках, да так, что для читающих просто не остается другого мыслимого варианта рассматриваемых событий: все произошло так, потому что иначе и быть не могло. А вот могло – если бы сделать небольшое допущение в, казалось бы, малом

Век XVIII. Осада Оренбурга пугачевцами (5 октября 1773 г. - 23 марта 1774 г.)

Предыстория.

22 сентября 1773 г. губернатор И. Рейнсдорп получил известие от коменданта Татищевой крепости полковника Елагина о начавшемся в Яицком казачьем войске новом возмущении. Практически сразу же губернатор начал действовать: на совете были приняты первоочередные меры по защите города. Начался поспешный ремонт крепостных стен, очищен ров, исправлен земляной вал. На стены поставили до 70 пушек. В крепость были эвакуированы семьи офицеров близлежащих крепостей, население Форшгадта, Каргалы; в город уведены табуны. Не владея реальной информацией о происходящем, Рейнсдорп принял единственно правильное решение – людей и материальные ценности укрыть за стенами. Решение продиктовано было опытом – за все годы существования Оренбурга никто из совершавших набеги на линию не пытался взять его штурмом.

5 октября в 11 часов утра пугачевцы подошли к Оренбургу. Их было около трех тысяч – почти столько же, сколько было гарнизона в крепости. Противник оказался силен – попытка разбить «разбойников» в открытом бою не удалась. На совещании у губернатора 7-го октября было решено остановиться на одном «оборонительном состоянии» - иначе говоря, ждать помощи извне.

В дальнейшем Пугачев несколько раз пытался взять город штурмом, но без особого успеха. Тогда повстанцы стали провозглашать о своем намерении взять Оренбург измором. Началась шестимесячная осада. Она тяжело далась оренбуржцам. Резко выросли цены на продовольствие. Введены были нормы выдачи пайков для нуждающихся - по 1 фунту хлеба в день на взрослого. Бесплатно выдавали соль, в пищу стали использовать еще необработанную кожу. Не хватало дров – пришлось разбирать дома. Началась бескормица лошадей.

В городе остро нуждались в новостях, вот почему частым явлением становятся так называемые «высылки» - чтобы схватить «кого из злодеев», численностью до 300 чел. В свою очередь, мятежники посылали отряды, чтобы захватить саму высылку.

К началу января 1774 г. жизнь в крепости стала еще труднее. Фуража практически не было; вышедшие из крепости люди вынуждены были собирать тальник и осоку. Высылки кончились - за «худобой и недостатком лошадей». И тем не менее, когда в Рейнсдорп узнал от перебежчиков, что Пугачева в лагере нет, с ним ушла часть воинства, и значит, осталось меньше сил, то «по неотступной просьбе здешнего общества, весьма страждущего в пропитании», собрав все силы, вновь стал готовить «выход».

Это произошло 13 января поутру. Отряды пошли грамотно, каждый занимал свои, заранее определенные, высоты, но добиться успеха не удалось – ослабшим солдатам оказалось не под силу пройти по глубокому снегу около 20 верст. Оставшиеся лошади не смогли вытянуть орудия. Началось поспешное отступление к крепостным воротам.

Это и есть наш поворотный момент.

Конные отряды мятежников были более мобильны, потому они настигли отступающих раньше, чем ворота успели закрыть. Ворвавшись следом за отступающими войсками гарнизона в город пугачевцы с шумом и гиканьем рассыпались по заснеженным улицам Оренбурга. Закипели схватки – офицеры и солдаты, уже наслышанные о том, что ждет сдавшихся, сражались отчаянно; взялся за оружие и Рейнсдорп. Однако силы были не равны. Губернатор, в чьей воинской доблести сомневаться нет оснований, погиб в бою. Обыватели, приставленные на валы к пушкам, после того, как сражение перекинулось за крепостные стены, разбежались по домам. Раззадоренные прежними неудачами долгой осады, пугачевцы не щадили никого...

Город подвергся полному разграблению – мятежники так поступали везде; да и сам «Петр III» не был исключением. Поначалу Пугачев был совершенно нищ – не зря же когда он только появился перед яицкими казаками как «Петр», то они ему ссудили кое-какую одежду, поскольку выглядел «царь» весьма непрезентабельно. И только потом он переоделся в «свое» – свое достаточно условно: в одежду казненного Илецкого атамана. Но позднее, во время осады Оренбурга, он отправил в Яицкий городок, к жене «сундуков 7 с замками и за собственными моими печатями», полных награбленного имущества. И это было набрано с небольших крепостиц на пути к Оренбургу – надо ли говорить, сколько можно было взять в губернском центре! Грабежи, убийства и насилия продолжались всю ночь.

Если бы этим последним штурмом командовал сам Пугачев, то уже наутро 14-го января все бы увидели его излюбленную забаву – «царский суд». Виселицы построить можно было достаточно быстро. Так он поступал во всех занятых крепостях, тем более что в Оренбурге «врагов» было немало. Вероятнее всего, теперь от судимых не стали бы требовать признания Пугачева подлинным царем – как это делалось ранее: как смели они упорствовать, когда государь требовал сдать крепость! Поскольку офицеров, которых можно было бы повесить, осталось после вчерашнего боя мало, то принялись бы за чиновников, а затем и за членов их семей – женщин и детей. Так было и раньше: по взятии Рассыпной крепости вместе с комендантом майором Веловским повесили его жену; по взятии Татищевой – жену полковника Елагина. Известно, что в планах пугачевцев после взятия Оренбурга была казнь всех причастных к обороне – среди захваченных позднее в Берде бумаг был план с указанием кого из офицеров и членов их семей на какой улице Оренбурга вешать. Тогда мы бы лишились великого баснописца И.А.Крылова – сын офицера Оренбургской линии. Он с матерью провел в Оренбурге всю осаду и, несмотря на юный возраст, был также «запланирован» к повешению.

Но, как известно, Пугачева в лагере не было – еще 7 января он выехал с небольшим отрядом к осажденному мятежниками Яицкому городку. О неожиданном успехе ему, конечно же, сообщили, но одновременно поведали и о судьбе города и горожан. А судьба их была фактически предрешена. Главным условием башкир, поддержавших Пугачева, было уничтожение Оренбурга: как показывал позднее на допросе казак Г.Синельников, башкиры заявили Пугачеву: «ты нас уверял, что ты государь и обещал, Оренбург взяв, сделать, чтоб губернии не быть, и чтоб мы были оной неподвластны». Не испытывали симпатии к Оренбургу и яицкие казаки, помнившие, что силы, подавившие Яицкое восстание 1772 г., пришли именно отсюда. Так что город неизбежно должен был быть уничтожен. Так что запыхал Оренбург, вероятнее всего, в ту же ночь. Немногие из тех, кто уцелел во время кровопролитного штурма и последующего разграбления крепости, неизбежно погибли позже. Бояться гнева Пугачева не приходилось – башкиры Салавата были достаточно серьезной силой, с которой нельзя было не считаться, а яицкие казаки и

раньше поступали достаточно решительно, полностью игнорируя мнение «Петра» (например, когда они расправились с людьми, которым Пугачев оказывал явное покровительство и при этом Пугачев «промолчал»). Единственно, если бы Пугачев был при последнем штурме, то, возможно, что с оставшимися горожанами поступили бы также, как позднее поступали с населением горных заводов: людей уводили, а постройки сжигали. Впрочем, и их судьба была незавидной – позднее мужчины были перебиты, а женщины и дети «угнаны в дальние леса». Мертвое пепелище на месте города должно было остаться при любом раскладе.

Дальнейший ход развития восстания спрогнозировать сложно: возможно, что Пугачев остался бы под Яицким городком, тщетно пытаясь его взять, а возможно вернулся бы в Берды. Факт, что из региона ему пришлось бы уходить неизбежно – не было ни смысла оставаться здесь, ни возможностей – все поселения региона были дотационными, существовали на привозном продовольствии, а его уже давно не хватало. Куда именно пошел бы «Петр III», в данном случае неважно: в Поволжье, как утверждали советские историки, чтобы покончить с крепостным угнетением, или же в Сибирь, о чем есть убедительные свидетельства. В последнем случае гражданская война в стране ощутимо бы затянулась.

Но вернемся в Оренбуржье. Пограничная линия практически перестала существовать. Крепости от Яицкого городка до Оренбурга были разгромлены пугачевцами, многие другие разорены казаками, в эти годы совершавшими безнаказанные набеги на линию. Поселения выжигались, население угонялось в рабство. И в реальности большая часть крепостей была уничтожена; а в этом варианте можно спрогнозировать уничтожение всех. В итоге регион опустел. Рано или поздно, но с Пугачевым и его воинством было покончено. Как именно после этого повело себя правительство Екатерины спрогнозировать сложно; можно предположить, что оно поддержало укрепление границы по т.н. Новой Закамской линии – специальной оборонительной линии из крепостей. Эта непрерывная система оборонительных сооружений – от Алексеевска (пригорода Самары) в северо-восточном направлении до Уфы – должна была закрыть восточную границу. Строительство началось еще в 1732 году, но было приостановлено в связи с началом деятельности Оренбургской экспедиции. Сомнительно, чтобы Екатерина стала вкладывать средства в восстановление Оренбурга – даже в начале XIX века сенаторы высказывали сомнение о его целесообразности. Косвенным подтверждением является суждение авторитетного историка С.Ф.Платонова, писавшего, что после крестьянской войны Екатерина стала держаться правила: *laisser faire, laisser passer* (русский аналог: пустить все на самотек).

Российская империя неизбежно вновь пришла бы в этот регион. Но это произошло бы не раньше, чем еще через пол-века.

Историческая реальность.

Началось поспешное отступление к крепостным воротам. Бросив пушки, войска гарнизона успели укрыться за крепостными стенами. Город продолжал держаться. Мощные бураны конца января – начала февраля сделали боевые действия невозможными. С запада приближались правительственные войска генерал-аншефа Бибикова. Решающее сражение произошло 2 марта 1774 г. под Татищевой крепостью. Поражение мятежников под Татищевой открыло для правительственных войск дорогу на Оренбург. Пугачев, преследуемый царскими войсками, с остатками своих отрядов спешно отступил к Сеитовой слободе и Сакмарскому городку. Здесь спустя десять дней - 1 апреля 1774 г. - в ожесточенном бою повстанцы снова были разбиты, после чего Пугачев ушел с небольшим отрядом в Башкирию. Оренбург же был спасен.

Век XIX. Губернатор Василий Перовский и «золотой век» Оренбургского края.

Многие современники определяли период 30-40-х годов XIX века именно так – как «золотой век» (хотя уж если быть точным, то по любому возможно было говорить о нескольких десятилетиях; но о «золотых десятилетиях» говорить как-то не принято). «Золотым» это время считалось потому, что на него пришелся период определенного расцвета Оренбуржья, возрастания его важности и значимости в истории страны. И это счастливое время связывалось с именем одного человека - тогдашнего оренбургского губернатора Василия Алексеевича Перовского. Двадцати одного года от роду он был назначен адъютантом к великому князю Николаю Павловичу, будущему императору, что предопределило все его будущее. Когда Николай взшел на престол, взошла и звезда Перовского. Уверенный - и не без основания! - в расположении к себе императора, он держал себя при дворе достаточно надменно, за что в итоге и поплатился, поссорившись с т.н. «немецкой» партией графов Нессельроде и Бенкендорфа. В 1833 г. Перовский достаточно неожиданно для многих – блестящий царедворец, любимец самого Николая! - был назначен военным губернатором Оренбургской губернии и командиром Оренбургского отдельного корпуса. Почти сразу же пошли разговоры, что это не просто назначение, но завуалированная ссылка.

Давая характеристику В.Перовскому, многие биографы отмечали его образованность, аристократизм, неотразимые внешние данные, позволявшие влиять на подчиненных и окружающих: «Красавец собой, статный, повыше среднего роста, хорошо воспитанный, он в обществе производил чарующее впечатление. Особенно в восторге от него были дамы... Подчас он так умел очаровывать их, что, как говорится, в душу влезет. Но другой раз от одного его сердитого взгляда эти же дамы падали в обморок». За годы, проведенные в Оренбурге, В.Перовский не изменил своей любви к роскоши и светской жизни, оставшись в памяти своих подчиненных «большим русским барином». Он произвел неизгладимое впечатление на немногочисленное оренбургское общество – практически все мемуаристы с восторгом вспоминали приемы в губернаторском доме. Впрочем, в отношении простого народа Перовский был совершенно иным: он бывал весьма вспыльчивым, резким на язык, непримиримым, порой жестким.

На новом для него посту губернатора – ранее Перовский никогда не занимал подобных административных должностей – проявил себя весьма активно. Наиболее ярким моментом его губернаторства был поход в Хиву зимой 1839-1840 гг., окончившийся неудачей. В конце ноября 1841 года Перовский был отозван в Петербург, а затем уволен от всех должностей по болезни. Спустя несколько лет он вновь вернулся «во власть»: царь по-прежнему к нему благоволил, произвел в генералы от кавалерии, ввел в Государственный Совет. Казалось бы, все успокоилось, прежние неудачи забыты. Но недоделанное на юго-востоке его явно беспокоило; этот неординарный человек никак не хотел примириться со своим поражением. Вот почему весной 1851 года он вновь, теперь уже по собственной инициативе, добивается у императора назначения губернатором в Оренбург. Теперь главной и единственной целью для Перовского был реванш в отношении среднеазиатских ханств: в течение нескольких лет он добился ощутимых военных успехов против Коканда и Хивы. В конце концов Перовский вышел в отставку по состоянию здоровья и до апреля 1857 года жил в Оренбурге.

Рассуждения:

Появление В.Перовского на посту губернатора было безусловно еще одним поворотным и судьбоносным моментом нашей оренбургской истории. Удаление его из столицы было предрешено; другое дело, что назначение именно в Оренбург было делом случая – 20 марта 1833 г. неожиданно 45-ти лет от роду скончался в Оренбурге от холеры губернатор П. Сухтелен. Должность освободилась внезапно; вот заинтересованные люди и поспешили принять меры - ее заполнить. Каким именно образом была проведена кандидатура Перовского, точно не известно – главное, что царь ее утвердил. Никаких

доводов в пользу того, что Перовский нужен именно в Оренбурге, не встречается; ясно, что его бы с равным успехом отправили бы и в Вологду, и в Красноярск и вообще в любое место, лишь бы подале от столицы. В принципе тенденция назначения губернаторов в Оренбуржье в этот период прослеживается достаточно четко: возраст 40-50 лет, военное образование, звание не ниже генерала, военная служба, безусловно, участие в Отечественной войне 1812 года. Этим параметрам соответствовали и Сухтелен (губернатор в 1830-1833 гг.), и Перовский (в 1833-1841 гг.) и Обручев (в 1842-1851 гг.). При ином повороте событий, даже в случае кончины Сухтелена, Обручев вполне мог стать его преемником уже в 1833-м.

Деятельность губернаторов достаточно строго регламентировалась из столицы – поэтому кардинальных перемен при смене на посту ожидать не приходилось, прослеживалась определенная преемственность курса. Так, П.Сухтелен добивался перевода башкир в податное сословие – решение было одобрено, но реализовано уже после его смерти. Им же было учреждено училище для девиц бедных местных чиновников, которое В.Обручев преобразовал в Николаевский женский институт. Велось строительство в губернском центре: в 1830-м – заложен военный госпиталь, в 1832-м – построен манеж эзерциз-гауз, позднее перестроенный в городской театр. Строго карались любые волнения и беспорядки – как, например, в 1843 г. Обручевым т.н. «Челябинский бунт».

Так что, А.С. Пушкин, посетивший Оренбург в сентябре 1833 г., при любом губернаторе решил бы свои проблемы. Разве что такого теплого приема, какой он имел от Перовского, с которым был лично знаком, он бы скорее всего не встретил; как и не было бы в городе В.Даля, который, как известно, приехал в Оренбург по личному приглашению Перовского. Но с местностью Пушкин бы точно познакомился, и в Берды съездил, и старуху Бунтову повидал – так что «История Пугачевского бунта» неизбежно увидела бы свет.

Перовский в основном из общей линии не выламывался; как и предшественник и последовавший за ним занимался башкирами: преобразовав управление ими по образцу казачьего – было создано башкирское войско. Он также жесткими мерами заставлял подчиняться своим начинаниям, подавив волнения в 1835 и 1837 гг. При нем также строился Оренбург.

Были и если так можно выразиться «собственные» инициативы Перовского – он ввел общественную запашку для обеспечения казаков продовольствием и увеличения войскового капитала; начались массовые высадки лесов; открыты три поташных завода; для «обучения» башкир было организовано два общественных «завода»: пчелиный и конский. Все начинания оказались маложизненными и при следующем губернаторе были потихоньку свернуты. Впрочем, все это не показатель – многие губернаторы и до и после «грешили» подобными локальными начинаниями, и далеко не все они удавались.

И все же Перовский отличался от всех оренбургских губернаторов, которые были до него, и после. «Особость» заключалась в исключительном отношении к нему императора Николая I, на что не повлияла даже отсылка Перовского в далекий Оренбург. В отличие от прочих губернаторов империи он имел негласно значительно более широкие полномочия и всегда мог рассчитывать на поддержку царя: от одобрения своих начинаний до серьезной финансовой поддержки. Перовский явно решил доказать всем, что даже на этом, новом для него посту, он способен сделать многое.

Что мог позволить себе только Перовский – это по-своему решать кадровую проблему. Он привлек на службу в Оренбург, весьма отдаленную и малопривлекательную с точки зрения карьеры провинцию, таких творческих людей, как В.Григорьева – известного востоковеда, или Владимира Даля. Испытывая острый кадровый голод, Перовский позволил себе привлечь на государственную службу сосланных в край поляков – участников освободительных восстаний. Один из них – Томаш Зан, сыграл огромную роль в создании оренбургского музея; другой – Ян Виткевич, оказался талантливым

разведчиком, первым проникнувшим в Афганистан... Принимать на службу ссыльных было повсеместно запрещено – так что любой иной губернатор на подобное бы не отважился. Следовательно, при ином раскладе, востоковедение могло бы не досчитаться некоторых научных трудов, а языкознание - словаря живого великорусского языка, идея которого, как утверждается, родилась у Даля именно в Оренбурге. Просто за другим губернатором эти люди в Оренбург не поехали бы. Возможны и иные моменты, напрямую связанные с теми или иными людьми, вовлеченными в нашу историю волей Василия Перовского.

Что еще действительно было сделано именно благодаря Перовскому – так это создание Оренбурга как города. Деревянный, с землянками, губернский центр – не то крепость, не то поселение - произвел на новоиспеченного губернатора такое тяжелое впечатление, что он не стал жалеть средств на его строительство. Без преувеличения можно сказать, что созданием облика города XIX века, как мы его знаем, мы обязаны именно Перовскому. Историк города П.Столпянский писал, что три четверти всех примечательных зданий были построены именно тогда. Стало поощряться индивидуальное строительство – застройщикам выделялись средства и лес от государства. Новые же казенные здания строились каменными. Самым знаменитым строением по праву считается Караван-Сарай, построенный по проекту архитектора А.П.Брюллова. В городе возникло освещение – появились на улицах фонари; с 1835 г. заработал водопровод – а в период второго губернаторства Перовского даже появился фонтан. Ни до него, ни после губернаторы не располагали такими значительными средствами на градостроительство.

Но, пожалуй, самой особенной была его политика в отношении казахов. В начале XIX века она определялась непосредственно оренбургскими губернаторами: по всей видимости, в столице считалось, что они лучше знают предмет. Еще при Сухтелене произошел без преувеличения революционный пересмотр курса в отношении степи. Все его предшественники так или иначе намеревались приучать казахов к оседлой жизни и развивать у них гражданственность – иначе говоря, европеизировать их с целью последующего инкорпорирования в российское общество. Сухтелен же глядел на степь как на колонию – потому полагал более верным сохранение казахов как кочевого народа, как потенциальных потребителей российского хлеба и промышленных изделий. Потому, по его убеждению, следовало оставить все как есть. В.Перовский этот курс ощутимо видоизменил, делая ставку прежде всего на усиление российского присутствия в степи: строительство там укреплений и форпостов, переселения туда десятков тысяч человек. Все это требовало огромных средств, да и по сути не было прерогативой губернатора пограничной губернии. И уж конечно же, никакой губернатор не осмелился бы без согласования с центром предпринимать военный поход за пределы государства – на Хиву. Поход был подготовлен им совершенно самостоятельно – даже несмотря на противодействие военного министра гр.Чернышева. И даже после сокрушительного провала похода Перовский не потерял доверия царя – отставка была замотивирована ухудшившимся здоровьем, а спустя несколько лет он вновь вернулся в Оренбург и довел дело до конца.

Собственно дело даже не в самом походе в Хиву, а в тех последствиях, которые это имело. Существует мнение, что русские цари совершили в XIX веке две великие ошибки: дав согласие на присоединение Грузии в начале века, что повлекло за собой обретение Россией клубка «кавказских» проблем, аукающихся ей и по сей день; а также завоевание Средней Азии во второй половине столетия – с теми же результатами в итоге. Покорение Средней Азии началось в 60-х годах и проводилось уже самим государством; в качестве исходного был использован плацдарм, созданный Перовским. Так что еще вопрос – так ли стала бы развиваться среднеазиатская эпопея, не будь инициатив Василия Перовского.

Век XX. Газодобыча в судьбе края.

Так было.

Добыча нефти и газа в Оренбургской области началась во второй половине 1930-х годов, но росла достаточно медленно - хотя западная зона признавалась геологами достаточно перспективной. Были выявлены десятки геологических структур, благоприятных для накопления нефти и газа, но крупных месторождений открыть не удавалось. В южных районах области геологическая разведка была начата с созданием в 1960 году Оренбургского территориального геологического управления. Его возглавил лауреат Государственной премии СССР, кандидат геолого-минералогических наук И.А. Шпильман. Он был уверен, что нефтегазоносность неизученной платформенной части области более чем велика – почему поиск стал вестись достаточно настойчиво. На ситуацию положительно повлияло и использование новой техники, позволявшей вскрыть более глубокие подземные горизонты. И вот в ноябре 1966 года на левом берегу Урала, неподалеку от Оренбурга, из разведочной скважины, которую бурила бригада мастера С.Д.Иванова, был добыт первый газ. Так, всего в 60 километрах от города, было обнаружено газоконденсатное месторождение.

В докладе Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину И.А. Шпильман определял ожидаемые размеры месторождения 100 на 20 километров, этаж газоносности - 500 метров, прогнозируемые запасы газа - около 2 триллионов кубометров и пластовое давление 200 атмосфер. Все это означало, что найденное месторождение будет крупнейшим в Европе. Находка была сделана более чем своевременно – потребность в топливе в европейской части страны росла, а добыча газа - самого выгодного топлива - в основных газодобывающих на тот период районах европейской части СССР (на Украине и Северном Кавказе) начинала сокращаться (напомним, что месторождения Западной Сибири еще не были открыты). На тот период в стране добывали лишь 10 миллиардов кубометров газа в год. Быстрое освоение Оренбургского газоконденсатного месторождения ощутимо улучшило бы положение топливно-энергетического баланса СССР. А.Н. Косыгин дал указание завершить разведочные работы в два года. Постановление Совета Министров СССР от 11 июня 1969 г. за №441 ставило задачу освоить месторождение в 1969-1975 гг. и довести к 1975 г. добычу до 25-30 млрд. кубометров.

Началось широкое строительство - за первые десять лет было построено 9 газозаводов; от них проложены магистральные газопроводы Оренбург - Заинская ГРЭС, Оренбург - Куйбышев, Оренбург - Александров Гай, Оренбург - Западная граница СССР («Союз»), конденсатопровод Оренбург - Салават. Сам газовый комплекс был введен тремя очередями: первая в 1974-м, вторая в 1975-м, третья – в 1978 году. В итоге комплекс вышел на проектную производительность в 135 млн. кубометров в сутки, или 45 млрд. кубометров в год.

На Оренбург работали десятки заводов по стране - на его заказах выросли целые производства. Как следствие, по мнению специалистов, к 1975-1976 гг. у нас в стране газовая промышленность стала газохимической. По образному выражению Р.Вяхирева, «До Оренбурга наша газовая промышленность была на уровне ГПТУ. Оренбург стал университетом. Астрахань – академией».

Сделаем посылку, что газ в нынешнем месте найден не был – каковы были бы тогда перспективы экономического развития края? Возможно возражение – объективно газ был всегда; и потому уместнее рассуждать, что его открыли бы, скажем, на десяток лет позднее. Такой вариант более жизненен, но менее интересен: ясно, что поиски все равно бы велись, газохимическая отрасль неизбежно бы возникла, разве что в вышеприведенной цитате «Оренбург» и «Астрахань» просто поменялись бы местами. А вот если бы

месторождение не нашли, или нашли, но спустя, скажем, полвека, то картина была бы ощутимо иной. Что бы это значило для страны в целом, достаточно прогнозируемо: нехватку топлива стали бы компенсировать разработкой иных источников энергии в иных регионах страны. А вот для области?

За те десятилетия, которые она существует, область пережила несколько периодов, каждый из которых имел важное преобразующее влияние на ее экономический и социальный облик. До войны область была преимущественно аграрной. В годы второй и третьей пятилеток были достигнуты определенные успехи в индустриальном развитии (Орско-Медногорский район на востоке, несколько важных железнодорожных линий). Ощутимый и незапланированный толчок к развитию машиностроения и металлообработки дала эвакуация сюда десятков предприятий этого профиля в годы Великой Отечественной. Наметившийся крен в индустриальное развитие края вновь был подкорректирован начавшимся весной 1954 года освоением целинных земель. Оренбуржье в масштабах страны стало рассматриваться прежде всего как крупнейшая зерновая база. Разумеется, нельзя было не учитывать имеющийся промышленный потенциал; и его дальнейшее развитие предусматривалось различного рода планами. Но промышленное развитие было ограничено объективными причинами. Это сырьевая база – так, в продукции ОХМК доля легированной стали из местного сырья составляла только 8%. Это нехватка воды – нефтехимическое производство водоемко, поэтому его развитие ощутимо ограничивалось. Воды же не хватало всем – к 1975 г. дефицит воды испытывали даже Оренбург и Орск. Это нехватка топлива - Оренбуржье было самой удаленной частью Урала от топливных баз востока. На самом Урале добыча угля постоянно сокращалась, шахты были выработаны: в 1960 году он обеспечивал почти треть потребности района в топливе, а в начале IX пятилетки (поясним - к моменту ввода Оренбургского месторождения) – всего 1/6. Возрастала доля привозного топлива, изыскивались альтернативы. В 1960 году доля газа в топливном балансе Урала была менее 1%, но через пять лет пришел газ по газопроводу Бухара-Урал, а несколько позже - тюменский газ (на северный Урал). Газ был дешевле и, кроме того, он давал экономию за счет прибавки продукции больше чугуна в тех же домнах, больше цемента.

В нашем альтернативном варианте Оренбуржье, конечно же, без газа не осталось бы. Собственно, вариант очевиден – в реальности до разработки «своего» месторождения газ шел из Бухары. Так что и промышленные нужды, и бытовые потребности населения удовлетворялись бы им. Оренбургский газ позже пошел в Татарию, Куйбышевскую область, Башкирию – вполне можно предположить, что в нашем варианте его заменил бы тот же бухарский. Другое дело, что в современных условиях, завязывание весьма важной экономической зоны Урало-Поволжья на сырье из-за границы могло бы иметь стратегические последствия – а с другой стороны, более чем вероятно, что разработка газа в Астрахани и Западной Сибири ощутимо уменьшила бы долю импорта.

Итак, на наш взгляд, перспективный выбор для Оренбуржья был бы сделан в пользу его аграрного развития. Доля сельского населения области тогда составляла 45% (для сравнения: в соседней индустриальной Челябинской области – 21%). Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов вероятность неожиданных волевых решений центра – когда, образно говоря, в голой степи, возводились индустриальные гиганты. Есть определенные факты в пользу того, что местные власти видели будущее области именно сельскохозяйственным. Так, строительство газозавода началось не на самом промысле, что было бы логично и экономически выгоднее, а в стороне - на 30-35 км., за Уралом. Причина заключалась в позиции руководства области, не желавшего отводить под объекты комплекса большие участки сельхозугодий.

Сельское хозяйство Оренбуржья и так испытало на себе все последующие перипетии развития: регулярные неурожаи каждые четыре года, трудности с техникой и т.п. в советскую эпоху, упадок и разорение перестроечного и пост-перестроечного периодов. И в нашем, альтернативном варианте, все это, к сожалению, имело бы место.

Только в этом случае, областной бюджет вытягивался бы именно за счет села – и, следовательно, был бы достаточно мал и слаб. Большой размах строительных работ на осваиваемом месторождении потребовал развертывания мощной строительной базы и предприятий, производящих строительные материалы. Потому возросла мощность предприятий промышленности строительных материалов Оренбургской области – каменных и песчаных карьеров, домостроительных комбинатов, гипсовых, силикатных и кирпичных заводов. В иной ситуации все эти предприятия вряд ли бы своевременно профинансированы, а в дальнейшем вряд ли приносили ощутимые доходы в бюджет. Самые большие средства в него, разумеется, приносит газодобыча. Исключим такую – потеряем ощутимую часть бюджета.

Освоение месторождения и создание комплекса в буквальном смысле преобразили облик Оренбурга. Начался усиленный приток населения: прибыло до 70 тысяч чел. Для них нужно было жилье, столовые, школы, детские учреждения и прочие объекты соцкультбыта, как тогда говорили. Так, только за девятую пятилетку для строителей и эксплуатационников надлежало построить 350 тыс. кв. метров жилья, школ на 5,9 тыс. мест, учебный комбинат, два профтехучилища, больниц на 400 коек, дом культуры, гостиницу, предприятий общественного питания на 220 мест. В 1969 году горисполкому было поручено выделить объединению «Оренбургнефть» для работников буровых бригад 2,5 тыс. кв. метров жилой площади с возмещением их в 1970 г. С этого года началось строительство силами газовиков: за один год только в Оренбурге для объединения «Оренбургнефть» планировалось возвести жилые дома общей площадью 20 тыс. метров. Строили достаточно быстро: так, в поселке Холодные Ключи за год были возведены пять столовых, четыре магазина, два клуба, две школы, поликлиника и учебный комбинат.

Первоначально была идея создания своеобразного «города газовиков» в Пугачах, однако областные власти приняли решение обновить весь город. 2 августа 1974 года Госкомитет Совета Министров по делам строительства утвердил задание на проектирование объектов жилищно-гражданского строительства, инженерных коммуникаций и благоустройство Оренбурга. Уместно подчеркнуть: на протяжении достаточно длительного времени город практически не менялся. В довоенное время новостройки его можно было пересчитать по пальцам. Затем пошли знаменитые хрущевские пятиэтажки. А все остальное – частный сектор, в котором пятиэтажки стояли, как островки в море. Даже заасфальтированы были улицы преимущественно в этих районах. В принципе все, кто оценивал архитектурное развитие Оренбурга, единодушны: теперь произошло как бы второе рождение города: пожалуй, тому самый яркий пример – улица Чкалова, ставшая сегодня визитной карточкой города, ее высотки. А прибавьте сюда новые микрорайоны – Степной, Южный, Карачи... Всего за 35 лет общество «Оренбурггазпром» построило 17 748 800 кв. метров жилья – или, говоря более образно, каждый третий квадратный метр в городе. А если приплюсовать сюда объекты соцкультбыта: десятки яслей и садов, школы, медсанчасть, профилакторий «Озон», дворец культуры и спорта «Дружба» (ныне «Газовик»), пионерский лагерь – то следует признать, пол-Оренбурга выстроено на «газовые» деньги. Все это, в свою очередь, означает, что не будь газа, не было бы и современного города. И выглядел бы он тогда точно также, как некоторые областные центры аграрных областей европейской России – со значительной долей частного сектора, доминирующими даже в центре постройками начала XX в., и отдельными – сталинской поры (как Тамбов или Орел). Понятно, что мы имеем в виду их архитектуру советской поры, а не современное состояние.